Б21 1/21
т. 2.

Порван корешок!
18.11.08

СИБИРЬ
И
КАТОРГА

С. Максимова.

Госуд. публичная
историческая
въ трехъ частяхъ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВИНОВАТЫЕ И ОБВИНЕННЫЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, НА УГЛ. НЕВСК. И ВЛАД. ПР., Д. № 45—1
1871.

Гооуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
403987-37
№ 403987
21 VIII 1937

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВИНОВАТЫЕ И ОБВИНЕННЫЕ.

Злодѣи. Убійцы. Самоубійцы. Бродяги и бѣглые. Воры и мошенники. Грабители и разбойники. Поджигатели. Преступники противъ казны. Преступленія противъ семейныхъ правъ.

ГЛАВА I.

ЗЛОДѢИ.

Зловная сила судьбы и слѣпая народная вѣра въ нее. — Знаменитый Кореневъ — прототипъ злодѣевъ. — Его похожденія и злодѣйства; разбойная сторонка; нищая братія; Верзило; артель слѣпцовъ-нищихъ; варнаки; каторга; Кореневъ — сезонный герой; палачи; проблески совѣсти въ злодѣѣ. — Забайкальская знаменитость: разбойникъ и пѣсенникъ Горкинъ и его превращеніе. — Нашъ знакомецъ Дубровинъ. Понятіе варнаковъ о чести. — Ссыльные убійцы. — Злодѣи изъ еврейскаго племени: Горбунъ и Хаимъ Вульевъ. — Злодѣй Филипповъ. — Минусинскій злодѣй. — Разбойники сибирскіе. — Судьба убійцъ въ Сибири.

Русская народная пословица говоритъ: «отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся». Этой пословицей вѣковая народная практическая наблюдательность съумѣла объяснить въ своей жизни существованіе двухъ сильныхъ враговъ. Оба признаны ею неодолимыми; оба, въ народномъ представленіи, являются тѣми могучими силами, борьба съ которыми — внѣ человѣческой возможности и всегда неизбѣжно кончается побѣдою на противной сторонѣ. Одинъ врагъ, и именно тотъ, который умѣетъ надѣвать на людскія плечи суму и зовется голодомъ, успѣлъ достаточно ясно заявить себя не только въ предшествовавшіе вѣка народной жизни, но и въ наши времена съ тѣми же самыми подробностями, какія занесены въ древнія лѣтописи. Другаго врага, также наталкивающаго на несчастія, и также запирающаго въ тюрьмы, народъ не успѣлъ распознать въ лицо и дать ему опредѣленное и характерное имя: видитъ онъ въ немъ какого-то злаго духа, котораго называетъ и судьбою, и несчастіемъ: судьбою — отъ

которой не уйдешь и не отчураешься, несчастіемъ—котораго не обойдешь и не объѣдешь (даже и на кривыхъ оглобляхъ — по мѣткому выраженію одной изъ пословицъ). Эта безнадежность, это отчаяніе неувѣренности въ собственныя силы, какъ существа разумнаго и независимаго, до такой степени окрѣпли въ народномъ сознаніи, что самая форма уклоненія испорченной воли въ преступленіе признается и зовется несчастіемъ, приписывается вліянію злобной силы судьбы. Вездѣ они, оба вида всеувлекающихъ и губительныхъ силъ, являются впереди, и прежде всѣхъ другихъ причинъ, порождающихъ тотъ или другой видъ преступленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, исканіе иныхъ причинъ преступленій увело народъ въ противорѣчія и увлекло въ среду понятій еще болѣе неопредѣленныхъ, какова, между прочимъ, сила вліянія на волю человѣка наслѣдственности («благословляетъ отецъ дѣтокъ до чужихъ клѣтокъ» и проч.). Въ другихъ случаяхъ, это исканіе причинъ, повидимому, останавливается вблизи настоящихъ основъ: каково, между прочимъ, вліяніе посторонней порчи, участіе соблазна («не родится воръ, а умираетъ»), и проч. Иногда отыскивается новое противорѣчіе, но несомнѣнно выясняется болѣе вѣрная и близкая причина («нужда лиха и голодъ не тётка, а голодный и архіерей украдетъ»). Въ общемъ же итогѣ преступленіе — несчастіе, преступникъ — несчастный: вотъ конечный выводъ, какой сдѣлалъ народъ нашъ по личной практикѣ и дозналъ изъ собственныхъ наблюденій. Воры не родомъ ведутся, а кого чортъ свяжетъ: отъ бѣды и отъ грѣха не уйдешь, ихъ и на конѣ не объѣдешь. А потому: что на словахъ, то и на дѣлѣ: преслѣдуемый закономъ находитъ пріютъ; къ совершившимъ преступленіе — столько долготерпѣнія, сколько позволяетъ крайная степень возможности, и пока не принуждаютъ требованія и указанія начальствъ; бѣжавшій отъ наказанія съ каторги получаетъ готовный притонъ и готовую хлѣбъ-соль, и совершенно свободенъ отъ всякихъ преслѣдованій. По тѣмъ же причинамъ и палачъ, на пути слѣдованія къ мѣсту казни, попавшій на базаръ, съ каждаго воза непремѣнно возьметъ грошъ, на дешовое приглашеніе свое: «давайте кàту плàту», и потому же, наконецъ, одни изъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ, каковы разбойники, облечены въ народныхъ пѣсняхъ въ симпатичныя формы и

воспроизведены въ образъ удалыхъ-добрыхъ молодцовъ. А сколько разъ арестующимъ, по поимкѣ преступника (впервые натолкнувшагося на злодѣяніе), доводилось слышать во время прощанья его со своими, посреди горькихъ слёзъ разлуки, такое утѣшеніе (сорвавшееся непосредственно съ самаго сердца): «батюшко нашъ царь проститъ насъ, слѣпыхъ людей — и помилуетъ.

Намѣреваясь познакомить читателей съ нашими наблюденіями надъ преступленіями, ведущими въ ссылку, и преступниками, колонизующими Сибирь, мы въ теченіе работы нашей будемъ имѣть случай не одинъ десятокъ разъ объяснять то, на сколько народная «судьба» осуществима въ прирожденныхъ физіологическихъ и физическихъ свойствахъ природы человѣка, и на сколько то, что народъ признаетъ и называетъ «несчастіемъ», есть не что иное, какъ политическія и экономическія условія нашего народнаго быта и нашей родины. Вникая въ тѣ и другія, по вызову и указаніямъ различнаго сорта людей и разнаго рода преступленій, обязавшихъ насъ изученіемъ того и другаго во время знакомства съ Сибирью, — мы въ настоящемъ случаѣ поставлены лицомъ къ лицу съ однимъ изъ тѣхъ героевъ каторги, надъ которымъ въ особенности подшутила эта же самая «судьба», а около настоящей судьбы этого человѣка въ такомъ множествѣ скопились всякаго рода «несчастія». Герой этотъ служитъ прототипомъ всѣмъ подобнаго рода несчастнымъ или собственно ссыльнымъ людямъ. Въ немъ счастливо сочетались всѣ тѣ подлинныя несчастія жизни, которыя въ одно и то же время успѣли сдѣлать его и закоснѣлымъ злодѣемъ, и любимымъ идеаломъ, возлюбленнымъ образцомъ для всѣхъ современныхъ ему и послѣдовавшихъ за нимъ сибирскихъ ссыльныхъ. Дѣла его громки по Сибири; разсказами объ немъ живутъ каторжныя тюрьмы; память его — съ похвалами, даже и въ тѣ времена, когда онъ сошолъ въ могилу. Имя ему — Кореневъ. По роду занятій и образу жизни онъ принадлежалъ къ тому многочисленному сословію сибирскаго населенія, къ тому классу людей свободнаго званія, которыхъ сибирскіе старожилы называютъ и варнаками и чалдонами, и которые самихъ себя признаютъ и называютъ бродягами. Кореневъ, однако, представляетъ такой типъ, въ которомъ всѣ свойства сибирскихъ бродягъ совмѣстились

въ достаточной полнотѣ и своеобразныя краски бродяжьяго ремесла на немъ слились такъ густо и въ такомъ избыткѣ, что мѣстами перелились даже черезъ край. Изъ бродяги—непосѣдливаго и неугомоннаго искателя воли и доли, надежнѣе обезпечивающихъ жизнь, чѣмъ неволя и бездолье каторжныя, и уже не по своей винѣ превращающагося вмѣсто того въ небезопаснаго искателя приключеній, — изъ бродяги, еще отчасти симпатичнаго и во всякомъ случаѣ исправимаго типа,— въ Кореневѣ выразился настоящій варнакъ: подлинный злодѣй и убійца. Характеръ его представляетъ ту особенность, что весь онъ сложился подъ вліяніемъ тюремныхъ обычаевъ и каторжныхъ порядковъ; онъ — воспитанникъ Сибири, и цѣликомъ принадлежитъ ей; онъ—сибирякъ даже по мѣсту рожденія въ одной изъ сосѣднихъ къ Сибири губерній (Пермской), которую до сихъ поръ великорусскій народъ признаетъ и называетъ Сибирью (не по новымъ грамотамъ, но по старымъ памятямъ, до сихъ поръ неутратившимъ своего правдиваго смысла и значенія).

Вотъ какую игру затѣяла съ нимъ «судьба», какіе давала ему ходы и, ни разу не сдѣлавъ уступки, на всякую карту требовала рискованныхъ отвѣтовъ и смѣлыхъ выходовъ, потому что ставка была отчаянная, въ банкъ поставилъ Кореневъ свое человѣческое право: жизнь и свободу.

Бытіе свое Кореневъ получилъ въ маленькомъ, наибѣднѣйшемъ уѣздномъ городишкѣ, обыватели котораго влачили свое утлое, житейское, плохо-сколоченное суденко, между многими опасными подводными рифами: одни крали и давили крестьянскихъ кошекъ и собакъ и ободранныя шкуры перепродавали на кожевенные заводы богатаго сибирскаго города Тюмени; другіе воровали и перекрашивали крестьянскихъ лошадей и сбывали ихъ въ другую сторону на темныхъ людей по коннымъ торжкамъ и на конной ярмаркѣ бѣднаго вятскаго городка Котельнича. Къ такимъ же занятіямъ пріучали они и дѣтей, тѣхъ ребятишекъ, въ общество которыхъ поступилъ Кореневъ—сынъ уѣзднаго чиновника. Конечно, ни кошкодавомъ, ни конокрадомъ, по званію отца своего, ему стать не приводилось. Узнать эти порядки онъ могъ по праву товарищества, но судьба, помимо его собственной воли, могла натоптать ему только ту дорогу, которую

проторила она для отца его. Кореневъ непремѣнно сдѣлался бы приказнымъ, и если при рожденіи получилъ онъ — по Галлю, головной мозгъ, съ болѣе развитыми передними частями и — по Штурцгейму, пріобрѣлъ бугорокъ «пріобрѣтенія богатствъ» увеличеннымъ насчотъ другихъ, и въ то же время снабженнымъ также развитымъ бугоркомъ-вмѣстилищемъ «преступныхъ желаній и стремленій»,—будущность его не заволокалась бы туманомъ неизвѣстности. Кореневъ, въ незавидномъ званіи уѣзднаго подъячаго, могъ сдѣлаться преступникомъ, а пожалуй, и ссыльнымъ субъектомъ на три стати: неизбѣжно болѣлъ бы онъ мздоимствомъ — этою, крайне-застарѣлою и спорадически-распространенною болѣзнію. Но за этотъ первородный грѣхъ служилаго сословія ссылаютъ въ Сибирь мало и неохотно (около 5—6 человѣкъ въ годъ; 48 человѣкъ въ десять лѣтъ (съ 1838 до 1847). Грѣшилъ бы онъ «подлогами по службѣ», но и за этотъ грѣхъ имѣлъ бы за собою самую ничтожную степень вѣроятія угодить въ ссылку (въ тѣ же десять лѣтъ за такіе грѣхи сосланъ въ Сибирь одинъ только подобный мастеръ изъ чиновнаго люда). Затѣмъ Кореневу, въ званіи и при обязанностяхъ чиновника, оставался достаточный просторъ развить въ себѣ наклонности къ служебнымъ преступленіямъ и слѣдомъ за другими ссыльными подъячими уйдти въ Сибирь за кляузничество или за поддѣлку документовъ. На прегрѣшенія послѣдняго рода онъ обладалъ замѣчательнымъ количествомъ способностей, выяснившихся въ ссылкѣ мастерствомъ его приготовлять фальшивыя ассигнаціи и монеты, и вѣроятнѣе обезпечивался правомъ на ссылку, именно за этотъ родъ преступныхъ дѣяній по поддѣлкамъ, какъ такихъ, за которыя преимущественно ссылаются въ Сибирь русскіе чиновники. Но, какъ мы сказали, судьба для азартной игры съ Кореневымъ не такъ стасовала карты и употребила не обычные рутинные пріемы.

— Разъ я игралъ въ лапту съ ребятами на улицѣ (разсказывалъ самъ Кореневъ тюремнымъ товарищамъ и всѣмъ желавшимъ слушать его). Ребята не поладили: стали считаться кулаками. Одинъ, посердитѣй другихъ—Глыздой мы его за то звали—со мной снялся. Досадилъ онъ мнѣ крѣпко. Я ему: «отстань, отвяжись», а онъ пуще ко мнѣ. Не въ терпёжъ мнѣ это стало: взялъ я, да лаптой его и свиснулъ. Скользнула лапта съ шапки на високъ — онъ такъ и сѣлъ, словно

спопъ, и захрапѣлъ, ка-быть пьяной. Ребятишки всѣ — въ брызги: кто куда. Я—надъ нимъ, да и вздумалъ: сгребъ въ охапку, стащилъ въ закоулокъ, сложилъ между бревнами; а самъ и бѣжалъ: не домой, а въ лѣсъ. Дома: отецъ сердитый—пьяной, со своей лантой сидѣлъ и со мной безпремѣнно то же бы самое сдѣлалъ. А про лѣсъ мы и въ сказкахъ слыхали все такое хорошее. Сказывали хорошее про лѣса наши и мѣщанскіе ребятишки: не гинетъ-де въ нашихъ пермскихъ лѣсахъ душа человѣчья, а кишатъ эти лѣса, что́ мошкой, всякимъ сбродныимъ, вольнымъ и гулящимъ людомъ. Тамъ-де очень хорошо. Вотъ съ чего я свою жизнь почалъ. Грамотѣ меня батько успѣлъ выучить въ уѣздномъ училищѣ: стало-быть, въ лѣсъ я грамотнымъ пошолъ. Ходилъ я въ лѣсу, неученымъ, не долго: послѣ приловчился такъ, что живалъ въ лѣсахъ по цѣлымъ годамъ. Въ лѣсу ягодами питался, да опѣ-то меня и прояли: вышелъ я на поляну хлѣбушка поискать, пошолъ къ деревушкѣ. Изъ молодыхъ, да ранній, въ деревню иду — потрухиваю: не зазнали бы меня за сбѣглаго. Спасибо, баба какая-то выручила: «ты, говоритъ, паренекъ, не коня ли своего ищешь?» — Коня, молъ, ищу. — «Такъ у насъ, слышь, не такія мѣста, чтобы краденыхъ лошадей находить: не ты первой ищешь». Зазвала меня въ избу, не стала разспрашивать, стала сама разсказывать:

— У насъ подзаводской народъ такой злой, такой злой: попадетъ къ нимъ чужая лошадь — за ночь одну перекрасятъ такъ, что самъ хозяинъ съ какой стороны ни зайдетъ—не признаетъ живота своего. Развели баловство такое, что удержу нѣтъ никакого. Становымъ, слышь, ста по два рублей на годъ кладутъ.

Вынула изъ печки горшки, стала кормить меня, а языкомъ болтаетъ безъ удержу. Слышу, разсказываетъ:

— Жить стало не можно: разбойства завелись. Въ Суксунскихъ заводахъ мастеровой пропалъ. Жена плачетъ и ночи не спитъ. Разъ въ самую полночь, на первыхъ пѣтухахъ, стучатся къ ней въ окно. Она прислушалась: кто-то тамъ помолитвовался и закричалъ: «ищите-де Алексѣя Воробьева на заводскомъ пруду въ прорубяхъ, около огорода Михайла Козлова». Сыновья бросились на дворъ, а темень такая, хоть глазъ коли: никого не нашли. Пошли на прудъ, нашли

мертвое тѣло — онъ самой. Капотъ былъ на немъ чернаго, слышь, сукна; снятъ капотъ съ рукъ; имъ обверчена голова и завязана на шеѣ лычной веревкой, въ палецъ толщиной. Руки по кистямъ тоже веревкой связаны. Синяки на спинѣ и на бокахъ...

«Она сказываетъ, а я ужь смекнулъ, что мѣста тутъ и впрямъ такія, что уходить мнѣ надо. Пока я кашу съѣлъ, баба ужь мнѣ и еще разсказала, что тамъ убили, да спрятались, тутъ ограбили середь бѣлаго дня и опять никого не нашли. По сибирскому большому тракту деревни горятъ: поджигаютъ. Значитъ, во всѣхъ дѣлахъ этихъ всякій прохожій виноватъ. Сдумалъ я и домой вернуться, во всемъ спокаяться. Въ ту сторону я и лыжи наладилъ. Село большое высыпалось на дорогѣ; на погостѣ кресты торчатъ и народъ стоитъ кучкой. Дай, погляжу, что́ такое: все старцы, и всѣ слѣпые и у всѣхъ котомочки за плечами, въ рукахъ палки, значитъ: нищая братія. Я спросилъ: «да вотъ, говорятъ, паренекъ у насъ былъ — поводарь нашъ, зачахъ и померъ — хоронимъ теперь». Попробую я къ вамъ пристать, что́ выйдетъ. Да какъ это сдѣлать? Начали они и меня разспрашивать «не тутошный ли?»—«Нѣту». — «Можетъ, съ воли какой?»—«А вамъ что́ за дѣло?» — «Мы-де не соцкіе: въ становую квартиру тебя не везти намъ; къ тому же теперь и безъ ногъ стали, и сдѣлать намъ этого не можно». Я молчу, а они говорятъ таково смирно: «Самые мы теперь несчастные люди, и съ погоста сойдти, пожалуй, дороги не найдемъ, проводилъ бы ты насъ на дорогу». Сдѣлалъ я такъ-то—вывелъ. «Мы, говорятъ, не изъ такихъ, чтобы чужихъ ребятъ воровать въ деревняхъ стали, а кто-де охотой пойдетъ съ нами, тому мы, коли золота ему нужно — и золота дадимъ. Вотъ теперь по заводскимъ праздникамъ пойдемъ на осень—пирогами кормить насъ станутъ, меду надаютъ сотами, виномъ поить будутъ. А какъ-де настанетъ зима, то въ Ирбитѣ ярмарка такая, что больше ея другой и на свѣтѣ нѣту, тогда пойдутъ къ намъ деньги, а съ деньгами по здѣшнымъ мѣстамъ отца роднаго можно купить и ото всякихъ бѣдъ откупиться». Пуще всѣхъ приставалъ ко мнѣ низенькій, горбатенькій старичонко—Матвѣемъ звали. Я шолъ съ ними, и гдѣ лужа, гдѣ мостъ — предостерегаю, сказываю. Иду и слушаю: «Кто-де бы пошолъ съ нами, того бы человѣка мы харчомъ доволь-

ствовали и давали бы по рублю деньгами на четыре недѣли. Послѣ Ирбита по пяти давать станемъ. Если-де кто и съ волчьимъ паспортомъ ходитъ, мы и того можемъ оправить: есть у насъ на всякую руку и бумаги такія». Думать тутъ мнѣ было нечего, я такъ и не отставалъ ужь отъ нихъ, сталъ я поводаремъ нищей братіи.

«На отдыхѣ въ кустахъ слажено было мое дѣло такъ: парнишку-де похоронили, а паспортъ его на рукахъ остался, будто онъ и не помиралъ. Тутъ меня во второй разъ крестили, дали другое имя и велѣли сказываться Григорьемъ Семеновымъ, а былъ я Иванъ Петровъ Кореневъ.

«Ходилъ я съ нищей братіей долго и всякихъ дивъ видывалъ много. Больше доводилось смѣху видать, а кое-когда и кое-какія горя перепадали. Какъ собрали денегъ, такъ и пить, и плясать, а напились—ссориться да кориться. Этакого злющаго народа я и на каторгѣ мало видывалъ. Ходили они промежъ себя такъ-то: кто больше стиховъ зналъ и пѣньемъ заводилъ, что̀ всякое слово знать было—всѣхъ больше тотъ денегъ мѣдныхъ отгребалъ себѣ. У одного къ тому же горло широкое было, что у бурлака на Чусовой,—тотъ всѣхъ богаче былъ. Безпамятнаго старичонку Матвѣя всегда обижали: у него и голосъ куриный и человѣкъ онъ самый злющій. Какъ дуванъ дуванить и его одѣлять, такъ онъ и драться: «я-де нонече шибче всѣхъ васъ пѣлъ, и меня-де сегодня купецъ приласкалъ; въ мою чашку больше денегъ наклали!» Задираетъ ихъ, значитъ. Артель у нихъ была, артелью они звались. Дуванъ въ лѣсу дѣлали, а въ кабакѣ размѣнивали: подгоняли только это дѣло всегда къ ночи. Въ кабакахъ это знали, а я не зналъ, да какъ-то послѣ такой-то, первой, дѣлежки усѣлись они на базарѣ — меня такой смѣхъ пробралъ, что чуть всю грудь не разломило. Сѣла моя нищая братья какъ на иконахъ святыхъ пишутъ: слѣпенькіе да хворенькіе, всякъ ихъ обидитъ. Вы ли, молъ, это, братцы, что вчера въ кабакѣ-то были? Святѣе всѣхъ старецъ Иванъ—Верзиломъ дразнили: выше всѣхъ онъ былъ и зрячій. Какъ на базаръ выходить, такъ ему и надо какое-никакое темное мѣсто. Тамъ онъ сядетъ, подхватитъ подъ себя правую ногу, подниметъ лѣвой рукой съ глазу кожицу да по красному мѣсту и начнетъ стрекать иглой. Ему и сведетъ оба глаза: слѣпѣе всѣхъ кажетъ. Къ вечеру, когда

плясать, либо деньги считать надо — отпускало: онъ опять видѣлъ. А былъ онъ за то и старостой артельнымъ и плутомъ большимъ. Какъ старцы ни щупаютъ руками деньги (а щупанье у нихъ какъ бы глазъ здоровый), какъ ни ощупываютъ, а у старосты всегда денегъ больше. Ласкалъ онъ меня пуще всѣхъ. Былъ онъ для меня изступой, когда другіе старцы за что-нибудь вскидывались щипать, а не то и драться. Въ первый разъ били меня за то, что на базарѣ смѣялся; бивали и еще не одинъ разъ. За тычками и пинками я не гонялся: въ этомъ промыслѣ привычку къ тому возъимѣлъ. За большую драку разъ припугнулъ однако: «убѣгу-де», — такъ за эту угрозу кинулись на меня всѣ до одного: «этимъ, молъ, насъ не пужай, а вонъ въ мошнѣ у Верзилы нашихъ денегъ съ полсотни будетъ: всѣ за тебя отдадимъ становому, чтобы выпоролъ». Я испугался.

«Не отставалъ я отъ старцевъ до самой Ирбити. Прибрело туда нищей братіи артелей шесть. Сшиблись такъ, что либо всѣмъ въ одну слаживаться, либо которые уходи вонъ: всѣмъ будетъ тѣсно. Одну артель такъ и выдавили: ушла. Наша на волоску висѣла, потому сильнѣе насъ деньгами была одна ближная, тутошная, сибирская. Пришла она раньше, дала больше; стала ярмаркой заправлять на манеръ старосты. Нашъ Верзила сладился съ ней на ведрѣ вина и чтобы пѣть не вмѣстѣ и сидѣть дальше: имъ обѣдни, намъ заутрени очищать. Къ вечернямъ третьихъ и четвертыхъ припускали; пятая на сибирскомъ выѣздѣ пѣла. Мы въ самой-то гущѣ и усѣлись представленія наши дѣлать. Однако выпѣли мы негусто: старцы считали ста на три, а и одного ста не вышло. Собирались назадъ такіе сердитые, а къ тому одного нашего за то, что въ кабакѣ раму высадилъ — въ кучумкѣ держали. Надо было его выкупать. Шли мои старцы назадъ, что мухи къ осени, закусались очень больно. Я изъ синяковъ не выхожу и бока спрыщевали: гдѣ кольнетъ, а гдѣ и заностъ. Къ тому же и надоѣли эти злющіе люди, не лучше злыхъ собакъ. Все грызутъ да ворчатъ, а денегъ дали мнѣ немного, да и дали какія, такъ и тѣ съ покоромъ да со рванью. Чортъ ли, молъ, мнѣ за эти корысти въ ваши слѣпыя очи глядѣть: и глаза-то мнѣ ихніе въ годъ отъ надоѣли пуще горькой рѣдьки. Взгляну въ нихъ — тошнитъ. Думалъ я объ этомъ разъ цѣлую ночь на пролетъ, поутру всталъ та-

кимъ, словно оправдали меня и всякую мнѣ вину начальство отпустило. Идти надо было въ село на базаръ, а ужь весна, и мы подъ Шадринскомъ. Они прирядились въ полный парядъ: Верзила и глаза свои накололъ, сталъ словно слѣпой отъ рожденія. Уговоръ такой былъ у насъ: коли вскричу: «вода» — всѣмъ раздѣваться, значитъ— вбродъ идти. Привелъ я ихъ къ забору: крапивищи тутъ — лѣсъ непролазной. Ухватился передній за подогъ, а остальные другъ за дружку, что гуси: вбродъ идти приспособились. Я ихъ, вмѣсто рѣки, завелъ въ эту самую крапиву жечься, а самъ палку изъ руки выпустилъ и убѣжалъ. На этомъ я съ ними и покончилъ. И что плохо лежитъ — прибирать и куръ воровать: они меня, святые старцы, выучили. Науку эту я съ ними прошолъ. Послѣ нихъ мнѣ и въ бѣгахъ стало жить легче: бояться сталъ я меньше, и невдогадь мнѣ въ томъ сомнѣваться. Когда жилъ я со слѣпыми и ихъ дѣломъ правилъ, все казалось, что самъ ослѣпну, а кинулъ ихъ да одумался — непремѣнно прозрѣлъ я такъ, что вверхъ ногами ничего ужь съ той поры не видалъ. Теперь пойду, молъ, по вѣтру, куда вѣтеръ тянетъ: все равно. Все равно оно потому, что я къ шатанью-то этому попривыкъ такъ, что и оно мнѣ работой казалось. Съ нищей братьей только ни за что таскаться не стану: развѣ, когда отдохну.

«Думалъ я такъ и дѣлалъ эдакъ — не долго. Разъ какъ-то на опушкѣ лѣсной мнѣ новая находка. Лежатъ пятеро молодцовъ чудныхъ какихъ-то: у всѣхъ бороды не то подстрижены, не то рости послѣ бритья въ одно время начали, а волоса у всѣхъ какъ у новоставленыхъ поповъ бываютъ. У двухъ и рожи пятнаныя. Такихъ я не видывалъ, а такимъ потомъ и самъ сталъ. И вотъ какъ это дѣло случилось. Подошолъ я къ нимъ — сгребли меня сзади, связали конскими путами; на землю кинули, а за что, про что — не сказываютъ. Я оробѣлъ и струсилъ: да на этотъ разъ — въ послѣдній разъ. Съ ихъ тяжолой руки я ужь никого не робѣлъ. Спутали меня такъ-то крѣпко, что хоть кричать. Стали разговаривать: «наломайте вѣниковъ, станемъ палить его, все скажетъ». Сказалъ я имъ и безъ вѣниковъ: повѣрили. Повелъ ихъ знакомой дорогой — полюбили. Я не отставалъ — они пуще ластились. Дѣлалъ я съ ними путь въ обратную, надо быть, дней десять, до того самого утра, какъ мы наткнулись

на облаву. Не то звѣря травятъ, не то бѣглыхъ ловятъ: народу много, кто на лошадяхъ съ веревками, кто пѣшкомъ — съ ружьями. «Стой — кричатъ намъ: это вы у насъ бабу съ ребятами задушили и избу подожгли?» Бабу задушила и избу сожгла не наша партія, а видно нашъ отвѣтъ: мужики такъ и сказываютъ. Дѣло понятное: разбирать не станутъ, а станутъ бить: по кулакамъ и по палкамъ это видно. Тутъ либо сквозъ землю уходи, либо полѣзай на стѣну. Земля каменная, а люди жильные; мы и кинулись на людей. Плоха та бродяжья партія, гдѣ хоть одного ружья нѣтъ, а палки всегда при себѣ. Стали мы отбиваться. У кого ружье было, тотъ выстрѣлилъ. Выбьютъ изъ рукъ твою палку, вырвешь и бьешь тѣми, что мужики принесли съ собой. Однако, не отбились. Посадили насъ въ клѣть и спать никакъ не можно: всего ломитъ. Веревками такъ закрутили, что словно боялись, чтобы мы не расклеились. Мы въ клѣти лежимъ, а они галдятъ. Погалдятъ да въ стѣну палкой постукаютъ: сторожимъ, молъ, васъ. Поутру стали своимъ міромъ разбирать: кто чего заслужилъ. Сказали намъ, что кто-де съ ружьемъ былъ, тотъ парня убилъ. Пріѣхалъ засѣдатель, взялъ насъ. Квартиру намъ перемѣнили. Стали мы въ городѣ жить на казенной квартирѣ. Занятіе легкое и работа немудреная: все больше спали. Когда винца выпьешь, когда въ карты сыграешь. Разъ за что-то выпороли. Скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается, а разсказывали-то намъ сказку про бѣлаго быка: сказка эта длинная. Однако кончили. Меня за убійство на каторгу рѣшили. Подводили мнѣ дѣло къ кнуту: я такъ и занылъ. Когда еще съ нищей братьей таскался, видѣлъ я это въ селѣ на базарѣ такъ, что какъ будто съ самого лыки драли. Затосковалъ я. Тоску мою арестанты переняли. Сталъ я имъ всю свою подноготную разсказывать — они такъ и захохотали. «Кому — говорятъ — бѣжать отъ этого хорошо, а тебѣ и того дѣлать не надо. Скажешься тѣмъ, что ты и впрямъ есть, — кнута по закону минуешь». Приходилъ прокуроръ, — я ему и объявился чиновничьимъ сыномъ. Навели справки: такъ точно. Объявилъ мнѣ это самое прокуроръ, да и обругалъ при томъ. Котораго я зашибъ на родинѣ товарища, тотъ отошолъ, живетъ-де теперь, и надо быть слѣпыхъ лошадей крадетъ.

Не ожилъ только послѣдній убитый; за него меня кнутомъ не били, а погнали на каторгу несвящонымъ.

«Попалъ я на Кару — на каторгу настоящую. Тамъ, нашего брата, и на работу иначе не зовутъ: «эй-де вы, кони!... подавайте коней!... берите кони сбрую!... впрягайте коней въ работу!...» Сталъ я думать: воля, молъ, лучше боли, а спина стала казенная: каждый день зуботычина; розогъ меньше трехсотъ не даютъ. Уходятъ въ бѣга — товарищи хвастаютъ: въ бѣгахъ-де царство небесное. А ужь если и попадешься: за всѣ семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Тоска такая подступила, что всѣ стали казаться чертями и злѣе всѣхъ черти-начальники. Вспоминалъ я слѣпыхъ своихъ такъ и эдакъ: одно и то же. Бѣжалъ я оттуда. Лѣсъ да степи да своя воля; страхи кругомъ; облавы про тебя, что про звѣря, все въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не ждешь — не чаешь. Сталъ понимать себя выше всѣхъ: давно бы мнѣ такъ-то. Всякій о тебѣ заботится, всякому до тебя дѣло: словно ты и великъ человѣкъ. Кое-гдѣ знаютъ ужь: Кореневъ-де. Соблазнила жизнь такая! Пуще всего то тебя занимаетъ, что вотъ хлопушку наставили, пасти налаживали, человѣкъ сто у этого дѣла стояло и умомъ ворочало, а ты взялъ да и обошолъ, — только слѣдъ оставилъ: мѣсто тепленькое и траву примялъ, а самъ сквозъ землю ушолъ. Смѣшно даже. Меня ни разу не словили. Поймали меня когда сталъ ходить не одинъ: съ товарищами связался, а промежъ нихъ, что ни трусъ, то ротозѣй; сейчасъ подведутъ и скажешься дома. Разъ сгребли, другой разъ сгребли; однова съ бабой чортъ меня веревочкой связалъ: эта свой подолъ защемила и меня уволокла. Дальше тюрьмы не сажали, да ужь ни одна тюрьма въ тѣ времена меня не держала, что проклятого человѣка могила. Сталъ занимать меня не побѣгъ самой: мудрено ли бѣжать?—Оглядишься, прислушаешься— сейчасъ слабое мѣсто засвиститъ: въ прорѣху-то эту и выскочишь. Надо бѣжать такъ, чтобы товарищи не знали, и чтобы за штуку твою тебя похвалили: удивлялись бы тебѣ. Объ этомъ надо было думать; мудренѣй это было: однако доводилось. Такъ-то я разъ до пяти бѣгалъ».

— Пущай мнѣ печонку отобьютъ совсѣмъ, — я опять побѣгу, пущай мнѣ ноги изломаютъ—я на рукахъ побѣгу. Лѣсъ по мнѣ сто-

нать станетъ; пташки не запоютъ. Кореневу быть на волѣ! — увѣрялъ онъ, сидя на стѣнной цѣпи, прикованнымъ навсегда, въ секретномъ нумерѣ тобольскаго острога.

Сюда попалъ онъ послѣ всѣхъ житейскихъ превратностей на каторгѣ, пойманный на убійствѣ въ Тобольской губерніи. Содержался онъ въ губернскомъ острогѣ сначала какъ подсудимый. Здѣсь запутывалъ слѣдствія, посылалъ въ разныя дальнія мѣста за справками съ указаніемъ на различныя, совершонныя имъ и вымышленныя преступленія. Прежде чѣмъ уголовный судъ успѣлъ выяснить для себя всю запутанную совокупность злодѣяній его и, между прочимъ, убѣдиться въ совершонныхъ имъ убійствахъ, его посадили на цѣпь, и записали въ разрядъ «заключонныхъ навсегда». Въ 1850 году онъ былъ одинъ изъ 13-ти, прикованныхъ къ стѣнѣ на цѣпь, и, по случайному значенію цифры, на самомъ дѣлѣ не смѣшивался, но выдавался изъ остальной цѣпной дюжины. На него ходили смотрѣть, какъ на дикаго звѣря: слава о его злодѣйствахъ наполняла Тобольскъ. Онъ былъ долгое время сезоннымъ героемъ: во всѣхъ классахъ общества говорили объ немъ. Мнѣнія были различны, взгляды расходились.

Начальство смотрѣло на Кореневa, какъ на чудовище, на феноменъ изъ ряду-вонъ, на злодѣя, которому хороша одна только петля и на крайній случай—ружейныя пули. Глубоко убѣжденное еженедѣльно примѣняемыми опытами законныхъ тѣлесныхъ наказаній въ томъ, что настоящіе преступники отъ частаго примѣненія плетей и розогъ стали привычны къ нимъ до отупѣлости, начальство знало также и то, что въ рѣдкихъ случаяхъ наказуемые и истязуемые обнаруживаютъ признаки какой-либо робости или боязни. Извѣстно было, что для новичковъ и робкихъ придуманы тюремными общинами различные облегчающіе способы, предусмотрѣть и предотвратить которые не было никакой возможности. Сила товарищескаго участія и состраданія была на столько велика, что выражалась въ многочисленныхъ видахъ, изъ которыхъ одна половина поражала своею неожиданностью и мудренымъ измышленіемъ, другая отзывалась общимъ мѣстомъ. Къ числу послѣднихъ относился извѣстный пріемъ арестантовъ избавить рѣшонаго товарища простымъ способомъ ус-

тройства ему побѣга. При этомъ для общаго любимца замыселъ устраивался и приводился въ исполненіе всѣми членами тюремной общины, вообще хорошо слаженной на законахъ круговой поруки и взаимныхъ, самыхъ сложныхъ одолженій, а также вооруженной опытомъ долговременныхъ приспособленій. Большая часть арестантовъ, «взломавшихъ» тюрьмы и скрывшихся во мракъ лѣсовъ и темноту почей, были тѣ, которымъ выходило скорое рѣшеніе. Въ случаѣ неудачи арестанты прибѣгали къ другому способу, также весьма обыкновенному и вѣрно облегчающему боль истязанія. Способъ этотъ выражается подкупомъ палача. Въ хорошо-организованныхъ тюрьмахъ (какъ напримѣръ въ тобольской, гдѣ число подсудимыхъ ежегодно доходитъ свыше 200 человѣкъ и рѣдко бываетъ меньше 150) палачи пользуются львиною долею изъ купеческихъ праздничныхъ пожертвованій на арестантовъ. Сверхъ того получаютъ они, въ родѣ приватнаго жалованья, нѣкоторую сумму изъ складчины денежной, поголовно собираемой со всѣхъ тюремныхъ сидѣльцевъ. Обыкновенный преступникъ, всегда снабжаемый, на пути къ мѣсту казни, обычною денежною дачею отъ проходящихъ, имѣетъ право отдать ему собственность свою, извѣстную подъ именемъ «рогожки», именно тому палачу, на очередь и подъ руку котораго попалъ онъ. Для любимца острожнаго найдется у товарищей на столько душевнаго участія и сердечнаго состраданія, чтобы сверхъ того сдѣлать въ его пользу новую денежную складчину, обряжаемую въ тюремныхъ стѣнахъ. Поступая такъ, арестанты убѣждены на опытѣ (какъ начальство на многочисленныхъ разсказахъ и несомнѣнныхъ свѣденіяхъ), что чародѣйская сила руки палача получаетъ въ школѣ и на практикѣ извѣстную ловкость. При видимомъ сильномъ взмахѣ ослабляетъ онъ силу удара въ такой мѣрѣ, чтобы пускать кровь только для вида и для защиты собственной спины, и на самомъ дѣлѣ преступникъ испускаетъ неистовые крики для той же цѣли. Разсказовъ о ловкости рукъ палачей такъ много ходитъ по сибирскому міру, народному и чиновному, что вѣроятіе ихъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ по отношенію къ рядовымъ заплечнымъ мастерамъ, изучающимъ искуство на листѣ бумаги, такъ включительно и до того палача, кото-

рый на спинѣ собственнаго сына хвастался искусствомъ и рѣзалъ кнутомъ листъ бумаги, не касаясь тѣла и кожи.

Злодѣянія Кореневa чиновный міръ вращали около мысли измыслить такое наказаніе, которое послужило бы въ страхъ и поученіе всѣмъ сибирскимъ бродягамъ и злодѣямъ, чтобы опытъ надъ нимъ, хотя бы даже и въ формѣ смертной казни, имѣлъ облегчающее значеніе для самого начальства и произвелъ бы устрашающее вліяніе на массы бѣглаго и преступнаго люда. Въ такомъ тонѣ заготовлялись — говорятъ — представленія, и одинъ изъ сильно-ревновавшихъ дѣлу, менѣе другихъ увѣренный въ томъ, что Кореневъ побѣгомъ не избѣгнетъ наказанія, предлагалъ испытать старое средство: надрѣзать ему пятки и насыпать въ раны мелко настриженнаго конскаго волоса. Словомъ — противъ Кореневa были возбуждены сильно. Это время для него было однимъ изъ тѣхъ, когда онъ вызывалъ преимущественную заботливость и вниманіе, каковыхъ лишонъ былъ въ прежнее, болѣе дорогое для него время, и каковыя въ настоящее поразительны были крайнею своею непослѣдовательностію. Не принося никому и никакой пользы, онѣ выгодны были для самаго Кореневa только потому, что самъ онъ ихъ сдѣлалъ таковыми. Кореневъ поспѣшилъ взмоститься на пьедесталъ необыкновеннаго передоваго человѣка, и извлекалъ изъ этого матеріальную пользу, хорошо зная, что деньгами ему воспользоваться удастся, что вмѣсто петли или ямы, ему навѣрное придется нести грѣховное тѣло свое опять-таки на каторгу, по этапамъ. Въ положеніи спекулятора, умѣвшаго воспользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ, Кореневъ оставался во все время содержанія на цѣпи и въ одиночномъ заключеніи. Онъ не вышелъ изъ своей роли даже и при тѣхъ условіяхъ, когда высшее тобольское общество (въ то время увеличенное приливомъ новыхъ людей, присланныхъ на поселеніе и помѣщонныхъ на житье въ самомъ городѣ) было сильно возбуждено чтеніемъ Сведенборга и наэлектризовано мистицизмомъ. Общественное настроеніе, недошедшее только до верченія столовъ, выражалось вѣрою въ кликушъ, покровительствомъ идіотамъ, юродивымъ, вызвало пророковъ. Между юродивыми оказался даже такой, у котораго подъ нависшими на глаза волосами обнаружились потомъ

три хорошо извѣстныя въ сибирской азбукѣ буквы К. А. Т. (каторжный), а подъ засаленной и грязной ряской на спинѣ знаки кнута.

Кореневъ этимъ глубоко убѣжденнымъ мистикамъ, обманутымъ крутыми житейскими неудачами и потрясеннымъ неожиданными и многочисленными ударами судьбы, казался какимъ-то роковымъ порожденіемъ, лицомъ, избраннымъ съ одной стороны для того, чтобы изобразить собою испорченность и негодность человѣческой природы, а съ другой — дать поученіе грѣховному человѣчеству къ собственному его исправленію. Въ испорченной природѣ Коренева чтители Сведенборга видѣли злаго духа и въ изрѣченіяхъ убійцы и бродяги, вызванныхъ непосредственностью его натуры, желали получать и слышать вдохновеніе этого духа лукавства и злобы. Кореневъ, въ силу такихъ увлеченій, сдѣлался предметомъ распросовъ и долговременныхъ бесѣдъ. Къ нему, какъ къ Ивану Яковлевичу въ Москвѣ, какъ къ Θеклушѣ на Бердовомъ заводѣ въ Петербургѣ, ходили тобольскія дамы за совѣтами. Кореневъ ощутилъ перемѣну своего положенія, и въ этомъ новомъ также въ грязь лицомъ не ударилъ. Свою циническую откровенность онъ смѣнилъ на такія признанія, въ которыхъ старался выражать въ себѣ игралище судьбы, и конечно, былъ отчасти справедливъ и въ настоящемъ случаѣ счастливъ только тѣмъ, что получилъ указаніе для выхода на дорогу. Знавшіе его близко сузники замѣчали даже, что въ послѣднее время заточенія въ Тобольскѣ, онъ самъ сталъ колебаться въ истинномъ значеніи своего званія. Онъ сталъ временами толковать о себѣ, какъ о какомъ-то исключеніи изъ человѣческой породы, сталъ вѣрить въ сверхъестественную силу свою; началъ завираться, оправдывать себя. Кончилось все это на концѣ срока его заточенія, за которымъ послѣдовала высылка его на нерчинскіе рудники.

Прежде чѣмъ совершили надъ нимъ такое чародѣйство и сдѣлали въ немъ превращеніе, Кореневъ успѣлъ въ тобольскомъ острогѣ показать себя въ настоящемъ видѣ: съ одной стороны, какъ злодѣя, съ другой — какъ бродяги.

Когда суевѣрныя дамы, съ замираніемъ сердца, дрожащими, прерывистыми голосами спрашивали сидѣвшаго на цѣпи Коренева:

— Не случалось ли тебѣ видать: правда ли это, что изъ раны

убитаго начинала сочиться кровь, когда къ трупу подходилъ самъ убійца?

— Нѣтъ! отвѣтилъ Кореневъ. — И отрубилъ:

— Однажды я нарочно для этого убилъ жида въ Каинскѣ, и черезъ полчаса былъ тутъ, подлѣ. Жиды собрались всѣ. Гвалтъ жиды сдѣлали на цѣлой городъ. Я самъ съ ними по бедрамъ хлопалъ и головой качалъ; давалъ совѣты, какъ ловить убійцу; на убитаго смотрѣлъ какъ на свою ладонь: крови не показалось.

— Можетъ быть оттого (заключилъ Кореневъ съ нѣкоторою усмѣшкою на лицѣ, которую онъ не счолъ даже нужнымъ скрывать):— оттого, можетъ быть, что убитый-то былъ некрещоной.

Въ другой разъ одно духовное лицо, увлечонное общимъ примѣромъ посѣтителей Кореневa и на правахъ члена тюремнаго комитета, возымѣло желаніе вступить съ нимъ въ бесѣду и дать ему кое-какія духовно-нравственныя наставленія. Въ видѣ вступленія, лицо это спрашивало злодѣя:

— Чувствуешь ли ты когда угрызеніе совѣсти?

— Никогда! — грубилъ Кореневъ.

— Столько ты злодѣяній совершилъ, столько ты убійствъ содѣялъ!!...

— Говорятъ, восьмнадцать,—подтвердилъ Кореневъ.

— Неужели у тебя хоть разъ не вострепетало сердце, не дрогнула рука, рука Каинова, проливающая кровь своего брата по Христѣ?

— Мнѣ тогда о родствѣ не доводилось спрашивать.

— А для чего ты столько невинныхъ душъ загубилъ, для какой цѣли?

— Цѣль, я полагаю, у насъ съ вами одна, батюшка. Вѣдь и по писанію всѣ убитыя мною души въ царствѣ небесномъ. А насъ еще съ вами никто не вѣшалъ, кто больше тянетъ: вы ли молитвой больше отправили туда, али я ножомъ...

Пробовали другіе подходить къ нему съ другой стороны и спрашивали его такимъ способомъ:

— Понимаемъ мы, Кореневъ, что встрѣтиться съ тобой въ дорогѣ одинъ на одинъ невыгодно. Встрѣча съ тобой — твое счастіе. Ты — голодный: я на станціи поѣлъ и съ собой везу съѣстные за-

пасы: тутъ они у меня подъ бокомъ, захотѣлъ поѣсть — вынулъ. На тебѣ рваный полушубокъ, измызганный кафтанишко, а я — въ лисьей, либо енотовой шубѣ и за пазухой у меня деньги, на которыя, говорятъ, весь свѣтъ покупается.

— Это такъ точно.

— Тебѣ завидно мое счастіе. Возьми шубу, возьми деньги, возьми кулечекъ со съѣстными припасами.

— Да вѣдь вы не дадите, стрѣлять, поди, станете; нѣтъ ружья — драться. Начнете прилаживаться, чтобы забить меня до смерти: все же радостно хоть одного варнака истребить съ корнемъ. А вѣдь и у меня душа та же самая, а къ тому цѣлымъ рублемъ для меня дороже вашей. Вы свою душу на конях возите, на подушки кладете, а я свою, грѣшную, протащилъ сквозъ огонь, межъ ножами. Вонъ откуда вынесъ ее: изъ самаго Нерчинска. Дѣлать мы станемъ оба одно: вы — свою душу, я — свою оборонять.

— Положимъ, я обороняться не стану, мнѣ нечѣмъ: ружья у меня нѣтъ, саблей не запасся, ѣду я безпечно, какъ большая часть ѣздитъ и встрѣчи съ тобой не ожидалъ. Эта встрѣча — мое несчастіе, моя неудача. Ты и накажи меня за то, что я такъ неосторожень: возьми то, чего у тебя нѣтъ и чего у меня много.

— Я возьму это и безъ вашего спросу.

— За что же убивать меня, два раза наказывать за промахъ?

— А за-то — не ходи пузато, не носи брюхо въ пазухѣ. Убиваю — я себя берегу: опять же голова у меня своя, не покупная. Порѣшился съ ней — другой головы не купишь: на базарахъ ее не продаютъ. Я и самъ сначала такъ же думалъ, по вашему: за что, молъ, я ограбленнаго убивать стану?! Молодымъ человѣкомъ я былъ тогда, несмышленымъ, первоукомъ. Разскажу я вамъ про этакой случай. Шолъ я съ нерчинской каторги: шолъ не одинъ, а съ товарищами, изъ Иркутска къ Красноярску. Жилья тутъ мало, все лѣсъ стоитъ. Затощали мы, хоть въ землю зарывайся: надо грабить. Заслышали колокольчикъ: завалились въ канаву, кто направо, кто налѣво. Ждемъ. Позаячьи насторожили уши. Ѣдетъ пара: ямщикъ посомъ клюетъ, рыбу удитъ; и оттого рыбу удитъ, что самъ проѣзжій спитъ: такъ, молъ, намъ и надо. Словно мы, молъ, сами имъ заказали такъ-то. Вышли

мы на дорогу, лошадей за уздцы придержали, сняли ямщика съ козелъ, связали по рукамъ и ротъ ему завязали, чтобъ не кричалъ. Проѣзжаго мы разбудили. Поступили съ ними такъ, какъ и всѣ сказываютъ, какъ бы и малый ребенокъ сдѣлалъ. Стали съ проѣзжимъ разговаривать накороткѣ, чтобы поскорѣе кончить. Вынимай деньги, снимай платье — разговоръ извѣстный. Чемоданъ его сами вынули, и его вынули. Стоитъ онъ на ногахъ, трясется весь: извѣстно, дѣло такое ему непривычное, въ первый разъ доводится. Со страху онъ сталъ разсказывать: чиновникъ; ѣдетъ въ Россію; казенныя деньги получилъ; мать у него есть и жениться хочетъ. Деньги отдалъ всѣ, повалился на колѣночки, заревѣлъ; слезы такъ горохомъ и катятся, крупныя такія. Взяла тутъ меня жалость за самое сердце и такъ-то щемитъ и теребитъ! «Отпустите», слышь. Клянется, божится: «никому не скажу». Сталъ я товарищей своихъ уговаривать, — они долго не соглашались; уломалъ-таки я ихъ: сказали — «на тебѣ весь отвѣтъ». Ладно, Отпустили мы его живымъ и пошли своей дорогой. Идемъ-идемъ да и вдумаемъ: «а ну, братцы, божбу не исполнитъ! пойдемъ пошибче, высмотримъ». Пошли мы впередъ, стали подходить къ деревнѣ, а та — вся на ногахъ: крику развела полонъ лѣсъ и сказываетъ тѣмъ, что облаву сдѣлала. Пронеслись мимо насъ верховые съ кольями: за нами, значитъ. А мы тутъ подъ деревней въ лѣсу выждали. Ночь, молъ, теперь наша, пуганой чиновникъ непремѣнно переночуетъ. Ночью мы обошли деревню, перетянулись на ту дорогу, по которой намъ идти, а проѣзжему ѣхать. Зашли на конецъ станка. На первомъ свѣту выбрали мѣсто такое способное: мостъ. Опять завалились въ канаву подъ мостъ, стали чиновника выжидать: выспится — поѣдетъ дальше, а на ночь ни за сто рублевъ не пустится. Выждали мы его на другомъ станкѣ, остановили, да и содрали съ живаго лыки...

Вообще угрюмый и неразговорчивый, Кореневъ на умѣлые разспросы любилъ отвѣчать: иногда хвасталъ, лгалъ, но, пойманный съ поличнымъ, не медлилъ выходить на путь правды и откровенности. Разъ удалось услышать отъ него такую формулу идеи бродяжества:

— Для бродягъ одинъ законъ и все тотъ же. На дорогу въ за-

водѣ запасъ возьмешь, безъ того не пускаешься: развѣ когда въ сосѣдяхъ обзавелся знакомымъ человѣкомъ. Запасъ съѣшь, а брюхо злодѣй никогда стараго добра не помнитъ: опять слюну сушитъ, ѣсть проситъ. Къ жильямъ подтягиваешься. У знакомаго человѣка милостыню просишь — дастъ, а то на уру и у встрѣчнаго клянчишь — тоже даютъ. Въ незнакомыхъ деревняхъ, гдѣ бродяги шалили, сердятся; на ласку тѣ мужики не даются: надо самому брать. Значитъ— грабить. Ограбилъ кого — слѣды хорони: кошка тому дѣлу примѣръ дастъ. И не оставляй своего хвоста на дорогѣ, замѣтай слѣдъ: ограбленаго убивай. Не убьешь — языкъ за собой оставишь. По немъ дойдутъ до тебя. Примѣру не было такого, чтобы грабленой не мстилъ и по слѣдамъ звѣря не натравливали. Такой ужь законъ. Я какъ одинъ разъ оступился, такъ съ той поры другу и недругу заказалъ щадить ограбленнаго. Такъ вотъ и всѣмъ товарищамъ разсказываю, учу ихъ. Что разъ потеряешь, того долго не найдешь. На божьбу людямъ не вѣрь и честное ихное слово они для плутовства себѣ придумали, чтобы лучше обманывать. Воръ слезливъ, а плутъ богомоленъ, — давно это сказано, и я скажу: у бродяги только два клина: поле и лѣсъ, — больше ему никакихъ нѣту воротъ, и ходить нечего.

Кореневъ былъ настоящій бродяга, и сколько слова и показанія его имѣли значенія неотразимой правды, столько бродяжьи свойства выступали въ немъ рѣзче всѣхъ другихъ. За ними товарищи его не видѣли (или не хотѣли видѣть) настоящаго злодѣя. Тобольскій простой людъ видѣлъ въ немъ колдуна и тамошнія торговыя бабы разсказывали на базарѣ, что стоитъ Кореневу только начертить вокругъ себя мѣломъ или углемъ кругъ, чтобы сдѣлалась лодка и «не давай ему при этомъ только воды, только воды не давай ему ни въ ротъ, ни въ руки», чтобы лодка, сдѣлавшаяся изъ круга, не вынесла его изъ тюрьмы на вольную волю. Каплю воды особымъ, ему одному вѣдомымъ, наговоромъ умѣетъ онъ превращать въ рѣку и выплываетъ по ней на свободу съ пѣснями и любимыми товарищами. Не дѣластъ онъ такъ, потому что не хочетъ; онъ и разрывъ-траву умѣетъ отыскивать по крупнымъ росамъ, по яркимъ звѣздамъ. Съ нею ему никакіе кандалы не страшны; передъ нимъ ни одинъ замокъ не

стоитъ, всякія двери и ворота отпираются. Знаетъ Кореневъ, какъ въ холодной банѣ изъ чорной кошки выварить и изъ множества другихъ передъ зеркаломъ выбрать косточку-невидимку, передъ которою не выстаиваютъ тюремныя стѣны: подставишь противъ зеркала передъ собой — и исчезнешь.

Товарищи понимали Коренева иначе, видѣли дѣло другой стороной. Въ тюрьмѣ Кореневa любили, ему угождали наперерывъ другъ передъ другомъ. Арестанты считали его рыцаремъ чести и благородства, видѣли въ немъ прямую открытую душу, у которой не было ничего завѣтнаго и запрѣтнаго. Они забывали, что сердце онъ давно истаскалъ, что въ немъ сидѣлъ самый страшный чортъ изо-всѣхъ, отъ какихъ только ни приходилось отчуровываться русскому человѣку. Чортъ у него это сердце совсѣмъ вынулъ и только пустое мѣсто оставилъ.

Всего виднѣе была въ немъ крупная опытность, около которой всегда такъ тепло несмышлонымъ. Замѣчательная даровитость его доходила до изобрѣтательности, всегда основанной на одолженіяхъ заточонному люду и направленной на возможное преуспѣяніе быта среди всяческихъ стѣсненій въ неволѣ. Отъ него шли и юридическіе и практическіе совѣты; подсудимый учился у него судебной практикѣ, молодые бродяги—географіи и этнографіи. Когда одинъ изъ совопросниковъ выразилъ между прочимъ сомнѣніе въ возможности бродягамъ враждовать съ зимними палящими морозами, среди лѣсной трещи, когда и олень уходитъ въ самую глушь лѣсовъ и, уткнувши морду въ снѣгъ, стоитъ окаменѣлымъ — Кореневъ отвѣчалъ:

— Кто промахнулся и попалъ на дорогу, гдѣ кромѣ зайцовъ никого не встрѣчаетъ, тому на зиму такое правило: разгрести снѣгъ до самой земли, выложить логовище еловыми либо сосновыми лапками. Такая изба не обманетъ. Мнѣ изъ сотни разъ ни одного не доводилось худого. Спать тутъ лучше, чѣмъ въ каменномъ домѣ. Самый первый законъ: раздѣться до рубашки, все снять, ее оставить. Я снималъ и въ яму кидался; въ ногахъ огонь разводилъ и закрывался наглухо полушубкомъ: лежишь, что купецъ, въ кошевѣ. А если приладить надъ ямой изъ тѣхъ же лапокъ шалашикъ, то и умирать не надо. Съ запасомъ можно пересидѣть и перехвастать всю пору лю-

тыхъ морозовъ. Отсиживались мы. Днемъ я ходилъ, а ночью спать опять этакъ. Спишь какъ убитый, словно дома. Поутру только вставать очень скверно, лучше бы, кажется, не ложился, а встанешь, одѣнешься — и забудешь. Холодно вставать, а здорово. Тунгусы меня этому выучили.

Собственнымъ опытомъ изъ общеупотребительной тюремной игры въ петлю, гдѣ надобится снять веревку съ двухъ пальцевъ, связанныхъ ею, Кореневъ дошолъ до практическихъ результатовъ, пригодныхъ и благодѣтельныхъ для кандальныхъ арестантовъ. На тюремномъ досугѣ, сидя на цѣпи, онъ изобрѣлъ секретъ скидать въ банѣ нижнее платье, имѣя на ногахъ неизбѣжные кандалы, при которыхъ эта операція являлась невозможною. Досужеству своему, не требующему особенной сноровки, но вызывающему нѣкоторую долю терпѣнія, онъ охотливо, даромъ, изъ одного участія и состраданія, выучилъ тѣхъ ссыльныхъ петербургскихъ дворянъ, которыхъ черезъ Тобольскъ провезли на каторгу въ 1849 году.

Въ числѣ прочихъ знаній Кореневъ обладалъ въ совершенствѣ искуствомъ приготовлять фальшивую (изъ олова) серебряную монету. Живя въ тобольскомъ острогѣ и безъ цѣпи и на цѣпи, этому мастерству онъ отдавалъ все свое свободное время, имѣя подъ руками въ острожныхъ стѣнахъ передатчиковъ (изъ солдатъ), платившихъ за рубль фальшивый 30 копѣекъ серебромъ настоящихъ. За стѣнами острожными онъ полагался на слѣпое царство темныхъ остяковъ, татаръ и киргизовъ, охотно принимавшихъ фальшивую монету по настоящей цѣнѣ. Говорятъ, что около этого самаго времени прошолъ по сибирскимъ тюрьмамъ слухъ объ указѣ омскому казначейству, которому предписывалось (изъ политическихъ видовъ привлеченія въ нашу сторону кочевниковъ) принимать отъ киргизовъ фальшивыя бумажки и монеты и размѣнивать ихъ на настоящія. Фабрикація фальшиваго серебра по всѣмъ сибирскимъ тюрьмамъ значительно усилилась. Кореневъ въ числѣ первыхъ прозналъ это и первымъ, какъ купецъ, воспользовался. Онъ съ одинаковымъ искуствомъ умѣлъ дѣлать и старинные екатерининскіе и пышѣшные цѣлковые и полтинники. Мелкой монеты онъ не дѣлалъ; ассигнацій не любилъ, имѣя въ этомъ искуствѣ неподражаемаго соперника въ Цезикѣ, за которымъ

полуграмотному Кореневу нельзя было гоняться. Кореневъ предпочиталъ придерживаться зубрила, подшилковъ, деревянныхъ маленькихъ циркулей съ ножками изъ иголокъ и долотцовъ изъ тѣхъ же иголокъ; доставалъ олово, покупалъ ртуть, алебастръ, доставалъ солдатское сукно; алебастръ разбивалъ и просѣвалъ на формы, ртуть смѣшивалъ съ «чѣмъ-то» (sic.). Натиснутый деревянный кружокъ, чтобы удалить излишекъ окиси, клалъ на ночь въ ротъ и на другой день наводилъ амальгаму такъ плотно и искусно, что ртуть держалась на его издѣліяхъ дольше, чѣмъ на издѣліяхъ его товарищей. Послѣднихъ ловили и хоронушки находили; его — никогда. Всѣ знали объ этомъ; дѣлали обыски — и нечаянные и повальные — и ничего не находили. У Кореневa были и золотыя руки и глубокіе секретные карманы, и какія-то какъ бы и впрямъ заколдованныя и зачурованныя хоронушки.

Одинъ смотритель возгорѣлъ желаніемъ поймать его и уличить еще въ то время, когда Кореневъ не сидѣлъ на цѣпи и жилъ съ другими въ общей казармѣ. Выискался и унтеръ-офицеръ, который рѣшился помогать смотрителю и хвастливо обѣщалъ поймать Кореневa съ поличнымъ. Пришолъ онъ къ Кореневу, сдѣлалъ заказъ на киргизовъ. Кореневъ заказъ принялъ и выпросилъ задатку двадцать-пять рублей серебромъ, обязавшись поставить за это сто цѣлковыхъ. Унтеръ сходилъ къ начальнику, задатокъ принесъ и вручилъ, а черезъ два дня получилъ отъ Кореневa сто цѣлковыхъ новенькихъ, чистенькихъ, свѣтлыхъ. Монеты эти должны были рекомендовать мастера, какъ образчики его искуства. Цѣлковые унтеръ одобрилъ и не могъ иначе сдѣлать, потому что они были настоящей работы петербургскаго монетнаго двора, и на этотъ разъ все искуство мастера состояло лишь въ дешовомъ терпѣніи, съ которымъ онъ ихъ высвѣтлялъ и охорашивалъ. По окончаніи условленнаго срока, закащикъ является къ монетчику за полученіемъ работы.

Кореневъ удивленъ; спрашиваетъ, что надо. Приглашаетъ унтера говорить пошибче: искусно поднимаетъ тонъ его голоса, самъ начинаетъ говорить громко, и достигаетъ желаемой цѣли — возбуждаетъ вниманіе всей казармы. Дѣлаетъ онъ изъ товарищей свидѣтелей, разсчитывая за ними, за спинами ихъ, на несомнѣнное вмѣшательство

и защиту прокурора. Когда показалось ему, что зрители всѣ собрались и насторожили глаза и уши, онъ неожиданно поразилъ слухъ затрещиной, отпущенной унтеру, и доставилъ товарищамъ несказанное удовольствіе видѣть и любоваться, какъ онъ потомъ, поддавая киселя и пинками въ шею и спину, выталкивалъ унтера за дверь. Всѣ хорошо помнятъ его обиженное лицо, его жалобы на несправедливыя подозрѣнія и обвиненіе. Если онъ и игралъ на этотъ разъ роль, то игралъ ее съ такимъ искуствомъ, что всѣ арестанты обидѣ его повѣрили, за оскорбленіе товарища рѣшились постоять горой. Начали арестанты шумѣть, требовать смотрителя.

— Въ чемъ дѣло?

— Проситъ у меня ундеръ фальшиваго серебра, отвѣчалъ за всѣхъ самъ Кореневъ, еще дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ оскорбленномъ и глубоко-обиженномъ тонѣ. — Что у меня для него монетный дворъ, что ли?

— Запишите это въ журналъ, требовали арестанты.—Доложите губернатору. За что́ насъ обижать?

— Значитъ, ундеръ переводчикъ денегъ, подкрѣплялъ и поясняль Кореневъ. — Онъ знаетъ дворы такіе: дѣло уголовное! А мы въ старыхъ грѣхахъ точно что повинны, на новые никакъ не согласны.

Смотритель покачалъ головой—усмѣхнулся:

— Дуракъ, дуракъ солдатъ! И гдѣ ужь такому дураку браться за такое мудреное дѣло, а еще хвастался!...

Кореневъ, и на нарахъ лежа, все ворчалъ и сѣтовалъ, но на законномъ преслѣдованіи унтера не настаивалъ. Однако, на своемъ онъ устоялъ и мастерства этого не покидалъ даже и на стѣнной цѣпи вплоть до того времени, когда выкричали его за сверхъестественнаго человѣка и едва не признали святаго юродства въ злодѣйствахъ его. Товарищи, впрочемъ, и въ это время знали одно (и убѣждены въ этомъ до сихъ поръ), что попади на хорошія, опытныя руки — онъ бы исправился. «Не толкай его судьба въ опасности бродяжьей жизни, онъ былъ бы другимъ человѣкомъ и, можетъ быть, очень хорошимъ». Какая-то беззавѣтная доброта, исключительно, впрочемъ, направленная въ пользу обиженныхъ и обездоленныхъ товарищей;

всегдашное желаніе подѣлиться съ ними всѣмъ, что имѣлъ онъ, до послѣдней полушки, и готовность постоять за ихъ право съ рискомъ для себя и не принимая въ разсчотъ и для соображеній никакихъ опасностей (и все это въ такихъ яркихъ чертахъ, въ такихъ крупныхъ формахъ!) — вотъ тѣ основы симпатій, которыми пользовался Кореневъ отъ товарищей въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣ ему предшествовавшіе и за нимъ послѣдовавшіе тобольскіе заключенники.

Когда на его глазахъ одинъ изъ ссыльныхъ московскихъ дворянъ, сосланный за убійство, злоупотребилъ довѣріемъ и воспользовался увлеченіемъ ханжившей дѣвушки для того, чтобы довести ее до паденія, Кореневъ первый поднялъ недовольный голосъ, пригласилъ своихъ товарищей къ гласному и фактическому протесту и, вызвавъ необходимость самосуда, явился въ званіи исполнителя приговора: первымъ жестоко билъ растлителя.

Свернулась его жизнь на одно и, безъ опекуновъ и руководителей, пошла той кривой колеей, которая и сильно тянетъ и безвозвратно затягиваетъ. Въ тюремномъ болотѣ, на каторжной трясинѣ не устоялъ и онъ, вслѣдъ за другими, какъ ни сильна была его натура, какъ ни крѣпки были его нервы. Валилось на него сверху, давило съ боковъ, да и свой братъ, спутанный съ нимъ по рукамъ и по ногамъ, тянулъ его туда же въ этотъ омутъ, гдѣ нѣта ни дна, ни покрышки. Кореневъ оказался тяжеле другихъ, а потому и загрязъ глубже и крѣпче всѣхъ. Полѣзетъ ли онъ дальше въ тину и трясину—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, да и доставать до самаго дна ему уже недалеко.

Вотъ онъ, спущенный съ цѣпи, идетъ изъ Тобольска по знакомой дорожкѣ, опять на дальную, темную каторгу. Идетъ онъ, въ партіи, вмѣстѣ съ другими. На дорогѣ подъ Иркутскомъ попадаются ему двѣ каторги, и обѣ хорошія, обѣ знакомыя: одна при винокуренномъ заводѣ, другая — при солеваренномъ. Но не тѣ судила ему судьба-злодѣйка. Эти—для простыхъ; для него, важнаго человѣка, за Байкаломъ-моремъ, жосткая и самая дальная—нерчинская.

На большой почтовой дорогѣ къ Иркутску, на одномъ перекресткѣ—разста́ни, вышла на столбовую дорогу слѣва маленькая, но также каторжная. Ведетъ она въ Иркутское Усолье и называется у на-

рода дорогою *воровскою* съ давнихъ временъ. Съ недавняго времени, и въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ стали ссылать въ это Усолье преступниковъ изъ азіатовъ и мусульманъ, всѣхъ въ одно мѣсто: татаръ, киргизовъ, персіянъ и кавказскихъ горцевъ (въ томъ числѣ, между прочимъ, помѣстили и шамилевыхъ мюридовъ), за перекресткомъ дорогъ оставили право растаха — мѣста отдыха. Не показанъ онъ въ законныхъ росписаніяхъ, ибо находится между двумя близкими этапами, но завоевано это мѣсто остановки обычаемъ, который могущіе не давятъ и оставляютъ въ несокрушимой цѣлости, потому что, кромѣ симпатичныхъ сторонъ, обычай этотъ ничего уже въ себѣ и не заключаетъ. Мусульмане, слѣдуя завѣту пророка, имѣютъ обыкновеніе выходить на это разстàни дорогъ и искать не только родичей, но и всякихъ правовѣрныхъ чтителей пророка, не различая земляка отъ чужеземца, знакомаго отъ незнакомаго. Заводскіе мусульмане выносятъ сюда путешествующимъ все, что могутъ принести во славу имени Магомета: хлѣбъ и табакъ, лукъ и черемшу и даже русскаго дѣла квасъ.

Остановилась на этомъ разстàни и та партія, въ которой шолъ Кореневъ. Остановились съ цѣлію послужить мусульманамъ, изъ которыхъ кое-кого также сдаютъ сюда на каторгу. Кореневъ ходитъ по партіи, торопливо ищетъ бумаги клочокъ, карандаша обгрызочокъ: находитъ то и другое. На бумажкѣ нацарапалъ онъ, какъ умѣлъ, скоро и коротко: «навѣсти, братъ, Ипполитъ Васильевичъ, стараго бродягу Коренева». Записку взялся доставить первый же, попавшійся ему на глаза изъ заводскихъ татаръ — и доставилъ. Старый знакомый Коренева, соузникъ его по тобольской тюрьмѣ, жившій въ Усольѣ на пропитаніи, получилъ эту записку и—ни минуты не медлилъ. Зная порядки, захватилъ онъ съ собою, что успѣлъ и что могъ, и побѣжалъ на рысяхъ къ мѣсту разстàни, которое дѣлается на это время мѣстомъ довольно продолжительнаго отдыха. Вскорѣ онъ былъ тамъ.

«Видѣлъ я Коренева чрезъ нѣсколько лѣтъ. Узналъ онъ меня, обрадовался, сколько могъ я судить по веселой улыбкѣ, которая долго не пропадала съ его страдальческаго старческаго лица. Говоритъ онъ мнѣ:

— Голъ, братъ, я, какъ соколъ.

Вижу: шапка какъ блинъ — свою ему отдалъ. Сапоги съ ногъ сползли—свои сапоги сталъ я снимать: придержалъ-было онъ меня за плечо, да раздумалъ — взялъ мои сапоги; я его опметки надѣлъ на свои ноги.

— Денегъ поди нѣту: всѣ, чай, проигралъ въ карты, либо того хуже — пропилъ? спросилъ я его.

— Отъ самаго Красноярска шальной копейки не видалъ, отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Нашолся у меня рубль горячій, самому крѣпко нужный, да въ этихъ дѣлахъ не считаться: зачѣмъ и пришолъ я сюда?! Говорю:

— Возьми себѣ рубль.

— Не надо бы брать: самому тебѣ нужно.

Подумалъ, поглядѣлъ въ землю, протянулъ руку; говоритъ:

— Давай! сочтемся мы съ тобой на другомъ.

Рубль спряталъ за щеку.

Сталъ я заговаривать съ нимъ — отвѣчаетъ неохотно, говоритъ тихо и вяло. Да и о чемъ бесѣдовать, про что распрашивать? Били его; вновь перековали; новую шинель получилъ; новые чарки получилъ; голицы выдали. Вотъ идетъ, по сторонамъ смотритъ; опять пойдетъ, и еще пойдетъ до самой каторги. Договорились мы, однако, до того, что и рубашка у Кореневa съ плечъ сползла: совсѣмъ ея нѣту. Держитъ онъ казенную овчину, какъ тунгусъ, прямо на тѣлѣ. На мнѣ ситцевая рубашка была, да и домъ недалеко: въ сундукѣ нашлась бы другая-третья, да время заморозковъ, скидать неудобно: холодно.

— Возьми, Кореневъ, рубашку!

И руками замахалъ: «не надо!» Замоталъ головой, отъ рубахи отказывается: «балуешь ты меня—зазнаюсь, погордѣю: не сладятъ». И усмѣхнулся.

Я тѣмъ временемъ рубашку успѣлъ снять и принять сертучишко свой на голое тѣло. Свернулъ я рубашонку, сунулъ ему; отталкиваетъ запихнулъ я ему за пазуху, а онъ все головой машетъ. Слышимъ: забилъ барабанъ походъ; смотримъ: всѣ стали подбирать котомки, кряхтѣть и подниматься съ насиженныхъ мѣстъ. Раздался

грубый крикъ, команда: «по мѣстамъ!» Зазвенѣли цѣпи, забрякали кандалы. Стали и мы съ Кореневымъ прощаться.

— Прощай!

Положилъ онъ мнѣ обѣ тяжолыя руки свои на плечи; долгимъ, пристальнымъ взглядомъ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо. Думалъ о чемъ-то, тяжело вздохнулъ.

— Прощай, Ипполитъ Васильичъ.

Смотрю, и глазамъ не вѣрю: изъ главъ слеза выкатилась, но поймалъ онъ ее, спряталъ въ кулакъ и кулакъ унесъ за спину. Еще разъ посмотрѣлъ на меня, еще разъ вздохнулъ, обнялъ меня, поцаловалъ крѣпко, выговорилъ:

— Прощай!... Навсегда прощай!... Теперь ужь больше не увидимся.

— Такъ ли, полно? Не зарекайся, Кореневъ!

— И впрямъ нѣту! Не навсегда, прощай!...

Между тѣмъ, барабанъ пылъ у насъ подъ самыми ушами, отбивая послѣдпія трели. Нечего было больше проклажаться: Кореневъ снялъ съ моихъ плечъ свои руки. Опустя голову, пошолъ онъ отъ меня своимъ тяжолымъ развалистымъ шагомъ, но шолъ недолго; еще разъ искоса, черезъ плечо, поглядѣлъ на меня, остановился; опять подошолъ:

— Спасибо тебѣ за все. Рѣзать приведется тебя—не зарѣжу!!..

Сильно и размашисто махнулъ онъ вслѣдъ затѣмъ правой рукой, порывисто и визгливо зазвенѣли на погахъ его цѣпи, и хорошо знакомый мнѣ звукъ кандаловъ смѣшался съ подобными же, производящими въ гуртѣ только одинъ глухой гулъ. Звукъ этотъ исчезъ, и вскорѣ исчезъ съ толпой и самъ Кореневъ, но слова его и теперь еще, черезъ много дней, живы въ моей памяти, какъ бы сейчасъ выговоренныя. Слова и слезы мнѣ не попритчились, въ этомъ я могу поручиться за Кореневa. Зналъ я его хорошо, живалъ съ нимъ въ Тобольскѣ подъ одной кровлей; меня его характеръ не обманетъ. Сорвется съ цѣпи — другихъ убьетъ, для меня исключеніе сдѣлаетъ: слово далъ. Впрочемъ, кажется, уходился: завязнетъ. Вѣроятнѣе, станетъ теперь на старости лѣтъ пробовать свой характеръ, а если и не выдержитъ, убѣжитъ, то во всякомъ случаѣ перестанетъ выги-

баться въ оглобляхъ, поднимать хвостъ кольцомъ и, по способу необъѣзженыхъ лошадей, красоваться и хвастаться. Гдѣ нибудь да долженъ быть конецъ: Горкинъ, впрочемъ, лошадей держитъ, на купца смахиваетъ. Наши каторжныя знаменитости хороши тѣмъ, что до тѣхъ поръ и знаемъ, пока сами напоминаютъ; замолчалъ — и забыли и онъ самъ сквозь землю провалился: пропадай ты совсѣмъ: давайте новаго!

Героемъ на нашъ пріѣздъ былъ Иванъ Васильевъ Дубровинъ, также злодѣй и убійца. Два раза онъ бѣгалъ изъ Карійскихъ тюремъ. Послѣ перваго побѣга съ шайкой грабилъ по Шилкѣ, но былъ пойманъ. Убѣжалъ во второй разъ — напустилъ на всѣхъ паническій страхъ, всѣ непокойно спать стали. Стражу усилили, въ набатъ бьютъ; патрули ходятъ, всѣ объ немъ говорятъ. Уши у всѣхъ на макушкѣ. Онъ не объявляется, — всѣ успокоились. Но онъ въ руку. Въ одну ночь Дубровинъ далъ о себѣ знать, расписавшись кровью: на Нижномъ промыслѣ убилъ женщину съ двумя малютками, съ которою даже и знакомъ вовсе не былъ, убилъ, чтобъ похвастаться: перестали ждать, вотъ и я. Приходилъ онъ втроемъ, но вскорѣ всѣ были открыты, посажены въ тюрьму. По оплошности стражи, Дубровинъ опять убѣжалъ, и снова всѣхъ привелъ въ ужасъ. По слѣдамъ его погнались казаки, въ разныхъ падяхъ и распадкахъ заблудились: не нашли. Голодный, истощоный разбойникъ найденъ былъ въ лѣсу лежащимъ безъ силъ и почти полумертвымъ. Пойманнаго приковали къ стѣнной цѣпи и, чтобы обезопасить себя отъ его злодѣйства и побѣговъ, на руки надѣли *лису* — желѣзную полосу въ полтора пуда вѣсомъ. Съ лисой онъ и ходить не могъ, и началъ съ ней, и на цѣпи сидя, смиряться духомъ. На цѣпи скверно кормятъ: пища крутая безъ приварка. Въ постѣ и въ воздержаніи Дубровинъ умилился духомъ и начальству то́ доказалъ. Его отковали отъ стѣны, сняли лису, выпустили въ общую арестантскую казарму, нарядили въ кандалы. Стали всѣ надѣяться и разсчитывать на то, что Дубровинъ пообломался, уходился, сталъ неопасенъ. Выбрали его старостой. Вскорѣ послѣ того понадобилось начальству новую каторгу заводить на Амурѣ подъ Николаевскомъ на такъ-называемомъ Чипиррахѣ. Свободныхъ рукъ было мало. Вездѣ и во всемъ чувствовался недостатокъ. Сколько ни

было оберъ и ундер-офицеровъ, всѣхъ послали на Амуръ съ хлѣбными барками и лѣсными плотами. Попробовали рискованнымъ, но довольно извѣстнымъ въ Сибири способомъ довѣрить отобранную на Карѣ партію каторжныхъ надежному человѣку изъ таковыхъ же. Выборъ палъ на Дубровина. Далъ онъ начальнику силава честное варнацкое слово; съ товарищами сѣлъ онъ на баржу, и поплылъ по Шилкѣ и Амуру посреди соблазновъ къ побѣгамъ на цѣлыхъ трехъ тысячахъ верстъ. Съ баржи зерна не пропало, соленой росинки не исчезло. Ѣхали каторжные веселѣе всѣхъ: съ пѣснями. По дорогѣ, въ Альбазинѣ, одинъ изъ каторжныхъ кукушки заслушался, убѣжалъ: Дубровинъ его розыскалъ, выпоролъ и никому не велѣлъ сказывать. На мѣстѣ всѣ сданы были Дубровинымъ въ томъ же счотѣ, какъ были приняты, и въ томъ же числѣ, сколько ихъ на Амурѣ пѣло. Помѣстили ихъ въ новыхъ сырыхъ казармахъ. Самъ Дубровинъ, разумѣется, сѣлъ вмѣстѣ съ ними, но сидѣлъ тутъ недолго: черезъ недѣлю онъ убѣжалъ и увелъ съ собою еще трехъ товарищей. По Амуру предостерегали пишущаго эти строки ѣхать осторожно; по всѣмъ станицамъ дали о Дубровинѣ знать, но нигдѣ его не видали. Только съ одной изъ нихъ дошли до начальства вѣсти, что приходили ночью трое, съ ними Дубровинъ; увели съ собою бродяги бабу изъ приселенныхъ каторжныхъ женщинъ. Дальше по Амуру Дубровинъ не пошолъ, а ударилъ черезъ хребты, на Лену. Что̀ съ нимъ сталось? — тоже неизвѣстно; можетъ быть также провалился сквозъ землю.

Изъ этого мрака неизвѣстности выводитъ насъ третье лицо, также знаменитое въ исторіи злодѣйствъ и также извѣстное цѣлой Сибири. Онъ—современникъ обоихъ и всею дѣятельностію своею, какъ Дубровинъ, принадлежитъ краямъ нерчинскимъ и, какъ Кореневъ, по воспитанію своему, сибирякъ. Всѣ злодѣйства его совершились также въ предѣлахъ Сибири. Вышелъ онъ также изъ бродягъ, и на этомъ пути безмѣстнаго шатанья полуголоднымъ и разсерженнымъ доработался до крайней степени озлобленія, задичалъ въ бѣгахъ до звѣря и сдѣлался разбойникомъ и убійцею, нѣкогда страшнымъ для всего Забайкалья, а теперь извѣстнымъ въ цѣлой Сибири. Это—Горкинъ. Все, что въ судьбѣ Коренева было скрыто, въ судьбѣ Горкина отчасти проясняется, въ особенности по отношенію къ тому періоду вре-

мени, которое легло между первоначальнымъ побѣгомъ изъ каторжной тюрьмы и окончательнымъ приговоромъ къ наказанію за вся тяжкая и во вся тяжкая. Кореневъ объ убійствахъ своихъ не разсказывалъ, Горкинъ также старательно умалчивалъ объ нихъ, но за послѣдняго говорятъ преданія и офиціальныя дѣла.

Этотъ съ разсчотомъ на всевозможныя приключенія и безразсчотно на преступленія ушолъ онъ изъ тюрьмы Кутомарскаго завода втроемъ съ товарищами *). Въ Козловской падди (долинѣ) встрѣтили они на жнивѣ крестьянина, велѣли варить себѣ ѣсть. Крестьянинъ Бурцовъ отвѣчалъ, что у него котла не имѣется. Ему дали лошадь: онъ поѣхалъ за котломъ, на пути повѣстилъ другаго крестьянина, что пришли къ нему недобрые люди: «съѣздилъ бы ты въ деревню,— далъ тамъ знать». Самъ воротился, сталъ кормить бѣглыхъ, оттягивать время. Прискакали крестьяне, кричали бродягамъ: «вставайте и раздѣвайтесь до-нога: ножи бросайте». Бѣглые не послушались, стали отбиваться, схватившись за свое оружіе: топоръ, косу и жердь. Свалка произошла отчаянная. Одинъ бѣглый (Никифоровъ) былъ пронизанъ пулей на вылетъ; другой (Коурой) былъ жестоко избитъ, во многихъ мѣстахъ раненъ, но успѣлъ вскочить на лошадь и ускакать. Третій бѣглый Горкинъ успѣлъ бѣжать раньше, выскользнувъ во время общей свалки такъ, что никто того не замѣтилъ.

Первый дебютъ былъ удаченъ. Горкинъ обстрѣлянъ, получилъ урокъ осторожности, видѣлъ кровь, потерялъ товарища, созналъ на опытѣ, что прогулка каторжнаго небезопасна; сталъ извѣстенъ по мѣрѣ того, какъ слухъ о побоищѣ началъ расходиться. Отбившись отъ товарищей на одиночное скитанье и въ полное отчаяніе голодовки (съ правомъ на самую тяжкую смерть), Горкинъ сталъ ходить хотя также окольными путями, но уже болѣе вѣрными.

Гдѣ-то поймавши слухъ о богатствѣ одного бурята, онъ отправился прямо на него. «Переночевавши на гривѣ (разсказываетъ другое архивное дѣло), онъ на дорогѣ встрѣчаетъ проѣзжаго бурята. Этотъ спрашиваетъ:

— Кто ты таковъ?

---

*) См. Томъ I: *Въ бѣгахъ*, глава III.

— Бѣглый. А гдѣ стоитъ братской Кубухонъ? («намѣреваясь у него чѣмъ-нибудь поживиться»).

— Нѣтъ, другъ, у Кубухона шибко строго: къ нему не попадешь; а поди вонъ, этта (указалъ на правую сторону) стоитъ крайная юрта; тутъ живетъ одна братская (бурятская) баба. У ней деньги есть: ищи въ ошкурѣ у штановъ.

И уѣхалъ.

«Я пролежалъ въ тотъ день въ кустикахъ. Дождавшись ночи, примѣрно, часу въ одиннадцатомъ, пришолъ къ юртамъ близъ деревни Харауза, зашолъ въ крайную юрту, гдѣ огня не было. Я ощупалъ въ потьмахъ соннаго человѣка; схватилъ его за горло и, по косамъ на головѣ, узналъ, что это женщина. Спрашивалъ ее:

— Гдѣ у тебя деньги?

Она по-русски отѣчала:

— Нѣтъ, другъ, денегъ нѣту.

«Потомъ я, обыскавъ у нее въ ошкурѣ у штановъ, денегъ не нашолъ. Спрашивалъ опять: «гдѣ деньги?» — она говорила, что нѣту. Оборотясь, чѣмъ-то задѣла меня въ щоку: я осердился, и взявъ въ руки тряпицу для того, чтобы не нанесть ногтями царапинъ, за горло, ту братскую бабу задушилъ до смерти, оставя ее на постелѣ. Потомъ разломалъ всѣ ея ящики, но денегъ не нашолъ и изъ платья, по ненадобности, ничего не взялъ. Взялъ только четверку кирпичнаго чая».

Таково было первое признаніе Горкина въ первомъ преступленіи по поимкѣ изъ бѣговъ. Послѣ втораго побѣга онъ уже является атаманомъ шайки и съ нею грабитъ и разбойничаетъ тамъ и сямъ по Забайкалью. Является тамъ, гдѣ его не ожидаютъ, не боится «шалить» и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его стерегутъ. Удалые подвиги и ловкость успѣваютъ вызвать сочувствіе: онъ пріобрѣтаетъ друзей между тѣми изъ ссыльныхъ, которые успѣли выдти на поселеніе и живутъ своими домами. Чѣмъ сильнѣе опасность отъ преслѣдователей, тѣмъ друзья эти находчивѣе. Чѣмъ меньше поживы, тѣмъ друзья эти дѣятельнѣе: наводятъ на проѣзжихъ, указываютъ на богатыхъ; не задается набѣгъ — ловко прячутъ. Сочувствіе отъ поселенцевъ переходитъ и на кое-кого изъ крестьянъ, и отсюда получается помощь

и содѣйствіе. Разбойники разгулялись, закружились въ вихрѣ приключеній и похожденій, и чѣмъ больше осталось похожденій назади, тѣмъ большій запасъ осторожности сдѣланъ на будущее время. Товарищи дѣлаютъ промахи, попадаются и гибнутъ; самъ атаманъ остается цѣлъ и невредимъ. Когда и онъ попадается прямо подъ кнутъ и на цѣпь, за нимъ уже цѣлая эпопея похожденій и злодѣяній въ такомъ случайномъ, безтолковомъ и безсвязномъ порядкѣ:

Бредутъ въ семеромъ: вотъ и большая шайка. По деревнямъ про случай ходятъ, не разбиваясь и по ночамъ получаютъ подаяніе: на пашняхъ собираютъ милостыню, ходя порознь; за деревнями встрѣчаются, сходятся вмѣстѣ. Разъ двое товарищей не пришло: дальше пустились только въ пятеромъ. Около Верхнеудинска, въ такъ-называемой, Воровской пади (оврагѣ), встрѣтили три повозки купеческія — напали: прикащикамъ связали руки; возы ограбили, нашли все бумажные товары, вино, тафту. Въ лѣсу вино выпили, товары спрятали въ «удобное мѣсто». «Надобно скрыть слухи» — пошли къ морю (Байкалу). Попадались рѣчки, — строили плоты и переправлялись. На Селенгѣ въ лѣсу наткнулись на верховыхъ русскихъ и братскаго. Встрѣчные спрашиваютъ:

— Что вы за люди, и есть ли билеты? Если нѣтъ — идите къ городничему.

— Какая тебѣ до того надобность? спрашиваютъ они съ укоромъ.

— Я — городничаго человѣкъ.

— А вотъ мы тебѣ дадимъ знать, что мы за люди?

Верховые испугались и бросились прочь. Опять надо слѣды хоронить: переправились за Селенгу на плоту. Въ слѣдующей деревнѣ снова разбрелись за милостыней, опять сошлись за околицей: еще двое товарищей не вернулись, также отшибились. Оставшіеся недолго таскались въ горахъ, двое рѣшились идти въ Иркутскъ и ушли; атаманъ не согласился и остался одинъ. По дорогѣ укралъ онъ у братскаго винтовку въ денное время, а въ ночное — наткнулся на савраcую кобылу, сѣлъ на нее и поскакалъ прямо на каторгу, по направленію къ заводу. Зачѣмъ: покаяться, смириться?

— Нѣтъ, стало холодно (конецъ октября); одёжа измызгалась. Надо потолкаться по юрдовкамъ (тайнымъ притонамъ у живущихъ

на пропитаніи): не выиграю ли? Погляжу кстати, гдѣ что плохо лежитъ.

На юрдовкахъ встрѣтилъ онъ двухъ товарищей: одинъ пришолъ съ женой повидаться. Атаманъ обогрѣлся, запасся теплой одеждой; поспалъ въ подпольяхъ, поигралъ въ карты, опять пошолъ на вольной свѣтъ и опять съ товарищами, изъ которыхъ двое старыхъ, три новыхъ.

Подъ заводомъ въ лѣсу услыхали они гнилой запахъ; искали слѣды на досугѣ, увидѣли трупъ товарища (тоже погрѣться шолъ), осмотрѣли — застрѣленъ.

Въ ближнемъ селеніи отъ завода (въ Хонхолоѣ) у крестьянина — пристань; съ нимъ сведено знакомство еще въ заводѣ на юрдовкахъ: попить, поиграть пріѣзжалъ, и самъ сиживалъ въ тюрьмѣ съ каторжными: стрѣляной звѣрь.

— Идите — говоритъ — въ падь: тамъ меня дожидайте!

Привезъ онъ хлѣба. Живутъ двѣ недѣли: онъ все хлѣбъ возитъ. Разъ привезъ задокъ баранины, туезъ молока, полсотни яицъ. Другой разъ притащилъ: омулей солепыхъ, киселю въ мѣшкѣ, пшеничныхъ булокъ и такой-же муки. На третій разъ притащилъ четверть вина и за виномъ, въ разговорахъ, указалъ на богатаго мужика въ деревнѣ Заганъ.

— Теперь время хорошее, способное; идите грабить того мужика.

Лошадей привелъ доброхотный датель, самъ онъ и домъ указалъ, когда и какъ пройти, и скрылся. Поѣхали. Лошадей привязали въ лѣсу; сами влѣзли въ баню, выжидая утра, когда хозяинъ уѣдетъ съ работниками на покосъ. Онъ и уѣхалъ, да скоро вернулся: было большое ненастье. День и ночь лежатъ бѣглые въ банѣ,— дожидаются. Хозяинъ отправился въ поле; бѣглые вбѣжали въ избу; трехъ бабъ — въ чуланъ. Пришли съ рѣки съ бѣльемъ еще двѣ дѣвки — и ихъ туда же запрятали. Пошли въ чуланъ къ бабамъ и дѣвкамъ пытать правды. Старшая баба дала 8 руб., и — больше-де нѣтъ. Не повѣрили; взяли ключи и нашли 60 руб., разное платье и разной товаръ.

Бабъ перевели въ другое мѣсто, заперли въ казенкѣ, сами ушли

въ лѣсъ: оттуда пріѣхали на «станъ»: вещи раздуванили на три пая. Другъ прибылъ: вина и шанегъ привезъ.

— Ѣду, говоритъ, въ заводъ. — что вамъ надо?

— Вина надо: вотъ деньги на вино и за хлопоты.

— Привезу вамъ за это ружье еще.

Вскорѣ другъ все привезъ, что обѣщалъ, да сверхъ того новыя вѣсти:

— Ѣдетъ прикащикъ-татаринъ съ товаромъ: можно хорошо поживиться.

— А куда мы дѣнемъ поживу?

— Отвезу вашимъ женамъ.

— Ладно. Пошли на трактовую дорогу, купца не дождались, а попали на сыщиковъ; кинулись въ лѣсъ — переночевали, а когда пришли на свой станъ, то увидѣли огнище разрытымъ: погоня, знать, близко, надо утекать. Зашли въ деревню къ другу; этотъ сварилъ имъ ужинъ. Дали ему 10 руб.: вина привезъ, а за хлопоты синюю дабу (бумажную татерію) подарили. Другъ опять послалъ въ лѣсъ, привозилъ къ нимъ туда вино и разныя извѣстія. На богатаго братскаго указалъ: трехъ связали, четвертый не давался. «Рѣзали его ножами, отчего онъ обезсилѣлъ». Обыскали: — ничего не нашли. Стали спрашивать—не сказываютъ; начали палить огнемъ: добились 21 руб. 75 коп. серебряною монетою и разной рухляди. Попробовали сходить на заводъ, тамъ украли корову: у проходившей по дорогѣ бабы отняли деньги, полученныя ею за проданныя ягоды и огородныя овощи. Въ заводѣ достали фальшивые паспорты, и опять на старый станъ, куда снова приходилъ старый другъ навѣщать съ виномъ и вѣстями.

Разъ извѣстилъ, что одного изъ ихъ товарищей поймали. — рѣшились отбить отъ конвойныхъ, вышли на дорогу, но, увидѣвъ сильный конвой, не рѣшились. На пути украли трехъ лошадей и согласились ограбить крестьянина. Зажгли восковую свѣчу, поставили ее въ тузъ, влѣзли на крышу, разобрали ее; пришли въ сѣни, вошли въ избу. Хозяинъ огонь погасилъ и закричалъ. «Если больше будешь кричать, то тутъ тебѣ и смерть». Дѣтей прогнали въ подъизбицу: засвѣтили лучину. Хозяинъ послалъ жену за деньгами. Ста-

ли дѣлить. На каждаго пришлось по 180 р. серебряною монетою и по 3 руб. 15 коп. мѣдными. Забрали рухлядь—и къ старому, испытанному другу похвастаться, да и поплакаться, а если не согласится, то и припугнуть.

— Стосковались по избѣ, какъ ни какъ пусти ночевать, давно въ теплѣ не сиживали: просто не въ моготу стало!

Ѣли въ избѣ баранье стегно, брюшинную похлебку, пили изъ туеза вино; хвалили хозяина, дали ему 30 руб. и, какъ начало на дворѣ зориться, отправились къ заводу, чтобы въ сосѣдствѣ приладить землянку, удобную въ прожитію на зимнее время. Самому атаману этого не удалось сдѣлать: онъ такъ былъ пьянъ, что дорогою свалился съ лошади (а такіе же пьяные товарищи того не замѣтили). Около поскотины нашелъ атамана харауэскій крестьянинъ крѣпко спавшимъ: узналъ; на первыхъ порахъ испугался, подозвалъ товарищей и общими силами связали его и представили къ заводскому начальству. Изъ остальныхъ товарищей его одинъ попалъ на двухъ сыщиковъ да и спрятался въ засаду: въ пустую избу. Сюда казаки ходить не любятъ, опасаются. Начали вытравливать по своему: одинъ засѣлъ за уголъ; другой кричалъ: «выходи!» Его не послушались,—онъ влѣзъ на крышу, въ трубу просунулъ жердь: «выходи-де!» Вышелъ: «я не здѣшной; я—изъ-за Камня (перчинской)— и побѣжалъ въ лѣсъ. Погнались за нимъ — не нашли.

Самъ Горкинъ посаженъ былъ на цѣпь: валяясь на нарахъ, смирялся.

Пока разсказы объ немъ росли въ гору, зацѣпляя небылое, мѣшали съ былымъ — Горкинъ пѣлъ пѣсни, заученныя въ Россіи, выдумывалъ, говорятъ, и свои. Когда спустили его съ цѣпи въ казарму, умѣнье пѣть пѣсни и хватать ими прямо за сердце развилось въ Горкинѣ въ неподдѣльный, настоящій талантъ. Съ нимъ хорошо прожилось ему по окончаніи каторжнаго срока на пропитаніи, въ разрядѣ исправляющихся; такимъ же мастеромъ-пѣсенникомъ зазнали его мы въ четвертомъ разрядѣ ссыльныхъ, куда перевела его судьба по окончаніи долгихъ мытарствъ. Здѣсь объявилась въ немъ новая страсть, подвернувшаяся кстати на выручку. Полюбилъ удалой пѣсенникъ бойкихъ лошадокъ; холилъ и гладилъ ихъ и выхолилъ

такую лихую тройку, о которой стали ходить хвастливые слухи даже и въ этой (восточной) сторонѣ Забайкалья, гдѣ сартольская лошадка стоитъ въ большой славѣ. Приманилъ къ себѣ Горкинъ молодецкой ѣздой и придержалъ на своей тройкѣ удалой пѣсней, острой присказской и веселыми прибаутками слабаго съ этого богу сибирскаго купца. Горкинъ и другую тройку подобралъ, и третьей обзавелся и возилъ въ нашъ проѣздъ по каторгамъ откупныхъ новѣренныхъ, какъ подрядчикъ и какъ кровный любитель, прямо, изъ села Кабанскаго черезъ все озеро Байкалъ въ Лиственичную. О старыхъ злодѣйствахъ забылъ, но любилъ разсказывать въ оправданіе себя такой казусъ:

— Толковали про меня много всякаго вздору. Съ этимъ и по сю-пору всякій лѣзетъ ко мнѣ, чтобы я ему сознавался. Одно сказать могу: ни одной я души человѣческой не тронулъ. А вотъ это разъ было: ушолъ я отъ сыщиковъ да и умаялся, спать захотѣлъ. Извѣстное дѣло, всякій бродяга всякое мѣсто оглядываетъ; и хорошо просыпаться не въ петлѣ. Такое правило. Оглядѣлся и я: понравилась мнѣ яма. Легъ я въ нее и заснулъ. Спалъ, надо быть, такъ, какъ убитый. Проснулся; сталъ въ себя приходить: пѣсню заслышалъ. Чудесно, молъ, такъ-то поетъ кто-то. Знать, не сибирякъ, потому народъ этотъ пѣть, что рыба омуль, не умѣетъ, а нашъ-де братъ россійскій, и можетъ такой же бродяга. Однако, посмотрю. А правило наше блюду: смотрю во всѣ стороны. Нѣтъ никого, а кто-то мурлычитъ. Глянулъ поближе, а тутъ на заплотѣ (огородѣ) мухортый казачишко сидитъ, ко мнѣ спиной, и изъ стороны въ сторону покачивается. Сталъ я прислушиваться: по нашему, пороссійски, ничего не выходитъ, посибирски значитъ пѣсня. Что ему на глаза попалось, то онъ и на голосъ принимаетъ: про корову, про собаку вытягиваетъ. Мурлычитъ и этотъ казачишко. Я поближе, а у него въ пѣснѣ выходить стало, что ему-де на заплотѣ-то теперь очень хорошо, и никого-де онъ теперь въ цѣломъ свѣтѣ не боится. — Медвѣдя — говоритъ — не боюсь, волкъ прибѣжитъ, — не боюсь и волка, и Горкинъ придетъ и Горкина — слышь — не боюсь. Ахъ! — и взяла же меня тутъ обида поперегъ самого живота! Подкрался я къ нему сзади на цыпочкахъ: правой-то по спинѣ бачиной (прутомъ) хлестнулъ

лѣвой за плечо повернулъ его рожей къ себѣ, да и спрашиваю: «какъ, молъ, такъ, и меня не боишься?!» Онъ на меня взглянулъ, взвизгнулъ, да какъ снопъ и свалился на землю. Какъ я его ни трогалъ, какъ ни пихалъ—не шевелится; ухо приложилъ — не дышетъ. Померъ онъ такъ, словно я ему всадилъ ножъ въ самое сердце. Вотъ въ этой душѣ каюсь; отъ нея и отрекаться не стану. Да развѣ я тутъ въ чемъ причиненъ? — любилъ вопрошать ямщикъ и пѣсенникъ Горкинъ, кончая любимый разсказъ свой, который онъ успѣлъ разсказать чуть ли не всему Забайкалью.

Примѣровъ довольно (за Горкинымъ ходить —повторять сказанное). Грабежи на каторгѣ — болѣзнь хроническая, неподчиненная тѣмъ законамъ, по которымъ многосложными вычисленіями дошолъ Гэрри, увѣряющій, что убійства и грабежи на общественныхъ дорогахъ производятся преимущественно въ періодъ времени съ октября по январь. Для каторжныхъ мѣстъ это время — время затишья: оголодавшіе и иззябшіе бѣглые, съ приближеніемъ зимнихъ морозовъ, начинаютъ тѣмъ или другимъ способомъ добиваться угрѣвы, искать тепла и обезпеченія на зимніе мѣсяцы. Большею частію являются они на тѣ же казенные заводы съ каторжными работами, предпочитая легчайшія тяжкимъ: карійскій бѣглый старается помѣститься на желѣзномъ заводѣ, бѣглый съ солевареннаго на винокуренномъ, а бѣглый съ послѣдняго сорта работъ ищетъ работъ вольныхъ: либо на частныхъ золотыхъ промыслахъ, либо на купеческихъ и крестьянскихъ фермахъ (заимкахъ). Такихъ добровольно пришедшихъ начальство, считая виновными, наказываетъ домашнимъ негласнымъ судомъ. и въ годовыхъ отчотахъ своихъ хвастливо выставляетъ ихъ пойманными и пишетъ наказанными въ двухъ разрядахъ: «за побѣги» и за «самовольныя отлучки». Противъ общаго числа ссыльныхъ количество возвращонныхъ бѣглыхъ составляетъ немного больше половины; добровольно явившимся принадлежитъ значительно большая часть *). Весна съ соблазномъ тепла и вѣроятіемъ вольныхъ

*) Съ 1 янв. 1847 по 1 янв. 1857 г. число всѣхъ ссыльныхъ рабочихъ на Нерчинскихъ заводахъ составляло 6,213 человѣкъ; въ тотъ же періодъ наказано за побѣги и самовольныя отлучки 2,923 (2,741 за побѣги, 182 за отлучки).

работъ у хлѣбопашцевъ увеличиваетъ, по всяческимъ казеннымъ заводамъ, количество побѣговъ и число голоднаго люда — дешовыхъ работниковъ для крестьянскихъ, по сибирскому обычаю, большихъ хозяйствъ. Весеннее время теряетъ значеніе (по Гэрри) времени, соотвѣтствующаго, по количеству преступленій, осени: сибирская осень представляется той порой, когда число преступленій, направленныхъ противъ собственности (кражи и грабежи), идетъ въ соотвѣтствующей пропорціи съ тѣми, которыя направлены покушеніями противъ лицъ (разбои, убійства). Августъ и сентябрь представляются тѣми мѣсяцами, когда наибольше сибирскимъ судамъ доводится встрѣчаться съ виновными въ разбояхъ, сопряженныхъ съ убійствами. При этомъ убійства, противъ всякаго ожиданія, не составляютъ вблизи каторжныхъ мѣстъ такого явленія, которое можно было бы назвать частымъ, и этотъ родъ преступныхъ злодѣяній является здѣсь съ особенными, характерными признаками, и представляется, сравнительно съ Россіей, въ самостоятельной формѣ и совершенно въ другой обстановкѣ.

Всѣхъ убійцъ изъ Россіи, въ теченіе десяти лѣтъ, сослано 2,179 человѣкъ на нерчинскіе заводы. Всѣ убійцы, по характеру этихъ казенныхъ учрежденій, и по экономическому значенію таковыхъ, поставлены въ исключительное положеніе рабочей силы; стали конями (по выраженію каторжнаго бывальца и проходимца Коренева). По скольку велика, пригодна и примѣнима ихъ сила, по столько ихъ готовы расцѣнивать болѣе самостоятельные и человѣколюбивые руководители работъ, но не блюстители нравственности. Послѣдняя не входитъ въ обязательства, для которыхъ не оставлено мѣста и рѣшительно не достаетъ времени. Ссыльные предоставлены самимъ себѣ, и притомъ въ совмѣстномъ жительствѣ, ежедневно имѣютъ все противъ себя. Оборванная «сбруя», въ видѣ форменныхъ одежныхъ вещей, въ одно и то же время и затягиваетъ въ безконечные и неоплатные казенные долги и вѣрнѣйшимъ образомъ унижаетъ человѣческое достоинство тѣхъ, кого эти лохмотья прикрываютъ. Нигдѣ, кромѣ каторги, всѣ данныя не складываются въ такомъ обиліи и согласномъ сочетаніи для того, чтобы оскорбить и унизить привиллегированное и прирожденное человѣку чувство собственной гордости и

разумѣнія личнаго достоинства. Въ способахъ обращенія, распредѣленія работъ и ихъ примѣненія, въ условіяхъ быта и взаимныхъ отношеніяхъ, все направлено къ тому, чтобы низвести людскую породу до крайней степени уничиженія и презрѣнія къ самой себѣ. И за то нигдѣ уже эта цѣль не достигается съ такимъ успѣхомъ, какъ на этотъ разъ.

У людей, лишонныхъ всякой собственности, потерявшихъ законное право на владѣніе движимой и недвижимой, отрицаніе собственности является на первомъ мѣстѣ въ видѣ кореннаго каторжнаго закона. Ссыльные воровство за грѣхъ не считаютъ и воруютъ всѣ поголовно не только у сторонних, свободныхъ и счастливыхъ людей, но и въ средѣ своей, у такихъ же голышей и оборвышей. Сюда, въ эту сторону, направляются преступныя покушенія всякаго сорта ссыльныхъ подъ вліяніемъ благопріятнаго вѣтра по быстрому теченію рѣки, которая на каторгѣ торопливѣй течетъ и гуще пѣнится. На каторгѣ не тѣ только воры, которые совершили разбои и кражи или обвинены въ святотатствѣ, но воруютъ: и наталкиваемые голодомъ поджигатели, и ищущіе спасенія въ побѣгѣ убійцы. Нѣтъ на каторгѣ разницы; въ этомъ смыслѣ она умѣетъ уравнивать, подъ одну краску окрашивать и зарождать во всѣхъ одинаковыя желанія. Большинство послѣднихъ сходится на глухомъ протестѣ противъ обязательныхъ и безплатныхъ трудовъ и противъ всей каторжной тяжести, выражаемомъ стремленіями на волю, безчисленными побѣгами. На каторгѣ считаютъ возвращонными только тѣхъ, которые, по малой опытности, были неосторожны и несчастливы; но и эти ходили въ бѣга съ дурными зачатками. Отъ постояннаго озлобленія, отъ дурной пищи и сырыхъ жилищъ, развивающихъ брюшныя болѣзни, цынготное худосочіе и меланхолію, бѣглецы эти уносятъ съ собою крайнюю раздражительность, каковая болѣзненно возрастаетъ отъ пьянства и молчитъ только до времени. Съ набалованными на воровствѣ руками, они на волѣ являются посреди тысячъ соблазновъ и подъ безвыходнымъ гнётомъ нужды и голода. Простое воровство, хорошо приспособляющее себя тамъ, гдѣ плохо берегутъ себя и живутъ неосторожно-распущенно, но въ средѣ населенія, постоянно находящагося въ осадномъ положеніи отъ бѣглыхъ и потому осторож-

наго, воровство обязательно переходитъ въ грабежъ и разбой. Нерчинское горное начальство только потому мало судитъ за грабежъ (въ 10 лѣтъ 8 случаевъ) и за воровство (64 человѣка), что уходятъ его паціенты дальше, вонъ изъ предѣловъ округа, и уходятъ съ должными предосторожностями, на которыя обязываетъ желаніе уйдти отъ рудниковъ дальше, по возможности, въ Россію, или по крайней мѣрѣ въ мѣста Сибири, болѣе гостепріимныя для бѣглыхъ. По близости дѣйствуютъ только отчаянные и живутъ, подчиняясь всѣмъ случайностямъ судьбы, которая такъ характерно отразилась на судьбѣ Горкина, представляя въ немъ лицо до очевидности страдательное, лишонное всякой изобрѣтательности. Для того, чтобы его преступной и испорченной волѣ дѣйствовать, надобно внѣшное возбужденіе; чтобы надѣлать преступленій, необходимо было умалиться до человѣка, необладающаго ни энергіей, ни изобрѣтательностью. Весь результатъ похожденій, все счатье удачи послѣ многотрудныхъ опасностей—ведро вина и право быть въ томъ состояніи, въ которомъ такъ легко забывается на время весь сумракъ и тяжесть безвозвратно-испорченной жизни. Забаловавшись удачами и закружившись во всѣхъ запутанныхъ похожденіяхъ, онъ такимъ образомъ понесъ на себѣ всю тяжесть значенія, какъ разбойника, перепачкался въ людской крови, послѣ того, какъ вышелъ только отдохнуть и погулять. Конечно, такіе субъекты — явленіе далеко не ежегодное, но тѣмъ не менѣе періодическое и поучительное тѣмъ, что въ такихъ людяхъ какъ бы совмѣщается все недовольство людей «каторжнаго званія, которымъ и законъ не защитникъ» (какъ говорятъ они сами). Такіе, временами показывающіеся злодѣи — какъ бы избранные изъ среды своей мстители за товарищей, выходящіе на поле дѣятельности тогда, когда мѣра каторжнаго терпѣнія переполнилась и незримыя наблюдающимъ взорамъ внутреннія причины сложились именно такъ, что появленіе злодѣя кажется неизбѣжнымъ и законнымъ. Онъ для того и не уходитъ далеко, а мститъ, злодѣйствуя тутъ же; мститъ, поощряемый и поддерживаемый товарищами, испытавшими тяжесть ссылки, и злодѣйствуетъ на ихъ имя, на свою спину. Вѣрно, по крайней мѣрѣ, одно, что періоды появленія въ Нерчинскомъ краѣ злодѣевъ довольно примѣтны и имена рѣзче другихъ выдающихся

личностей хорошо извѣстны. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія заботилъ горныя власти разбойникъ Егоръ Григорьевъ и наводилъ страхъ и обязывалъ разсказами о своихъ похожденіяхъ мѣстное забайкальское населеніе долгое время. Слава его стала тускнуть и разсказы мельчать въ 30-хъ годахъ нынѣшняго же столѣтія, когда на смѣну ему выступилъ пѣсенникъ Горкинъ, а вотъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ загорѣлась звѣзда третьяго—Дубровина. Разъ случилось такъ, что въ то время, когда въ этой половинѣ Забайкалья злодѣйствовалъ Григорьевъ, въ восточной половинѣ, въ самомъ центрѣ нерчинскихъ рудниковъ, разбойничалъ Морозовъ, подъ Иркутскомъ — Гондюхинъ, въ окрестностяхъ Якутска на Ленѣ — Левицкій съ товарищами. Люди эти, поставляя главною своею цѣлію грабежъ на проѣзжихъ дорогахъ и устремляя свои нападенія преимущественно на купеческіе обозы и казенные транспорты, совершали убійства иногда въ такомъ числѣ, которое поражало своею необычайностію; нѣкоторымъ приводилось вишиться въ 10, 18 душахъ. Этимъ людямъ доводилось быстро поднимать цифру совершонныхъ злодѣйствъ въ предѣлахъ каторжныхъ мѣстъ. Безъ нихъ злодѣйства не отличаются рѣзко-выдающимися особенностями и ростутъ, подчиняясь уже, какъ мы сказали, другимъ вызовамъ и особымъ законамъ.

Такъ изъ числа 2.197 убійцъ, присланныхъ изъ Россіи въ тотъ же періодъ десяти лѣтъ, во всемъ Нерчинскомъ краѣ (жившемъ все это время разсказами о недавнихъ злодѣйствахъ Горкина), суждено за убійства (съ 1847 по 1857 г.) всего *одиннадцать* человѣкъ. Стало быть, изъ 200 убійцъ только одинъ (и то повидимому) подтвердилъ народное повѣрье, что разъ обагрившійся чужою кровію заражается жаждою ея и, по роковому влеченію злобной судьбы, уже не останавливается передъ новыми поводами къ подобнымъ злодѣйствамъ. Только одинъ на 565 ссыльныхъ (изъ всего числа присланныхъ на каторгу) нашолся такой, который, въ подозрительномъ правѣ на поддержку укоренившагося въ образованныхъ классахъ русскаго общества убѣжденія въ томъ, что въ ссылкѣ находятся тѣ порочные люди, для которыхъ нѣтъ ничего святаго и завѣтнаго, и, стало быть, пролить кровь ничего не значитъ. Въ самомъ же дѣлѣ изъ Россіи являются сюда убійцами люди, отдавшіеся тому непосредственному чувству

звѣрскаго раздраженія по вдохновенію кровной тяжолой обиды, которая ищетъ помощи на томъ же мѣстѣ, гдѣ приспѣлъ часъ мщенія, и содѣйствія въ тѣхъ орудіяхъ, которыя являются подъ руками и первыми являются на глаза: скалки, полѣнья, топоры, и проч. Присутствіе предварительной подготовки, преднамѣренной рѣшимости совершить преступленіе убійства у бо́льшей части ссыльныхъ изъ простаго необразованнаго люда замѣчательно слабо и участіе развращенной воли подозрительно. Каторга даетъ многочисленныя доказательства тому, что эти люди, несъумѣвшіе совладать съ приливомъ звѣрскихъ чувствъ на моментъ рѣшительнаго жизненнаго вопроса и строгаго испытанія, живущіе подъ непосредственнымъ вліяніемъ природы, вовсе не тѣ, которыхъ нельзя было бы исправить въ Россіи, и именно тѣ, для которыхъ на каторгѣ представляется масса поводовъ натолкнуться снова и на новые случаи, дозволяющіе выразить присутствіе злой воли. Изъ ближайшихъ мѣстныхъ наблюденій оказывается, что поводы эти, становясь равнозначущими для всѣхъ живущихъ на каторгѣ, успѣшнѣе обходятся ссыльными, врасплохъ застигнутыми несчастіемъ каторжной ссылки за убійство, и поддаются соблазну этого злодѣйства на мѣстахъ ссылки безразлично всѣ, сосланные за другіе роды преступленій. Меньшинство убійцъ въ этомъ случаѣ уступаетъ поле и мѣсто большинству другихъ преступниковъ, присланныхъ на каторгу. Здѣшнія убійства начинаютъ свою исторію, вызываются новыми причинами и сказываются въ другой обстановкѣ. Убійства сибирскія являются послѣдствіемъ неудавшагося грабежа на замѣчательномъ большинствѣ случаевъ. Убійцею становится тотъ, кто пошолъ въ бѣга изъ мѣста заточенія, не успѣвъ примириться съ каторжною системою возмездія за преступленіе, и дѣлается снова преступникомъ на этотъ разъ во время крайней опасности отъ голодной смерти и въ тотъ моментъ, когда послѣднія надежды его встрѣчаютъ сильный отпоръ и вооружонное противодѣйствіе. Орудіями злодѣйства всего чаще служатъ сами преступныя руки, схватывающія за горло для задушенія и опять-таки ножъ — орудіе для всякаго бѣглаго необходимое, всегда готовое къ услугамъ на поясу или за пазухой. Случаевъ убійствъ по любви къ искуству, подобно Дубровину (натолкнутому, впрочемъ, особымъ родомъ удальства и хвастовства передъ

ослабѣвшею бдительностію начальства и всѣми испуганными его побѣгомъ изъ тюрьмы), — случаевъ такихъ ссыльныя мѣста даютъ такъ мало, что они блекнутъ передъ громаднымъ большинствомъ убійствъ, вызванныхъ случайнымъ моментомъ *). Человѣкъ, осужденный на каторгу, понесъ въ ссылку уже съ роднаго мѣста зачатки той нравственной болѣзни, которая имѣетъ основу въ лишеніи всѣхъ правъ состоянія, развивается въ нѣчто серьёзное по мѣрѣ того, какъ этапы начинаютъ, а сибирскія тюрьмы продолжаютъ представлять и осуществлять на опытѣ въ тяжолыхъ и настойчивыхъ формахъ практическое значеніе того несчастія, которое называется лишеніемъ всякихъ правъ. На мѣстахъ ссылки достаточно развившаяся болѣзнь, подъ впечатлѣніями общаго презрѣнія, выражаемаго словами и дѣломъ, скадывается въ окончательныя формы. Если ссыльный, въ отчаяніи отъ боли, не прекратитъ жизни самоубійствомъ, то во всякомъ случаѣ въ немъ готовъ внутренній, невещественный нарывъ, который сказывается потомъ при всякомъ случаѣ, при малѣйшемъ вызовѣ, при ничтожномъ уколѣ. На этотъ разъ только случайность, и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ предупредительность, основанная на разумномъ опытѣ, способны не вызывать болѣзненнаго раздраженія до опасныхъ и злодѣйскихъ примѣненій, часто даже характеризующихся убійствомъ. Въ ссыльныхъ мѣстахъ практическіе и умные люди, по опытамъ людей неосторожныхъ и злыхъ, хорошо знаютъ то, на сколько опасно въ сношеніяхъ съ этими больными примѣненіе средствъ ѣдкихъ и раздражительныхъ и до какой степени дѣйствительны, необходимы и способны творить чудеса успокоительныя средства. Въ то время, когда неосторожные и неопытные платились жизнію — практическіе и осмотрительные достигали блестящихъ результатовъ, только умѣя доказать самимъ дѣломъ одно, что и въ

*) Какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, мусульмане отличаются наибольшею наклонностію къ убійствамъ, и несмотря на то, что надъ ихъ наголо бритыми головами разразился ударъ тяжолаго молота каторги,—Иркутское Усолье представляетъ не совсѣмъ безопасное мѣсто. Ссылаемые сюда кавказскіе горцы (до шамилевыхъ мюридовъ включительно) очень часто производятъ убійства: то рѣжутъ, то душатъ. За то и дорогу съ завода прозвали воровскою.

лишенномъ человѣческихъ правъ они видятъ и признаютъ человѣка. Возвращеніемъ обратно нѣкоторыхъ правъ, прибавкою больнымъ этимъ даже самыхъ незначительныхъ льготъ, достигаются тѣ неожиданные результаты, которые свидѣтельствуютъ о живучести въ самыхъ тяжкихъ преступникахъ чувства чести и сознанія человѣческаго достоинства. Самый закоренѣлый злодѣй Дубровинъ доказалъ это тѣмъ, что довелъ довѣренныхъ ему каторжныхъ съ Кары до Николаевска, не упустивъ ни одного. Тѣмъ же способомъ довѣрія съумѣлъ достичь до болѣе блестящихъ результатовъ тотъ этапный командиръ, которому поручено было перевезти изъ Большаго Нерчинскаго завода (по уничтоженіи тамъ тюрьмы) всѣхъ каторжныхъ на Кару — въ новыя тюрьмы и на новыя работы на золотыхъ промыслахъ. На этой системѣ до половины зиждется утлое зданіе всей этапной системы. Большую часть деревянныхъ частныхъ домовъ въ г. Томскѣ выстроили рабочія артели изъ каторжныхъ, подъ надзоромъ рядчиковъ изъ своихъ и пользовавшихся полною свободою, внѣ всякаго начальническаго дозора. Лишь только успѣлъ замѣшаться посторонній наблюдатель (по поводу одного побѣга, о которомъ тосковала и кручинилась каторжная артель больше всѣхъ), дѣло было испорчено; рабочіе начали бѣгать: больное мѣсто получило уколъ, и уколъ произвелъ раздраженіе. Оно на этотъ разъ не сообразилось ни со временемъ, ни съ мѣстомъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ вызова, раздраженіе не умѣетъ уже различать и лицъ. Оно высказывается мщеніемъ за обиду не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вызовъ производится со стороны могущаго и сильнаго, но и тамъ, гдѣ онъ заявляется стороною болѣе слабою, какъ горные рабочіе, и совсѣмъ слабою, какъ свой братъ-арестантъ. Убійства своихъ, убійства въ тюремныхъ стѣнахъ являются новымъ видомъ этихъ преступленій на самой каторгѣ.

Два шмельцера играютъ въ карты съ каторжнымъ Исаевымъ. Исаевъ выигралъ, но выигрышъ ему не отдаютъ. Онъ споритъ, рѣшается въ крайномъ случаѣ идти для разбирательства въ полицію. При немъ говоритъ одинъ шмельцеръ другому: «ежели бы ты добрый служитель былъ, то ты бы Исаева, какъ ссыльно-каторжнаго, билъ бы и давно выгналъ вонъ, коему и законъ, если онъ пойдетъ въ судъ, не велитъ вѣрить». Исаевъ закидался по избѣ, схватилъ ножъ, по-

бѣжалъ за обидчиками, и кого-нибудь изъ нихъ непремѣнно бы зарѣзалъ, но въ потьмахъ не нашолъ ни одного.

Въ Петровскомъ заводѣ былъ извѣстенъ всѣмъ декабристамъ горбунъ, ходившій постоянно съ палочкой: еврей, сосланный съ австрійской границы за контрабанду въ Енисейскъ. Оттуда горбунъ за воровство со взломомъ былъ присланъ въ Петровской заводъ. Здѣсь разсказывалъ онъ про себя, что сдѣлалъ его горбатымъ кнутъ, и между прочимъ откровенно передавалъ такую повѣсть: дали ему за преступленіе 101 ударъ кнутомъ, стали налагать извѣстныя клейма: В. О. Р. Онъ неладно сѣлъ: квартальный разсердился, выхватилъ у палача кнутъ, сталъ бить по головѣ, сверхъ законныхъ ударовъ.

«Постой же, думаю. Снесли меня въ больницу. Здѣсь я притворился, что умираю, и сказываю: пусть-де возьметъ у меня квартальный поясъ, а въ поясѣ, молъ, деньги. Пришолъ онъ. Я свалился съ койки на полъ: началъ стонать, умирать; рукой на поясъ показываю. Наклонился квартальный за деньгами, я изловчилъ руку, стребъ припасеный ножъ, распоролъ квартальному брюхо и грудь ему поднялъ».

На нашихъ глазахъ въ Верхнеудинскѣ окончилось послѣднее дѣйствіе драмы, которую затѣялъ другой еврей Хаимъ Аврумовъ Вульевъ; кончилось тѣмъ, что его прогнали сквозъ строй за побѣгъ съ каторги Кутомарскаго завода, за нанесеніе по пошикѣ изъ этого побѣга тюремному смотрителю Верхнекарійскаго промысла ножомъ раны, и за убійство ссыльно-каторжнаго Николая Семенова *). Послѣднее убійство обставилось для Вульева такими подробностями:

Работалъ онъ съ товарищами на тюремномъ арестантскомъ огородѣ подъ наблюденіемъ часовыхъ, стоявшихъ у тюремнаго помѣщенія. Захотѣлось ему отдохнуть, и онъ вошолъ въ кухню въ то время,

*) Гоняли его сквозъ строй чрезъ тысячу человѣкъ одинъ разъ и указали, сверхъ прежняго срока, приковать къ тележкѣ на два года, и восемь лѣтъ потомъ содержать въ отрядѣ испытуемыхъ. Вульевъ всю тысячу сразу не прошолъ, упалъ въ обморокъ. Когда фельдшеръ привелъ его въ чувство, Вульевъ первымъ дѣломъ ударилъ благодѣтеля по щекѣ; вторымъ — пригрозилъ убить судью и стряпчаго, лишь только удастся ему бѣжать изъ тюрьмы. То же самое настойчиво повторялъ и на койкѣ въ лазаретѣ, излечиваясь, чтобы доходить остальную тысячу.

когда староста Семеновъ вынулъ изъ котла мясо и хотѣлъ рѣзать его на пайки. Для этого получилъ и ножъ, сохраняющійся всегда у военнаго караула. Пока товарищъ Семенова ходилъ за комнатнымъ надзирателемъ, чтобы пригласить его размѣрять на пайки вареное мясо, Семеновъ лежалъ уже на нарахъ близъ двери зарѣзаннымъ. У Семенова съ Вульевымъ были какіе-то счоты, ничтожные до того, что слышавшій споръ ихъ изъ сосѣдней комнаты не счолъ за нужное войти и мирить. Но Семеновъ успѣлъ выговорить: «ты злодѣй не только мнѣ, но и всему міру». «Вульевъ, тотчасъ подскочивъ къ Семенову, ударилъ его по лицу и съ азартомъ требовалъ отъ него доказательства, почему онъ злодѣй, и притомъ ткнулъ въ лѣвый бокъ Семенова тѣмъ ножомъ, который вырвалъ изъ его рукъ. Семеновъ застоналъ и легъ на нары. Вульевъ—по собственному сознанію и по свидѣтельству очевидцевъ — видя Семенова въ отчаянномъ положеніи, бросилъ ножъ и пошолъ въ казарму казаковъ объявить, что онъ зарѣзалъ старосту. Рану убитаго пробовали присыпать табакомъ и прикладывать тряпку «для удержанія кровоизліянія», но Семеновъ чрезъ нѣсколько минутъ умеръ, не объяснивъ причины ссоры. Вульевъ протолковалъ ее такимъ образомъ: «18 дней не выходилъ я на работу и занимался шитьемъ одежныхъ вещей: починкою штановъ и шитьемъ сюртука. Пришолъ на кухню, по просьбѣ товарища арестанта-портнаго же Янкеля Трусселя, отъ котораго получилъ 1 руб. сер. для того, чтобы прибить Семенова, а Трусселъ былъ въ ссорѣ съ Семеновымъ «за непродажу ему саноговъ». Изъ медицинскаго свидѣтельства видно, что Вульевъ «тѣлосложенія слабаго, страдаетъ хроническимъ разстройствомъ сердца съ сильнымъ біеніемъ онаго, имѣетъ изломанную головную кость, на лѣвое ухо глухъ и боленъ ломотою ногъ, изъ которыхъ правая одеревенѣла и нечувствительна». По статейному списку узнаемъ, что ему 44 года, изъ мѣщанъ, что онъ присланъ въ каторжную работу на заводы за грабежъ, наказанъ кнутомъ съ постановленіемъ знаковъ. По самому дѣлу, по допросамъ подсудимыхъ ясно, что драки и ссоры — обыкновенный тюремный способъ препровожденія времени, что затѣваются онѣ, на этотъ разъ не впервые, по вызову самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ поводовъ, и навѣрное на этихъ невинныхъ занятіяхъ многимъ удается срывать

свое сердце и облегчать душу, не догрызаясь до ножа, не раздражаясь до убійства. Граница лежитъ тамъ, гдѣ уколы бьютъ по сосѣдству и не попадаютъ въ жгучую рану, снабженную наболѣвшими и раздраженными нервами. Такихъ, у которыхъ разбереженная рана никогда не заживала и постоянно ныла, однимъ словомъ такихъ, о которыхъ любятъ повѣствовать французскіе писатели (какъ напр. Appert), на нашихъ галерахъ почти нѣтъ совсѣмъ. Сиживали они всѣ когда-то въ одномъ мѣстѣ: въ Акатуйской тюрьмѣ на цѣпяхъ, но передъ французскими злодѣями, въ родѣ Бенуа, Шоффрана, Полишинеля, Режеса, Лассенера и Авриля наши убійцы грубая мелкота, далеко не такъ тонко выдѣланная и замѣчательно простоватая. Попрочнѣе и поядовитѣе другихъ выдался нѣкто Филиповъ. Придетъ припадокъ, — онъ и когти припрячетъ, приладилъ оружіе — когти выпустилъ. Освобожденный отъ кандаловъ, онъ купилъ себѣ въ Акатуѣ домикъ. Разъ подступилъ къ нему приливъ злыхъ мыслей: посадилъ онъ въ печь имянинный пирогъ и пошолъ къ надзирателю рудника кланяться, просить осчастливить посѣщеніемъ. Тѣмъ же кланялъ содержателя и смотрителя. Всѣ любили выпить (онъ это зналъ); напоилъ онъ ихъ до безчувствія водкой съ дурманомъ, разорвалъ на нихъ платье, подбилъ глаза, наломалъ бока, перебилъ собственные горшки и оконныя стекла, переломалъ мебель.

Явясь къ главному начальнику, жаловался, что гости его крѣпко изубытчили; представилъ тому наглазныя доказательства: вотъ валяются на полу. Успокоился онъ, когда гости заплатили ему большія деньги, по приказанію главнаго начальника. Его нѣсколько разъ приковывали на цѣпь и увольняли. Разъ когда онъ сидѣлъ на цѣпи, услышалъ стороной разговоръ о собственной женѣ, которая будто бы завязала связь съ выпущеннымъ недавно на волю арестантомъ. Ревность заставила его притвориться больнымъ и лечь въ лазаретъ. Въ лазаретѣ прикинулся онъ умирающимъ, просилъ жену навѣстить его передъ смертью. Эта пришла съ калачами. Филиповъ притиснулъ ее къ окну, схватилъ за горло и уже поднялъ на воздухъ, чтобы совсѣмъ задушить, но на помощь прибѣжали арестанты съ солдатами. Сидѣлъ онъ въ послѣдній разъ на цѣпи рядомъ съ Безногимъ, убійцею и бродягой, лишившимся ногъ въ лѣсу на морозѣ. Оба жили

дружно и дожили до того, что у нихъ могла сладиться игра въ карты. Разъ за игрой повздорили и подрались. Безногій схватилъ Филипова за горло, и такъ сильно ударилъ его головою о желѣзную рѣшотку, что черепъ раскололся и Филиповъ исчезъ въ спискѣ злодѣевъ.

Восточная Сибирь, какъ преимущественное складочное мѣсто всѣхъ убійцъ и злодѣевъ сохраняетъ между прочимъ объ одномъ такое преданіе (въ Минусѣ). У мѣщанина живетъ бѣглый и ходитъ съ нимъ на охоту. Разъ въ одну изъ такихъ прогулокъ замѣтилъ онъ звѣровщика, достававшаго съ дерева подстрѣленную бѣлку. Бродяга хладнокровно прицѣлился и ухлопалъ на повалъ этого незнакомаго и перваго встрѣчнаго. Содравъ одежду, пошолъ домой. Натолкнувшись на другаго, съ нимъ поступилъ также. Мѣщанинъ-спутникъ сталъ его упрекать. Бродяга скрутилъ ему руки и ноги, ограбилъ; потомъ началъ отрѣзать ему члены одинъ за другимъ съ наслажденіемъ, не торопясь. Жена мѣщанина, не дождавшись мужа, объявила о пропажѣ его. Полиція нашла трупъ и поймала бродягу. На допросѣ онъ повинился еще въ 15 убійствахъ и охотливо разсказалъ, что съ убитыми не разставался разомъ, а находилъ большое удовольствіе въ томъ, чтобы полежать возлѣ него, даже поспать ночь рядомъ съ трупомъ.

При условіяхъ возбужденій, подобныхъ тѣмъ, которыя натолкнули на убійство даже евреевъ Горбуна и Вульева (народа наиболѣе осторожнаго и наименѣе причастнаго смертному грѣху смертоубійства), не мудрено возрости въ десять лѣтъ цифрѣ до 11 (представить по одному случаю на годъ) и затѣмъ оставить такое слабое вѣроятіе для убійства всѣмъ ссыльнымъ, такъ что собственно старымъ убійцамъ для новыхъ убійствъ остается ничтожное мѣсто. Не потому это такъ, что злодѣйской рукѣ мало простора въ слабо населенныхъ забайкальскихъ и сибирскихъ краяхъ, обладающихъ всѣми средствами раздраженія, но потому, что и здѣсь убійство — явленіе необычайное, будучи взято не во времена народныхъ бѣдствій, когда усиливаются кражи, возростаютъ грабежи и появляются разбои, обливающіе слѣды свои человѣческою кровью. Такія времена для Сибири миновали съ тѣми тяжолыми для новой страны днями, когда непра-

вильныя, насилованныя заселенія ея всякимъ сбродомъ вызывали разбои и убійства повременно: во времена Петра на Иртышской линіи; въ половинѣ прошлаго столѣтія въ юго-западной Сибири, въ алтайскихъ странахъ (разбойникъ Аѳанасій Селезневъ); въ концѣ прошлаго столѣтія между Красноярскомъ и Иркутскомъ (Гондюхинъ); въ началѣ нынѣшняго за Байкаломъ (Григорьевъ и Горкинъ). Разбои и убійства перекочевывали туда, куда направляли и гдѣ сосредоточивали искусственныя заселенія; не исчезло это явленіе и при болѣе неблагопріятныхъ географическихъ и экономическихъ обстоятельствахъ: разбойничалъ бывшій князь Баратаевъ за Леной, когда прокладывали дорогу изъ Охотска на рѣку Алданъ; нарождались разбои и производились убійства и тогда, когда заселяли пустынную Камчатку. Кемчугскія горы и дремучіе гайговые лѣса за Ачинскомъ къ Красноярску считались долгое время страшными для путешественниковъ. Мѣста придорожныя окружены природными вертепами, обезпеченными непроницаемыми лѣсными трущобами. Разбои были сильны и прочны въ силу принудительныхъ поселеній, устроенныхъ такъ, что всѣ жители разбѣжались за неимѣніемъ силы расчищать лѣса подъ пашни.

Сибирскія современныя убійства, отчасти подчиненныя вліянію возмездія каторгой, но въ такой мѣрѣ, что каторга дѣйствуетъ оглушающимъ способомъ острастки, а не владѣетъ способами исправленія, сибирскія убійства идутъ въ подчиненіи тѣмъ случайностямъ, которыя перестанутъ быть таковыми, когда мѣстныя наблюденія начнутъ производить по строгой научной системѣ. Безъ нея теперь много неразгаданнаго, и свидѣтели злодѣйствъ, опираясь на предварительную порчу преступниковъ въ Россіи, не имѣютъ средствъ и времени опредѣлить свое мѣсто и взвѣсить тѣ благопріятныя для преступленій причины, которыми обильно снабжены мѣста, довѣренныя ихъ надзору и попеченіямъ. Какъ самъ убійца, раскаяваясь на судѣ въ собственномъ злодѣяніи, ищетъ для опредѣленія своего нравственнаго раздраженія, изступленія въ словахъ и говоритъ «разсвирѣпѣвъ и какъ бы *окаменѣвъ*», я бросился на него и проч.», такъ въ тѣхъ же словахъ ищутъ оправданія себѣ приставники ссыльнаго люда, находящіе свое оправданіе въ предварительной и безвозвратной порчѣ

ссыльныхъ. Между тѣмъ, на ихъ же глазахъ, происходятъ изумительные факты исправленій злыхъ людей, конечно, помимо ихъ участія, конечно, независимо отъ каторжнаго вліянія. Превращеніе контрабандистовъ въ убійцъ, и исчезновеніе въ убійцахъ убійцъ—слишкомъ извѣстные на каторгѣ факты, слишкомъ осязательныя явленія для того, чтобы можно было въ нихъ сомнѣваться.

У пристава одного изъ каторжныхъ мѣстъ мы нашли разбойника ограбившаго почту и убившаго ямщика и почтальона—въ водовозахъ, живущимъ и ночующимъ на кухнѣ; у начальника промысловъ женщину, зарѣзавшую собственнаго ребенка — въ кормилицахъ, отличающуюся неусыпнымъ надзоромъ, необычайною любовію въ воскормленику и прочимъ дѣтямъ, братьямъ и сестрамъ ея питомца; извѣстный всему Забайкалью, ловкій и весьма опасный разбойникъ и знаменитый пѣсенникъ Горкинъ кончилъ тѣмъ, что въ наше время возилъ, темными ночами, по пустынному пятидесятиверстному перегону, черезъ замерзшій Байкалъ, откупныхъ повѣренныхъ послѣ того, какъ они успѣли обобрать во всѣхъ забайкальскихъ кабакахъ всѣ деньги, натасканныя богатѣлью торговою—казацкою и голыдьбою каторжною,—кабацкою.

Таковы, на выдержку, первые попавшіеся подъ перо частные случаи изъ каторжной практики. Но и на этотъ разъ частные случаи предшествуютъ общимъ и пополняются ими. Милліоны возовъ съ чаемъ изъ Кяхты въ Москву, тысячи троекъ съ серебромъ, предназначеннымъ на вымѣнъ этихъ чаевъ, изъ Москвы въ Кяхту прошли и пробѣжали по тому же Забайкалью, населяемому предпочтительно самыми опасными и испорченными людьми, выброшенными за негодностію изъ опасливой и трусливой Россіи. Подъ самыми воротами и стѣнами каторжныхъ жилищъ казна провозитъ огромныя суммы, назначаемыя въ два свои, самыя отдаленныя, казначейства; трехмилліонная торговая компанія провезла свои милліоны и, не истерявши въ дорогѣ, всѣ безслѣдно и безвозвратно сама утопила въ Амурѣ до послѣдняго рубля и копейки. Ежегодно изъ самаго нутра каторжнаго пекла въ концѣ зимы, на почтовыхъ тройкахъ, та же казна возитъ на многія сотни тысячъ золото и серебро въ слиткахъ, подъ охраною самаго ничтожнаго числа казаковъ забайкальскихъ, нося-

щихъ удалое званіе только по преданію. Ту земецъ-сибирякъ во все не видитъ въ этомъ рискованнаго дѣла, но даже ждетъ такого времени съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ, суевѣрно вѣруя, что когда «пробѣжитъ золотуха» (транспортъ съ золотомъ), въ воздухѣ полетчаетъ, морозы съ этой поры станутъ сдавать и слабѣть, а пробѣжитъ «серебрянка» — придорожный сибирякъ набожно крестится и приговариваетъ: «слава Богу и Иннокентію чудотворцу иркутскому: увезли мірскую кровь и людскія слезы — надо телегу чинить: скоро кукушка закукуетъ». Во всю длину битой дороги, идущей черезъ Сибирь, доброхотные люди изъ старожиловъ даютъ проѣзжимъ легкіе совѣты быть осторожными на ночное время въ двухъ-трехъ мѣстахъ на всѣхъ четырехъ тысячахъ верстъ всего пути въ самыя дальнія мѣста самой строгой каторги. Но тамъ, гдѣ сама каторга считаетъ собственныя сотни верстъ, предостереженій таковыхъ проѣзжій не получаетъ, и затѣмъ уже нигдѣ не испытываетъ онъ большихъ непріятностей отъ дорожной встрѣчи съ обозами, беззаботно растянувшимися по всему полотну битой зимней дороги: словно и ѣдятъ здѣсь эти извощики круче и дахи ихъ теплѣе, а потому и спятъ они на возахъ крѣпче.

Но что на виду, то и на самомъ дѣлѣ. Нескрываемой, насмѣшливо-хвастливой улыбкой встрѣчаютъ настоящіе знатоки каторжныхъ порядковъ и ближайшіе приставники и блюстители ссыльныхъ людей, всякое сомнѣніе въ безопасности ихъ положенія среди испорченнаго на родинѣ и озлобляемаго на чужбинѣ ссыльнаго люда. Какою-нибудь сотнею казаковъ, гдѣ старый зачастую путается на службѣ съ малымъ — эти, увѣренные въ себѣ люди, защищаются сами и защищаютъ казенное и свое имущество отъ огромнаго сброда настоящихъ преступниковъ, у которыхъ утратилось все завѣтное и святое, у которыхъ даже собственная одежда, въ зимніе холода, на плечахъ не держится, и либо проигрывается въ карты, либо обмѣнивается на вино. Наблюдатели, оффиціально обязавшіеся должностію и службою, увѣряютъ, по личному опыту, что большая часть преступленій ввѣренныхъ имъ людей выродилась изъ нужды, доведенной до крайности, и сопряжена съ захватомъ чужой собственности, что только незначительная часть совершена подъ вліяніемъ страстей, что это

такъ и должно быть, потому что большинство пришедшаго на каторгу народа—люди простые, необразованные, либо крестьяне, либо мѣщане. Другіе наблюдатели (не присяжные, но сторонніе), которыхъ судьба привела въ каторжную жизнь изъ среды образованнаго и даже высшаго круга, рядомъ опытовъ и долговременнаго изученія, пришли къ тому же основному выводу, что всѣ эти каторжные люди пали подъ вліяніемъ какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ. Въ дѣлѣ паденія ихъ всего меньше замѣтно участіе сердца, оно, это сердце, во всякомъ случаѣ не злое, а испорченнымъ является уже потомъ, и именно здѣсь, на каторгѣ. Все это — именно *несчастные* люди, какъ совершенно вѣрно и достаточно мѣтко опредѣлилъ ихъ самъ же простой народъ, выдѣлившій изъ себя этихъ преступниковъ. Вотъ почему (говорятъ намъ) и середи этого народа невооруженная револьверами и ружьями, незащищенная заборами и стѣнами, красуется тихая сельская жизнь съ тою же прелестью совершенно обезпеченнаго и защищеннаго труда на Шилкѣ, и на Аргуни, на Хилкѣ и Газимурѣ, какъ бы и на матушкѣ-Волгѣ, и что едва-ли даже не въ большей распущенности проводится, не съ большею безпечностью устраивается и семейная жизнь здѣсь, чѣмъ, напримѣръ, въ большихъ городахъ русскихъ, оберегаемыхъ полиціею.

М. М. Сперанскій, побывши генералъ-губернаторомъ Сибири, писалъ къ своей дочери (1819 г.): «число ссыльныхъ какъ капля въ морѣ; ихъ почти не видно, кромѣ нѣкоторыхъ публичныхъ работъ. Не вѣроятно, какъ вообще число ихъ маловажно. По самымъ достовѣрнымъ свѣденіямъ они едва составляютъ до двухъ тысячъ въ годъ и въ томъ числѣ никогда и десятой части нѣтъ женщинъ. Со временемъ я издамъ таблицы, которыя удивятъ просвѣщонную Европу! Они докажутъ, что у насъ въ 20 тысячахъ едва можно найти одного преступника, да и то воришка маловажнаго; важныхъ нѣтъ и на сто тысячъ одного. Я самъ не повѣрилъ бы сему прежде и считаю это великимъ въ моральномъ мірѣ открытіемъ.»

Онъ же говорилъ генералъ-губернатору Восточной Сибири Сем. Богд. Броневскому: «мнѣніе будто бы въ Сибирь ссылаютъ людей самыхъ порочныхъ,—не точно. Объясню притчей: многіе переходили

ровъ, одинъ за другимъ, по узкой кладкѣ. Осторожные всѣ перешли, а одинъ упалъ, заглядѣвшись на сторону, замарался и ушибся! И затѣмъ этотъ же Броневскій писалъ въ посмертныхъ запискахъ: «притча Сперанскаго объясняетъ нѣкоторымъ образомъ, что дѣйствительно большая часть зѣвакъ туда попадаетъ. Бѣдность, вино, любовь, солдатства и несносные господа либо управители влекутъ народъ на заселеніе Сибири. Многіе говорятъ, что преступники, перейдя границу европейскую, т. е. Уральскій хребетъ, совершенно перерождаются къ лучшему.—и не мудрено!—широкое раздолье угодьевъ, довольство въ первыхъ потребностяхъ и свободное состояніе вымѣненное на рабство, при разныхъ облегченіяхъ, даруемыхъ правительствомъ ссыльно-поселенцамъ, хотя какого заблуднаго образумитъ. Не должно впадать въ заблужденіе, считая и варнаковъ людьми опасными и безнадежными. Разбойникъ-тать, по внушенію ловкаго соблазнителя, при нуждѣ и бѣдности оглушенный виномъ, впавъ въ преступленіе, вдругъ видитъ пропасть, въ которую себя ввергъ. Совѣсть начинаетъ его со всею силою мучить и онъ, чтобъ освободиться отъ этого страданія часто добровольно отдаетъ себя на другое: въ руки правосудія и съ сильнымъ раскаяніемъ терпѣливо влачитъ свою жизнь въ работѣ и изгнаніи. Есть много сосланныхъ за политическіе и противорелигіозныя преступленія и по замѣшательствамъ, происходящимъ въ городахъ, селеніяхъ и полкахъ, увлеченныхъ общимъ движеніемъ или повѣрившимъ по невѣжеству своему нелѣпымъ внушеніямъ злокозненныхъ лицъ. Я знаю, что въ заводахъ и рудникахъ многіе каторжные исполняютъ со всею вѣрностію интересныя должности. Зародышъ добра въ такихъ до того силенъ, что худые примѣры и разные разсказы въ сонмѣ закоренѣлыхъ преступниковъ не производятъ на нихъ ни малѣйшаго вліянія. Въ Сибири почти у всѣхъ чиновниковъ и купцовъ прислуга изъ класса ссыльныхъ. Однако примѣры побѣговъ съ воровствомъ, тѣмъ болѣе злодѣяніями довольно рѣдки.

Короче Сперанскаго и Броневскаго, но согласно съ ними выразился Кетлэ (въ своей Physique sociale), что преступленіе есть нѣмой, въ большей части случаевъ—безсознательный протестъ человѣческой природы противъ несовершенствъ общественнаго устройства. Chaque

criminel est le martyr de l'ordre sociale. Крупныя преступленія—исключенія въ общественной жизни, онѣ не нарушаютъ обычнаго, заведеннаго порядка. Важность ихъ заключается въ ихъ необычайности; преступленія же мелкія совершаются ежедневно и всего болѣе колютъ глаза заведенному порядку, хотя вниманіе публики къ нимъ равнодушно. Къ тому же (какъ сказалъ Фурье) «безнадежная бѣдность такъ же способна ненавидѣть законъ, какъ чрезмѣрное богатство его презирать.»

Нерчинское горное начальство приняло на свои каторжныя работы изгнанныхъ изъ Россіи, за негодностію и признанныхъ опасными для нея, въ теченіе одного десятка лѣтъ (съ 1-го января 1847 г. по 1-е января 1857 г.), *шесть тысячъ двѣсти-тринадцать* человѣкъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ. Въ этомъ числѣ, въ разсчотѣ на бо́льшее преуспѣяніе края и на пущую опасность для ссыльнаго и непреступнаго населенія изъ старожиловъ, явилось изъ Россіи однихъ убійцъ *2,179* человѣкъ, болѣе чѣмъ третья часть всего числа убійцъ, приговоренныхъ на каторгу въ Россіи и высланныхъ въ Сибирь въ предъидущій десятокъ лѣтъ (съ 1837 по 1847 г.). Кромѣ того съ единственнымъ, но призрачнымъ выигрышемъ для себя, Россія выслала въ нерчинскіе рудники, въ тотъ же десятокъ лѣтъ (конечно, не для исправленія), разбойниковъ и грабителей (воровъ со взломомъ) *1,136* человѣкъ; фальшивыхъ монетчиковъ и покупщиковъ краденаго 191, поджигателей *174*, святотатцевъ — *72*, произведшихъ растлѣніе—54, возмущеніе 12 и оскопленіе—7. — и 2,256 человѣкъ, «завинившихъ въ неоднократныхъ побѣгахъ, сопряженныхъ съ другими преступленіями» и вообще не даромъ скрывшихъ свои настоящія имена и объявлявшихся на судѣ «непомнящими родства» *). Если, можетъ быть, и не всѣ провинившіеся въ этихъ

*) Общее число ссыльныхъ въ нашу десятилѣтнюю сложность дополняется сверхъ того еще 2-мя сосланными за пристанодержательство (то-есть притонщиковъ, державшихъ притонъ для преступниковъ), 77-ю сосланными за «дерзость противъ начальства», 19-ю за утрату казенныхъ вещей и поврежденіе у себя членовъ (за членовредительство,—какъ привыкли выражаться наши законники по нѣмецкому способу словоизмышленій), и 54-мя присланными за Байкалъ за политическія дѣла (то-есть поляками).

преступленіяхъ въ Россіи, за періодъ предшествовавшаго десятка лѣтъ, а только пойманные и уличенные явились на нерчинскую каторгу, если даже и изъ завиненныхъ и приговоренныхъ въ ссылку нѣкоторая часть (и довольно, впрочемъ, значительная) оставлена для работъ по сю сторону Байкала (на сибирскихъ казенныхъ заводахъ и фабрикахъ)*), тѣмъ не менѣе, предлагаемая цифра сосчитана вѣрно и закрѣплена поголовной перекличкой и повѣркой. Не вся она на лицо (это также вѣрно) нетолько впервые мѣсяцы по приходѣ, но даже и въ первыя недѣли и измѣнилась эта цифра побѣгами, однако, въ ней, достаточно грозной, враждебной и опасной силы для туземнаго населенія, имѣющаго несчастье жить въ сосѣдствѣ съ каторгою, владѣющаго отъ труда нажитою собственностію, нерѣдко именно въ такомъ размѣрѣ, чтобы порождать соблазнъ и возбуждать зависть въ неимущемъ своей и потерявшемъ все, даже доброе имя. Мы видѣли, на сколько некрѣпки кандалы, какъ скованные въ Россіи, такъ и замѣнившіе ихъ въ Сибири. Всѣ знаютъ, до какой степени застоялись тюрьмы Россіи, хотя онѣ построены за дорогія деньги изъ каменнаго матеріала по системѣ подряднаго соперничества; въ Сибири даже и тюрьмы не всѣ каменныя, а тѣ, въ которыхъ скопляется наибольшее число опасныхъ людей (каковы тюрьмы каторжныя), какъ бы намѣренно деревянныя, но съ тѣмъ же ржавымъ желѣзомъ въ окнахъ и на дверяхъ, съ такими же подкупными сторожами и вообще съ ненадежными затворами и запорами. Къ тому же на каторгѣ цѣнится рабочая сила, которая возила бы руду и разгребала бы пески: для педагогическаго заведенія на каторгѣ нѣтъ ни мѣста, ни времени. Какъ творится то чудо, что опасное для Россіи населеніе, безъ видимыхъ внутреннихъ причинъ и безъ всякаго старанія и попеченій извнѣ, становится безопаснымъ для Сибири, возбуждаетъ недовѣріе, порождаетъ обязательство повѣрки такого знаменательнаго и замѣчательнаго факта. Мы старались произвести ее при содѣйствіи лицъ, близко

*) Такъ, напримѣръ, большая часть ссыльныхъ женщинъ оставлялась, не доходя Иркутска, на Тильминской суконной фабрикѣ, въ силу указа 1798 г. (24 марта). Только на короткое время эта фабрика уступала ссыльныхъ женщинъ для отправки на Александровскую фабрику въ Тифлисѣ.

стоящихъ къ дѣлу, распросами самихъ преступниковъ и личными нашими наблюденіями надъ тою частью Россіи, которая такъ грозно, своеобразно и самостоятельно оттѣнилась отъ всѣхъ другихъ частей Россіи, неимѣющей съ Забайкальемъ, въ этомъ отношеніи, никакого сходства. Плоды нашей работы мы представляемъ теперь, располагая ее въ томъ порядкѣ, какой случайно указываетъ намъ статистическая таблица ссыльныхъ, принятыхъ для горныхъ работъ въ Нерчинскомъ краѣ.

Мы останавливались на убійцахъ и на самомъ преступленіи смертоубійства, какъ на такомъ, которое не есть слѣдствіе разбоя или грабежа и не вытекло изъ бродяжества — этого богатаго источника многихъ злодѣяній, но то смертоубійство, которое и нерчинскою статистическою таблицею выдѣлено въ отдѣльную графу, и на самомъ дѣлѣ, въ общественномъ значеніи этого слова стоитъ отдѣльно, одиноко. Убійство, какъ болѣзненный наростъ на общественномъ организмѣ, неоправдываемое никакими законами, но тѣмъ не менѣе подчиненное своимъ, служитъ въ одно и то же время и мѣриломъ для выясненія большей или меньшей степени развитія нравственнаго состоянія извѣстныхъ классовъ общества въ данную эпоху, и характеризуетъ цѣлый народъ, объясняя ступень, на которой стоитъ его цивилизація. Это обязываетъ насъ оглянуться назадъ и познакомиться съ ходомъ этого дѣла въ Россіи.

ГЛАВА II.

УБІЙЦЫ.

Причины смертоубійствъ и проявленіе этого преступленія у насъ, Мѣста, наиболѣе богатыя проявленіемъ убійствъ. — Монгольскія племена. — Инородцы. — Уралъ. — Заводскіе люди. — Дѣтоубійства. — Убійства женъ и мужей. — Братоубійства. — Убійства родственниковъ. — Убійства помѣщиковъ крестьянами и дворовыми. — Крестьянскіе бунты.

Въ Россіи ежегодная цифра убійствъ принадлежитъ, по разрядамъ преступленій, къ самымъ крупнымъ, и въ средѣ ихъ, по количеству преступниковъ, занимаетъ третье мѣсто. Преступленіе этого рода уступаетъ числомъ жертвъ только бродяжеству и разнаго вида воровству (кражѣ и мошенничеству) и, раздѣляясь на смертоубійство умышленное и случайное («неосторожное»), даетъ число ссыльныхъ по первому виду почти въ семнадцать разъ больше, чѣмъ по второму. Въ года, ближайшіе къ годамъ таблицы перчинской, въ теченіе девяти лѣтъ (съ 1838 по 1847 г.), всякаго рода убійцъ прошло въ Сибирь *4,952 мужчины и 1,451 женщина* *). Изъ этого числа крупныя цифры принадлежатъ тѣмъ губерніямъ, которыя по преимуществу населены инородческими племенами, стоящими на самой низшей ступени гражданскаго развитія, неотставшими отъ кочевой жизни и тѣхъ привычекъ и вѣрованій, которыя являются ея

*) Въ это число тобольскія табели о ссыльныхъ включили вмѣстѣ съ самыми убійцами и количество тѣхъ преступниковъ, которые знали о преступленіи и не объявили начальству, и тѣ, которые суждены по подозрѣнію и, наконецъ, тѣ, которые нанесли тѣлесныя поврежденія другимъ лицамъ съ намѣреніемъ къ убійству.

слѣдствіемъ. Монгольскія племена, составляющія большинство населенія восточныхъ русскихъ губерній, за долгое историческое существованіе въ средѣ вліянія славянской расы, оказали большое упорство и крайную устойчивость въ коренныхъ народныхъ началахъ и неподатливость вліянію чуждыхъ. Упрямо и медленно поддаваясь успѣхамъ и условіямъ гражданственности чужаго племени, монгольскія въ большинствѣ съумѣли остаться при тѣхъ же первобытныхъ грубыхъ правахъ, которые характеризовали ихъ и въ отдаленную эпоху ихъ политическаго существованія. Если замѣтна между нѣкоторыми изъ нихъ большая мягкость нравовъ, уступившихъ духу времени и нѣкоторымъ правительственнымъ настояніямъ, но за то другая, и большая, часть отстаиваетъ упорно свои племенныя особенности. Если лихой татаринъ успѣлъ измельчиться въ бывшемъ казанскомъ царствѣ въ торгаша—бухарца, и буряты начали мирно распахивать поля подъ Иркутскомъ, то, съ другой стороны, киргизы не отстаютъ еще отъ грабежей и хищническихъ наѣздовъ, обливая слѣды баранты человѣческой кровью, и татары и буряты берегутъ на крайній случай и на благопріятный вызовъ неудержимую дикую вспышку. Они не потеряли понятія о мести кровь за кровь, этой характерной черты азіатскихъ народовъ, еще неосѣдлыхъ и негражданственныхъ—черты, выразившейся съ большею опредѣленностію и послѣдовательностію въ жизни кавказскихъ и закавказскихъ горцовъ. Вотъ почему и тобольская табель о ссыльныхъ должна была выразиться въ такомъ видѣ: убійцъ-татаръ 67, башкиръ 44, киргизовъ (только изъ Оренбургской губ.) 8, черкесовъ (только мирныхъ) 7, (между прочимъ грузинъ 62). Наклонность къ убійствамъ въ магометанахъ выразилась такъ, что составляетъ самую видную и крупную черту ихъ нравовъ.

Точно также и въ тѣхъ инородческихъ племенахъ, происхожденіе которыхъ этнографы и филологи приписываютъ чуди, коренныя народныя свойства крайне живущи и дѣятельны. Не такъ давно начали рѣдѣть слухи о такъ-называемой «сухой бѣдѣ» — особенномъ видѣ самоубійства, требующемъ отъ обиженнаго вотяка, чуваша и черемиса веревки и петли, чтобы повиснуть на ней надъ воротами обидчика; до сихъ еще поръ на нашихъ глазахъ воровство всякаго

рода не считаютъ грѣхомъ ни вогулы, ни цыгане, ни дальное сибирское племя якутовъ; за то у тунгусовъ оно поразительная случайность, преслѣдуемая и нетерпимая цѣлымъ племенемъ. Нигдѣ въ Европѣ законодательство не стоитъ въ такой крайней зависимости отъ требованій разноплеменности, нигдѣ оно не находится въ такихъ крайностяхъ и трудностяхъ и въ большей отвѣтственности передъ законами человѣчества, какъ у насъ въ Россіи. Нигдѣ также нѣтъ большей трудности рѣшать о степени нравственнаго развитія народа по статистическимъ числамъ его преступленій: еще до сихъ поръ мало извѣданы и выяснены всяческія пружины, руководящія духомъ извѣстнаго племени, мало изслѣдованы и изучены самыя племена, населяющія Россію. Тѣмъ не менѣе въ спискѣ губерній, объявившихся съ болѣе крупною цифрою убійствъ, первое мѣсто заняли губерніи, населенныя инородческими племенами, преимущественно магометова закона: Оренбургская, Тобольская, Пермская, Казанская, Вятская, Грузино-Имеретинская (нынѣшняя Тифлисская), Симбирская и Кавказская область (нынѣшняя Ставропольская губернія). Хотя въ то же время почти всѣ губерніи эти принадлежатъ къ однѣмъ изъ самыхъ населенныхъ (въ особенности Вятская) и, повидимому, таковое отношеніе преступниковъ къ общему числу жителей должно уравновѣшиваться въ одинаковой мѣрѣ съ другими столько же населенными губерніями, но этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ: столько же и даже болѣе населенныя губерніи (каковы всѣ южныя степныя) уходятъ на второй и третій планъ, составляютъ вторую и третью количественную категорію. Только здѣсь, въ этихъ губерніяхъ, свободныхъ отъ инородцевъ-мусульманъ, число убійцъ встало въ соотвѣтственныя отношенія къ числу жителей, уравнивая такимъ образомъ преступность ихъ населенія *). Раздѣленіе преступниковъ по губерніямъ не представляетъ мѣрила достаточно законнаго и опредѣленнаго: нигдѣ про-

*)

За 20 лѣтъ	Убійцъ	Число жителей.
Курская	540	1,900,000
Харьковская	478	1,600,000
Черниговская	430	1,500,000
Полтавская	379	1,900,000
Пензенская	339	1,900,000

извольное раздѣленіе Россіи на губерніи, не представляющее ясныхъ и правильныхъ основаній, не является съ болѣе поразительною очевидностію, какъ на этотъ разъ, и не представляетъ большей запутанности и затрудненій, какъ именно въ стремленіяхъ, подобныхъ нашимъ **). Если принять въ соображеніе, что, напримѣръ, губернія Московская имѣетъ большее число жителей, чѣмъ Казанская, а Пермская и Оренбургская, отдѣльно взятыя, меньше Вятской, то вопросъ о тайныхъ пружинахъ, руководящихъ народными инстинктами и наталкивающихъ на извѣстный родъ преступленія, не теряя своей важности, все-таки остается неразрѣшимымъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ существовать у насъ уголовныя хроники и юридическія характеристики мѣстностей. Теперь для нихъ самое важное и необходимое время, но ни тѣхъ, ни другихъ до сихъ поръ литература наша не имѣетъ; тѣ и другія являются пока дѣломъ случайностей. Современемъ опредѣлится съ цифровымъ подкрѣпленіемъ та несомнѣнная истина, что, напримѣръ, губерніи Оренбургская и Пермская (меньшія) преступнѣе (болѣе населенной) губерніи Вятской въ грѣхахъ убійствъ и оттого, что въ губерніяхъ этихъ происходитъ наибольшее скопленіе бѣглыхъ преступниковъ изъ Сибири, и потому, что боль-

*) Будущая работа въ этомъ родѣ потребуетъ отдѣленія преступниковъ городскихъ отъ сельскихъ, ибо города вездѣ грѣховнѣе селеній. Также немалая трудность и большая осмотрительность понадобятся въ томъ случаѣ, когда придется съумѣть и успѣть отдѣлить пришельцевъ отъ туземцевъ. Въ кочующемъ населеніи торговаго и промысловаго русскаго люда, мѣняющаго свои мѣста, какъ мѣняются цвѣта въ калейдоскопѣ, и теперь лежитъ много причинъ тому, что раздѣленіе преступниковъ по губерніямъ не имѣетъ достаточнаго основанія и права. Барышники изъ касимовскихъ татаръ и изъ цыганъ, неимѣющихъ опредѣленнаго мѣста, вѣрнѣе попадутся въ конокрадствѣ вблизи конныхъ ярмарокъ и пойдутъ въ Сибирь изъ Лебедяни и Котельнича за рязанца и вятскаго. Убійца бурлакъ изъ тверскихъ уйдетъ изъ Астраханской губ., гдѣ ему больше вѣроятія голода, грабежей и убійства, и пензенскій крестьянинъ, обреченный на постоянное пьянство на каспійскихъ рыбныхъ ватагахъ, уйдетъ въ Сибирь оттуда же за грабежъ подъ призрачнымъ именемъ астраханца, и проч., и проч. Такъ между прочимъ Петербургская губ., со столичнымъ городомъ, по населенію равная Костромской,—по количеству убійцъ встала къ ней въ такія отношенія въ 20 лѣтъ съ 1827 по 1846: убійцъ Спб. 398 муж. и жен., Костромс. 254. Весь излишекъ дополненъ съ избыткомъ г. Санктпетербургомъ

инство населенія ихъ, помимо инородцевъ, принадлежитъ заводскому люду, истощенному до крайней бѣдности и отчаянной нужды недавними порядками поссесіоннаго и владѣльческаго права. Теперь уже довольно ясно можно видѣть изъ отчотовъ горныхъ начальниковъ о происшествіяхъ на казенныхъ и частныхъ заводахъ, на сколько убійства тамъ не рѣдкость и сколько не нравственно рабочее населеніе вдоль всего богатаго и рудоноснаго Уральскаго хребта.

Изъ просмотра уголовныхъ дѣлъ видно, что большее количество преступленій совершается по Уралу на частныхъ заводахъ; на казенныхъ сравнительно меньше; грабежи отличаются удальствомъ и смѣлостью и не обходятъ даже главнаго заводскаго города — Екатеринбурга, который рѣзко выдается въ этомъ отношеніи изъ ряда другихъ городовъ русскихъ. По дѣламъ 1858, 59 и 60 годовъ, наибольшее количество преступленій группируется около частныхъ заводовъ: кыштымскихъ (9 убійствъ), невьянскихъ (6 случаевъ), нижнетагильскихъ (6 случаевъ), алапаевскихъ и уфалейскихъ (по 5). Изъ казенныхъ преступнѣе другихъ богословскіе; причемъ на одинъ городъ Екатеринбургъ и при этомъ на одинъ только годъ (1859) выпало семь случаевъ убійствъ. Грабежи идутъ въ соотвѣтствующей пропорціи и самоубійства также явленія нерѣдкія. Убиваютъ довольно часто мужья любовниковъ своихъ женъ; убиваетъ сынъ отца, съ участіемъ матери и товарищей, заставши отца на мѣстѣ прелюбодѣянія; свояк удавилъ свояка, по просьбѣ жены и послѣдняго, и вмѣстѣ съ нею вывезъ трупъ за селеніе, положилъ въ сани съ бандурой и полуштофомъ водки; сестра зарѣзала ночью сестру за то, что эта доносила матери о распутной жизни убійцы и созналась въ томъ, что сначала собиралась изрубить ее топоромъ, потомъ хотѣла устукать пестомъ. Мужъ задушилъ беременную жену за то, что она не дала ему на свадьбу рубахи и обругала варпакомъ, а чтобы скрыть преступленіе, по совѣту бабки, ѣздилъ къ священнику съ просьбою растворить въ церкви царскія врата, въ домѣ отперъ всѣ замки: мучилась-де родами, отъ мукъ померла. Мертвый младенецъ плаваетъ въ озерѣ; маленькій мальчикъ, посланный за милостыней, лежитъ зарѣзаннымъ въ холостой избѣ. Одинъ коновалъ въ кабакѣ далъ заводскому вмѣсто молотаго табаку пережженнаго купоросу; обиженный вышелъ-было вонъ,

да вернулся и говоря про себя — себѣ подъ носъ: «кто смѣлъ меня ударить?» нырнулъ, вмѣсто коновала, ножомъ въ бокъ заводскаго. Одного убитаго сожгли въ печи въ банѣ; другой, услыхавши ночью шумъ, выскочилъ на дворъ съ дверьмъ запоромъ и не возвращался; найденъ избитымъ, окровавленнымъ и уже бездыханнымъ. Третій заводскій крестьянинъ ѣдетъ по дорогѣ и слышитъ какъ впереди его кричитъ одинъ голосъ: «начинай!», а другой: «не робѣйте!» Затѣмъ «караулъ!» раза четыре и просьба: «Васенька, заступись!» И опять! «не шевелись, Васька, и тебѣ то же будетъ!» И снова просьба: «ребята! пожалѣйте, перестаньте!» и снова крикъ: «ну, ребята, въ которой крови я плаваю теперь, въ той же крови будете плавать и вы». Въ итогѣ опять трупъ убитаго и новые преступники — пастухи, которые выпросили убитаго подвезти ихъ на лошадкѣ и проч.

Конечно, и на этотъ разъ большинство случаевъ убійствъ являются слѣдствіемъ грабежа, меньшинство вызвано ничтожными и пустыми поводами, драками и ссорами въ пьяномъ видѣ; оружія на половину обычныя: сверкаетъ топоръ, бьетъ кулакъ въ високъ; силятся мускулистыя руки сократить жизнь на горлѣ, на причинномъ мѣстѣ; но за то уже въ большомъ ходу яды, долговременная подготовка къ преступленію; между убійцами мало людей неизвѣстныхъ, изъ бродягъ: все свои — заводскіе и фабричные люди. Бродяги «шалятъ» отчасти въ Екатеринбургѣ и вольнѣе хозяйничаютъ за городомъ, въ предѣлахъ ближайшихъ къ Сибири и настоящихъ сибирскихъ. Раздражонные каторгой, а за тѣмъ всякими неудачами во время побѣга, сибирскіе бѣглые, вмѣстѣ съ поселенцами, успѣваютъ установить такое рѣзкое явленіе, что Тобольская губернія соперничаетъ съ Пермскою и также на всѣ роды преступленій умѣетъ отвѣчать самыми крупными цифрами. Однихъ убійцъ въ 9 лѣтъ, намъ извѣстныхъ, губернія эта дала 176 муж., 23 жен.; Пермская 171 муж., 26 жен. Въ 20 лѣтъ Пермская успѣла дать уже 538 муж. и 144 жен. — 682 убійцы и превзошла и Оренбургскую (617 убіцъ), и Курскую (540), и Вятскую (447), и С.-Петербургскую (398). Издавна Тобольская губернія населялась преступнымъ и дурно обезпеченнымъ на поселеніи людомъ, и притомъ въ такой системѣ, которою не давалось правильной осѣдлости, не указывались работы и не направлялся его

трудъ — это самое вѣрное исправительное нравственное начало. Съ давнихъ временъ Тобольская губернія представляетъ до сихъ поръ такое мѣсто, гдѣ скучивается наибольшее количество бродягъ — бѣглыхъ съ каторги и мѣстъ поселенія, жаждущихъ проскользнуть въ Россію: и какъ у дверей кассы, въ ожиданіи очереди, они производятъ тѣсноту и на бездѣльѣ и досугѣ пошаливаютъ: въ грабежахъ наталкиваются на убійства.

Къ болѣе вѣроятнымъ и опредѣленнымъ заключеніямъ ведутъ другія дѣленія людей, преступныхъ въ убійствѣ. Разбивая общее число убійцъ всякаго рода на отдѣльныя категоріи, мы приходимъ къ тому выводу, что въ этомъ числѣ бо́льшая цифра принадлежитъ матерямъ, убившимъ своихъ дѣтей. Въ теченіе шести лѣтъ (съ 1838 до 1844) ушло въ Сибирь всего 317, тогда какъ мужчинъ за то же преступленіе осуждено было 23 человѣка. Чаще также убиваютъ жены своихъ мужей и рѣже женъ мужья, но за то естественнымъ образомъ чаще братъ брата, чѣмъ сестра брата, и примѣчательно рѣже умерщвляютъ своихъ родителей дочери, чѣмъ сыновья *).

---

*) Убійства этихъ видовъ находятся между собою въ такихъ числовыхъ отношеніяхъ (по годамъ, въ общей сложности):

Преступленія	1838	1839	1840	1841	1842	1843	Всего
Убійства мужей .	30	28	23	16	27	19	143
» женъ .	26	20	9	11	21	36	123
Дѣтоубійство							
Матерями . . .	39	53	67	43	59	56	317
Отцами	3	5	3	5	3	4	23
Братоубійство							
Братьями . . .	3	5	1	3	3	5	20
Сестрами . . .	—	1	—	1	—	—	2
Убійство родителей							
Сыновьями . .	3	3	7	4	6	5	28
Дочерями . . .	2	2	—	1	3	—	8

Останавливаясь на этихъ жертвахъ столько же семейнаго деспотизма самаго мучительнаго и опаснаго изъ всевозможныхъ деспотизмовъ на свѣтѣ, сколько и личнаго животно-звѣрскаго проявленія чувствъ въ испытуемомъ, мы снова должны сожалѣть о томъ, что послѣдующія табели тобольскаго приказа о ссыльныхъ, по какому-то непонятному соображенію, измѣнили планъ сортировки преступниковъ и разнородныхъ сбили въ одну кучу, подчинивъ ихъ общей таинственной рубрикѣ, какова, напримѣръ, «оскорбленіе

Убійство дѣтей для женщины есть одно изъ тѣхъ преступленій, которое прежде другихъ обрекаетъ ее на несчастіе ссылки и становится для нея обязательнымъ въ силу тяжолыхъ бытовыхъ условій, зависящихъ въ одно время и отъ неправильныхъ деспотическихъ отношеній мужей и семьи, и отъ того позора, каковымъ ее встрѣчаетъ общественная среда. Насильственные браки для увеличенія тяголъ при крѣпостномъ состояніи, принудительныя супружества въ средѣ болѣе свободныхъ земледѣльцовъ (каковыми были прежде крестьяне государственные и удѣльные, а теперь всѣ) — супружества, основанныя на волѣ большаковъ семей для пріобрѣтенія дешовой рабочей силы, а не на взаимной любви и согласіи сговоренныхъ, обиліе разнаго рода отхожихъ промысловъ, требующихъ продолжительныхъ отлучекъ, а также и раннихъ браковъ для замѣны себя женою въ семьѣ; при этомъ зимнія стоянки громаднаго количества солдатъ, холостыхъ и одинокихъ, изъ которыхъ значительная часть въ свою очередь покидаетъ на мѣстахъ родины и въ постойныхъ городахъ, на правахъ вдовъ, собственныхъ женъ-солдатокъ, — вотъ гдѣ находитъ оправданіе себѣ этотъ видъ убійства — убійство дѣтей. Оно для женщинъ является тотчасъ роковымъ, какъ только вступаетъ она въ періодъ дѣторожденія; встаетъ на первое мѣсто въ возрастъ свыше двад-

---

родительской власти». Надо замѣтить, что приводимыя цыфры до того устойчивы, что еще въ 1759 году, когда вознамѣрились всѣхъ преступныхъ женщинъ выслать для браковъ къ холостякамъ на Иртышскую линію, изъ 77 женщинъ, прошедшихъ туда черезъ Омскъ, 24 оказались сосланными за убійство мужей, 10 за дѣтоубійство, 1 за отцеубійство, 1 за блудъ съ отцомъ, а прочія съ тою же несокрушимой послѣдовательностію, какъ и въ наши дни: за поджоги въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, за кражу, побѣгъ, и «порчу волшебными травами и словами».

Замѣчательно то, что Сибирь начинала свою исторію нерѣдкими случаями дѣтоубійствъ. Это преступленіе до такой степени было усвоено женскимъ населеніемъ молодой страны, что вызвало сильныя сокрушенія и жалобы, однообразныя и взаимно-подкрѣпляющія другъ друга, съ обѣихъ сторонъ. Объ огромномъ количествѣ часто повторявшихся случаевъ этого тяжкаго преступленія свидѣтельствуютъ: тобольскій митрополитъ Филоѳей, находя причину его въ сильномъ развратѣ ссыльныхъ женщинъ, и Иннокентій Неруновичъ (епископъ Иркутскій), говорившій, что убитыхъ и вытравленныхъ младенцовъ хоронили матери въ ямахъ отхожихъ мѣстъ.

цати, и затѣмъ, до 40 лѣтъ не уступаетъ его ни одному изъ другихъ родовъ женскихъ преступленій. Въ періодъ ранній (отъ 15 до 20 лѣтъ) женщина производитъ еще разсчоты съ мужемъ, пробуетъ силы собственнаго терпѣнія и покорности и, при недостаткѣ таковыхъ и при безсиліи, выставляетъ на первое мѣсто убійство—мужей, каковое преступленіе въ послѣдующіе два десятка лѣтъ женскаго возраста (до 40) отходитъ на задній планъ, уступаетъ участію женщинъ въ поджогахъ и виновности ихъ въ убійствѣ чужихъ. По сравненіи процентныхъ отношеній, съ этой стороны у женщинъ замѣчается даже особенная наклонность къ убійству мужей. При этомъ жены большею частію прибѣгаютъ къ помощи ядовъ. Въ 4 года (1843 по 1847) изъ 128 убійцъ собственныхъ женъ было только 5 отравителей, изъ 190 женщинъ за тотъ же періодъ времени 67 отравительницъ. Въ періодъ улаженнаго семейнаго быта ненависть къ мужу женщина продолжаетъ вымещать на дѣтяхъ, и выражать страхъ преслѣдованія убійствомъ даже до конца своихъ дней, даже за 60-е годы жизни. Для солдатокъ убійство дѣтей вѣроятнѣе, чѣмъ для крестьянокъ, а преступность дѣтоубійства у мѣщанокъ слабѣе обоихъ видовъ этихъ русскихъ сословій, наиболѣе другихъ виновныхъ въ отнятіи жизни у собственныхъ созданій. По различнымъ мѣстностямъ Россіи преступленіе этого вида распредѣлилось въ соотвѣтствіи съ количественностію населенія: съ бо̀льшимъ числомъ случаевъ исключенія (въ 9 лѣтъ) въ губерніяхъ малороссійскихъ, и съ меньшею цифрою на тѣ губерніи, гдѣ преобладаетъ мужское населеніе въ силу еще продолжающагося заселенія ихъ бродягами-одиночками (губ. Астраханская, напримѣръ, не дала ни одного случая убійства дѣтей во всѣ девять лѣтъ).

Убійство родителей (безъ раздѣленія въ тобольскихъ табеляхъ отцовъ отъ матерей), по примѣтной исключительности, вовсе несвойственно обитателямъ бо̀льшей части степныхъ губерній, организующихся при участіи отбившихся отъ семействъ молодыхъ паръ или бобылей — и губ. сѣвернымъ, гдѣ патріархальная чистота нравовъ сохранилась во всей своей цѣлости такъ же, какъ и во всѣхъ пяти бѣлорусскихъ губерніяхъ. Въ бо̀льшей виновности по убійству родителей оказываются двѣ губерніи заводскія (Пермская и Оренб.)—го-

товные участники во всѣхъ родахъ злодѣйствъ и преступленій. Въ нихъ, какъ во всѣхъ другихъ, перевѣсъ убійствъ обращается на сторону сыновей; соотвѣтствуетъ у нихъ и у дочерей въ бо́льшей степени возрасту зрѣлому (у сыновей отъ 20-ти до 40 лѣтъ; у дочерей отъ 16-ти до 30-ти). Разбирая убійцъ-родителей по сословіямъ, увидимъ, что процентное отношеніе сильнѣе въ дворянствѣ и у казаковъ. Въ купечествѣ, духовенствѣ и у дворовыхъ преступленія этого не существуетъ вовсе *). Убійство родственниковъ, а также сестеръ и братьевъ не представляетъ никакихъ характерныхъ особенностей, оставаясь въ незначительныхъ цифрахъ даже и для густо-населенныхъ губерній. Мужчины, естественно, виновнѣе въ этомъ отношеніи женщинъ, не по праву исключительности отношеній въ общественномъ (не семейномъ) смыслѣ, а въ силу того закона, что вообще мужская натура несравненно грубѣе и преступнѣе женской.

И — жертвы вслѣдъ за жертвами обязываютъ перейти насъ къ тѣмъ изъ нихъ, которыя пали, какъ очистительныя, за тяжкій грѣхъ, нѣкогда исповѣдуемый всѣмъ, населяющимъ земной шаръ, человѣчествомъ и не такъ давно присущій всему нашему государству. У насъ, въ Россіи, эта упорная и застарѣлая болѣзнь государственнаго организма въ наши дни разрѣшилась подъ вліяніемъ хирургическаго ножа и обѣщаетъ, по увѣренію врачей, скорый и благопріятный исходъ. Мы говоримъ о крѣпостномъ правѣ и, по плану нашего разсказа, пе-

---

*) Въ Сибири убійцы отцовъ и матерей никогда не переводятся въ разрядъ испытующихся, не освобождаются отъ заключенія въ тюрьмахъ даже за дряхлостію. Въ Восточной Сибири, именно въ Минусинскомъ округѣ, въ 30 годахъ нынѣшняго столѣтія извѣстна была одна замѣчательная убійца изъ женщинъ. Она памятна всѣмъ страстью къ щегольству, которую не покинула она и въ острогѣ, сохраняя при этомъ всѣ признаки душевнаго спокойствія. Сидѣла она въ острогѣ за то, что удушила четырехъ евреевъ вмѣстѣ съ каторжнымъ супругомъ своимъ. Супругъ этотъ былъ у нея послѣдній, третій. Перваго она зарѣзала въ Россіи и за это попала на каторгу; втораго, пріобрѣтеннаго въ Сибири, она задавила пьянымъ. Нѣсколько разъ была бита кнутомъ; судъ обличилъ да и сама она призналась въ убійствѣ евреевъ, за что получила 35 ударовъ кнута и сослана въ Нерчинскіе рудники. Женщина эта была пригожая лицомъ, румяная, полная собою, съ заманчиво-кокетливыми глазами.

реходимъ къ тѣмъ преступникамъ, которые совершили убійство помѣщиковъ. Возвращаемся къ прошлому злу, чтобы быть послѣдовательными при дальнѣйшемъ объясненіи цифры убійцъ, присланныхъ вообще въ Сибирь и въ частности на Нерчинскую каторгу. Эти преступники на меньшую половину крестьяне, отбывавшіе на помѣщиковъ повинности деньгами и задѣльемъ, на бо́льшую — дворовые люди — этотъ непроизводительный классъ русскаго населенія, который въ послѣднія сто лѣтъ возросъ до громаднаго количества, способнаго привести всякое другое государство, заключонное въ тѣсныхъ географическихъ границахъ и небогатое свободными землями, до отчаянія и на край погибели. Усиленными побѣгами въ разныя стороны (и преимущественно въ Сибирь), усиленными стремленіями откупаться на волю посредствомъ чрезвычайныхъ услугъ и денегъ, дворовое сословіе отчасти предотвратило опасности само собою, отчасти земельными надѣлами по силѣ узаконеній. Во всякомъ же случаѣ оно сумѣло, за долгое время существованія, образоваться въ особенную касту, совершенно отличную отъ того сословія, которое легло въ его основу, а равно не превратилось и въ то, которое его вызвало и приблизило къ себѣ. Тяжесть своего положенія оно выразило въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя послѣдовательно истекали изъ ложныхъ бытовыхъ отношеній и направлялись къ сознательнымъ цѣлямъ выхода изъ принужденныхъ обязательствъ. Обезземеленные, обездоленные собственностію, они воровали до такой степени неисправимости, что, помимо всѣхъ системъ наказанія, употребляемыхъ въ Россіи и послѣ нихъ, въ большомъ числѣ уходили въ Сибирь. Они выражали личную месть въ поджогахъ, представительствомъ женской половины своего сословія; подымали и участвовали въ возмущеніяхъ; на счастливые случаи прибѣгали къ поддѣлкамъ документовъ съ цѣлью денежныхъ пріобрѣтеній или для побѣга и — на крайніе и несчастные случаи — производили убійства, направляя ихъ противъ господъ своихъ. Какъ поджигатель и какъ воръ, дворовый преступнѣе всѣхъ; какъ поддѣлыватель фальшивыхъ актовъ, онъ слабѣе только дворянъ; какъ убійца, дворовый уступалъ одному только солдату. Дворовыя женщины въ видѣ поджигательницъ преступнѣе всѣхъ мужчинъ, изъ какого бы сословія эти послѣдніе ни были нами взяты.

Вглядываясь въ цифру убійцъ помѣщиковъ, мы видимъ то поразительное и важное обстоятельство, что не было губерніи въ Великой Россіи, населенной крѣпостными людьми, которая не дала бы нѣсколькихъ преступниковъ, осужденныхъ уголовными законами на ссылку въ Сибирь, если не ежегодно, то по нѣскольку разъ въ теченіе нашихъ восьми лѣтъ. Само собою разумѣется, что чѣмъ большее количество крѣпостныхъ населяетъ губернію, тѣмъ сильнѣе цифра внесена въ тобольскую табель. Большинство убійцъ принадлежитъ мужчинамъ въ зрѣломъ возрастѣ; сопровождалось преступленіе истязаніями. Въ женщинахъ общее число убійцъ помѣщиковъ въ четыре раза меньше противъ количества мужчинъ. Убійцы-женщины выходили на преступленіе съ ядомъ, и ходили при этомъ въ самую нѣжную пору жизни (отъ 10 до 20 лѣтъ). При этомъ охотнѣе поднимали они руку на владѣльцовъ, чѣмъ на своихъ родственниковъ и мужей (больше убивали крѣпостныя женщины только дѣтей и посторонихъ). Всего чаще убивали помѣщиковъ въ губерніяхъ Сарат. (34 м., 3 ж.), Симбир. (33 м.), Владим. (22 м., 3 ж.), Полтавс. (14 м., 11 ж.), Костр. (18 м., 4 ж.), Витебс. (9 м., 10 ж.), Екатер. (10 м., 8 ж.), Курс. (13 м., 4 ж.), Воронеж. (15 м., 2 ж.), Пенз. (9 м., 7 ж.), Харьк. (3 м., 12 ж.), Дон. Зем. (6 м., 8 ж.), Тул. (9 м. 4 ж.), Херс. (8 м., 4 ж.), Ряз. (8 м., 4 ж.), Казанс. (11 м.), Иско... (5 м., 6 ж.). Рѣже убійства въ губ.: Могил. (10 м.). Нижег. (9 м.). Тверс. (4 м., 4 ж.), Подол. (8 м.), Орлов. (6 м., 1 ж.), Смол. (2 м., 5 ж.), Оренб. (2 ж., 4 м.), Яросл. (3 м., 2 ж.), Спб. (3 м., 2 ж.), Тамб. (2 м., 2 ж.), Гродн. (4 м.), въ Вятской, Виленск., Грузино-Имеретинск., Минск. и Моск. (по 3 м.), въ Новг., Волог. и Черн. (по 2 м.), въ Оренб., Перм. и Таврич. (по 1 м.). Не было выслано, само собою, убійцъ помѣщиковъ только изъ тѣхъ губерній, которыя расположены по окрайнамъ Имперіи (въ упомянутыхъ таковыхъ же самое наименьшее число), и, волею историческихъ судебъ, освобождены были отъ вліяній крѣпостнаго права, каковы: Арханг., Астрах., Олонецк. (отчасти Волог. и Вятск.) *). Не видимъ также убійцъ изъ трехъ губерній

*) Впрочемъ, изъ Арханг. высланъ былъ одинъ завезенный туда дворовый, убившій своего господина.

остзейскихъ; также не выслано изъ Кіевской ни одного во всѣ восемь лѣтъ. Тобольскія табели секретовъ этихъ объяснить не могутъ, потому что на этотъ разъ списки составлялись по какому-то неизвѣстному плану. Между тѣмъ, извѣстно, что въ 1846 году убійствъ помѣщиковъ было произведено 12, въ 1848 году—18 *).

Убійство, по процентному отношенію и по разнымъ родамъ сословій, выясняется на первомъ планѣ, изъ дворянъ: для служащихъ и служившихъ въ военной службѣ; въ равной же степени ссыльные солдаты за убійство идутъ чаще дворовыхъ и заводскихъ крестьянъ съ фабричными. Дворовые въ количествѣ убійствъ превосходятъ владѣльческихъ крестьянъ; не уступаютъ этимъ послѣднимъ и заводскіе, потому что и самыя условія ихъ быта складывались неблагопріятнѣе условій крѣпостнаго быта собственно помѣщичьихъ крестьянъ (при-

*) По годамъ, намъ извѣстнымъ, количество этихъ преступленій расположилось въ такомъ порядкѣ:

	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1859	1860
Мужчинъ.....	43	49	78	14	16	4	14	10
Женщинъ....	14	10	6	8	5	12	неизвѣстно	

Конечно, по тобольскимъ табелямъ, ссыльные извѣстнаго года не всегда преступники прошлаго года. Вотъ тому доказательства: изъ Владимірской губ. сосланы въ 1859 году два такихъ, которые совершили преступленіе еще въ 1841 году, два изъ Саратовской, убившіе господъ своихъ въ 1842 году и т. д. Точно также въ 1860 году изъ 10 убійцъ 9 считались таковыми съ 1842 года, а остальной одинъ съ 1843 года. Въ 1859 году сослано было двѣ женщины, учинившія убійство въ 1858 году (1 Саратовской губ. и 1 по рѣшенію правительствующаго сената, не указавшаго тобольскому приказу губерніи): обѣ «за приготовленіе яда на отравленіе помѣщиковъ» и въ 1860 изъ Тамбовской губ. 1 женщина 1857 года за «отравленіе госпожи ядомъ». Изъ разбора преступленія, названнаго «нарушеніемъ предѣловъ повиновенія въ крѣпостномъ состояніи», мы увидимъ, что тамъ, гдѣ это неповиновеніе обнаружилось массами—участіе женщинъ почти равносильно участію мужчинъ. Это обстоятельство замѣтно приближаетъ цифру преступленій этого рода, совершонныхъ женщинами, къ таковой же цифрѣ мужчинъ. Въ тѣхъ мѣстахъ работы нашей, гдѣ того или другаго рода преступленія увеличиваются или уменьшаются въ количествѣ, мы будемъ объяснять соотвѣтственно причинамъ, вызывающимъ эти явленія: будутъ ли онѣ экономическія, или произойдутъ какъ слѣдствіе измѣненія или отмѣны нѣкоторыхъ существующихъ у насъ узаконеній.

писныхъ къ землѣ, а не къ заводамъ и фабрикамъ). По сравненію крестьянъ съ мѣщанами — у первыхъ случаи убійствъ чаще, а по сравненію крестьянъ двухъ видовъ (владѣльческихъ и государственныхъ), за исключеніемъ изъ владѣльческихъ дворовыхъ и заводскихъ, степень вѣроятія на убійство усиливается въ крестьянахъ государственныхъ (вмѣстѣ съ удѣльными и однодворцами). Однодворцы по убійствамъ сейчасъ слѣдуютъ за заводскими, какъ за однодворцами идутъ непосредственно военные поселяне. Съ самою слабою степенью виновности въ убійствѣ, какъ и во всѣхъ родахъ преступленій, является сословіе купеческое. Изъ внутреннихъ губерній Россіи, кромѣ Пермской, наибольшій процентъ убійцъ принадлежитъ (тотчасъ же) губ. Симбирской, за тѣмъ Казанской, Харьковской, и Курской. Самымъ слабымъ процентомъ отличаются губ. Курляндская и Астраханская.

Къ сожалѣнію должно сказать, что тобольскія табели не представляютъ собою такого источника, который давалъ бы возможный просторъ для болѣе любопытныхъ и поучительныхъ выводовъ. Временами облегчая работу болѣе или менѣе искуснымъ распредѣленіемъ ссыльныхъ и объясненіемъ родовъ преступленій въ дробныхъ категоріяхъ въ теченіи первыхъ десятковъ лѣтъ со времени своего основанія, Приказъ на послѣдующія времена измѣнилъ систему къ худшему. Не владѣя задачами, истекающими изъ требованій науки, онъ съумѣлъ усложнить работу до того, что теперь вести ее далеко невозможно. При этомъ окончательные выводы доступны для того или другаго вида преступленій только на отдѣльные періоды въ какой нибудь десятокъ лѣтъ, а не во весь тотъ періодъ, который истекъ со дня основанія приказа въ 1823 году до настоящаго времени. Приказъ сначала выдѣлялъ, потомъ съумѣлъ сбить безразлично крестьянъ всѣхъ родовъ и наименованій, не разцѣнивъ тѣхъ существенныхъ и весьма серьезныхъ различій, каковыя лежали между владѣльческими и удѣльными, государственными и заводскими. Не отдѣлялись войсковые обитатели, пахатные солдаты, мучившіеся въ военныхъ поселеніяхъ, какъ, въ свою очередь, перестали потомъ эти табели отличать помѣщичьихъ крестьянъ отъ дворовыхъ людей. Мы не говоримъ уже о болѣе дробномъ дѣленіи, имѣющемъ весьма серьезное значеніе

при оцѣнкѣ убійствъ и другихъ тяжкихъ и необычайныхъ преступленій. Приказъ не владѣетъ, напримѣръ, средствами отдѣлять изъ общей массы владѣльческихъ крестьянъ тѣхъ, которые принадлежали мелкопомѣстнымъ отъ крестьянъ крупныхъ собственниковъ. Не умѣлъ также выдѣлить приказъ крестьянъ, пользовавшихся въ Россіи различными льготами (лоцмановъ, вольныхъ матросовъ, половниковъ, бѣлопашцевъ). Льготы эти, какъ оказало время и опытъ, не улучшили крестьянъ этихъ въ нравственномъ отношеніи на столько, чтобы не подозрѣвать въ нихъ значительной доли участія во многихъ и весьма важныхъ преступленіяхъ *).

Всѣ эти обстоятельства несомнѣнно должны облегчить степень виновности, въ одномъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій крестьянъ, сидящихъ на землѣ безъ всякихъ льготъ и преимуществъ и платящихъ подати. Даже и теперь крестьяне, по проценту тяжкихъ преступленій, стоятъ въ заднихъ рядахъ, позади другихъ сословій и званій, или искусственно созданныхъ или неудачно вызваныхъ на русскую почву (солдаты, дворовые, фабричные, бѣглые, бывшіе тюремные сидѣльцы или освобожденные и поселенцы). На этотъ разъ тѣ же крестьяне, но поставленные въ другія бытовыя условія, сдѣлались преступнѣе во всѣхъ родахъ преступленій и многія, изъ признаваемыхъ тяжкими, цѣликомъ взяли на себя, облегчивъ тѣмъ тяжесть упрека, лежащаго на такъ называемыхъ простыхъ людяхъ русскихъ. Мѣщане и солдаты — эти два чужеземныя растенія, пересаженныя съ нѣмецкой почвы въ томъ видѣ, какъ они росли тамъ, повинуясь естественнымъ законамъ, — на нашей почвѣ, въ полтораста лѣтъ, успѣли прорости глубоко, но въ то же время приняли иной видъ и оттѣнокъ. Новыя свойства почвы и климата изъ возлюбленнаго всѣмъ нѣмецкимъ народомъ цвѣтка, на новомъ и неприготовленномъ мѣстѣ выродили волчцы, у которыхъ внѣшніе признаки однородны, но внутри оказалась гниль и червоточина.

Одно изъ этихъ растеній начинаетъ въ наше время принимать

---

*) Бѣлопашцы, напримѣръ, поступились въ недавнее время многими изъ своихъ высланными за воровство (конокрадство), корчемство и содержаніе пристаней для бѣглыхъ.

иной видъ и оживляться; но за то другое все еще ждетъ, когда и у него начнутъ подрѣзать сухія вѣтви, срѣзать дикіе наросты и дадутъ растенію иную поливку, свѣтъ и теплоту. Тутъ и тамъ со временемъ перетрясутъ и провѣтрятъ землю, комомъ накипѣвшую около самыхъ корней и задержавшую такимъ образомъ правильный ростъ. Солдаты и мѣщане, отсаженные отъ корневаго растенія и непривитые къ другому живому тѣлу, продолжали существованіе, въ которомъ примѣтны были и зачатки агоніи съ одной стороны, и избытокъ заразительнаго яда съ другой. Мѣщанинъ безъ земли, солдатъ безъ собственности: одинъ, обманувшійся на искусственной почвѣ города, другой—обманутый жизнію въ казармѣ — оба стояли на покатой дорогѣ къ пороку. Причина извѣстна: трудъ есть одно изъ началъ морализаціи; работа и занятія—сильное, испытанное противоядіе дурнымъ стремленіямъ и привычкамъ. Рѣдко порокъ остается одинъ: онъ соединяется обыкновенно съ безнравственностью, за которой неизбѣжно слѣдуетъ преступленіе. Крестьяне — люди труда земледѣльческаго, промысловаго и торговаго: оттого и преступность ихъ не такая тяжкая, какова она у солдатъ, мѣщанъ и тѣхъ людей, которые, съумѣвши разъ впасть въ преступленіе, успѣли пожить совмѣстно съ другими преступниками по тюрьмамъ, рабочимъ домамъ и арестантскимъ ротамъ. Учрежденія же эти или существовали на старыхъ, суровыхъ и озлобляющихъ порядкахъ, или, и вновь основанныя, не руководствовались настоящими образцами и человѣколюбивыми правилами.

За то, съ другой стороны, владѣльческіе крестьяне отличаются отъ многихъ другихъ сословій наибольшею пропорціею ссыльныхъ за тотъ родъ убійства, который называется *самоубійствомъ*.

ГЛАВА III.

САМОУБІЙЦЫ.

Причины и проявленіе самоубійствъ въ Россіи и Сибири. — Самоубійства въ городахъ и деревняхъ. — Орудія и способы этого преступленія. — Утопленіе. — Петли. — Яды. — Огнестрѣльныя орудія. — Неволя. — Роковыя мѣста. — Сухая бѣда. — Ямки. — Самосожигатели. — Морельщики. — Топители. — Огромное количество жертвъ. — Причины этого явленія. — Особый видъ сибирскаго раскола.

Отъ судей, какъ и отъ общества, обыкновенно скрыты тѣ тайныя пружины, какія направляютъ человѣка на стезю преступныхъ дѣяній. Имъ неизвѣстны тѣ благородныя усилія, какія дѣлаетъ человѣкъ предъ преступленіемъ, противъ наплыва чорныхъ мыслей и для умягченія раздражонныхъ чувствъ. Они не знаютъ всей внутренней борьбы, которую выдерживаетъ бѣднякъ для того, чтобы сохранить твердость противъ слѣпыхъ внушеній судьбы. Кромѣ его самого, нѣтъ другихъ свидѣтелей этой скрытой и великой драмы, гдѣ виновный является главнымъ актеромъ. Сила нравственнаго чувства у нѣкоторыхъ субъектовъ направляетъ эту борьбу на тотъ пунктъ, на которомъ они предпочитаютъ скорѣе расквитаться съ жизнію, чѣмъ покинуть стезю долга. Причина этого самоотверженія, этой послѣдней жертвы, на которую идетъ человѣкъ отъ гнета нужды, также скрыта отъ судей и общества: они также не знаютъ, что вѣра въ дѣйствительную силу чести, чувство собственнаго достоинства успокоиваютъ актера незримой драмы и онъ отдается въ руки смерти, не желая можетъ быть разставаться съ жизнью, но довольный и счаст-

ливый тѣмъ, что провелъ ее безъ пятна. Вотъ причина большей части самоубійствъ.

Покушенія на этотъ видъ убійствъ возрастаютъ по мѣрѣ разныхъ случайностей, каковы: болѣе или менѣе продолжительные кризисы, которымъ подчинена и подвержена всякая промышленность и которые неблагопріятно дѣйствуютъ не только на существованіе самаго работника, но и на существованіе его семейства. Въ той же мѣрѣ сильно дѣйствуютъ и гражданскіе безпорядки (къ счастію, очень рѣдкіе), которые сопровождаются тѣмъ же исходомъ, вредящимъ общественному спокойствію мирно—налаженной жизни и ослабляющимъ даже источники заработковъ. Остановка, крупныя затрудненія въ работахъ—тѣ бѣдствія, которыя равно тягостны для всѣхъ, но тяготѣющія преимущественно надъ рабочимъ людомъ. Неурожаи и зараза одинаково страшны, но они большею частію не такъ опасны для работниковъ, какъ сильные промышленные и политическіе кризисы; эти-то времена въ ту же силу, по преимуществу, пора самоубійствъ.

Неурожаи и народныя бѣдствія въ началѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія выработали болѣе значительную цифру сосланныхъ въ Сибирь за покушеніе къ самоубійству; на всѣ другіе года она выразилась въ болѣе ровной цифрѣ, подчиненной вліянію на самоубійство того тяжолаго ярма безвыходнаго положенія, которое усложнилось отъ гнёта рабства. Наиболѣе покушались на самоубійство (предпочтительно предъ всѣми другими сословіями) крестьяне владѣльческіе (въ 12 лѣтъ 63 случая); и въ особенности дворовые люди (въ 9 лѣтъ 11). Слабѣе замѣтна эта наклонность (по процентному отношенію) у государственныхъ крестьянъ (въ 12 лѣтъ 36), въ военномъ сословіи (12), у мѣщанъ (4). Въ сословіяхъ, матеріально обезпеченныхъ въ жизни, имѣющихъ въ рукахъ несравненно большее количество способовъ для противодѣйствія, покушеній на самоубійство въ тобольскихъ табеляхъ вовсе не замѣтно (у духовенства, купечества, у военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, у неслужащихъ и отставныхъ). Обладали ли они большимъ искусствомъ довести намѣренія свои до конца, которому не удалось выразиться покушеніемъ; избѣжали ли они ссылки при помощи средствъ, имъ болѣе доступныхъ, подвергшись, напримѣръ, церковному покаянію и

тюремному заключенію въ предѣлахъ своей родины, — по Сибири судить о томъ невозможно. Тобольскія табели и тѣ случаи, о какихъ дано имъ вѣдѣніе, съумѣли запутать такъ, что во весь періодъ лѣтъ веденія табелей также нельзя составить опредѣленнаго понятія. За ними закрыты тѣ остроумные выводы, къ которымъ пришолъ, напримѣръ, Quetelet въ своей книгѣ «Sur l'homme».

Тобольскія табели, въ отношеніи къ различнымъ мѣстностямъ Россіи, съ нѣкоторою ясностію указываютъ на большее число покушеній къ самоубійству въ губерніяхъ западнаго края, гдѣ такимъ образомъ этотъ видъ убійствъ сталъ на мѣсто тѣхъ преступленій, которыя въ другихъ губерніяхъ съ крѣпостнымъ правомъ высказались въ отчаянной формѣ убійствъ помѣщиковъ. Губерніи эти съ большимъ постоянствомъ ежегодно преслѣдовали этотъ видъ преступленій, выражавшихся въ великорусскихъ губерніяхъ порывами въ одинъ годъ. Такъ въ одинъ 1843 годъ крупнѣе другихъ дали цифры губерніи: Орловская (14 мужчинъ и 2 женщины), Саратовская (9), Санктпетербургская (6—3), Харьковская (4 мужчины и 5 женщинъ), Рязанская (6 мужчинъ и 2 женщины), Московская (4—3), Полтавская (6 мужчинъ и 1 женщина), Черниговская (7 мужчинъ), Московская (6 мужчинъ). Въ тотъ же годъ по 5 самоубійцъ выпало на губерніи: Виленскую, Витебскую, Подольскую и Минскую *). Порывы женщинъ (особенно въ сословіи дворовыхъ людей) къ прекращенію собственной жизни тѣмъ или другимъ способомъ, выражаются въ одинаковой пропорціи по отношенію къ мужчинамъ. Вообще же наклонность къ самоубійствамъ, по отношенію ко всѣмъ родамъ другихъ преступленій, слаба до исключительности: меньше совершаются уже немногія преступленія. Самоубійству, на большинство случаевъ,

*) Все число покушавшихся на самоубійство (за 9 лѣтъ) равняется 347 м. и 134 ж. По годамъ цифры распредѣлились такъ: въ 1841 году 64 м., 35 ж.; 1842—78 м., 27 ж.; 1843: 154 м., 40 ж.; 1838: 6 м., 8 ж.; 1839: 6 м., 4 ж.; 1840: 9 м., 1 ж.; 1844: 14 м., 8 ж.; 1845: 7 м. 9 ж.; 1846: 9 м., 2 ж. Самое меньшее число выпало на губ.: Пермс., Спб., Тоб., Смол., Симб. и Казан. Заводскіе съ фабричнымъ примѣчательно рѣдко прибѣгаютъ къ этому способу освобожденія себя изъ-подъ гнёта тяжолой жизни, но за то финскіе инородцы долгое время практиковали *сухую бьду*, вѣшаясь на воротахъ обидчика на пущее горе для живаго въ судейскихъ и полицейскихъ волокитахъ, на положеніи убійцы.

предшествуетъ долговременное злоупотребленіе спиртными напитками, и покушеніе на себя является послѣдствіемъ страшной тоски, происходящей отъ пьянства. Такъ — въ Россіи.

Полнѣе и разнообразнѣе представляются самоубійства въ большихъ городахъ, преимущественно въ столицахъ. По отношеніямъ къ поламъ это — по ученію церкви — тройное преступленіе выражается тѣмъ, что трусъ-мужчина и робкая женщина также убиваютъ себя, какъ и человѣкъ, привыкшій пренебрегать всевозможными опасностями. Какъ для мущинъ самоубійство является бредомъ самолюбія, заставляющимъ забывать самыя священныя обязанности, даже чувство самосохраненія, такъ и для женщинъ преступленіе этого вида не представляется исключеніемъ, не смотря на слабость физическаго темперамента, на мягкость характера, на прирожденную боязливость. Въ столицахъ покушенія на собственную жизнь кажутся въ размѣрахъ ежегоднаго возростанія, какъ бы въ потвержденіе повсюду распространеннаго мнѣнія, что самоубійства всего чаще встрѣчаются въ тѣхъ странахъ и городахъ, гдѣ наиболѣе распространено образованіе.

Въ большихъ городахъ самоубійства случаются чаще во время молодости и зрѣлаго возраста (отъ 25 до 40 лѣтъ), когда люди больше всего подвергаются борьбѣ честолюбивыхъ и эротическихъ страстей. Старость менѣе всего подвержена вліянію отчаянія, а во время сильнаго наплыва всякихъ страстей, самоубійства являются лишь тогда, когда случается какой либо непредвидѣнный и неожиданный вызовъ. Побудительными вызовами считаются: злоупотребленіе спиртными напитками, породившими болѣзнь ипохондріи, обманутая любовь, вызванная измѣною котораго-либо изъ двухъ любящихъ сторонъ. Чрезмѣрная ревность, нераздѣляемая любовь сводитъ въ преждевременную могилу нерелигіозныхъ людей прежде всѣхъ другихъ. Подобная наклонность сильнѣе развита у безбрачныхъ, чѣмъ у семейныхъ, какъ болѣе привязанныхъ къ жизни.

Обращаясь къ способамъ, къ которымъ прибѣгаютъ самоубійцы, нельзя не замѣтить, что наиболѣе употребителенъ, и у насъ въ Россіи, какъ и во всемъ свѣтѣ, способъ самоутопленія. Бросаются въ воду чаще, чѣмъ испытываютъ другіе способы. За водой слѣдуютъ петли, вѣшаются и давятся въ столицахъ и большихъ городахъ съ

тою же охотливостію, какъ и въ деревняхъ и селахъ. Затѣмъ рѣжутся острыми орудіями; причемъ тѣми, которыя сподручнѣе: цирюльники бритвой, сапожники ножами; прачки вѣрнѣе поспѣшатъ отравить себя угаромъ, прусской синькой и проч. Отравленіе ядами охотливѣе и чаще производятъ съ собою женщины, чѣмъ мужчины. Женщины же готовнѣе бросаются въ окна; за то военные мужчины вѣрнѣе спѣшатъ достигать цѣли разсчота съ жизнію при помощи огнестрѣльныхъ снарядовъ. Этотъ способъ наиболѣе достигаетъ цѣли въ противоположность водѣ; изо всѣхъ, прибѣгающихъ къ послѣднему способу, значительная часть оказалась виновною лишь въ покушеніи. Изъ таковыхъ наибольшая часть и попала въ ссылку. Вообще должно сказать, что это общественное преступленіе равно присуще людямъ всякаго рода занятій и общественныхъ положеній отъ высшихъ до низшихъ. Русскіе города не подтверждаютъ собою того наблюденія, которое сдѣлано въ Европѣ, что зажиточные классы наиболѣе наклонны къ самоубійству. Оно всего вѣрнѣе зависитъ отъ ослабленія религіозныхъ вѣрованій, или, какъ сказалъ одинъ изъ наблюдателей: «когда общественная нравственность и страхъ божій не обуздываютъ страстей, то въ самоубійствѣ находятъ вѣрное прибѣжище отъ страданій нравственныхъ и физическихъ».

Сибирь представляется тою страною, гдѣ самоубійства и покушенія на такое преступленіе — теперь явленіе нетолько нерѣдкое, но и бросающееся въ глаза. Распространено самоубійство преимущественно между ссыльнымъ людомъ (въ большей степени между поселенцами, чѣмъ между каторжными), какъ будто для пришедшаго изъ Россіи (со скрытыми наклонностями къ тому) не доставало еще одного лишенія, еще лишней тяжести, одной только капли, чтобъ сосудъ перелился черезъ край. Человѣкъ въ неволѣ не имѣетъ глубокой вѣры, чувствуетъ тяжесть жизни; неволя отняла надежду и счастье. Съ надеждой утратилась и свѣжесть чувствованій, и сила воли, и готовность на борьбу съ препятствіями. Отнявъ счастіе, неволя отняла и охоту къ жизни, постановивъ на ея мѣсто отвращеніе ко всему. Присоединяя къ этому какое-либо несчастіе, даже просто обычный матеріальный недостатокъ, неволя погружаетъ своего паціента въ отчаянную глухоту равнодушія. Въ такомъ состояніи, при томъ же обыч-

номъ недостаткѣ вѣры и религіозной холодности, раскаяніе и жалобы на себя, или страхъ наказанія, или капля водки прямо вызываетъ покушеніе на собственную жизнь. Самоубійство такъ и выражается въ самой простой и немногосложной формѣ. Убійца долго не думаютъ, кончаетъ съ собой тамъ же, гдѣ часъ приспѣлъ: дальше надворныхъ строеній (обыкновенно клѣтей и хлѣвовъ) и подволокъ (то-есть чердаковъ) самоубійцы рѣдко ходятъ. Способовъ и орудій другихъ, кромѣ веревки съ петлей, они мало знаютъ. Въ 1866 году за Байкаломъ, въ девяти случаяхъ самоубійствъ, только двое зарѣзались, семь человѣкъ задавились. За Байкаломъ между Малкинскимъ зав. и Екатеринскимъ рудникомъ указываютъ на гору Павловку, какъ на роковую. Тутъ повѣсился нѣкто Соколовъ, измученный за связь съ любовницею офицера, всякими преслѣдованіями со стороны послѣдняго. Въ томъ же году и тутъ же повѣсился писарь Смагинъ: говорятъ отъ запоевъ. Въ Иркутской губерніи въ 1867 году семнадцать человѣкъ. подвергнувшихъ себя насильственной смерти, были на большую часть поселенцы; на большую часть избрали они мѣстомъ для разсчота съ неудавшеюся жизнью хлѣвы, и всѣ задавились, надѣвши на шею петлю изъ собственной опояски и закинувши шнурокъ за брусъ или стропила хлѣвовъ.

Въ первыя времена сибирской исторіи самоубійства составляли, какъ бы исключительно свойство молодой страны. Едва ли гдѣ можно встрѣтить роковую силу наибольшую той, которая вынуждала людей такъ не дорожить жизнію, и съ такою готовностію и легкостію разставаться съ нею. Если этотъ родъ самоубійствъ, выразившійся самосожженіемъ и убіеніемъ себя посредствомъ голода въ силу мистическихъ увлеченій и перешолъ сюда непосредственно изъ Россіи въ формѣ особаго религіознаго толка, то во всякомъ случаѣ въ Сибири выразился наибольшимъ фанатизмомъ и погубилъ гораздо большее количество жертвъ. Молодая страна, богатая силами и сильная воспріимчивостью съумѣла и увлеченія свои показать въ болѣе грандіозныхъ формахъ. Все въ ней развивалось быстрѣе; все примѣнялось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, какъ бы подъ впечатлѣніемъ экономическаго простора и географической шири. Съ 1679 по 1823 годъ сожглось въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, по свидѣтельству

лѣтописей, народныхъ преданій и оффиціальныхъ документовъ, въ одной Тобольской губ. до двухъ тысячъ человѣкъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самоубійцы увлекались ученіемъ, обязывавшимъ для душевнаго спасенія умерщвлять себя голодомъ и огнемъ. Этотъ фанатизмъ сильнѣе заражалъ филиппоновъ, ученіе которыхъ велитъ бѣжать изъ своей страны, отъ родныхъ и своего племени, удаляться въ пустыню, въ особенности отъ ревизіи и платежа податей. Секта эта, выродившая въ позднѣйшія времена секту странниковъ или скитальцовъ, грядущаго взыскующихъ, до того времени возбуждала самоубійства, позволившія предполагать прежде особую секту самосожигателей. Въ Сибири слѣдованіе этому толку выражалось терминомъ «уходить въ ямки» и дѣйствительно въ нерѣдкихъ случаяхъ обнаруживалось тѣмъ, что ревнующіе душевному спасенію, предавшіе себя «тебѣ ради Господи» выкапывали глубокую яму такъ, чтобы можно было въ ней свободно двигаться и помѣщались тутъ на постоянную молитву. Къ такимъ являлись фанатики-учители (приходившіе въ Сибирь большею частію съ Уральскихъ заводовъ), нерѣдко закладывали яму хворостомъ, и подвижники умирали съ голоду. Во многихъ случаяхъ самоубійства выражались самосожженіемъ и вызывали крутыя мѣры правительства, руководившагося желаніемъ истребленія сектъ и отдавшаго дѣло въ жосткія и неумѣлыя руки. Какъ въ Россіи съумѣли сгорѣть старовѣры въ избахъ и разъ даже сожгли вмѣстѣ съ собой цѣлый монастырь (Зеленецкій, Новгород. губ., Тихв. уѣзда), такъ и въ Сибири сгорали въ одиночьку, сгорали семьями, большими толпами, цѣлыми деревнями. Сжигали себя по причинѣ записи въ двойной окладъ; сожглось много народу тотчасъ, какъ объявленъ былъ указъ Исетской провинціальной канцеляріи (въ январѣ 1751 года), предписывавшій ловить волочащихся съ паспортами и безъ паспортовъ раскольниковъ и доставлять подъ крѣпкимъ карауломъ въ консисторію. Въ отвѣтъ на запись въ двойной окладъ сожглось 189 человѣкъ, осенью и зимою 1751 г. (въ разныхъ деревняхъ 61 чел., близъ Челябинской крѣпости 12; въ деревнѣ Смолиной, Буткинскаго прихода Окуневскаго дистрикта 64, въ Туголымскомъ приходѣ 25, въ дер. Бурмистровой, прихода Орлова городища, Ишимс. округ.). На январскій указъ Исетской канцеляріи, въ мартѣ 1757 (12,

13 и 14 ч.) сгорѣло немалое число въ дер. Окуневой (Куртомпнской слободы) и въ то же время того же марта и года, сгорѣло 72 чел. въ дер. Коноваловой. Изъ присланныхъ въ консисторію нѣкоторые обратились, другіе бѣжали въ Исетскъ и тамъ въ пашенныхъ избушкахъ (на заимкахъ) сгорѣли муж. и жен. пола 64 чел. 15, 16, 17 и 22 марта того же года сожглись изъ деревни Гусевой (Тюм. ок.) 39, въ деревнѣ Кулижной (Каменскаго прихода) 6, въ деревнѣ Гилевой (Кармецкаго прихода) 25 (всего 70). Въ апрѣлѣ того же года въ Буткинской слободѣ собравшіеся въ дома и готовые сгорѣть, объявили дозорщикамъ, что если не будетъ притѣсненій — горѣть не станутъ и будутъ платить подати бездоимочно. Въ апрѣлѣ 1751 г. въ пашенной избушкѣ дер. Березовой (вѣдомства рафайловскаго духовнаго правленія) сгорѣли 33. Въ дер. Дворцахъ (Шатровскаго прихода) собрались горѣть многіе, но увѣщатели умѣли говорить и сгорѣлъ только домъ крестьянина Чикишова съ нимъ, съ его семействомъ и съ кое-кѣмъ изъ постороннихъ; еще сгорѣла крестьянка Епанчинцова съ двумя дѣтьми. Изъ деревни Журавлевой и Барсуковой неизвѣстно куда бѣжали крестьяне съ семьями, всего 29 человѣкъ. Въ Куртамышскомъ приходѣ, въ пашенной избушкѣ сжогъ себя крестьянинъ Жерновниковъ съ двумя малолѣтками (жена съ сыномъ успѣла выскочить изъ пламени). Въ февралѣ и мартѣ все того же несчастнаго (1751) года воскресенскій закащикъ Протасовъ потребовалъ раскольниковъ на увѣщаніе, но Окуневская управительская канцелярія отказала, боясь самосожженій. Однако отъ притѣсненій дьячка и пономаря села Кислянскаго крестьянская жена Кудрявцова (въ апрѣлѣ 1752 г.) утопила въ дер. Курьей 7 человѣкъ дѣтей своихъ и восьмою сама бросилась въ прорубь. Донесли Сѵноду и Сенату, но оттуда получили строгіе указы ловить подговорщиковъ и совратителей. Въ 1756 г. въ Чаускомъ приходѣ въ деревнѣ Мальцовой сгорѣло 175 человѣкъ. Долго они не рѣшались, выжидали: явились, познавъ про то, увѣщатели, сидѣвшіе въ ямкахъ, предложили ультиматумъ: уговорить попа не брать поборовъ, начальство смѣнить, ибо отбивало отъ земли, мучило на работахъ, раззорило. Чиновникамъ не вѣрятъ. Увѣщанія не подѣйствовали — они подожглись. Однако выхватили изъ огня обгорѣлыхъ, вылечили, посадили въ острогъ въ кандалахъ и отдали

свѣтской власти. Въ 1759 г. сгорѣло нѣсколько человѣкъ въ с. Шатровскомъ; на 14 февраля 1761 нѣсколько крестьянъ въ дер. Самсоновой (Кузиной) нынѣшной Соломатовской волости. Императрица Екатерина II простила вернувшихся изъ бѣговъ, сняла срамное платье, и велѣла указомъ оставить раскольниковъ въ покоѣ и прекратить преслѣдованія въ 1762 году. Страсть къ самоубійству ослабѣла, но разъ возбужденная продолжала обнаруживаться кое-гдѣ. Екатерининскія мѣры были полумѣры, давали много крючковъ приказнымъ; начались поборы, хотя Екатериною и назначены были мѣста поселенія. Въ 1763 на 13 февраля сгорѣли 35 чел. въ избѣ крестьянина Агапитова, въ деревнѣ Кулаковой Линчинскаго (теперь Луговскаго) прихода. Бывали случаи самосожженій въ смѣжныхъ волостяхъ округовъ Ишимс., Курган. и Ялутор. Лѣтъ 80 тому назадъ сгорѣло около 30 чел. въ дер. Шушаринской (Ермолиной) подлѣ Уваровскаго (единовѣрческаго) села. Бывали случаи единичные въ дер. Кабаковой (Утечьей вол. Кург. округа) по убѣжденію крестьянина Мензелина, въ дер. Куртанѣ (той же волости) и въ Ингалинской вол. въ дер. Лепехиной. Послѣдній случай самосожженія замѣченъ въ Утечьей волости послѣ 1823 года. Крестьянинъ Тихонъ Мятлевъ (поморскаго толка), отправившій многихъ на тотъ свѣтъ огнемъ, наконецъ и самъ рѣшился на самоубійство въ погребѣ своего дома. Сюда завелъ онъ всѣхъ дѣтей своихъ и внуковъ обманомъ, и подпустилъ огонь. На дѣтскій крикъ и на дымъ собрались сосѣди и спасли погибавшихъ. Народъ до сихъ поръ зоветъ потомковъ этого семейства Горѣлкиными; нѣкоторые изъ нихъ приняли (въ 1846 г.) единовѣріе. Надо замѣтить, что поповцы (по сибирски стариковщина) этихъ самоубійцъ оправдываютъ, но за упокой ихъ не молятся и именъ ихъ не поминаютъ, несмотря на то, что молятся и поминаютъ всѣхъ, замученныхъ на пыткахъ или казненныхъ, и вообще всѣхъ, пострадавшихъ отъ суда въ острогахъ и ссылкѣ *).

*) До вызововъ самоубійствъ указами, самосожженіе по фанатическому увлеченію религіозными принципами, произошло впервые, по свидѣтельству тобольскаго лѣтописца въ 1679 году: «270 душъ изъ разныхъ мѣстъ Сибири собрались на Березовкѣ при Тоболѣ и сожглись.» Въ 1682 г. сгорѣло

Приходившіе съ заводовъ уральскихъ приносили также и другіе способы душевнаго спасенія. По всему Ялуторовскому округу въ 1782 году, по предложенію губернатора Осипова, разыскивали крестьянина Мензелина (по народному Мензелинца), который *утопилъ* 10 душъ крестьянъ муж. и жен. пола изъ дер. Шадриной (Суерской вол.), въ озерѣ Сазыкулѣ. Но и этотъ родъ смерти былъ не принудительный, а добровольный, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ многихъ. Подговорщиками, кромѣ Мензелинца, явились: Грамотѣевъ, Матвѣевъ, Калинычъ (Фоминцовъ), Зайцовъ, Плюснинъ. Они опускали въ яму ревнителей и черезъ 12 дней приходили и вынимали; если находили въ живыхъ, то вывозили на средину озера (Сазыкула, Осетроваго, Сладкаго, Сухменя и друг.) и бросали въ воду. Выплывшіе трупы хоронили подъ лабзы. Всѣ совратители не избѣгли наказанія, кромѣ Фоминцова, который, будучи пойманъ, распоролъ себѣ животъ ножомъ и чрезъ три дня умеръ (въ 1828 г.). Нѣкоторые уходили изъ ямокъ и умирали въ православіи. Остался не раскаяннымъ одинъ только Грамотѣевъ; вышедъ изъ ямы, онъ принялся съ неистовствомъ умерщвлять товарищей. Пойманный зарѣзался. Эти случаи 1828 года были послѣдними уходами въ ямки. Съ тѣхъ поръ о подобныхъ способахъ самоистязанія и самоубійства не слышно. Въ Тюмени теперь спорятъ и расходятся только въ догматахъ о крещеніи и о бракѣ.

въ избахъ 400 чел. Утятской слободы Кург. окр., за то и до сихъ поръ слывущей въ народѣ подъ именемъ Погорѣлки; въ 1687 сгорѣло 323 души въ трехъ деревняхъ около Тюмени; въ 1688 съ женами и дѣтьми 150 чел. на р. Пышневкѣ Куяровской слободы дер. Боровиковой, въ томъ же году въ дер. на Юрмычѣ 50 чел. (также съ женами и дѣтьми). По Дмитрію Ростовскому въ это же время сжигались въ Енисейскѣ и Томскѣ. Въ 1722 близъ слободы Коркиной (на Ишимѣ) — неизвѣстное число въ пустынѣ Смирнова; также близъ Абатска въ дер. Выровской и Зырянской; 1724 за Пышмой 145 душъ; въ 1743 и 1745 неизвѣстное число изъ записанныхъ, въ росписяхъ священниковъ, православными; на 1 авг. 1750 близъ Тюмени 14 чел. въ дер. Зайковой. Въ Песчаномъ замовьѣ, въ дер. Шумариной, въ селѣ Уваровскомъ (гдѣ и мѣсто показываютъ), въ дер. Крѣпость, Межеумной, Потаниной, Тетерьей, Большомъ Песьяномъ, дер. Утечьей, Бѣляновкѣ, Орловой, и друг.

Прямымъ противоядіемъ злу самоубійства, на каторгахъ и на мѣстахъ поселенія служатъ, какъ извѣстно, побѣги. Въ бѣгахъ ссыльные умѣютъ, съ примѣтнымъ успѣхомъ, изнашивать накипѣвшую въ сердцѣ тоску. Бродяжество такимъ образомъ является новымъ видомъ болѣзней ссыльныхъ и включается въ число преступленій, наиболѣе господствующихъ между ними.

Въ эту-то массу искателей приключеній мы и углубимся теперь, придержавшись сначала опушки лѣсной, каковою на этотъ разъ представляется Россія.

Сибирь, какъ ссыльное мѣсто, обреченная прикрывать грѣхи Россіи, достаточно приглядѣвшаяся къ нимъ и провѣряющая себя съ похвальною точностію и откровенностію, обладаетъ въ настоящее время возможностью опредѣлить господствующія болѣзни, указать больныя мѣста и нѣкоторые другіе признаки, характеризующіе страданія организма своей метрополіи. Само собою разумѣется, что средствъ врачеванія она, сама заражонная приноснымъ ядомъ и страдающая отъ собственныхъ эпидемій, представить не можетъ. За то съ другой стороны съ тою точностію, каковой, къ несчастію, не можетъ похвалиться Россія,—Сибирь указываетъ на постоянные и временные недуги, подтверждаетъ цифрами количество заболѣвшихъ, объясняетъ полъ и возрастъ, сословіе и мѣсто жительства ихъ по крайней-мѣрѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ее увѣряютъ. Не можетъ Сибирь поручиться за то, что заболѣвшіе всѣ присланы въ ея госпитали: это уже не ея отвѣтъ, но съ нѣкоторою увѣренностію въ собственный авторитетъ, заслуживающій уваженія при ея долговременной практикѣ, Сибирь свидѣтельствуетъ о томъ, что опредѣленіе многихъ болѣзней произведено неправильно, что въ другихъ присутствіе заразительнаго и опаснаго яда слишкомъ ничтожно, въ третьихъ послѣдній не выразился вовсе и здоровый ошибочно признанъ за больнаго, и проч.

Прислушавшись къ общимъ сибирскимъ наблюденіямъ и приглядѣвшись къ частнымъ ея выводамъ, требовавшимъ повѣрки, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Самая обыкновенная болѣзнь, господствующая въ Россіи и поставляющая наибольшее число страдальцовъ въ сибирскіе госпитали, носитъ названіе *бродяжества*. По этому виду цифра самая крупная. Ей уступаетъ даже такая значительная цифра, которая принадлежитъ присланнымъ за воровство (третье мѣсто, по цифровой величинѣ, занято сосланными за убійство). Величина этихъ трехъ цифръ, ежегодно выражающихся крупными сотнями (по первому виду) и большими десятками (по двумъ другимъ), на столько поразительна и настойчива, что у Сибири есть достаточно основаній умозаключать, что метрополія ея, судя по количеству бродягъ, далеко еще не представляетъ собою такого государства, въ которомъ исчезли неблагопріятныя причины, заставляющія населеніе руководиться старыми историческими пріемами «брести врозь». Съ одной стороны въ Россіи замѣчаются тѣ же наклонности къ перемѣнѣ старыхъ пепелищъ на новыя, какія проявляются сильнѣе всего въ германскихъ нѣмцахъ, и съ другой примѣтны очевидные признаки сходства со вновь организующейся страной по ту сторону Атлантическаго океана.

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Видимое сходство и непримѣтныя различія объясняются для насъ изъ разбора различныхъ формъ бродяжества въ отдѣльномъ видѣ и изъ сопоставленія ихъ въ зависимость одно отъ другаго.

ГЛАВА IV.

БРОДЯГИ И БѢГЛЫЕ.

Страна изгнанія. — Бродяжество въ современномъ видѣ. — Бѣгство крестьянъ отъ помѣщичьей власти. — Гулящіе люди. — Повѣги солдатъ отъ военной службы (дезертиры). — Покинувшіе отечество (эмигранты). — Пристанодержательство. — Притонщики. — Хлѣбосольство. — Сибирскія заимки. — Варнаки и чалдоны. — Опасности отъ бродягъ и бѣглыхъ. — Причины народныхъ бѣдствій. — Псевдонимы каторжныхъ (принятіе чужой фамиліи). — Городскіе бродяги. — Бродяжество, какъ самобытное явленіе русской народной жизни. — Историческій очеркъ русскаго бродяжества. — Колонизація Россіи. — Многочисленные остатки древняго народнаго скитанья: безпаспортные, богомольцы, нищіе, запрощики, кубраки и лаборы, бѣгуны, офени-ходебщики и проч.

Огромныя толпы людей этого своеобразнаго званія и исключительныхъ свойствъ, ежегодно, съ неизмѣннымъ постоянствомъ, очищаютъ Россію и расходятся по Сибири. Здѣсь составляютъ они болѣе $^2/_5$ частей всего количества ссыльныхъ преступниковъ, свидѣтельствуя о постоянномъ, твердомъ и настойчивомъ желаніи Россіи избавиться отъ этихъ людей, повидимому признаваемыхъ самыми опасными. Въ то же время появленіе бродягъ на той сторонѣ Уральскаго хребта служитъ доказательствомъ, что бродяжество по сю-сторону хребта, въ Россіи, одно изъ тѣхъ явленій, противодѣйствіе которому ведется съ неизмѣннымъ постоянствомъ, но и съ таковою же неудачею: каждый годъ приходятъ новыя толпы, столько же густыя и почти равныя одна другой своимъ количествомъ. Сибирь выигрываетъ

въ населеніи своемъ, Россія не выгадываетъ на своемъ, чрезъ ежегодную высылку этихъ людей, называемыхъ ею бродягами и признаваемыхъ преступными: освободившись отъ полуторы тысячи этого народа на прошлый годъ — Россія имѣетъ надобность и возможность выкидывать въ будущіе годы еще по двѣ новыя тысячи. Борьбѣ, давно начатой и практикуемой при посредствѣ старыхъ орудій, и конца не видать: Сибирь, принимая и усчитывая военно-плѣнныхъ, глубоко убѣждается въ томъ ежедневными, осязательными фактами и имѣетъ основательныя данныя заключать, что старыя формы быта въ Россіи и живущи и дѣятельны. Сама Сибирь, оглядываясь на прошлое и провѣряя свое настоящее, имѣетъ полнѣйшее право думать, что въ этомъ отношеніи у ней съ метрополіей одинъ и тѣ же основы и поразительное сходство.

Правильной и опредѣленной характеристики бродяжества мертвая цифра дать намъ не можетъ. Отсутствіе у насъ уголовныхъ хроникъ и въ литературѣ характеристикъ преступленій оставляетъ бродяжество подъ непроглядной завѣсой тайны, какою вообще любили прикрываться всѣ канцеляріи и судебныя мѣста. Гадательныя представленія уводятъ въ область предположеній, порождаютъ теорію вѣроятностей, а подобная теорія не можетъ служить руководствомъ въ области статистики. Вотъ почему мы съ бо́льшею подробностію остановливаемся на общихъ положеніяхъ и развиваемъ только ихъ однихъ. Къ этимъ же общимъ выводамъ мы станемъ прибѣгать и въ дальнѣйшемъ теченіи разсказа нашего, будемъ слѣдовать указаніямъ и сказаніямъ цифръ, одушевляя ихъ, по мѣрѣ силъ и средствъ нашихъ, наглядными наблюденіями надъ бытомъ простаго народа, преимущественно идущаго въ ссылку.

Цифра бродягъ представляетъ естественное и простое явленіе — ежегодное колебаніе, повременное уменьшеніе и возрастаніе ея, какъ будто чья-то невидимая, но сильная рука, скрытая за мертвой и пестрой декораціей цифръ, какъ фокусникъ разставляетъ ихъ именно въ такихъ, а не другихъ размѣрахъ. На этотъ разъ фокусникъ спрятанъ не одинъ и фокусы показываются въ одно время и по хорошо выработанной программѣ и по капризу, основанному на произволѣ. Переставляютъ цифры временныя, народныя движенія, временныя

правительственныя распоряженія. Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ и другихъ:

Въ 1826 году въ предѣлахъ Уральскаго войска появились во множествѣ помѣщичьи крестьяне по ложнымъ разглашеніямъ о новомъ поселеніи и вольности. Губернское начальство, руководясь указомъ 23-го февраля 1823 г., распорядилось всѣхъ таковыхъ крестьянъ, какъ бродягъ, отправить въ Сибирь на поселеніе, но сенатъ рѣшилъ, возвратить ихъ на прежнія мѣста жительства, «признавая за бродягъ только тѣхъ безпаспортныхъ людей, кои отъ лѣности и по распутному поведенію, избѣгая повиновенія постановленнымъ властямъ и уклоняясь отъ исправленія повинностей, удаляются отъ жительствъ своихъ для праздношатательства и, не желая имѣть постояннаго мѣстопребыванія, вдаются въ разныя распутства, нерѣдко вовлекающія ихъ въ весьма важныя преступленія». И вотъ увеличилась, сверхъ обычной, годичная цифра сосланныхъ за бродяжество. Увеличилась она также въ 1831 году во время кровавыхъ возстаній въ Старой Русѣ; увеличилась во время картофельныхъ бунтовъ въ Вятской и Казанской губерніяхъ и въ 1846 году на то время, когда остзейскіе нѣмцы, въ прибалтійскихъ губерніяхъ, начали примѣнять европейскую систему частной собственности къ раздѣленію земель на участки и возмутили все населеніе тѣхъ краевъ. Въ 1847 году Витебская губернія поплатилась сосланными за бродяжество изъ числа тѣхъ, которые двинулись толпами къ Петербургу и остановлены были уже подъ Порховымъ, и проч. Вотъ причины, которыя уменьшали цифру бродягъ, шедшихъ въ Сибирь. Сенатскій указъ 4-го августа 1827 г. запретилъ отправлять въ Сибирь за бродяжество престарѣлыхъ, глухихъ, нѣмыхъ и слѣпыхъ, признанныхъ сибирскими властями совершенно безполезными для тамошняго края. Въ слѣдующемъ году рѣшено бродягъ, неспособныхъ по лѣтамъ, слабому сложенію или по увѣчью, въ исправительные рабочіе домы, равно всѣхъ женщинъ, взятыхъ за бродяжество, ссылать въ Сибирь. Бродягъ южныхъ степныхъ губерній (Новороссійскихъ и Малорусскихъ, изъ Войска Донскаго и губ. Ворон., Тамб., Сарат. и Астрах.) нѣкоторое время ссылали на Кавказъ; мусульманъ за безпрестанные побѣги изъ Сибири даже изъ тяжкихъ преступниковъ — въ финляндскія крѣпости. Не-

способныхъ къ слѣдованію бродягъ предписано обращать въ вѣдѣніе приказовъ общественнаго призрѣнія, но престарѣлыхъ ссылать, «не взирая на ихъ лѣта, если не будутъ они дряхлы». Видно увеличеніе цифры на то время, когда бродяги, сбиваясь въ шайки, производятъ въ народѣ какія-либо бѣдствія (такъ, напримѣръ, пожары отъ поджоговъ, періодически повторяющіеся и часто повторявшіеся въ 1846 и 1848 годахъ). Уличенные въ преступленіи, при разслѣдованіи причинъ этихъ бѣдствій, бродяги уходили массами въ Сибирь на слѣдующіе годы и затѣмъ, ослабѣвшіе числомъ внутри государства, ослабляли цифры ссыльныхъ въ Сибирь на послѣдующіе годы. Періодическое накопленіе бродяжьихъ массъ въ ссылкѣ естественно слѣдовало за скопленіемъ ихъ внутри Имперіи въ шайкахъ; уменьшеніе — отъ перемѣны ссылки на Кавказъ для бродягъ изъ степныхъ губерній и отъ поглощенія многихъ другихъ губернскими арестантскими ротами гражданскаго вѣдомства, и проч.

Бо́льшимъ постоянствомъ, при ничтожныхъ колебаніяхъ, отличается цифра бродягъ-*дезертировъ*, бѣгавшихъ отъ тяжести военной службы и всѣхъ крупныхъ, иногда подневольныхъ и невпору вынуждаемыхъ обязательствъ этого рода государственной повинности. Въ Сибирь прошли самые упорные и неисправимые, поплатившіеся еще сверхъ того за такія преступленія, которыя явились прямымъ послѣдствіемъ голода и несчастій, сопряженныхъ съ бродяжествомъ. Солдаты-дезертиры, по сибирскимъ примѣтамъ, успѣваютъ запутываться наичаще другихъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, каковы убійства, грабежи и разбои, хотя Суворовъ и говаривалъ про нихъ такъ: «овечка отстала отъ стада; ну пусть его погуляетъ; рано ли, поздно ли, придетъ». Овечка гулять не умѣетъ, гуляла волчьимъ обычаемъ, и назадъ доброй волей не приходила. Въ дезертирахъ Россія находила и враговъ отечества, становившихся въ чужіе вражескіе полки (преимущественно у азіатскихъ деспотовъ въ родѣ бухарскаго эмира, ташкентскаго хана, персидскаго шаха), и прусскіе и австрійскіе негоціанты находили въ нихъ людей, готовыхъ наносить ущербы казнѣ перевозомъ контрабанды черезъ западную границу. Въ мѣстечкѣ Котычевѣ, не подалеку отъ Тильзита, у шмуглера Тирбаха, постоянно находилась цѣлая шайка нашихъ дезертировъ, которымъ вообще

покровительствовали самогитскіе помѣщики. Подъ видомъ и званіемъ арестантовъ, выключенныхъ изъ военныхъ арестантскихъ работъ, они поступаютъ въ такомъ количествѣ, которое примѣтно ослабляетъ цифру всѣхъ другаго рода преступниковъ. Они, напримѣръ (вмѣстѣ съ товарищами, выключенными изъ тѣхъ же ротъ гражданскаго вѣдомства), успѣваютъ убѣгать изъ Сибири почти всѣмъ наличнымъ количествомъ своимъ (изъ *3761 мужчинъ и 15 женщинъ* въ девять лѣтъ сослано было обратно за побѣгъ изъ Сибири *3509 мужч. 13 женщ.* *). По отношенію къ ежегодному колебанію цифры дезер-

---

*) Въ ряду другихъ арестантскихъ преступленій (изъ остальнаго числа 254 сосланныхъ) на первомъ мѣстѣ стоятъ убійства (99); на второмъ тотъ видъ преступленій, который названъ «тѣлесныя поврежденія съ намѣреніемъ къ убійству» (41), затѣмъ воровство (30), побѣгъ изъ-подъ стражи и взломъ тюремъ (29), возмущеніе противъ властей (20) и наконецъ грабежъ (10 случаевъ).

**) «Оставленіе отечества» хотя и представляется въ тобольскихъ табеляхъ отдѣльною рубрикою, но рубрика эта замѣщена цифрами очень слабо: не такъ покидаютъ родину, чтобы оставить за собою возможность возврата и право ссылки. Не Сибири считать людей этихъ, и если она проставляетъ цифры, то цифры эти представляютъ поляковъ, а преступниками оставившими отечество табели считаютъ польскихъ эмиссаровъ, появлявшихся изъ-за границы время отъ времени. Перепадалъ кое-какой и кое-когда сбѣжавшій за границу раскольникъ и пріѣхавшій въ Россію или со сборной памятью или на соборныя дѣянія. Временами выдавали бѣглецовъ сосѣднія правительства, рѣшавшіяся быть исполнительными въ отношеніи трактатовъ. Вообще же эмиграція для русскаго человѣка, стѣснявшагося выѣздомъ за предѣлы родины, и покупавшаго паспортъ высокими цѣнами, прежде была затруднена; для среднихъ и низшихъ сословій она представлялась немыслимымъ и невозможнымъ явленіемъ, но не въ силу отвлеченнаго чувства патріотизма. Въ 20 лѣтъ съ 1827 по 1847 г. сослано въ Сибирь за побѣги за границу 174 мущ. 10 ж. преимущественно изъ губ. пограничныхъ: Бессар. Обл. 39, Волынской 29 м. 4 ж., Оренб. 15 м. 1 ж., Подол. 14 м., Вилен. 17 м. 3 ж. и проч. Эти убѣжали недалеко, если уже попались въ Сибирь, но нижегородецъ Иванъ Степановъ Сюземовъ (цѣловальникъ), промотавшись въ Астрахани, бѣжалъ въ Азовъ, въ Константинополь, оттуда моремъ во Францію и въ Голландію, гдѣ обманомъ взяли его въ матросы на корабли остъ-индской компаніи. 7 лѣтъ бродилъ онъ въ морѣ, былъ въ Индіи, Японіи и наконецъ остался на мысѣ Доброй Надежды. Здѣсь выучился онъ кузнечному мастерству, нажилъ деньги и поселился въ Готтентотской Голландіи, гдѣ женился, имѣлъ трехъ дѣтей, и из-

тировъ, и именно на повременное ослабленіе ея и здѣсь во многомъ дѣйствуютъ временныя мѣры, ослабляющія, съ одной стороны, строгость взысканій по службѣ, и съ другой — уменьшающія сроки этой

вѣстенъ былъ подъ именемъ ганцъ-руссъ (настоящій русскій). Не былъ бы онъ извѣстенъ соотечественникамъ своимъ и считался бы безвѣстно-погибшимъ, если бы не встрѣтилъ его знаменитый мореплаватель В. П. Головнинъ, проходившій въ тѣхъ мѣстахъ на шлюпѣ «Діана». Архангельскіе промышленники проѣздомъ въ Норвегію слышатъ чистую русскую рѣчь въ привѣтствіяхъ и ругательствахъ отъ промышленниковъ на норвежскихъ островахъ около Гамерфеста, Вадзе и Вардегуза: это—пропавшіе безъ вѣсти промышленники. На персидскихъ берегахъ, прилегающихъ къ Каспійскому морю, въ городахъ и селеніяхъ въ родѣ Мешедесера, Энзели и особенно въ деревушкахъ около устьевъ богатой рыбою персидской рѣки Сифудъ-Руды значительными группами живутъ русскіе промышленники изъ черноземныхъ губерній, лѣтъ по 15—20 не освѣжавшіе своихъ паспортовъ и не бывавшіе на родинѣ. Въ Тегеранѣ въ войскахъ шаха и во многихъ пограничныхъ городахъ въ военной службѣ и въ офицерскихъ чинахъ живутъ и служатъ русскіе эмигранты—бѣглые солдаты кавказской арміи (изъ числа которыхъ значительная часть, болѣе тысячи человѣкъ недавно возвращена въ Тифлисъ). Въ Турціи—цѣлыя деревушки русскихъ раскольниковъ, эмигрировавшихъ во время преслѣдованій и гоненій за вѣру, и притомъ одно селеніе расположилось въ Турціи Азіатской. Не говоримъ о раскольникахъ, забывшихъ родину и поселившихся въ Австріи и Пруссіи: нѣкогда нужда эмиграціи для людей, придержавшихся стараго креста и вѣры, была явленіемъ законнымъ и неизбѣжнымъ. Народъ бѣжалъ во всѣ стороны безъ разбору и во времена самостоятельности Польши, поселился за Литовскимъ рубежемъ огромными деревнями и селами въ родѣ Вѣтки, Новозыбкова, Мглина и проч.; при этомъ мало въ Литвѣ и Бѣлоруссіи городовъ, гдѣ бы не было подгородныхъ раскольничьихъ слободокъ; не исключаемъ изъ этого числа и большихъ городовъ остзейскихъ: Риги, Дерпта, Митавы и Ревеля. Эмиграція дворовыхъ людей не знала также предѣловъ, и русскихъ людей изъ этого класса встрѣчаютъ современные путешественники наши и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и въ Неаполѣ, — нѣкоторыхъ даже хозяевами торговыхъ заведеній, содержателями гостинницъ и ресторановъ. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ болѣзнь эмиграціи становилась сильнѣе и острѣе, и готовилась перейти какъ бы въ форму хроническую. По Сибири ходятъ въ народѣ довольно опредѣлившіеся слухи, что бѣглые съ мѣста заключенія эмигрировали за китайскія границы и поселились тамъ деревнями. Нѣсколько глуше слухи и менѣе вѣроятны разсказы о бѣглецахъ въ Ташкентъ, Самаркандъ, Бухару и Хиву; и не имѣетъ никакого вѣроятія и ничѣмъ не доказанъ разсказъ объ эмигрантахъ-расколь-

службы, облегчонной въ то же время частыми и болѣе или менѣе продолжительными отпусками. Сибирь, конечно, не можетъ быть судьею въ томъ, на сколько силенъ и характеренъ этотъ родъ преступленій въ Россіи, потому что дезертиры умѣютъ прибѣгать къ другимъ средствамъ побѣговъ. Матросы покидаютъ службу тамъ, гдѣ приводится случай и много соблазновъ, предлагаемыхъ вербовщиками во время кругосвѣтныхъ плаваній: Америка, и въ особенности порты Калифорніи (каковъ, между прочимъ, С.-Франциско) увеличиваютъ цифру дезертировъ. Солдаты убѣгаютъ и за австрійскую, и турецкую границу, и въ войскахъ персидскаго шаха они составляли цѣлые отряды и занимали высшія и низшія офицерскія должности, и проч. Сибирь несомнѣнно убѣждена лишь въ томъ, что причины, вынуждающія дезертирство, въ Россіи достаточно дѣятельны: она, между-прочимъ, знакомится съ тѣмъ видомъ преступниковъ, которые высылаются изъ Россіи за членовредительство (за поврежденіе членовъ) для избѣжанія военной службы. Преступленіе это, характеризующее стремленіе народа избавиться отъ тяжести службы, въ случаѣ неудачи или недостатка самостоятельности въ желающихъ избавленія, переходитъ въ тотъ видъ преступленія, которое насъ остановило. Притомъ число ищущихъ средствъ спасенія въ побѣгѣ примѣтно превосходитъ число причиняющихъ себѣ для той же цѣли уродства всякаго вида *).

Какъ рядомъ съ дезертирствомъ, такъ и непосредственно въ тѣсной связи съ бродяжествомъ вообще, является новый видъ народнаго

никахъ, убѣжавшихъ въ Японію, какъ увѣряетъ о томъ распространенное между старовѣрами сказаніе объ Опоньскомъ Царствѣ. Много русскихъ поселилось навсегда въ Америкѣ и особенно счастливитъ таковымъ изъ матросовъ съ военныхъ судовъ въ Калифорніи: въ Санъ-Франциско существуетъ даже цѣлая система соблазновъ и цѣлыя компаніи соблазнителей для золотыхъ промысловъ.

*) За поврежденіе членовъ 442 человѣка, за дезертирство 751, въ девять лѣтъ съ тѣмъ свѣдѣніемъ, что разъ уличена женщина, способствовавшая «къ избѣжанію военной службы другаго». Замѣчательно то, что во всѣ девять лѣтъ за обычное явленіе подлога въ отправленіи рекрутской повинности сослано только двое и всѣ въ одинъ годъ!!

преступленія, обрекающаго народъ въ ссылку. Преступленіе это является пособникомъ двухъ первыхъ и покровителемъ обоихъ: оно, съ одной стороны, выходитъ изъ народнаго обычая гостепріимства, хлѣбосольства и радушія, неспрашивающихъ относящихся къ нимъ съ просьбою о пріютѣ: кто они и откуда, а приглашающихъ садиться и ѣсть. Съ другой стороны, это преступленіе опирается на ту же преступную корысть, умѣющую превращать дѣло гостепріимства въ промыселъ, спеціально и завѣдомо направленный на пользу тѣхъ, которыхъ ищетъ и преслѣдуетъ законъ. Русское слово на нѣмецкій ладъ «пристанодержательство» или иногда «передержательство бѣглыхъ, съ укрывательствомъ оныхъ» выражаетъ этотъ родъ народныхъ преступленій и прикрываетъ въ числѣ ссыльныхъ и тѣхъ, которые дѣйствовали намѣренно, или по принужденію и тѣхъ, которые совершили по невѣдѣнію закона, по безграмотству, мѣшающему разумѣть хотя бы единую букву, и по необразованности, которая понятіе о законѣ переноситъ и на палача («законъ бьетъ» — палачъ сѣчетъ) и спутываетъ его съ законникомъ — крючкотворцемъ и взяточникомъ («законъ—что̀ дышло: куда хочешь, туда и воротишь»).

Въ сибирской цифрѣ нѣтъ возможности отдѣлить различные виды становщиковъ, державшихъ притоны, отъ тѣхъ, которые дали пріютъ и сдѣлались поноровщиками, но несомнѣнно, что пришли сюда и тѣ, которые подслужились самымъ сердечнымъ и невиннымъ гостепріимствомъ, укрывшимъ подъ своимъ теплымъ кровомъ того, кого законъ призналъ за бродягу, и усадившимъ къ готовному хлѣбу-соли, за столъ и въ красной уголъ, тѣхъ, кого ищутъ, какъ преступниковъ-дезертировъ *). Пришли и тѣ, которые подслужились кабакомъ съ подпольями для воровъ и грабителей, теплой избой для преслѣдуемыхъ за разбой и побѣги отъ службы, но и въ послѣднемъ случаѣ тѣ же сердечныя побужденія имѣютъ немалое значеніе. Такъ, напримѣръ, въ укрывательствѣ военныхъ дезертировъ играютъ роль равносильную мужчинамъ женщины (жены, родственницы и любовницы) въ пропорціи 8 женщинъ и 10 мужчинъ. Трудно это послѣд-

*) Въ 9 лѣтъ за укрывательство бѣглыхъ сослано 274 муж., 151 жен.

нее выдѣленіе и потому, что намѣренно держащіе станы или притоны обладаютъ большею степенью осторожности и мастерства, чѣмъ тѣ, для которыхъ укрываніе преслѣдуемаго входитъ въ христіанскія обязательства, и весьма часто вынуждается экономическими причинами, превратившимися въ обычай и особый законъ своего рода. Изъ распредѣленія цифръ сосланныхъ за притоны по губерніямъ, мы видимъ, что крупнѣе становятся онѣ тамъ, гдѣ бродяжество — явленіе обычное, а нужда въ пришлыхъ людяхъ, въ качествѣ работниковъ на земляхъ хлѣбородныхъ и богатыхъ, является во всей безвыходности. Всего чаще, такимъ образомъ, укрываютъ бѣглыхъ въ губерніи предкавказской (Ставропольской), въ закавказскихъ, гдѣ поселились русскіе сектаторы, въ Екатеринославской и Таврической; укрываютъ мѣщане чаще крестьянъ, и мѣщанки немногимъ меньше солдатокъ*). Въ Сибири подобныя дѣянія до такой степени ярки и знаменательны, что укрывательство бѣглыхъ представляетъ одну изъ коренныхъ основъ, на которыхъ зиждется сибирское хазяйство, въ особенности, въ тѣхъ отдѣльныхъ формахъ его, которыя выражаются въ тамошнихъ фермахъ, называемыхъ *заимками*. Здѣсь бѣглый съ каторги является рабочимъ, выгоднымъ по необыкновенной дешевизнѣ и по тѣмъ требованіямъ, которыя ограничиваются работою изъ одного хлѣба и угрѣвы, и не простираются дальше скромнаго желанія не выдавать въ руки властей, чтобы не возвращаться снова на каторжныя безплатныя и подневольныя работы. При помощи этихъ людей удавалось въ Сибири не только расширять одиночныя хозяйства, расположенныя большею частью въ отдаленныхъ и уединенныхъ лѣсныхъ мѣстахъ, но и собирать цѣлыя селенія, деревушки (какъ сплошъ и рядомъ случалось это всюду, и особенно ярко въ Алтайскомъ краю). Подобныя явленія на столько въ Сибири за обычай, что начальники нѣкоторыхъ заводовъ, при казенномъ заказѣ, неис-

*) Между крестьянами наибольшіе покровители бѣглыхъ встрѣчаются между заводскими; но столько распространенное обвиненіе въ этомъ грѣхѣ старообрядцевъ—цифрами не подтверждается и виновность старовѣровъ не выдается впередъ другихъ сословій и вѣроисповѣданій. Преступленіе это для нихъ—старое преданіе, уже изжившее свой вѣкъ.

полнимомъ наличнымъ числомъ каторжныхъ, прибѣгаютъ къ осмотру заимокъ вооруженной командой, какъ къ такой мѣрѣ, которая всегда вѣнчается полнымъ и желаемымъ успѣхомъ. Въ Сибири содержаніе притоновъ является неизбѣжнымъ и непобѣдимымъ зломъ во всѣхъ окольныхъ селеніяхъ, ближайшихъ къ казеннымъ заводамъ, промысламъ и рудникамъ. Хотя по временамъ и возбуждается бдительность надзора и возрождается энергія преслѣдованій, но опытъ указываетъ въ равной мѣрѣ и на государственныхъ крестьянъ-старожиловъ, и на такъ-называемыхъ семейскихъ (старообрядцевъ), какъ на содержателей притоновъ и укрывателей бѣглыхъ.

Бѣглые представляютъ особый, только Россіи свойственный видъ бродягъ, и въ Сибири, подъ именемъ варнаковъ и чалдоновъ, являются въ многочисленномъ, и какъ бы особомъ сословіи людей. Бродяги эти соотвѣтствуютъ вполнѣ тѣмъ требованіямъ, которыя понятны въ этомъ опасномъ сортѣ людей для Европы. Эти люди не опасны въ одинаковой степени съ голодными прозябеніями европейскихъ городовъ потому только, что руки ихъ всегда свободны и способны находить трудъ и внѣ законнаго покровительства и защиты, и еще не нуждаются въ Шульце-Деличахъ. Другія теоріи они вызываютъ; другія начала къ нимъ примѣнимы. Грозная опасность, представляемая ихъ поразительнымъ многолюдствомъ, ослаблена значительно на самомъ дѣлѣ, на практикѣ въ бытовой средѣ ихъ. Они увеличиваютъ количество преступленій, но еще не висятъ дамокловымъ мечомъ надъ лѣнивыми и недогадливыми. Хлѣбосольство сибиряковъ и готовность ихъ давать работу бѣглымъ, сдерживаетъ враждебныя силы этихъ испорченныхъ и озлобленныхъ людей, и Сибирь, дѣлаясь виновною въ пристанодержательствѣ, во всякомъ случаѣ служитъ немалую службу Россіи.

Вотъ что говорятъ факты: въ десять лѣтъ (къ 1852 году) въ Петровскомъ желѣзномъ заводѣ считали бѣжавшими 771 мужчину, 5 женщинъ, а пойманными только 19; исключено за десяти-лѣтнею давностью 31. Изъ Александровскаго завода (винокуреннаго) въ 14 лѣтъ сорвалось въ лѣса и на волю (съ 1-го янв. 1846 по 1-е нояб. 1859) 1013 муж. и 19 женщ., а схвачено 277 муж., 4 женщ. Всѣ остальные успѣли устроить себя по своимъ соображеніямъ и на пол-

ной волѣ своей по той же Сибири. Бѣгали они и въ Россію, попадались тамъ, и подъ прозваніемъ «оборотней» возвращались въ Сибирь, но съ такимъ же подозрительнымъ успѣхомъ. Въ семь лѣтъ (съ 1854 по 1860) возвращено изъ Россіи въ Сибирь обратно всего 354 человѣка обоего пола; между тѣмъ, какъ только съ *четырехъ* заводовъ (не считая рудниковъ и многихъ другихъ заводовъ), только въ теченіе *пяти* лѣтъ бѣжало всего 2704 чел. *). При этомъ на одномъ Успенскомъ винокуренномъ, ближайшемъ къ Россіи, людской утечки насчитывается среднимъ числомъ въ годъ 94 (или въ семь лѣтъ на 354 возвращенныхъ 658 бѣжавшихъ).

Тяжести казенныхъ работъ при неправильномъ распредѣленіи труда и занятій, стремящемся къ тому, чтобы устроить по возможности тѣ работы, которымъ усвоено названіе каторжныхъ, служатъ основною причиною побѣговъ. Они заключаются главнымъ образомъ въ дурномъ содержаніи въ сырыхъ, грязныхъ и душныхъ помѣщеніяхъ, превосходящихъ всякую мѣру вѣроятія. За тяжолыя работы днемъ они ложатся усталыми на жосткія нары; голодными получаютъ несчастный приварокъ, и въ достаточномъ количествѣ только крутую и сухую пищу, порождающую арестантскую болѣзнь «иванъ-таскунъ» (колотье). Поставленный въ исключительное положеніе каторжнаго, лишеннаго всякихъ средствъ пріобрѣтать какую-либо собственность, ссыльный не имѣетъ ея даже и въ томъ прозрачномъ видѣ, какой могъ бы явиться въ платѣ за трудъ и работу, неполагающихъ мѣры, непризнающихъ праздничныхъ дней. Его собственность — только та рвань, которая унижаетъ его человѣческое достоинство и которую, къ тому же, получилъ онъ въ счотъ ничтожной годовой платы своей, носящей громкое имя жалованья. На заводскихъ, а въ особенности на промысловыхъ работахъ одежныя вещи, подвергаясь великимъ испытаніямъ, сроковъ не выдерживаютъ, смотрители

*) Съ Иркутскаго солевар. завода 1344; изъ Троицкаго винокуреннаго завода 801; изъ Селенгинскаго солевар. 203; изъ Николаев. винокур. 356 ч.; (съ 1836 по 1841 г.).

Между тѣмъ съ одного Александровскаго винокуреннаго въ такой же періодъ семи лѣтъ (съ 1835 по 41) бѣжало 1837 чел. об. пола.

принуждены давать новую одежду и, во избѣжаніе личной отвѣтственности за казенное имущество, обязаны вычитать на этотъ разъ у каторжнаго не половину, а все жалованье и съ кормовыми. Оттого за казеннымъ долгомъ ссыльный всегда въ неоплатныхъ долгахъ и той крайней нищетѣ, изъ которой единственный выходъ — побѣгъ. Желаніе отдыха, стремленіе на волю, будучи естественными правами всякаго человѣка, на этотъ разъ могутъ быть приведены въ исполненіе только посредствомъ этого же пути «самовольной отлучки» или «рѣшительнаго побѣга». У однихъ тоска по родинѣ, у другихъ—старая привычка къ бродяжеству, у третьихъ—соблазнъ на путешествіе шайкой съ товарищами, у четвертыхъ — дѣйствительно безвыходное положеніе, которое немного не довело до самоубійства, — все это достаточные поводы къ побѣгамъ, рѣже по направленію къ завѣдомымъ цѣлямъ, чаще въ неизвѣстность, въ темную среду приключеній. Въ самой обстановкѣ каторжныхъ работъ для побѣговъ, сверхъ тяжести каторжнаго сверла, неустанно нажимающаго при помощи безчисленныхъ болѣзней собственно рудниковыхъ и заводскихъ, — представляется много соблазновъ и возбуждающихъ средствъ. Тамъ, гдѣ работы скучены и надзоръ силенъ, выручаетъ долговременный опытъ бывальцовъ, высидѣвшихъ въ тюрьмѣ и примѣнившихъ къ дѣлу многочисленныя остроумныя средства, иногда изумительныя по находчивости, иногда поразительныя по той отчаянной смѣлости, съ какою приводятся они въ исполненіе. Тамъ, гдѣ работы раскидываются на значительныхъ пространствахъ, недоступныхъ равномѣрному наблюденію, средства къ побѣгу упрощаются до того, что не бѣжитъ только безногій, или совсѣмъ хилый или ожидающій на дняхъ законнаго освобожденія отъ казенныхъ работъ. Въ послѣднемъ случаѣ побѣги многочисленнѣе и чаще; въ первомъ они являются въ сообществѣ съ самими сторожами, которые на бо̀льшую часть простоватые казаки, вовсе незнакомые со своими воинскими обязанностями и на значительную часть штрафные солдаты, сами бывавшіе дезертирами и немишонные способности вкусить снова этого запрещеннаго воину плода. Бѣглые сплошъ и рядомъ до сего дня продолжаютъ уходить вмѣстѣ съ ними и даже подъ защитою ихъ ружья и форменнаго вида. Какихъ средствъ ни выдумывали сибирскія власти, начиная съ особыхъ командъ

для поимокъ, выдачи наградъ денежныхъ тѣмъ, которые, имѣя случай бѣжать, не убѣжали *) и кончая измышленіемъ одного начальника засыпать въ надрѣзанныя япятки измельченный конскій волосъ,—побѣги являются столь частымъ явленіемъ, что его смѣло можно полагать обыкновеннымъ и можно считать неизбѣжнымъ. Укрываются всего чаще каторжные и поселенцы заводскими крестьянами по Уралу (въ 20 лѣтъ изъ этого края выслано 7,275 чел. бѣглыхъ изо всего числа бродягъ (13,769); слѣдовательно, такъ-называемые варнаки между бродягами составляли около 53% (въ южныхъ степяхъ Новороссіи бѣглымъ изъ Сибири принадлежитъ только $4^1/_2$%) **).

Такимъ образомъ въ Сибири не только тѣ, которые замѣчены съ бродяжьими наклонностями въ Россіи, но безразлично бѣгутъ и бродяжатъ преступники всякаго рода и званія. Сибирь въ этомъ отношеніи самобытна, и исторію бродяжества начинаетъ вновь и ведетъ ее по собственнымъ даннымъ и образцамъ, но ведетъ ее съ неизмѣннымъ постоянствомъ, съ нескрываемыми признаками долголѣтія. На каторгѣ размѣры побѣговъ необычайно широки и число одержимыхъ этою трудно-излечимою болѣзнію бродяжества поразительно: въ Нерчинскихъ заводахъ въ десять лѣтъ (съ 1847 по 1857) подверглось наказанію 3,045 человѣкъ за прямые побѣги и за тотъ видъ ихъ, который тамъ называется «самовольными отлучками» (въ этомъ числѣ сбѣжало 22 женщины). Къ 1-му января 1859 г. за десять лѣтъ считалось въ бѣгахъ тамъ же 24% всего населенія ссыльныхъ (3,104 чел.), да сверхъ того 508 человѣкъ вольныхъ людей, называемыхъ горными служителями. Одинъ Александровскій винный заводъ (по сю сторону Байкала) подарилъ Сибирь въ 25-ти-лѣтній періодъ 6,899 бѣглыми, готовыми ко всякимъ услугамъ, но на сторонѣ, внѣ постылыхъ мѣстъ и невыносимыхъ каторжныхъ заведеній. Эти послѣд-

*) Одному ссыльному за поимку 5-ти бѣглыхъ назначена была награда въ 25 руб. «въ примѣръ и поощреніе прочимъ».

**) Въ этомъ числѣ мы не считали пойманныхъ, но принимали въ разсчотъ тѣхъ, которые сбѣжали,—въ такихъ цифровыхъ отношеніяхъ:

Съ 1833 по 1837	. . . . .	2,728
» 1837 » 1843	. . . . .	3,420
» 1846 » 1859	. . . . .	751

ніе остаются все-таки при созерцаніи вѣчнаго perpetuum mobile и съ правомъ любоваться на круговое вращеніе, при которомъ обмѣнъ матеріи новыми элементами великъ, но возстановленіе стараго матеріала незначительно. Число сбѣжавшихъ и пойманныхъ относится во многихъ заводахъ, какъ 1 : 15. Пятнадцатая часть уходитъ за Уральской хребетъ и разгуливаетъ по огромнымъ и безлюднымъ пространствамъ Сибири, гдѣ всякій надзоръ находится внѣ человѣческихъ силъ. Съ нѣкоторыхъ заводовъ бѣжитъ по-часту цѣлая половина всего количества ссыльно-рабочихъ *).

Тѣми же безконечными и многочисленными побѣгами отвѣчаютъ и поселенцы (въ сословіе которыхъ преимущественно поступаютъ русскіе ссыльные бродяги), отвѣчаютъ за ошибочную и несовершенную систему водворенія. Поселенцы не получаютъ достаточнаго пособія на первыхъ шагахъ своей новой жизни, встрѣчаютъ общее нерасположеніе къ себѣ сибиряковъ-старожиловъ, сами являются въ среду ихъ достаточно испорченными нравственно въ тюрьмахъ и на этапахъ. Большинство ихъ находится въ крайне-бѣдномъ положеніи (видимая помощь, предполагаемая въ поселенческой привиллегіи работъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ, ведетъ къ тѣмъ же побѣгамъ отъ тяжести уроковъ и къ безпримѣрному пьянству отъ неправильнаго способа денежныхъ вознагражденій). Большинство поселенцовъ такимъ образомъ не имѣетъ прочнаго домохозяйства и лишено даже тѣни какого-либо признака благосостоянія. Побѣги поселенцовъ также многочисленны **) и также имѣютъ двѣ болѣе характерныя стороны: заурядъ съ каторжными они вынуждаются на бродяжество исканіемъ лучшей участи и бѣгутъ, стороной отъ бѣгло-

*) Такъ, напримѣръ, на Николаевскомъ винокуренномъ заводѣ (въ Нижнеудинскомъ окр. Иркутской губ.) общее число рабочихъ было 442 человѣка, изъ нихъ бѣжало 215 (въ 1857 г.). Въ 1858 г. всѣхъ было 347: изъ этого числа бѣжало 248, а въ 1859 году изъ 462 человѣкъ пустились въ бѣга 291 человѣкъ.

**) Въ Енисейской губ., напримѣръ, съ ея немногихъ каторжныхъ и съ многочисленныхъ поселенческихъ мѣстъ водворенія въ три года (1857, 58 и 59) бѣжало 6,752 человѣка, а поймано и возвращено 1,850, около 4% въ общей пропорціи.

каторжныхъ, прямо въ Россію — на родину. Здѣсь эти люди, которымъ выпала жестокая доля изгнанія за менѣе важныя и тяжкія преступленія, ищутъ только того, чего не нашли они на мѣстахъ водворенія. Имъ дорого съ бою добытое право свиданія съ родными людьми и мѣстами; у нихъ на столько еще не истратилось сердце, чтобы возможный покой, тайное укрывательство и невинный процессъ простаго бродяжества предпочитать исканіямъ приключеній, которыя бѣглыхъ каторжныхъ ведутъ къ грабежамъ, убійствамъ и ко всякаго рода злодѣйствамъ. Если у нихъ уже развилась ненависть къ закону и пошатнулась вѣра въ общественное благосостояніе, то все-таки поселенецъ охотнѣе принимается за такія дѣла, гдѣ меньше отвѣта и короче обратная дорога въ Сибирь. Такъ говорятъ изъ Россіи. Въ Сибири поселенцы всего больше осуждаются за побѣги изъ Сибири, за побѣги изъ-подъ стражи и за взломъ тюремъ, за развратное поведеніе и, наконецъ, за убійство *).

Бѣглые съ каторги, достигшіе Россіи, отличаются тамъ бо́льшею готовностью на разбой и, какъ люди, горькимъ и тернистымъ путемъ выбравшіеся на Русь, между множествомъ страховъ и опасностей, устремляются на скрытыя, тайныя преступленія, обусловли-

---

*) Вотъ для образца сравнительныя цифры преступленій поселенцевъ за 9 лѣтъ (съ 1838 по 46) въ сравненіи съ каторжными:

	Поселенц. муж.	Поселенц. жен.	Каторжн. муж.	Каторжн. жен.
Побѣги изъ Сибири	5,800	208	2,446	27
Воровство	127	17	21	—
Развратное поведеніе	55	50	2	—
Смертоубійство	57	6	28	3
Побѣгъ изъ-подъ стражи и взломъ тюремъ.	32	—	7	—
Грабежъ	20	3	13	—
Тѣлесныя повр. съ намѣрен. къ смерти	11	—	8	—
Поддѣлка монеты	22	—	12	—
Имѣніе фальшивыхъ видовъ	31	—	11	—
Разбой	—	—	6	—
Принятіе чужой фамиліи	6	—	2	—
Возмущеніе противъ властей	5	—	5	—

Число поселенцевъ противъ общаго числа каторжныхъ составляетъ болѣе чѣмъ $^1/_8$ часть.

ваемыя заговоромъ, предполагающія шайки (воруютъ, дѣлаютъ фальшивыя монеты, ассигнаціи и виды, путаются въ подлогахъ). Въ шайкѣ Быкова, съ которой онъ производилъ разбои въ Спасскомъ и Лаишевскомъ уѣздахъ Казанской губерніи, слѣдствіе обнаружило шесть человѣкъ бѣглыхъ съ каторжныхъ работъ. Самъ атаманъ пришолъ съ эсауломъ, свирѣпымъ Чайкинымъ, изъ иркутскаго солеваренаго завода, а одинъ изъ товарищей (Ѳедоровъ) даже изъ нерчинскихъ рудниковъ. Такіе же бѣглые производили грабежи въ Смоленскѣ, разбои въ Кіевской губерніи и бо́льшая часть хотя и сказывались — по обычаю и съ повадки — непомнящими родства, но въ Сибири оказывались старыми знакомыми, снова здоровыми. Бѣглые изъ Сибири, во всякомъ случаѣ, принимаютъ на себя значительную долю тягчайшихъ преступленій и бѣглые съ каторги сильнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ тѣ, которые бѣжали съ мѣстъ поселенія. Имъ несомнѣнно обязаны ближайшія къ Сибири губерніи (Пермская и Оренбургская) тѣмъ, что при всякомъ видѣ преступленій краска на нихъ лежитъ гуще, чѣмъ на всѣхъ другихъ губерніяхъ русскихъ. Губернія же Тобольская, еще сверхъ того, ко всякому роду преступленій успѣваетъ прибавить примѣчательныя цифры виновныхъ, въ чемъ немного отстаетъ отъ нея и сосѣдняя ей губернія Томская *).

Нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что пока пришедшіе изъ Сибири преступники (во всякомъ случаѣ люди испорченные, опасные и всегда озлобленные) находятъ себѣ безопасный пріютъ въ Россіи, пока экономическія средства ея достаточно удовлетворяютъ ихъ насущнымъ житейскимъ потребностямъ—они непримѣтны, до извѣстной степени поглощены струей правильно и спокойно налаженнаго быта. Укрываясь отъ преслѣдованій и соблюдая свою безопасность,

---

*) Оставляя доказательства на своихъ мѣстахъ ниже, приводимъ табличку сравненія южныхъ губерній съ тѣми, которыя имѣютъ одинаковое число жителей. Приводимъ параллель по занимающему насъ вопросу о бродягахъ (за девять лѣтъ съ 1838 по 1846). Напоминаемъ при этомъ, что губ. Тоб., Орен. и Пермской по количеству сослан. за бродяжество принадлежитъ первыя мѣста.

	Товол.	Калуж.	Оренб.	Орл.	Перм.	Кіевск.
Мужчинъ...	2,314	242	892	202	910	405
Женщинъ..	239	101	65	94	43	123

они обязательно прилаживаются, по старымъ знакомымъ и незабытымъ въ ссылкѣ пріемамъ, къ общему строю народной жизни. Въ этомъ ихъ основное желаніе и коренное право на безопасность въ мѣстахъ, до которыхъ достигли они такимъ тяжолымъ путемъ бѣгства, такими опасными средствами и орудіями долговременнаго и голоднаго скитальчества. Разумѣя цѣну и важность побѣды, пришельцы изъ новыхъ мѣстъ, чужихъ и дальныхъ, на родныя и знакомыя на столько не слышны тамъ, гдѣ имъ даютъ притонъ, что и самые обычные роды преступленій по Россіи идутъ не возрастая и въ подчиненіи вѣчнымъ человѣческимъ законамъ нравственныхъ паденій и прегрѣшеній. Какъ будто экономическія условія страны по отношенію къ избытку вновь проявившихся потребителей, устанавливаются въ ту норму, при которой излишній человѣкъ не затрудняетъ дачей работъ и не тяготитъ излишнимъ потребленіемъ. Не тяготитъ онъ другихъ прокормомъ и постоемъ, не нуждается и самъ въ изысканіи средствъ къ существованію темными преступными путями кражи, грабежей и разбоевъ. Равновѣсіе сохраняется, и въ обыденной жизни нѣтъ рѣзкихъ крайностей, по которымъ можно было бы судить о скопленіи враждебныхъ и опасныхъ силъ, порождающихъ эти крайности уклоненія отъ обычаевъ, эти противорѣчія строгому и послѣдовательному складу жизни.

На высокой горѣ лежитъ вѣчный снѣгъ; къ нему наметаютъ вѣтры новые сугробы, но гора способна удержать на себѣ еще многія крупныя и новыя массы снѣга. Ледникъ на горѣ — дѣло привычное: и селеніе у подошвы по старому ведетъ свою обычную жизнь въ беззаботности, спокойствіи и не боится обвала, который несомнѣнно долженъ нанести вредъ, спутать всѣ соображенія и порядки, напугать близостью опасности и наказать за излишнее довѣріе и презрѣніе къ мѣрамъ предосторожности. Равновѣсіе подчиняется вѣчнымъ законамъ и нарушается тотчасъ, какъ скопленіе противодѣйствующихъ силъ перейдетъ законную границу: обвалъ сползаетъ съ горы, или всей своей массой быстро рушится на подгорную окольность. Онъ не измѣняетъ своимъ законамъ, не противорѣчитъ сроку появленія, и ошибаются тѣ, которые принимаютъ его за явленіе неожиданное.

Такимъ образомъ, пока вновь прибывающіе въ данную мѣстность нахлѣбники (изъ сибирскихъ бродягъ) бродятъ по работамъ, восполняютъ недостатокъ рукъ, больше пьянствуютъ, чѣмъ злодѣйствуютъ, пока худшіе изъ нихъ, совершающіе преступленія, кражи и разнаго рода поддѣлки отъ фальшивыхъ ассигнацій до паспортовъ, являются неосторожными выскочками: безопасность бѣглыхъ обезпечена, они не бросаются въ глаза начальству, не будятъ обычно дремлющихъ силъ его и силъ общественныхъ. Безопасность такая становится соблазномъ для новыхъ охотниковъ, потому что въ гостепріимныхъ мѣстахъ долговременная практика подготовила тѣ пріемы и способы, которые обезпечиваютъ для бѣглыхъ безопасность. Между тѣмъ со стороны сибирской не перестаютъ дѣйствовать тѣ же несокрушимые вѣчные законы, по вліянію которыхъ прибываютъ новыя толпы, и опасная снѣжная лавина растетъ отъ наметовъ сибирскаго снѣга: она рухнетъ, когда придетъ часъ и нарушится равновѣсіе.

Предвозвѣстниками этого опаснаго явленія, по отношенію къ скопленію бѣглыхъ, полагается увеличеніе количества кражъ: значитъ — объявился избытокъ рабочихъ силъ, новыхъ не нужно; новымъ пришельцамъ дорога на лѣсъ, съ обширнымъ правомъ самимъ промышлять хлѣбъ насущный. Одинъ на такомъ дѣлѣ не воинъ, «одному страшно, а всѣмъ не страшно», на міру и смерть красна: собираются бѣглые въ шайки, образуютъ товарищества. Даромъ не кормятъ, — стало много ѣдоковъ, надо кормъ силой брать: бѣглые послѣ воровства грабить стали; разбудили дремлющее око, свели хозяина съ полатей: онъ обулся, одѣлся, взялъ веревку, пошолъ искать и ловить грабителей. Съ сосѣдями онъ сдѣлалъ облаву; облава имѣла успѣхъ; въ тенета много волковъ попалось. Шайку ослабили, но оставшіеся сбились плотнѣе: всякій товарищъ въ артелѣ сталъ рублемъ дороже. Вырвутъ одного — у всѣхъ шерсть щетиной: надо мстить обычнымъ, дешовымъ, съ испоконъ вѣку народнымъ средствомъ поджоговъ. Количество пожаровъ увеличилось и увеличилось именно оттого, что бѣглыхъ ловятъ и выдаютъ: пожаровъ стало такъ много и зарево отъ нихъ такъ велико, что и въ Петербургѣ стало видно, хоть и непонятно. Пожары расплодятъ погорѣльцовъ-нищихъ, новыхъ бродягъ, но на этотъ разъ неопасныхъ. Опасны дѣлаются тѣ, кото-

рыхъ обозлили преслѣдованіями. Шайки ладятъ избѣгнувшія отъ преслѣдованій уже такъ, что онѣ имѣютъ всю форму разбойничьихъ. Найдется не одинъ такой удалой добрый молодецъ, для котораго и жизнь - копѣйка и море по колѣна, и въ природѣ его столько зла, что на многихъ хватаетъ, а въ характерѣ столько силы и воли, что идутъ за нимъ товарищи, какъ послушное стадо, какъ гуси за вожакомъ, какъ кони за передовымъ табуннымъ жеребцомъ. Такимъ образомъ, вслѣдъ за пожарами и грабителями, и разбой объявился. Грабежъ, характеризующій себя только однимъ насиліемъ, сталъ разбоемъ, взявши въ руки оружіе. И, ходя безъ оружія, сталъ грозить опасностію жизни, здоровью и свободѣ людей. Съ разбоемъ въ тѣсной связи оказались разнообразныя убійства.

Здѣсь мы видимъ причину періодическаго появленія злодѣйствъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преимущественно укрываются бѣглые каторжные и поселенцы; таковы въ особенности губерніи, ближайшія къ Сибири: Пермская и Оренбургская, Казанская и Симбирская, умѣющія сильно отвѣчать на всѣ виды поименованныхъ преступленій. Тобольская губернія, населяемая преимущественно арестантами, выбывшими изъ арестантскихъ ротъ и смирительныхъ домовъ и не принятыхъ обществами, и наибольше скопляющая въ себѣ бѣглыхъ со всѣхъ концовъ Сибири — является самою преступною изо всѣхъ губерній *). Отсюда же изъ губерній этихъ слѣдуетъ и наибольшее

*) Вотъ сравнительно преступленія такихъ арестантовъ и бѣглыхъ (за 9 лѣтъ):

	Бродяги: муж.	жен.	Арестанты: муж.	жен.
Побѣгъ изъ Сибири	—	—	3,509	13
Бродяжество	13,788	3,528	34	—
Воровство	434	86	32	—
Грабежи	36	4	10	—
Разбои	10	1	—	—
Самоубійства	120	6	99	—
Тѣлесныя поврежденія съ намѣр. убійства.	28	1	39	2
Имѣніе и состав. фальшивыхъ видовъ	345	134	—	—
Поддѣлка ассигнацій и монеты	39	1	7	—
Принятіе чужой фамиліи	10	3	—	—
Возмущеніе противъ властей	13	—	20	—
Оставленіе отечества	5	—	—	—

количество бродягъ, путешествующихъ въ глубь Сибири, не потому больше, что здѣсь владѣютъ лучшимъ умѣньемъ и искусствомъ ловить ихъ (или прилагаютъ къ этому дѣлу энергію), а потому, что въ этихъ лѣсахъ грибовъ много: сами валятся въ кузовъ. Въ Сибири хорошо всѣмъ извѣстно, что бродяги, съ отчаянія голодовки и по мѣрѣ приближенія зимнихъ палящихъ морозовъ, отъ которыхъ и птица на землю валится, являются изъ бѣговъ добровольно. Добровольное возвращеніе вмѣняется въ добродѣтель, ослабляющую степень взысканія и мѣру наказанія: такого бродягу высѣкутъ и водворятъ на прежнее мѣсто до новой весны и кукушки, съ каковой поры онъ— снова паціентъ на леченіе «березовой настойкой», предметъ практики для палача и полицейскихъ секуторовъ. Сибирскіе опыты выучили разумѣть, что minimum побѣговъ для одного человѣка изъ опытныхъ бродягъ 6, среднее количество 11, и maximum 18 побѣговъ. Количество же бѣжавшихъ изъ Сибири въ Россію и возвращенныхъ назадъ, далеко не соотвѣтствуютъ другъ другу во взаимныхъ между собою отношеніяхъ: если возьмемъ количество бѣглыхъ только съ солеваренныхъ заводовъ Восточной Сибири, то и тогда число ихъ больше, чѣмъ вдвое, превосходитъ число пойманныхъ въ Россіи каторжныхъ *).

Какъ сибирскому бродяжеству бѣглыхъ и скитанью русскихъ бродягъ въ равной степени предшествуетъ преступленіе, наказываемое ссылкой и называемое «взломомъ тюремъ», такъ точно, тутъ и тамъ, бродяжество неизбѣжно сопрягается съ особымъ родомъ преступленій «имѣнія и приготовленія фальшивыхъ паспортовъ» и порождаетъ третій родъ «принятіе чужой фамиліи». Между этими тремя сосѣдями бродяжество считаетъ себя въ бо̀льшей безопасности. Фальшивые виды заказывается грамотнымъ людямъ съ тѣхъ поръ, какъ заве-

*) Minimum ежегодно высылаемыхъ каторжныхъ 94, maximum — 210; minimum поселенцовъ—222 и maximum—688. Число ссыльныхъ, судившихся за побѣгъ съ каторги (въ 9 лѣтъ съ 1838—46), равнялось 1,553 м. и 7 ж. Число поселенцовъ, судившихся за побѣгъ съ мѣстъ водворенія: 4,462 м. и 91 ж. Намъ придется еще не одинъ разъ обращаться къ разбору, объясненію и пополненію этихъ краснорѣчивыхъ цифръ.

лись на Руси паспорты; ломаютъ тюрьмы съ тѣхъ самыхъ древнихъ временъ, когда земляныя тюрьмы замѣнены были срубами, выведенными на поверхность земли и прикрытыми дырявой крышей, а стало бродяжество защищать себя псевдонимами съ тѣхъ поръ, когда установился правильный образъ ссылки и водворенія по методѣ Сперанскаго.

Ломаютъ тюрьмы или собственно подкапываются подъ нихъ, или — еще проще — подкупаютъ сторожей такъ часто, что трудно представить себѣ хоть одну такую тюрьму въ Россіи и Сибири, надъ которою не было бы произведено опытовъ этого рода. Исторія этого дѣла пахнетъ затхлою стариной, когда бѣглые назывались утекленцами. Способы и количество опытовъ безконечны и безчисленны. Цифра̀ можетъ сказать, что чаще производятъ «взломы» такъ-называемые арестанты; за ними чаще поселенцы, чѣмъ бродяги и каторжные (потому что и количество людей перваго званія несравненно больше количества людей остальныхъ обѣихъ, взятыхъ вмѣстѣ). Цифра и говоритъ это. свидѣтельствуя еще сверхъ того о томъ, что женщины весьма рѣдко прибѣгаютъ къ этой мѣрѣ освобожденія отъ заточенія, предоставляя исполненіе ея сильнымъ рукамъ тюремныхъ сидѣльцовъ мужскаго пола: женщины не ломаютъ тюремъ, а бѣгутъ просто съ работъ на волю, внѣ остроговъ. Цифра пришедшихъ изъ Россіи за это преступленіе изъ мужчинъ и женщинъ не характеризуетъ его какъ мѣстное явленіе въ достаточной степени уже потому, что судъ гонитъ въ изгнаніе только такихъ, которые или не умѣли хорошо произвести операцію, или, произведя ее, не умѣли хорошо спрятаться. Счастливые гуляютъ на волѣ и виновные въ старомъ грѣхѣ идутъ уже за какой-нибудь изъ новыхъ; несчастныхъ и неловкихъ усчитываетъ Сибирь въ такомъ количествѣ, которое уже возбуждаетъ справедливое подозрѣніе*). Тюрьмы портятъ тюремные сидѣльцы

*) Однако и въ 9 лѣтъ «за взломъ тюремъ» сослано было 75 человѣкъ изъ четырехъ новосозданныхъ русскихъ сословій (32 поселенца, 29 арестантовъ, 8 бродягъ и 7 каторжныхъ). Въ 1838 году въ Россіи бѣжало изъ-подъ стражи 57 м. 1 ж.; въ 1839 за побѣгъ отъ службы и изъ-подъ стра-

всевозможными способами вмѣстѣ со строителями и блюстителями и—только не жгутъ ихъ (что весьма впрочемъ замѣчательно).

Въ тѣхъ же тюрьмахъ идетъ дѣло приготовленія подложныхъ штемпелей и печатей и приготовленіе паспортовъ и другихъ видовъ за цѣны весьма не высокія, на каковыя въ Сибири въ хорошихъ тюрьмахъ установлена даже такса. Трудно и въ этомъ отношеніи представить себѣ такую сибирскую и изъ русскихъ мало-мальски жилую тюрьму, гдѣ бы, при тщательныхъ обыскахъ, не найдено было и готовыхъ и начатыхъ паспортовъ и орудій дѣла въ видѣ кусковъ свинцу, мѣдныхъ монетъ (обыкновенно пятаковъ), истертыхъ съ обѣихъ сторонъ и отмѣченныхъ новыми нарѣзками, указывающими на невѣроятно-далекія отъ Сибири городскія думы и волостныя правленія. Печати попадаются обыкновенно крупнѣе общепринятыхъ формъ, нумера такой величины, что писавшій ихъ иногда и самъ выговорить не съумѣетъ, но попадаются и отдѣланные по всѣмъ правиламъ искусства: въ тюрьмахъ не мало мастеровъ настоящихъ изъ тѣхъ же рѣщиковъ печатей, изъ поддѣлывателей фальшивыхъ монетъ и ассигнацій, отъ извѣстнаго Цезика изъ Польши до знаменитаго Коренева изъ Перми. Тюремные паспорты такъ уже и пишутся по приказу собравшихся въ путь: на поселенцовъ, желающихъ погулять и отдохнуть въ окрестностяхъ; на мѣщанъ, крестьянъ и купцовъ для желающихъ прогуляться въ Россію. При этомъ обыкновенно избираются тѣ города, которые стоятъ на Руси двойнями, тройнями и четвернями: Петровски, Николаевски, Александровски, Макарьевы, Яры, Суражи и Спасскіе въ этомъ случаѣ занимаютъ самыя видныя и почотныя мѣста. Ссыльные изъ Россіи—первые пособники въ этомъ: они не покидаютъ въ Сибири того ремесла, за которое потерпѣли наказаніе и впали въ несчастіе. Ловятъ въ такомъ престу-

---

жи сослано 74 м. 2 ж., въ томъ числѣ 19 изъ однихъ Перм. 5 Тул., 5 Грод., 6 Минск., въ 1840—118 м. 4 ж. (18 изъ Перм., 12 Мин., 6 Яросл., 8 Бесс.); 1841—108 муж. (17 изъ Мин.), 1842—86 м. 1 ж. (17 изъ Херс,, 9 Перм., 4 Вят.), въ 1843: 132 м. 14 ж. (27 Перм., 7 Кіевс.), въ 1845—7 м. (изъ нихъ: 3 Ряз., 3 Волын., 1 Яросл.). Въ 1844 г. не показано число, съ этого года замаскированное иными темными рубриками.

пленіи въ равной мѣрѣ каторжныхъ и поселенцовъ. Изъ Россіи приходятъ и дворяне (служащіе и неслужащіе) и купцы (торгующіе и неторгующіе), для которыхъ, впрочемъ, поддѣлка фальшивыхъ паспортовъ исчезла въ итогѣ преступленій, называемыхъ «поддѣлкою актовъ и другихъ бумагъ» (однако, нижніе канцелярскіе чины, ссылаемые чаще за поддѣлку актовъ и за воровство, выясняются для насъ въ числѣ ссыльныхъ, какъ поддѣлыватели паспортовъ). За фальшивые паспорты изъ Россіи идутъ въ одинаковой степени солдаты и мѣщане, но примѣтно больше—само собою разумѣется—тотъ классъ людей, который названъ бродягами *). При этомъ замѣчательно то обстоятельство, что бродяги особенно не считали для себя нужнымъ прикрываться какими бы то ни было видами на жительство и прибѣгать къ фальшивымъ; бродили же просто съ такъ называемыми волчьими паспортами: изъ *пятнадцати тысячъ*, присланныхъ въ Сибирь въ теченіе девяти лѣтъ, уличены съ фальшивыми паспортами только почти *32-я* часть, т.-е., 479 челов. (345 муж. и 134 жен.). Главныхъ пунктовъ этого рода поддѣлокъ (между которыми принадлежатъ самыя видныя мѣста обѣимъ столицамъ)—Сибирь не указываетъ, привыкшая различать получаемыхъ изъ Россіи преступниковъ въ валовомъ счотѣ по губерніямъ. По этой системѣ подозрительнѣе другихъ ей кажутся: 1-я Тобольская, 2-я Пермская, 3-я Оренбургская, 4-я Кіевская, 5-я Казанская, 6-я Московская, 7-я Петербургская, а прочія губерніи въ полномъ безразличіи.

«Принятіе и имѣніе чужой фамиліи» или псевдонимы, употребляемые для подспорья бродяжеству, для пущей легкости и возможности скрывать старые грѣхи,—въ Сибири и Россіи дѣла обычныя. Польза

---

*) Въ такихъ числовыхъ отношеніяхъ:

Солдаты 17, солдатки 11, мѣщане 82, мѣщанки 7, бродяги муж. 345, жен. 134. Торопливая и странная система составленія тобольскихъ табелей о ссыльныхъ, зачастую сбивающая разнаго рода преступниковъ въ одну общую категорію, на многіе года мѣшаетъ отдѣлять поддѣлывателей паспортовъ отъ имѣвшихъ и пользовавшихся ими. Общая же цифра (за 9 лѣтъ) «имѣвшихъ подложные паспорты» для мужчинъ 1,408, для женщинъ 328.

такихъ выдумокъ несомнѣнна, и въ этомъ отношеніи неизмѣримо практичнѣе и прочнѣе литературныхъ псевдонимовъ: ничто не вѣнчается такимъ полнымъ успѣхомъ, какъ этотъ видъ преступныхъ измышленій на пользу каторжныхъ, поселенцовъ и бродягъ (исключительно пользующихся ими). Отсутствіе сплетни и существованіе круговаго заступничества, вставшаго на ея мѣсто у этихъ со всѣхъ сторонъ и всѣми преслѣдуемыхъ, дѣлаетъ то, что разоблаченіе псевдонимовъ—находка въ Сибири равносильная, напр., открытію въ самоцвѣтныхъ камняхъ розоваго топаза. Смотрители тюремъ такіе случаи записываютъ въ шнуровыя книги подъ именемъ «чрезвычайныхъ» происшествій. Такъ смотритель тобольскаго острога хвастался (въ 1850 г.): «бѣгло-каторжный Ѳедоръ Ивановъ, отправленный изъ Тобольска въ Томскъ, съ дороги бѣжалъ, въ Тюмени пойманъ, приведенъ въ тобольской острогъ, снова отправленъ въ Томскъ и снова съ дороги бѣжалъ. Въ 1850 г. пришолъ въ Тобольскъ въ третій разъ въ партіи каторжныхъ уже изъ Россіи (по Екимомъ Звѣревымъ). За принятіе чужой фамиліи изъ Россіи ушло всего 21 человѣкъ въ 9 лѣтъ *). По Сибири едва-ли не половина ссыльнаго люда ходитъ подъ прозваніями, взятыми на прокатъ и, смотря по количеству побѣговъ, подъ пятой и десятой фамиліей. Въ сыскныхъ статьяхъ сибирскихъ губернскихъ и областныхъ правленій, то и дѣло поручаютъ искать такого-то (который, какъ заяцъ въ полѣ, два раза на годъ мѣняетъ цвѣтъ своей шерсти): «дезертира Путилова Палладія Васильева, онъ же Александръ Лебедевъ и Одинцовъ». Одинцовъ онъ вѣроятно потому, что любилъ быть въ бѣгахъ безъ товарищей, ходилъ по лѣсамъ какъ лось-одинецъ, какъ олень-одинецъ, а вѣроятно это оттого, что псевдонимы каторжныхъ всегда выражаютъ поползновеніе на своего рода остроуміе. Въ бѣгахъ, кто какой рѣкой плыветъ, той и славой слыветъ: умѣлъ угождать бѣглымъ товарищамъ мастерствомъ доставать пропитаніе — Доставаловъ сталъ; любилъ встрѣчать прохожихъ и, ограбивши, отпускалъ ихъ живыми — Разуваевымъ прозвался. По лѣсамъ грабилъ, въ лѣсахъ скитался — Ду-

*) Изъ бродягъ 10 м. 3 ж.; изъ поселенцовъ 6 м.; изъ каторжныхъ 2 мужч.

бровинъ, еще тоньше — Смолкинъ, Кореневъ; въ горахъ разбойничалъ — Горкинъ, на острову Ангары пойманъ — Островскимъ назвался. Очень сердитаго Варваровымъ прозовутъ; очень угрюмаго Несмѣяновымъ; очень веселыхъ Балалаевыми, Сказочниковыми, Пѣсенниковыми, Балагуровыми. Также часто встрѣчаются: Ложечки, Новоженовы, Новограбленые, Монетчиковы, Денежкины, Переплеткины, просто Гришкинъ и просто Солдатовъ, Неспособный, Тайновъ и проч. и проч. Однако, здѣсь то различіе отъ общепринятыхъ русскимъ и сибирскимъ народомъ прозваній, что таковыя чаще берутъ на себя сами бѣглые (а не даютъ сосѣди), берутъ по первому вдохновенію, но не безъ скрытаго желанія насмѣшки надъ допросчиками и сыщиками. Приходятъ и съ заранѣе надуманными прозвищами, но опять-таки не безъ скрытаго хвастовства своими доблестями, хотя бы на этотъ разъ и злодѣйскими: арестанты — какъ извѣстно — народъ страшно тщеславный и въ высшей степени хвастливый. Бываетъ, впрочемъ, и такъ, что пойманные совсѣмъ въ расплохъ, и не находчивые сказываютъ и просятъ писать себя просто «непомнящими» (такими фамиліями испещрены сыскныя статьи и слѣдственныя бумаги). Нѣкоторые (и это также въ большомъ употребленіи) прозываются именами , получившими на каторгѣ своего рода извѣстность; такъ прозываются они по фамиліямъ знаменитыхъ сибирскихъ бродягъ и разбойниковъ: Горкиными, Апрѣлковыми, Дубровиными. Палачи, напр., выбираемые преимущественно изъ бродягъ, — на большую часть Бархатовы, ибо былъ-де такой знаменитый криворотый палачъ въ Москвѣ Бархатовъ, человѣкъ суровый и домовитый (словно просоленый былъ), самъ въ свою очередь — вѣроятно придумавшій себѣ фамилію также ради остраго слова, хотя и не совсѣмъ удачно (ибо-де «гладилъ не бархатомъ, а чтобъ ему, криворотому чорту, икать на томъ свѣтѣ всю жисть»).

О подобныхъ перемѣнахъ именъ и фамилій неоднократно доводили до свѣдѣнія высшаго правительства и оно неоднократно принимало въ этомъ отношеніи строгія мѣры: осужденные на поселеніе и обмѣнявшіеся съ каторжными, обязаны были идти туда, куда указала имъ добрая воля за какое-нибудь ничтожное вознагражденіе. Такого ссыльнаго велѣно было держать въ каторжной работѣ 5 лѣтъ, а ка-

торжнаго, по наказаніи на мѣстѣ розгами (ста ударами), держать лишныхъ 5 лѣтъ сверхъ узаконеннаго срока. Поселенцовъ, обмѣнявшихся именами же велѣно отсылать въ заводскія работы на два года, а потомъ обращать на поселеніе. Строгости не пособили: ссыльные продолжаютъ мѣняться именами до нашихъ дней.

Коренные бродяги, занашивающіе свои прирожденныя прозвища и отеческія имена, для насъ поучительны и въ томъ отношеніи, что прикрываютъ своимъ званіемъ многія изъ тѣхъ преступленій, которыхъ нѣтъ возможности не только Сибири, но и Россіи опредѣлить по сословіямъ съ нѣмецкою аккуратностью и вообще съ европейскою точностію. Но по бродягамъ и по главнымъ свойствамъ ихъ ремесла и званія не предстоитъ большаго труда выдѣлить тѣхъ изъ нихъ, которые вырабатываются уже совершенно по европейскимъ образцамъ и начинаютъ увеличиваться въ количествѣ по мѣрѣ развитія городовъ со всѣми привиллегіями и недостатками этихъ многолюдныхъ сходбищъ и стойбищъ людей различныхъ свойствъ, требованій и воспитанія.

Передъ нами: бродяги—люди безъ призванія, неимѣющіе ни извѣстнаго жилища, ни средствъ къ существованію, которые не заняты ни ремесломъ, ни промысломъ. Этотъ первообразъ всѣхъ классовъ злодѣевъ, встрѣчающійся, какъ неизбѣжное явленіе, вездѣ тамъ, гдѣ производится непозволительная и запрещонная закономъ торговля, гдѣ существуетъ преступная промышленность, — то прозябеніе, которое получаетъ матеріалы для питанія въ большихъ городахъ. Такого сорта бродяги и родятся неизбѣжно въ той части населенія, которая растетъ и прозябаетъ въ этихъ большихъ городахъ и, по причинѣ непрочныхъ средствъ къ существованію, впадаетъ въ крайнюю нищету. Сюда входятъ и взрослые и тѣ оборванныя дѣти, которыя лишились родителей или покинуты ими, — дѣти, которыя, оставаясь безъ отцовскаго крова, вертятся на бойкихъ мѣстахъ главныхъ улицъ, на площадяхъ и бульварахъ Парижа и Лондона, стали появляться и въ нашихъ Москвѣ и Петербургѣ въ увеличивающейся прогрессіи. Они живутъ плодами своей навязчивости, милостыней или мелкимъ воровствомъ, и у насъ въ столицахъ начинаютъ изрѣдка собираться въ воровскія шайки.

У настоящихъ городскихъ бродягъ нѣтъ ни очага, ни угла, но они обычные и всегдашніе хозяева тѣхъ зловонныхъ и злосчастныхъ вертеповъ, которые открыты для всѣхъ приходящихъ и помѣщены, по большей части, во всѣхъ большихъ домахъ, окружающихъ самые большіе рынки (каковы: Сѣнная съ домомъ Вяземскаго въ Петербургѣ и Лубянка съ домомъ Шипова въ Москвѣ). Отсюда эти бродяги — гиблыя прозябенія большихъ городовъ, люди, занятые единственно настоящимъ днемъ, стекаются и толпятся на толкучкахъ, чтобы тамъ легкимъ промысломъ (въ Европѣ легкой и ничтожной послугой) добыть себѣ хлѣбъ и мѣдную монету на приварокъ или горячее и горячительное, — и то только на насущный день. Вездѣ, гдѣ частная благотворительность раздаетъ милостыню, бродяги эти, въ видѣ нищихъ, являются въ полномъ составѣ: будутъ ли то церковныя паперти въ торжественные дни или крыльца и дворы купеческихъ и барскихъ домовъ во время похоронъ или поминокъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что частная благотворительность старается выбрать иногда для своихъ подаяній такія мѣста, гдѣ по преимуществу привыкли собираться бродяги, и, желая быть таровато̀й и искренной, благотворительность умѣетъ сдѣлаться такимъ образомъ вредной и даже преступной. Бродяжество рѣдко остается въ собственныхъ своихъ границахъ, но всегда слито съ нищенствомъ и воровствомъ — его неизбѣжными спутниками и естественными помощниками. Мелкое воровство — единственный выходъ для бродягъ и прямая опора для бродяжества. На средства, добытыя этимъ ремесломъ, бродяги умѣютъ поддерживать новобранцовъ и трусливыхъ, закрѣпляя, такимъ образомъ, артельныя связи и подкрѣпляя общій законъ, въ силу котораго легкость добычи уничтожаетъ въ бродягахъ понятіе о цѣнности и важности въ городской жизни денегъ. Бродяги тратятъ ихъ съ необузданною расточительностью и съ поразительною быстротою; безграничное пьянство становится ихъ прямымъ наслажденіемъ и, при благопріятныхъ поводахъ, превращается въ жизненную цѣль, для которой предѣлъ заключается въ смерти. Всѣ мѣста общественныхъ собраній, народныхъ сходокъ—для нихъ мѣста поживы. Безпорядочная жизнь ихъ составлена изъ двухъ половинъ: одна часть принадлежитъ занятію

ремесломъ (дневная), а другая — игрѣ и пьянству (ночная). Игра и пьянство—двѣ страсти, соперничающія между собою въ жизни этого погибельнаго класса людей. Онѣ обѣ творятъ съ ними изумительныя превращенія: изъ легко одѣтыхъ, большею частью, оборванныхъ, они въ нѣсколько часовъ становятся почти совершенно голыми, и только это послѣднее обстоятельство способно останавливать отъ выхода на промыселъ, страсть къ которому превращается въ нѣкоторый родъ хронической болѣзни. Лѣтомъ они живутъ подъ открытымъ небомъ; зимой—въ самыхъ грязныхъ притонахъ подозрительныхъ домовъ; они, впрочемъ, привыкли спать и на голыхъ камняхъ, когда не счастливитъ добыча; привыкли и голодать, и умѣютъ приноравливаться ко всякаго рода нуждамъ и лишеніямъ. Бродяжество, соединенное съ воровствомъ, до такой степени сильно-затягивающее въ себя болото, что люди, попавшіе въ него, рѣдко бываютъ способны освободиться. Возвращаемые къ осѣдлости тѣми или другими случайными способами, они десять—двадцать разъ покидаютъ родительскія семьи и хозяевъ, чтобы снова удариться въ бродяжество, пуститься на воровство. Они снова шарятъ въ чужихъ карманахъ, высматриваютъ слабыя мѣста въ чужихъ квартирахъ; снова истрачиваютъ добытое и собственныя силы только на наслажденія, ради ихъ продавая и носильное платье и все, что̀ продать можно. Таково самопроизвольное, свободное бродяжество взрослыхъ, но существуетъ и вынужденное—для дѣтей. Отецъ-ремесленникъ истощаетъ работой своего сына; хозяинъ-мастеръ, принявшій изъ деревни мальчика, не кормитъ его до тѣхъ поръ, пока ученикъ не исполнитъ заданнаго урока, тяжолаго и для взрослаго работника, сурово наказываетъ, больно бьетъ, обѣщается прогнать назадъ свиней пасти: измученный мальчикъ бѣжитъ и изъ родительскаго дома, и съ хозяйской квартиры, какъ съ каторги.

Разумѣется, бродяжество, нищенство, даже воровство — только печальныя послѣдствія, вынуждаемыя законами необходимости...

Совершенно особнякомъ ото всѣхъ указанныхъ нами видовъ бродяжества, въ подчиненіи собственнымъ законамъ, стоитъ другое явленіе въ народной жизни, на которое указываютъ сибирскія табели, усчитывающія сосланныхъ за бродяжество. Въ группахъ настоящихъ

бродягъ большая половина принадлежитъ тѣмъ, которые сказались непомнящими родства и въ сущности вовсе не таковы, чтобы можно было оставить за ними прозваніе бродягъ и считать ихъ опасными и тѣмъ болѣе преступными людьми. Это — самовольные переселенцы, ушедшіе обмѣнять неблагодарныя мѣста родины на лучшія, безъ дозволенія начальствъ, но по принужденію многочисленныхъ обстоятельствъ, неблагопріятныхъ осѣдлости. Они упорно отказывались объявить свое званіе и имя, чтобы отнять возможность пересылки, этапнымъ способомъ, туда, гдѣ все для нихъ кончено, но, подъ охраною закона, получить право на осѣдлость тамъ, гдѣ и по слухамъ и по пословицѣ: «хотя и не растутъ яблоки, но люди не мрутъ съ голода». Большія толпы людей, ссылаемыхъ въ Сибирь за бродяжество, тѣ переселенцы, у которыхъ отнято право добровольнаго выбора мѣстъ внутри Россіи и замѣнено способомъ принудительнаго переселенія и казенныхъ пріемовъ подъ видомъ ссылки на поселеніе въ Сибири. Имъ не удалось довести своего предпріятія до конца (они пойманы во время самой работы) и, вмѣсто того, чтобы воспользоваться плодами своихъ исканій, на этотъ разъ принуждены видѣть свое дѣло испорченнымъ. Имъ указано вести его съ начала при всѣхъ неудобствахъ ссылки и невыгодахъ принудительнаго поселенія. Ихъ признали за виноватыхъ, назвали преступными; ихъ ссылаютъ въ Сибирь за бродяжество, но за ними историческое право, недопускающее преступности въ этомъ характерномъ явленіи нашего отечества.

Въ Россіи характерныя формы народныхъ передвиженій, называемыхъ въ наши времена бродяжествомъ, прошли черезъ всю историческую жизнь народа, подъ благопріятнымъ вліяніемъ временъ удѣльно-вѣчеваго періода. Оно сохранилось какъ живое и неизбѣжное начало даже и на то время, когда ковалось Московское государство, медленно и ощупью добираясь до началъ государственныхъ, неблагопріятныхъ этому безконечному и безпрерывному шатанью изъ края въ край, изъ одной области въ другую. Когда изъ Москвы начали высылать ограниченія этому народному передвиженію и думали остановить народныя стремленія «брести врозь» — явилась русская Сибирь, обязанная своимъ бытіемъ именно этому стѣсняемому свойству, неразрывно слитому со всѣми другими свойствами, и тѣмъ лю-

дямъ, которые назывались сначала *вольными*, потомъ получили прозваніе *гулящихъ* и наконецъ названы *бродягами*. Вольные люди до Ивановъ московскихъ, гулящіе при нихъ до Петра, бѣглые при немъ и бродяги послѣ него до нашихъ дней—все одни и тѣ же представители коренного народнаго свойства, стремившагося осилить и оживить тѣ обширныя равнинныя пространства, на которыя набрелъ народъ русскій и которыя легли неодолимымъ соблазномъ передъ народомъ, успѣвшимъ сознать самого себя и собственныя силы. Бродяжество несло государству громадныя выгоды и было однимъ изъ правильныхъ и законныхъ явленій.

Новгородскіе бродяги—вольные люди, уходившіе изъ Новгорода и его волостей въ силу общаго народнаго настроенія на торговлю и промыселъ или выгоняемые смутами и неурядицей, — эти вольные люди населили весь сѣверъ Россіи. Въ странствіяхъ, придерживаясь рѣкъ, этимъ бродяжествомъ своимъ съумѣли они оживить самыя отдаленныя страны, каковы закамскія и сибирскія. Избравъ привольное любое мѣсто, эти вольные люди копили на св. Софію (а потомъ и на государя московскаго) слободы изъ такихъ же вольныхъ людей, бродягъ, извѣстныхъ на старинномъ языкѣ подъ именемъ *прибылыхъ людей*. Въ предѣлахъ Россіи они устояли подъ защитою частныхъ собственниковъ, сильныхъ капиталомъ и вліяніемъ и являвшихся на помощь къ нимъ или въ видѣ частныхъ лицъ—служилыхъ людей, или въ формѣ общинъ, каковы монастыри. Въ предѣлахъ Сибири тѣ же промышленныя поселенія устояли подъ защитою остроговъ и подъ охраною тѣхъ бродягъ, которые назывались въ Старой Россіи казаками.

Далеко потомъ, когда уже окончательно установилось Московское государство, когда тотъ элементъ, который породилъ на Руси казачество, быстро и свободно заселилъ украйны, пріобрѣлъ государству много новыхъ земель и землицъ, покорилъ много непокорныхъ народовъ и уступчивыхъ народцовъ, когда этотъ древній элементъ народнаго духа вмѣнилъ былъ народу въ преступленіе, прежніе вольные люди названы были гулящими людьми, — бродяжество еще продолжало руководить народнымъ инстинктомъ. Инстинктъ этотъ сказывался отысканіемъ новыхъ мѣстъ, лучшихъ, прибыльныхъ,

привольныхъ. Это исканіе какой-то обѣтованной земли руководило народомъ долгіе годы потомъ; живетъ оно въ немъ и теперь, даже и послѣ полутораста-лѣтняго существованія законовъ, вмѣняющихъ народу «бродяжество» въ преступленіе. Оно, подъ разными формами и именами, пережило въ послѣднія полтора столѣтія, самыя трудныя для его жизни, но представляющія тѣ же питательныя средства, какими богата была древняя Русь и не бѣдна новая. Теперь, когда казалось бы, такъ проченъ и надеженъ государственный строй,—добровольный переходъ съ худыхъ мѣстъ на лучшія, не кончая своей исторіи, ведетъ ея повѣсть съ такими же подробностями, хотя уже не такъ смѣло и открыто, но такъ же примѣтно и настойчиво.

Одинъ ничтожный, неопредѣленный слухъ, распущенный какими нибудь бродягами (обыкновенно солдатами-дезертирами, нерѣдко бѣглыми помѣщичьими людьми и крестьянами), достаточно силенъ былъ для того, чтобы поднимать съ мѣста сотни и тысячи осѣдлаго населенія и вести ихъ въ неизвѣстность, въ какую-то призрачную, дальную обѣтованную землю. Такъ было это въ 1825 году съ помѣщичьими крестьянами 20 губерній, между которыми Пензенская, Симбирская и Саратовская поступились значительнымъ количествомъ своего населенія, выступившаго на «новую линію» и дошедшаго уже до предѣловъ Уральскаго войска съ цѣлію разыскать расхваленную и благодатную рѣку—Дарью. Волновался народъ слухомъ о какомъ-то сенатскомъ указѣ и, называя его указомъ 23 фев. 1823 вѣрилъ въ то, что господскимъ крестьянамъ дозволено селиться на казенныхъ земляхъ за рѣкою Ураломъ, что для этого имъ объявлена полная воля и кто захочетъ—тотъ и можетъ селиться. Народъ шолъ пѣшкомъ безъ денегъ, безъ хлѣбныхъ припасовъ, питаясь подаяніемъ; шолъ безъ женъ, безъ дѣтей, оставляя семейства и хозяйства на произволъ судьбы. Идя дорогой, не только ни одинъ не совершилъ преступленія, но даже и маловажнаго проступка, оставивъ лишь на мѣстахъ подъема слѣды не только неповиновенія и ослушанія помѣщикамъ и управляющимъ, но и слѣды мятежей и своеволія. Всѣмъ хотѣлось дойти безъ препятствій до тѣхъ счастливыхъ мѣстъ, гдѣ на осетрахъ бабы колотятъ выполосканное бѣлье, гдѣ на всякую избу тотчасъ по приходѣ даютъ всякаго скота и птицы вдоволь и гдѣ всякій, придя въ го-

товую избу, на дубовомъ столѣ найдетъ 500 руб. на обзаведеніе всѣмъ нужнымъ въ хозяйствѣ. Женщины оставались дома дожидаться подкрѣпленія слуховъ, а мимошедшихъ снабжали холстами, пряжей, деньгами, хлѣбомъ, прося записать ихъ на Новой Линіи. Въ подкрѣпленіе слуховъ разсказывали, что Самъ Государь Императоръ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, объявили крестьянамъ свободу и сами поѣхали выбирать имъ мѣста, что киргизскій ханъ, по просьбѣ своихъ, изъявилъ желаніе населить свои земли русскими людьми, что Государю это понравилось и онъ ужь совѣтовался съ Аракчеевымъ, и велѣлъ Сенату писать указы; къ Сенату присталъ и Синодъ, и проч. Разглашали слухи и проясняли ихъ прежде всѣхъ разумѣется бывалые люди — отставные солдаты (уличено 6 человѣкъ: Николаевъ, Фроловъ, Шлыковъ, Бѣлоглазовъ и друг.); затѣмъ купеческія дѣти (2) и сами сбѣжавшіе крестьяне другихъ губерній. Лицо духовнаго званія — какъ и быть надо, пономарь, открылъ на пути канцелярію для снабженія желающихъ фальшивыми паспортами. Все число сбѣжавшихъ крестьянъ только изъ трехъ сосѣднихъ къ линіи губерній (Пензенской, Симб. и Сарат.) простирается до 2084 чел. Изъ этого числа наибольшую часть успѣли задержать на мѣстахъ; другую возвратили изъ Оренбурга и Уральска (802) въ ножныхъ кандалахъ и за карауломъ отъ внутренней стражи. Кромѣ того въ Симбирской губ. поймано бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ другихъ губерній 203 человѣка (Пенз. 86, Саратов. 43, Нижегор. 39, Казан. 15, Тамб. 1, Рязан. 18, Вологод. 1; въ Курмышск. уѣздѣ поймано 35 чел. изъ Нижегор. губ.). Однако изо всего числа бѣжавшихъ 27 пропало безъ вѣсти, 20 умерло въ дорогѣ, 8 чел. товарищи отбили изъ-подъ караула; многіе успѣли ускользнуть отъ учота. Какъ великъ былъ приливъ народа въ Оренбургскую губ. можно отчасти судить по тому, что изъ одного Уфимскаго казначейства израсходовано на отправку бѣглыхъ крестьянъ 15,332 руб. 70½ коп. Очень многихъ мѣстныя начальства подъ видомъ бродягъ и цѣлыми семьями отослали въ Сибирь на поселеніе. По изслѣдованіямъ сенатора князя А. А. Долгорукаго, главнѣйшею причиною побѣговъ было нелѣпое толкованіе распоряженій, предписанныхъ указомъ 23 февраля 1823 года относительно бродягъ.

Въ 1847 году бо́льшая часть Витебской губерніи двинулась къ Петербургу, и уже подъ Порховымъ остановлена была вооружонною силою. Сколько разъ подобные же слухи шевелили и поднимали большія массы народа во многихъ другихъ губерніяхъ, какъ случалось напримѣръ: во Псковской, Новгородской, Воронежской, Курской, Кіевской, Могилевской, Подольской и проч. Старательно преслѣдуя всѣ подобнаго рода движенія и народныя заявленія и сурово устраняя ближайшія причины, — преслѣдователи оставляли въ почвѣ корни, изъ которыхъ одинъ вырванъ недавно великимъ актомъ освобожденія отъ крѣпостнаго состоянія; другіе корни остались въ почвѣ. Малоземелье въ хлѣбородныхъ южныхъ мѣстахъ, неурожаи, нерѣдко преслѣдующіе изъ года въ годъ въ мѣстахъ лѣсныхъ и болотистыхъ, до сихъ поръ, вмѣстѣ съ другими причинами, даютъ этимъ скрытымъ корнямъ питательные соки въ достаточной мѣрѣ для того, чтобы не считать корней заглохшими и засохшими.

Съ поразительною очевидностію Сибирь ежегодно убѣждается въ томъ, что наибольшее количество ссылаемыхъ за «бродяжество» являются изъ южныхъ губерній степной полосы Россіи; средняя цифра принадлежитъ внутреннимъ губерніямъ средней полосы (въ большей мѣрѣ подмосковнымъ, въ меньшей — западнымъ); самая малая, сравнительно ничтожная, цифра падаетъ на сѣверныя губерніи и остзейскія. Сильное на югѣ народное переселеніе слабѣетъ въ центрѣ и уничтожается на сѣверѣ; оно, какъ бы набалованное условіями теплаго климата и продолжительностью благопріятныхъ временъ года, ослабѣваетъ, истощаясь въ своихъ силахъ, при близости полярныхъ холодовъ и пропадаетъ въ непроходимыхъ, темныхъ и ненаселенныхъ лѣсахъ сѣвера, на топкихъ и скудныхъ тундрахъ и болотахъ его. Приволье степей увеличиваетъ его размѣры и, расширяя пути, даетъ готовыя тропы; непривѣтливость сѣверныхъ лѣсовъ заслоняетъ эти пути, теряющіеся въ непроходимыхъ чащахъ, и заметаетъ снѣжными сугробами тѣ дороги, которыя легко укладываются въ любомъ мѣстѣ въ степи. Условія народной жизни измѣнились; примѣненіе труда и народныхъ силъ приняло другое направленіе, противоположное тому, за которымъ до сихъ поръ слѣдила исторія.

Во времена отъ насъ далекія, когда южныя степи оберегались во-

инственными кочевниками восьми наименованій, разбивавшими и разрушившими жизнь русскихъ славянъ на югѣ, вся сила движенія направлена была въ противоположную сторону, на сѣверъ. Въ первобытныхъ, непочатыхъ лѣсахъ его внѣдрились два богатыря: Москва и Новгородъ. Когда первой удалось притянуть къ себѣ всѣ разрозненныя, но однородныя части и составить сильное цѣлое, второй уже успѣлъ осилить новыя препоны и далъ народному движенію новое направленіе на востокъ въ Сибирь. На сѣверѣ отъ степей продолжала укрѣпляться и сосредоточиваться русская жизнь, поразительная своей самобытностью и изумительная по необычайнымъ успѣхамъ колонизаціи. Вольные люди искали новыхъ земель и оживляли трудомъ своимъ тѣ, которыя удалось занять при содѣйствіи собственныхъ общинъ или по призыву богатыхъ собственниковъ, между которыми въ ряду колонизаторовъ очутились даже монастырскія общины, и при томъ оказались самыми способными, опытными и такими, къ которымъ охотнѣе приставали прежніе вольные люди. Частное право перехода отъ одного владѣльца къ другому, болѣе выгодному, съ безплодныхъ земель на плодородныя, стало на сѣверѣ изъ обычнаго права — народнымъ, вошло въ послѣдующія узаконенія, служило народу выходомъ на несчастные случаи, неблагопріятные осѣдлости. Суровый климатъ, неблагодарная почва, встрѣтившіе пришельцовъ невзгодами повальныхъ болѣзней и частыхъ голодовъ отъ неурожаевъ, закрѣпили за народомъ право перемѣнять мѣсто, какъ право естественное. Къ негостепріимной странѣ и неблагодарнымъ займищамъ и урочищамъ народъ могъ примѣняться на время, но не былъ въ состояніи прикрѣпиться навсегда. Побѣжденные природою и желавшіе пользоваться естественнымъ, человѣческимъ правомъ свободы уходили на призывъ хвастливаго и тароватаго; равнымъ образомъ снимались и съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ земля не давала надежныхъ всходовъ и гдѣ прошла война, сопровождавшаяся, по обычаю тѣхъ временъ, страшными опустошеніями и грабежами. Населеніе, оживлявшее лѣса и боровшееся со всѣми препятствіями, встрѣченными въ нихъ, продолжало находиться въ постоянномъ движеніи, кочевало по тому же способу, какъ и тѣ аборигены страны, которыхъ вытѣсняли они съ лучшихъ мѣстъ. При отсутствіи граней въ землѣ рус-

ской, это скитанье по лѣсамъ было безконечнымъ и вело народъ къ какому-то осѣдлому кочевью, «гдѣ»—по словамъ одного изъ историковъ нашихъ—«всякая осѣдлость казалась временною, а всякій переходъ совершался осѣдлости ради». Такимъ образомъ самое завоеваніе такъ же кочевало, какъ и племена; но завоеваніе на этотъ разъ увѣнчалось тѣмъ успѣхомъ, что вся громадная лѣсная равнина осталась за восточнымъ славянскимъ племенемъ. Здѣсь, въ предѣлахъ этой равнины, главнымъ образомъ сосредоточивалось это кочевье осѣдлаго народа и находилось въ полномъ разгарѣ, являлось безконечнымъ даже и на то время, когда Московскому царству показалось оно и несвоевременнымъ и вреднымъ. Годуновскій указъ о прикрѣпленіи народа въ той землѣ, на которой кого засталъ указъ, оказался только сильною попыткою остановить народныя стремленія перемѣнять мѣста подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, отъ той или другой причины, которыя на времена первыхъ трехъ царей изъ дома Романовыхъ оставались тѣ же. Число пришлыхъ людей на первое время уменьшилось, но предѣлы расширились пріобрѣтеніемъ новыхъ странъ и очисткою хлѣбородныхъ и соблазнительныхъ степей отъ элементовъ, до сихъ поръ сдерживавшихъ стремленія русскаго народа въ эту сторону. Не сильное въ началѣ, но такое же устойчивое и здѣсь, какъ и на сѣверѣ, такое же неуступчивое ко всякимъ препонамъ, народное передвиженіе заручилось новыми поводами, выразившимися въ крутыхъ и суровыхъ преслѣдованіяхъ за старую вѣру и за новые религіозные толки. При второмъ изъ Романовыхъ царѣ Алексѣѣ народное движеніе, вызванное новыми невзгодами, стремилось и по старымъ тропамъ на востокъ въ Сибирь, бросалось и въ обратную на сѣверъ къ шведскимъ рубежамъ, кидалось въ отчаяніи и по новымъ сиротскимъ дорогамъ на донскія и приволжскія степи, искало помощи и защиты и на западѣ за рубежомъ литовскимъ. Какъ до сихъ поръ Новгородъ стремился на востокъ, такъ теперь Москва устремилась и на югъ и на западъ, куда ни попало.

Въ такомъ броженіи народномъ принялъ Россію Петръ, думавшій установить государственный строй по опытамъ и образцамъ Европы, но въ этихъ стремленіяхъ съумѣвшій дать народу новые поводы къ протесту противъ нововведеній. Тѣмъ же бѣгствомъ въ разныя и

дальныя стороны отвѣтилъ народъ на указъ Петра о ревизіи, на послѣдующіе указы его о рекрутствѣ, на преслѣдованія за старую вѣру, на прикрѣпленіе къ заводамъ и на тяжолыя непривычныя работы, и проч. Расширеніе владѣльческихъ правъ подъ именемъ крѣпостного права, сурово выразившееся при Аннѣ и достигшее своего полнаго апогея при Екатеринѣ II, дало новые питательные соки народному стремленью къ перемѣнѣ мѣста. Народъ бѣжалъ и отъ второй ревизіи при Елисаветѣ, и отъ рекрутства, обратившагося въ государственный принципъ, отъ рекрутства, затрогивавшаго самыя чувствительныя семейныя узы въ самыхъ здоровыхъ звеньяхъ и узлахъ. Отъ нерѣдкихъ и всегда неожиданныхъ хозяйственныхъ кризисовъ народъ также по прежнему спѣшилъ подниматься съ насиженнаго, но неблагодарнаго мѣста и шолъ искать приволья и счастья тамъ, гдѣ укажутъ ему старинныя преданія или сегодняшній заманчивый слухъ, пущенный какимъ-нибудь доброхотомъ. Таковые порядки достались въ наслѣдіе и нашимъ временамъ, уничтожившимъ въ крѣпостномъ правѣ одно изъ золъ народныхъ и готовящимся къ уничтоженію другихъ, служащихъ причиною крупныхъ народныхъ передвиженій.

Какъ нѣкогда Сибирь была для народа тою обѣтованною страною, гдѣ бабы бьютъ соболей коромыслами, такъ потомъ, когда народъ распозналъ, что и въ Сибири тоже солнышко свѣтитъ, ханаанъ его сталъ въ степяхъ, сначала оренбургскихъ, потомъ новороссійскихъ. Въ настоящее время онъ ждетъ новыхъ указаній, но частями не остановилъ своихъ стремленій по знакомымъ, старымъ тропамъ. Сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что съ половины прошлаго вѣка опредѣлительно высказался переливъ населенія съ сѣвера на югъ, и мы во всякомъ случаѣ переживаемъ то время, когда эта народная работа еще не доведена до конца; народъ еще не кончилъ своей роли, не измѣнилъ своему призванію, какъ колонизатора. Какъ прежде ни запретные указы царей и сената потомъ, ни напряженныя усилія прежнихъ сыскныхъ и послѣдующихъ воинскихъ командъ не клали препонъ, такъ и теперь не сильны ручательства тому, чтобы народъ отказался отъ той миссіи, которую выдержалъ онъ съ такимъ успѣхомъ и которую осязательно выразилъ въ стремленіяхъ къ обладанію Азіей. Временные кровавые уроки народъ скоро забывалъ, но наболѣвшее

мѣсто продолжало по прежнему жить въ народномъ организмѣ и сказываться при первомъ, даже легкомъ, уколѣ. Способъ леченія посредствомъ такъ-называемой паспортной системы — какъ всѣмъ и давно извѣстно — не имѣетъ никакого успѣха, а огромная корпорація старообрядцевъ приняла паспортъ за печать антихриста.

Къ концу этой борьбы за право существованія на возлюбленномъ и сытномъ мѣстѣ, съ одной стороны, и за право взиманія податей и разнаго рода сборовъ, съ другой — стало ясно теперь, что народныя переселенія устремились въ противоположную сторону. Сѣверъ, нѣкогда сильный огромными городами и богатыми селали, громкій торговлей въ далекихъ заморскихъ странахъ, затихъ, обѣднѣлъ и пустѣетъ. Оставшимся на немъ, и послѣднимъ, достались въ наслѣдство кое-какіе слѣды богатства предковъ, которое любило, между прочимъ, выражаться въ большихъ и богатыхъ церквахъ, и выразилось во множествѣ ихъ и въ томъ, что при обиліи лѣсного матеріала, церкви эти выстроены изъ дорогого матеріала каменнаго. Стоятъ еще и до сихъ поръ: нѣкогда великій Новгородъ при 18 тыс. жителей съ 12 монастырями и 50-ю церквами, Вологда, куда думалъ Грозный царь перенести столицу свою изъ Москвы,—теперь съ двумя монастырями и 50 церквами на 19 т. жителей, Кострома съ 35 церквами и 2 монастырями на 21 т. жителей, Ростовъ ярославскій съ 24 церквами и 4 монастырями на 10 т., Угличъ съ такимъ же числомъ церквей и 2 монастырями на 11 т., Владиміръ (Залѣсскій) съ 30 церквами на 13 т. жителей, Костромской Галичъ съ 16 на 5 т., Устюжна съ 17 на 6 т., Юрьевецъ съ 17-ю церквами на $2^1/_2$ т. Въ Новгородѣ тѣ монастыри, которые находились въ чертѣ самаго города, лежатъ теперь въ 3 и 7 верстахъ отъ него; въ Холмогорахъ тѣ Матигоры, на которыхъ жилъ воевода, отстоятъ на 5 верстъ отъ этого города, и теперь протянувшагося на три версты и соблюдающаго 6 церквей на 1,200 душъ самаго бѣднаго люда. 24 церкви, большія, каменныя и старинныя, сохраняетъ другой, древній и торговый городъ Каргополь, съ двухтысячнымъ теперь населеніемъ, въ которомъ такимъ образомъ на 80-ти человѣкахъ лежитъ обязательство поддержки цѣлого причта и цѣлой церкви. Какъ новгородчина (колонизаціонное вліяніе которой ограничивается на югѣ Волгой) поступилась своимъ народомъ для

Сибири, гдѣ два города выросли до двадцатитысячного населенія, а селенія стали похожи величиной на города, такъ точно московскіе люди выстроили такіе большіе города, какъ Воронежъ (40 т.), Саратовъ (84 т.), Харьковъ (45 т.) и Астрахань (45 т.) на югѣ, и разбрелись въ такомъ количествѣ, что у себя, дома, оставили воспоминаніе о многихъ городахъ только въ бѣдныхъ селахъ и пустыхъ урочищахъ. Когда понадобились Екатеринѣ города въ селахъ, почти ни одно изъ нихъ не дошло и до нѣкотораго подобія этихъ твореній нѣмецкаго изобрѣтенія, но не русскаго дѣла. Между тѣмъ, во времена этой же императрицы, опиравшейся на завоеванія Потемкина, новороссійскія степи открылись для русскихъ людей, и стремленіе нашего народа на югъ выразилось въ самыхъ очевидныхъ и крупныхъ формахъ. Населеніе съумѣло здѣсь сосредоточиться въ городахъ съ такой быстротой, которая по истинѣ поразительна: Волжскъ съ 1781 года выросъ въ городъ съ 26 тыс. жителей; Екатеринославль, заложенный въ 1786 г., имѣетъ теперь 14 тыс. жителей, Херсонъ съ 1778 г. возросъ до 41 тыс. Изъ крѣпости св. Димитрія (1749 г.) выросъ на Дону городъ Ростовъ съ 30 тыс. населенія; изъ бѣдныхъ татарскихъ деревушекъ стали такіе города, какъ Таганрогъ (1770 г.) съ 25 т., Николаевъ (1791 г,) съ 40 тыс. и Одесса съ 119 тысячами. Въ 1837 году деревушка, превратившаяся въ городъ Бердянскъ, имѣетъ теперь 11 тыс. жителей; городъ Ейскъ, выросшій въ 1849 году прямо въ степной глуши и принявшій названіе отъ рѣчонки, являетъ изъ себя теперь городъ съ 20-ти тысячнымъ населеніемъ. Воронцовъ принималъ бѣглыхъ за пришельцовъ, и подобно де-Геннингу (основателю Екатеринбурга) умѣлъ дѣлать изъ опасныхъ людей безопасныхъ и полезныхъ, внѣдряя ихъ на пустопорожнихъ благодатныхъ черноземныхъ земляхъ юга.

Такой обмѣнъ и переливъ народныхъ силъ, устремившихся изъ лѣсовъ въ степи, съ сѣвера на югъ, съумѣлъ до нѣкоторой степени послужить причиной тому, что многія цивилизующія начала, прилагаемыя по европейскимъ образцамъ, до сихъ поръ не имѣютъ успѣха, въ особенности по отношенію ко введенію такъ-называемой паспортной системы. По самому существу колонизаціи, та же причина выразилась въ неправильномъ распредѣленіи народныхъ силъ, которыя

успѣли во многихъ мѣстахъ расположиться такъ, что перешли черезъ край, выяснились же тѣмъ закономъ малоземелья и высказались прежнимъ желаніемъ народа переселиться дальше на новыя мѣста. Въ наше время на призывъ на вновь пріобрѣтенныя земли, наравнѣ съ нѣкоторыми изъ лѣсныхъ губерній (каковы Вятская, Пермская, Московская и Владимірская), вызываются охотники изъ степныхъ (каковы: Орловская, Самарская, Тамбовская, Воронежская и Кіевская). Такъ сказалось это при заселеніи Амура и сказывается въ призывѣ въ Крымъ и на Кавказъ. Въ то же время не перестаетъ народное передвиженіе въ прежнемъ направленіи на черноземныя степи и черезъ нихъ: подъ названіемъ «самовольно зашедшихъ» изъ губерній, бѣдныхъ поземельнымъ надѣломъ, являются въ русскихъ степныхъ и южныхъ губерніяхъ эти остаточные служители древняго русскаго начала, представители отживающей, но еще живой силы народнаго духа *). Менѣе находчивые изъ нихъ возвращаются по этапамъ на родину; болѣе твердые въ своихъ намѣреніяхъ, для которыхъ опостылила родина, закрываютъ на всегда обратный путь въ нее, сказываясь «ничего не знающими» и прикрываясь именемъ «непомнящихъ родства». Эти люди терпятъ заточеніе, подвергаются суду, получаютъ отъ него наказаніе. Зная, что за упорное запирательство въ показаніяхъ законъ сулитъ имъ замѣну добровольно избранныхъ мѣстъ на ссылку на поселеніе, люди эти, настойчиво увѣряя въ томъ, что ничего не знаютъ и не помнятъ, идутъ въ Сибирь только для того, чтобы не возвращаться назадъ на немилую родину, съ которою успѣли окончательно разсчитаться. Въ Сибири не придется имъ установиться на мѣстѣ, тамъ снова начнутъ они бродить, но уже отъ другихъ причинъ, порождаемыхъ самою страною и способами сибирскаго поселенія (объ этомъ ниже).

Несмотря на то, что многимъ, «самовольно зашедшимъ» на югъ и по нѣскольку лѣтъ не перемѣняющимъ паспортовъ, удается до несчастныхъ случаевъ укрываться на дальнихъ морскихъ рыболов-

*) Отсылаемъ къ отчетамъ Мин. госуд. имущ. и его печатному органу, гдѣ числа «добровольно зашедшихъ» поразительны.

ныхъ ватагахъ *) (не по одному десятку лѣтъ жить со старыми видами и по знати на персидскихъ и турецкихъ водахъ), несмотря на это, число пойманныхъ и выразившихъ желаніе идти на поселеніе въ Сибирь, каждый десятокъ лѣтъ, весьма значительно. Съ соразмѣрнымъ постоянствомъ цифра ссылаемыхъ въ Сибирь за бродяжество ежегодно повторяется въ болѣе крупныхъ размѣрахъ въ губерніяхъ южныхъ, и при этомъ ярко выясняется тотъ законъ, что таковое переселеніе производится семьями: количество женщинъ немного уступаетъ количеству мужчинъ; слѣдовательно, предпринимается оно не ради бездѣльнаго скитанья съ мѣста на мѣсто, чтобы, на правахъ бродягъ, считаться людьми безъ призванія, лишенными предусмотрительности и энергіи и пришедшими въ то нравственное состояніе, при которомъ исчезаетъ даже тѣнь самостоятельнаго характера. Тянулись на югъ, при крѣпостномъ правѣ, дворовые охотливѣе, и чаще всѣхъ другихъ сословій; брели въ бо́льшемъ числѣ болѣе свободные государственные крестьяне, стало быть есть вѣроятіе, что теперь сравняются съ ними въ этихъ стремленіяхъ и бывшіе помѣщичьи крестьяне, облегченные отъ путъ крѣпостного права. Идутъ на югъ и бѣглые изъ Сибири (въ 20 лѣтъ выслано оттуда попавшихся и уличенныхъ 430 человѣкъ). **).

Какъ на волжскихъ, каспійскихъ и азовскихъ водахъ еще многимъ охотникамъ сказываться непомнящими родства удалось схорониться отъ ссылки подъ прикрытіемъ экономической необходимости и безвыходнаго положенія блюстителей закона, ***) такъ и Россіи удается от-

---

*) Извѣстно, что когда приводили въ ясность число безпаспортныхъ, занимающихся рыбною ловлею на астраханскихъ водахъ, цифра изумила величиной: насчитано было такихъ людей около *пятнадцати тысячъ!* Нисколько не меньше ихъ на водахъ Азовскаго моря; не считаны они на Куринскихъ рыбныхъ (Божьихъ) промыслахъ. На южномъ берегу Персидскаго залива, въ особенности на водахъ богатой рыбной рѣки Сифудъ-руды, русскіе рыбаки живутъ по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ, не принимая персидскаго подданства, но и не поддерживая особенныхъ связей съ отечествомъ.

**) Изъ Астр. губ. выслано за бродяжество 333 муж. 55 жен., изъ Земли Войска Донскаго 1,245 м., 214 ж. (въ 20 лѣтъ съ 1827 по 1847 годъ).

***) Въ извѣстныя намъ девять лѣтъ (съ 1838 по 1846 г.) число сосланныхъ въ Сибирь за бродяжество распредѣлилось въ такомъ отношеніи по

бивать много изъ тѣхъ, которые по всѣмъ признакамъ можно считать истинными бродягами въ болѣе близкомъ къ настоящему смыслу, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы разсказали сейчасъ. При всѣхъ усиліяхъ, при частыхъ и упорныхъ преслѣдованіяхъ, въ народѣ не могли искоренить живучаго начала бродяжества, и оно съумѣло проявиться въ такихъ формахъ, при которыхъ стало терпимо, очутилось внѣ преслѣдованій. Прихотливо развѣтляясь на многія отросли, русское бродяжество, въ каждомъ изъ видовъ своихъ, успѣло прикрыться благовиднымъ покровомъ и встать подъ защиту того самаго общества, которое ихъ породило, воспитало и въ отживающей и одряхлявшей формѣ охотливо покровительствуетъ пріютомъ, питаетъ и грѣетъ. Общественная оборона явилась для многихъ изъ этихъ родовъ бродяжества въ такомъ крѣпкомъ видѣ, что для преслѣдователей нѣтъ ни правъ, ни возможности одолѣть ловко прикрытые остатки наслѣдія отцовъ и прадѣдовъ. Всматриваясь съ большею подробностію въ различные виды скитальцовъ, мы видимъ, что многіе изъ нихъ, по

южнымъ и степнымъ губерніямъ (считая мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ: 1) Ставр. 947; 2) Екатер. 730; 3) Херс. 642; 4) Полт. 642; 5) Черниг. 621; 6) Земли Войска Донск. 556; 7) Кіевск. 528; 8) Таврич. 437; 9) Курской 410; 10) Бессараб. 402; 11) Харьк. 368. По отношенію мужчинъ къ женщинамъ (мужей къ жонамъ и семейству) выразились цифры въ такихъ отношеніяхъ по годамъ въ *губерніяхъ*:

	1838		1839		1840		1841		1842		1843		1844		1845		1846	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Екатеринос.	12	21	53	21	48	17	62	17	29	41	65	47	78	37	32	41	65	44
Херсонская.	59	10	98	15	62	8	46	16	23	18	49	47	46	24	25	25	48	24
Таврическ.	25	8	18	7	26	16	37	77	20	33	32	26	38	9	14	13	21	7
Харьковск.	32	16	31	17	51	13	41	14	18	7	27	14	15	15	4	9	12	12

Изъ сѣверныхъ лѣсныхъ губерній за тоже время выслано бродягъ: изъ Вологод. 43 (36 м., 7 ж.), Арханг. 27 (22 м., 5 ж.), Олон. 24 (21 м., 3 ж.). Эти цифры самыя меньшія; изъ Финляндіи и Царства Польскаго за бродяжничество не высылали; изъ Остзейскихъ губ. очень мало (изъ Курл. 48, изъ Эстляндской 12).

Самая крупная цифра по этому роду ссыльныхъ принадлежитъ губерніямъ Тобольской, Оренбургской и Пермской по причинамъ, которыя мы объяснимъ ниже (въ первой собрано 2,553, изъ второй выслано 957; изъ третьей—953 человѣка).

разнообразнымъ вызовамъ, основали свое право на экономическихъ условіяхъ страны и представляются тѣмъ законнымъ явленіемъ, безъ котораго не полна народная жизнь. Для нихъ скитальчество—наружная форма: одни изъ скитальцовъ стоятъ подъ защитой коренного народнаго свойства — всеобщаго стремленія къ такъ-называемому благотворенію; другіе прикрылись ремесломъ; для третьихъ оказался удобнымъ промыселъ; четвертые бродятъ подъ видомъ торговцовъ, и проч.

Нѣтъ тѣхъ силъ, которыя могли бы остановить цѣлыя массы народа, движимыя принципомъ религіозности и увлекаемыя къ мѣстамъ, почему бы то ни было признаннымъ народомъ за священныя. Нѣтъ тѣхъ и знаній, которыя были бы способны разграничить искреннія, религіозныя побужденія съ меркантильными, чисто-коммерческими предпріятіями, только снаружи прикрытыми маскою неподдѣльнаго религіознаго чувства. Нѣтъ тѣхъ средствъ, которыя могли бы противустать наплыву массъ шарлатановъ и обманщиковъ, которые, подъ видомъ духовнаго дѣла, ведутъ мелочную торговлю, спекулируютъ на религіозныя вѣрованія такимъ же нечистымъ промысломъ и, устроивая на той и на другомъ свое личное благосостояніе, въ то же время поддерживаютъ въ народѣ суевѣрія, питаютъ въ немъ крупные и многочисленные остатки язычества. Для таковыхъ обѣтныя хожденія по святымъ мѣстамъ русскимъ, ближнимъ и отдаленнымъ, слѣлались цѣлью существованія, превратились въ вѣчное движеніе, въ безконечное скитаніе, въ хроническую болѣзнь, въ промыселъ. Люди эти понятны народу и любезны ему: нѣтъ того мѣста въ Россіи, для котораго не было бы своего іерусалима, какого-нибудь города или села, или родника съ чудотворно мѣстно-чтимой иконой, съ подспудными мощами святаго подвижника и цѣлителя тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ. Обѣтное хожденіе къ такимъ мѣстамъ съ молитвою вмѣняется въ обязанность всякому, желающему получить облегченіе и отъ грѣховъ и отъ недуговъ. Восходя мыслію объ обрядномъ обязательствѣ хожденія по святымъ мѣстамъ, народъ нашъ особенно чтитъ дальныя святыя мѣста. Въ мучительно-трудномъ и дальномъ пути къ мѣстамъ этимъ онъ видитъ одинъ изъ путей къ облегченію

душевныхъ скорбей и вѣроятіе достиженія блаженства въ райской загробной жизни. Вотъ почему Соловецкій монастырь, удаленный за лѣсами и болотами и поставленный среди моря «на отокѣ океана», считаетъ ежегодно богомольцевъ и рубли, оставленные ими, тысячами, а путешествіе въ Сирійскій Іерусалимъ, чрезъ землю невѣрныхъ и зловѣрныхъ, считается верхомъ торжества для души, ищущей земного спокойствія. Лавры Троицко-Сергіевская и Кіево-Печерская, непремѣнно достигаемыя пѣшимъ способомъ со вкушеніемъ всяческихъ невзгодъ, для жителя сѣверныхъ лѣсныхъ губерній (вторая) и для жителей степныхъ южныхъ (первая) приближаютъ радость утѣшенія, всецѣло доставляемую только однимъ Іерусалимомъ.

Видя въ самомъ процессѣ труднаго пѣшаго путешествія богоугодный подвигъ, задавшись мыслію и твердо стоя на положеніи, что только та молитва скорѣе идетъ къ небу, которая у самыхъ нетлѣнныхъ тѣлъ препоручена заступникамъ и угодникамъ Божіимъ, народъ нашъ видитъ затѣмъ во всѣхъ странникахъ подобнаго рода счастливцевъ, божьихъ людей. Препоручая себя молитвамъ людей этихъ, народъ нашъ вездѣ, на всѣхъ пунктахъ (даже и на большихъ торныхъ дорогахъ), даетъ этимъ странникамъ безплатный пріютъ, даровой прокормъ и деньги въ натурѣ на дальную путь-дорогу, и на заздравную и заупокойную просѳоры. Главнѣе всего, съ этихъ странниковъ берутъ обѣщаніе, приправляемое усердною просьбою не оставлять ихъ святыми подарками на обратномъ пути, не обходить ихъ избы окольной дорогой, не принеся имъ тѣхъ освященныхъ памятокъ, какими съ избыткомъ запасаются монахи святыхъ мѣстъ и какими въ обиліи снабжаютъ они богомольцевъ. Не знаетъ того и не хочетъ знать нашъ народъ, что почасту мимо него проходятъ въ Соловки такія артели, которыя въ прошломъ году бродили около Москвы, года черезъ два очутятся въ Кіевѣ, еще чрезъ нѣсколько лѣтъ попадутъ на Аѳонъ и въ Іерусалимъ; не знаетъ народъ, что вся жизнь артелей этихъ проходитъ въ постоянномъ, неугомонномъ бродяжествѣ, что бродяжество успѣло опутать ихъ своими соблазнами и тенетами легкаго промысла такъ, что многіе странники сами не видятъ во мнимомъ спасеньѣ своемъ необлыжнаго грѣха

противъ личной совѣсти и противъ общества. Нѣтъ простому народу дѣла до того, что это — тунеядцы, что артели ихъ сбиваются грѣховно и большею частію на самыхъ корыстныхъ разсчотахъ, служатъ одному изъ семи неумолимыхъ и смертныхъ грѣховъ. Нѣтъ народу нужды рѣшать такія дѣла, гдѣ замѣшалось дѣло совѣсти — самыя темныя дѣла, судить которыя народъ нашъ, по извѣковной привычкѣ, не умѣетъ и не любитъ. Охотно слушаетъ онъ потомъ разсказы о всѣхъ необычайныхъ явленіяхъ въ родѣ стона грѣшныхъ душъ, слышимыхъ во адѣ чрезъ отверстіе въ іерусалимскомъ храмѣ, и вѣритъ имъ всей слѣпотой своего ума, всею воспріимчивостью своего сердца, боясь не довѣрять имъ изъ страха смерти. Вѣритъ народъ въ обоихъ случаяхъ и тому разскащику, который самъ воспринялъ все слышанное и видѣнное на свою слѣпую вѣру, и тому, который лживо-привычною и медово-сладкою рѣчью хитро прикрываетъ личное безвѣріе, и выкладывая съ языка разсказы о чудесахъ, въ умѣ своемъ раскладываетъ счоты и грѣшныя соображенія о количествѣ и качествѣ денежныхъ и другихъ наградъ за повѣствованія.

На сколько слѣпо въ народѣ довѣріе, производимое религіозными возбужденіями, и на сколько простосердечна вѣра, преданная разумѣнію одной внѣшной обрядности, на столько часты въ жизни народа такія заключенія, которыя происходятъ отъ обмановъ и подлоговъ, употребляемыхъ людьми хитрыми и злонамѣренными. Сколько разъ ловила въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи наша немудрая земская полиція цѣлыя шайки бродягъ съ перламутровыми образами и крестами, съ поддѣльными частицами мощей и отломковъ отъ креста Христова, бродягъ, переодѣтыхъ въ монашеское платье и выдававшихъ себя за грековъ изъ Іерусалима или съ Аѳонской горы. Армяне такіе подлоги обратили въ особый видъ промысла и коммерческаго предпріятія, основаннаго на запасѣ вещами, хорошо идущими въ торговлѣ: камушками разнаго вида, образками, чотками, евангеліями, кусочками разнаго рода и даже пескомъ; увѣряя, что все это изъ Іерусалима, и что деньги собираютъ на Гробъ Господень. И сколько еще ходитъ по большимъ и столичнымъ городамъ такихъ странниковъ въ полумонашескомъ платьѣ, которые со смиреніемъ на лицахъ повѣствуютъ о сверхъестественныхъ явленіяхъ, но сбиваются на географическихъ

и другихъ показаніяхъ и потомъ ловятся въ кабакахъ, въ пьяномъ, безобразномъ видѣ и безъ всякихъ видовъ *).

Огромныя толпы нищихъ покрываютъ всѣ церковныя паперти въ городахъ и селахъ, площадки на базарахъ и площади на ярмаркахъ. У одиночно-просящихъ милостыню нищихъ кругъ скитальчества не широкъ, ограниченный своимъ околоткомъ. У каждаго во всѣхъ деревняхъ по сосѣдству имѣются такія избы и семейства, которыя во всякое время готовно отпираютъ нищей братіи ворота и двери, открываютъ печь, припасаютъ теплое, уготованное мѣсто для ночлега и красный уголъ для разсказовъ о сонныхъ видѣніяхъ и о приключеніяхъ въ сосѣдствѣ. Носитъ эта нищая братія худыя вѣсти съ чужого двора, не видя и не чуя въ нихъ грѣха сплетни, не предполагая въ лицѣ своемъ ясныхъ и опредѣленныхъ чертъ неумытнаго ремесла вѣстовщицы, межидворницы, готовной подслужиться и семей-

---

*) Замѣчательно, что спекулируютъ этимъ большею частію Армяне деревень Нахичеванскаго уѣзда, запасающіеся передъ уходомъ заграничными паспортами на Джульфинской таможенной заставѣ въ персидскихъ предѣлахъ. Здѣсь разрѣшена Персидскимъ шахомъ выдача билетовъ Персіанамъ, идущимъ на заработки въ Россію. За условленную плату закавказскимъ (русскимъ) армянамъ здѣсь же выдаютъ билеты съ прописью, что они — греческіе священники. Нѣкоторые запасаютея заграничными паспортами и отъ тѣхъ армянъ, которые приходятъ изъ Турціи. Опытные и бывалые умѣютъ накалывать на рукахъ татуированные знаки, изображающіе распятіе, лики святыхъ или просто кресты. По деревнямъ русскимъ они увѣряютъ, что эти знаки наколоты самимъ іерусалимскимъ патріархомъ. Эти плуты не брѣютъ бородъ, носятъ священническія рясы и шляпы, въ родѣ невысокаго монашескаго клобука. Службою молебновъ наживаютъ большія деньги, особенно на ярмаркахъ въ Нижномъ, Харьковѣ и Полтавѣ. Въ опасныхъ мѣстахъ ряски снимаютъ и ходятъ купцами съ коробками, предъявляя уже нахичеванскіе паспорты. Хожденіе въ Россію такихъ мошенниковъ увеличивается. По многимъ мѣстамъ у нихъ заведены притоны и передатчики награбленныхъ обманомъ денегъ. Черезъ притонщиковъ этихъ ведется переписка съ родными; въ домахъ у нихъ производятся и переодѣванья. Нѣкоторые изъ мошенниковъ-армянъ успѣли сдѣлаться кое-у-кого по купечеству духовниками, помимо которыхъ къ настоящимъ уже и не ходятъ, а у этихъ пришлецовъ крестятъ младенцовъ и пр. Наслѣжены таковые мошенническіе притоны на Волгѣ, на Дону (въ Землѣ Казачьей), въ Харьковѣ, Симбирскѣ, Новочеркаскѣ,—но большей части у Армянъ же.

ному раздору и общественной неурядицѣ. Смиреніе, обязательное для молитвенницы, переходитъ въ грѣхъ пересуда и осужденія въ чужомъ глазу спицы, изъ легкаго ремесла становится привычкой и промысломъ, у котораго опять-таки одинъ исходъ — бродяжество, безмѣстное шатанье, безконечное кочевье. Если по смыслу пословицы: «отъ поваженаго, что и отъ наряженаго отбою не бываетъ», то и нищенство, подпадая подъ форму бродяжества, не имѣетъ на Руси конца и мѣры и въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ доходитъ до странныхъ, неожиданныхъ и крайнихъ предѣловъ. Вездѣ, гдѣ только какое-нибудь случайное возбужденіе — во имя молитвы, а кстати тутъ же и ради торговли — собираетъ толпы народа, сбиваетъ торгъ, базаръ, ярмарку — вездѣ во всѣхъ такихъ мѣстахъ, нищая братія является съ неизмѣннымъ и несокрушимымъ своимъ правомъ, столько же древнимъ, какъ сама Русь. На большую часть въ бойкихъ торговыхъ пунктахъ нищіе являются въ плотно-слаженныхъ артеляхъ. У артелей этихъ нѣтъ уже иныхъ цѣлей, кромѣ разсчитанныхъ коммерческихъ соображеній на промыслѣ горломъ и смиреннымъ видомъ. Часть заработаннаго капитала поступаетъ въ руки того слѣпца-подрядчика, который сбилъ эту кучу попрошаекъ въ артель и подобралъ голоса по давней привычкѣ и личнымъ соображеніямъ: громкому голосу, при хорошей памяти, положилъ большую плату, слабый голосъ, при маломъ знаніи стиховъ и старинъ, оцѣнилъ меньшимъ паемъ. Смиренное сидѣніе надъ деревянной чашечкой, съ опущенными долу слѣпыми очами поддѣлано и наведено только для базара и народа. За глазами базара оно скидается, какъ тяжолое, гнетущее бремя, и видимо-благочестивая и смиренная артель въ заговоренныхъ кабакахъ развертываетъ сдержанныя базаромъ и корыстью страсти: многіе слѣпые оказываются зрячими, многіе хромые и безногіе пляшутъ трепака подъ вліяніемъ разжигающей влаги, покупаемой на сборную милостыню и истребляемой въ огромномъ количествѣ. И ни одна артель не живетъ такимъ обиліемъ всяческихъ дрязгъ и сваръ, ни въ одной не бываетъ такихъ ожесточонныхъ кровопролитій и такихъ темныхъ и нечистыхъ дѣлъ въ родѣ умыканія (похищенія) чужихъ дѣтей, нерѣдко сопряженнаго съ искалеченіемъ членовъ и во всякомъ случаѣ съ неизбѣжною порчею ихъ нравственности на полномъ про-

сторѣ и раздольѣ этого вида бродяжества. Бо́льшая часть бродягъ деревенскихъ нищихъ живетъ въ постоянныхъ круговыхъ переходахъ изъ мѣста въ мѣсто, съ базаровъ на ярмарки, съ харьковской на полтавскую, съ коренной на кіевскіе контракты и проч. Живетъ этотъ родъ бродяжества-промысла съ самыхъ отдаленныхъ и темныхъ временъ нашей исторіи до настоящаго дня, надежно пристроившись къ тому народному свойству, которое истекаетъ изъ религіи. Во многихъ губерніяхъ, въ особенности во Владимірской (Судогодскаго уѣзда), цѣлыя волости заколачиваютъ избы и уходятъ нищенствовать. При этомъ побираньѣ Христовымъ именемъ принимаетъ форму настоящаго, правильно-организованнаго промысла, вызваннаго либо замѣчательнымъ безплодіемъ почвы (какъ въ окрестностяхъ Судогды), либо вѣковымъ обычаемъ, не только ничѣмъ не сдержаннымъ, но даже находившимъ покровительство при крѣпостномъ правѣ (какъ въ деревняхъ подмосковныхъ и въ Калужской губерніи) *).

На всегдашней готовности русскаго народа къ благотворенію неимущимъ, несчастнымъ и страждущимъ, основалъ расколъ самую живую и дѣятельную сторону своего дѣла—дѣло пропаганды, и разсчитанно достигъ богатыхъ и счастливыхъ результатовъ. Такъ-называемые «запрощики», въ постоянныхъ переходахъ изъ мѣста въ мѣсто, полагали свое общественное служеніе, какъ долгъ, радѣніе и священное обязательство общинѣ. Семенъ Уклеинъ всю жизнь свою не имѣлъ гдѣ главу приклонить: въ итогѣ имѣлъ то, что малаканство изъ тамбовскихъ деревень перекинулось на Хоперъ, и съ Дону пе-

*) Въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго всѣхъ странствующихъ нищихъ, хромыхъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ и убогихъ, приходившихъ изъ сосѣднихъ губерній, хотя бы и по собственнымъ дѣламъ, а не только для испрошенія милостыни, принимали за бродягъ и ссылали въ Сибирь. Указъ 23-го февраля 1823 года повелѣвалъ даже всѣхъ непредъявившихъ паспортовъ, не наводя никакихъ справокъ, ссылать въ Сибирь. По иниціативѣ калужскаго губернатора точнѣе опредѣлено закономъ значеніе бродяги, дозволено помѣщикамъ возвращать крѣпостныхъ людей изъ бродягъ на пути слѣдованія въ Сибирь, а убогихъ и нищихъ отдали, по принадлежности, на призоръ самого народа, оставили на родныхъ мѣстахъ и народной почвѣ.

ребралось за Волгу, далеко въ Самарскую степь. Кондратій Селивановъ, съ тѣмъ же странническимъ посохомъ и въ видѣ бродяги, прошолъ по чорноземной полосѣ глубоко съ юга до Петербурга, посѣщая хлыстовскіе корабли и устроя сіонскія горницы скопцовъ. Наконецъ, изъ того же принципа бродяжничества возникъ особый видъ раскольничьей секты, извѣстной подъ именемъ бѣгуновъ или такъ-называемаго сопѣлковскаго согласія, ревнители котораго, уже въ истинномъ смыслѣ, люди, неимѣющіе гдѣ главу приклонить, по религіозному принципу.

На разнообразномъ пространствѣ огромной русской земли, народныя передвиженія съ мѣста на мѣсто для отысканія средствъ къ существованію на сторонѣ, когда ихъ нѣтъ на мѣстѣ, между прочимъ, разительно высказались и въ существованіи такъ-называемыхъ отхожихъ промысловъ. Изъ нихъ нѣкоторые многознаменательны до того, что выводятъ населеніе многихъ мѣстностей поголовно (по крайней-мѣрѣ на лучшую и здоровую часть его). Какъ промыселъ и ремесло, такъ и торговля искала примѣненія и путей для себя въ тѣхъ же переходахъ и скитаньяхъ по лицу земли русской, и она также глубоко скрыла начальные, основные корни свои въ давнихъ временахъ народной исторіи, и она также не стѣснялась пространствами и разстояніями. Какъ плотники и печники, шерстобиты и шубники уходятъ въ глубь Сибири, такъ нѣкогда ковровскаго и вязниковскаго ходебщика-офеню видали за австрійской границей и считали сотнями за Кавказомъ и за Ураломъ, десятками на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ государства, каковы прибрежья Бѣлаго моря и ссыльныя мѣста Забайкальскаго края. Съ коробкомъ за плечами, съ аршиномъ въ рукахъ, офеня-разнощикъ почти круглый годъ (отъ середины одной макарьевской ярмарки до начала ея въ слѣдующемъ году) бродилъ изъ села въ село, съ людиаго базара и малаго торжка на большую и бойкую ярмарку. Шерстобиты ходятъ съ мѣста на мѣсто всю зиму; коновалы половину зимы и весну, и проч. Хотя кое-какія частныя распоряженія, и, наконецъ, самое время и ежедневныя измѣненія экономическаго быта, съ проведеніемъ шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, ослабили это скитальчество торговли, тѣмъ не менѣе, оно производится еще и теперь, хотя и примѣтно въ умень-

шопныхъ размѣрахъ. Офени прикрѣплены къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ сосредоточивали они главнымъ образомъ свою торговлю, и бродятъ уже только по околицамъ срединнаго пункта, но за то ярославскіе салфеточники носятъ еще по петербургскимъ и московскимъ домамъ свои полотна и полотенцы, а тверскіе и буевскіе гребенщики подаютъ еще свой козлиный голосъ на столичныхъ дворахъ и улицахъ. Отхожій промыселъ въ столицы имѣетъ, сверхъ невыгодъ долговременныхъ отлучекъ для нравственности семей, еще ту особенность, что пріучаетъ сельскаго жителя къ городской холостой жизни, несомнѣнно вліяющей прямымъ и косвеннымъ образомъ на развитіе преступленій «противъ правъ семейственнаго состоянія».

Не видать уже теперь въ такомъ множествѣ тѣхъ цыганскихъ таборовъ, которые, съ разломанными кибитками, со рваными и одѣтыми въ лохмотья женщинами, съ полуголыми ребятишками и съ краденными лошадьми, во множествѣ становились въ окрестностяхъ уѣздныхъ городовъ и большихъ торговыхъ селъ. Рѣже (и то только въ сѣверныхъ и среднихъ мѣстахъ Россіи) видятся теперь эти бродяги изъ индейскаго племени, женская половина которыхъ занималась ворожбой и кражей куръ и бабьяго тряпья въ то время, когда мужская пускалась на плутовской обмѣнъ краденыхъ лошадей. Тѣ и другіе отслужили свою достославную службу шаловливому бездѣлью помѣщиковъ и чиновниковъ, умѣвшихъ тратиться и пьянствовать подъ обаяніемъ дикихъ пѣсенъ и удалыхъ плясокъ. На пятьдесятъ лѣтъ назадъ ушли для бессарабскихъ цыганъ тѣ времена, когда они, своими таборами, какъ бы татарскими ордами, осаждали молодые города Новороссіи (напримѣръ, херсонскій Елисаветградъ) и высылали изъ лагеря въ городъ пословъ съ требованіями денегъ и имущества и съ угрозами смерти и пожара, на случай отказовъ. Тамъ, по всему югу и даже на западѣ (по Бѣлоруссіи), цыгане—еще при старыхъ правахъ бездомныхъ скитальцовъ.

Цѣль и размѣръ настоящей статьи не позволяетъ намъ уходить дальше; всѣ видоизмѣненія отхожихъ и бродячихъ промысловъ дали намъ возможность приготовить объ этомъ предметѣ отдѣльное сочиненіе.

ГЛАВА V.

ВОРЫ И МОШЕННИКИ.

Народныя понятія о собственности.—Вѣдомой большой воръ.—Воровскія мѣста въ Россіи. — Причины воровства. — Столичные жулики и мазурики.—Карманники.—Мызыка (воровской языкъ).—Мѣшки (барышники-пріемщики). — Честный человѣкъ на воровствѣ. — Мошенники высшихъ слоевъ общества: карточные шулера. — Сословія и мѣста наиболѣе видныя по воровскому промыслу. — Воровство—повальная тюремная и поселенческая болѣзнь.

Древняя Русь придавала это названіе всѣмъ вообще лихимъ и злымъ людямъ, тѣмъ недоброхотамъ и злодѣямъ, отъ которыхъ народъ ожидалъ для себя несчастій и получалъ всякаго рода невзгоды и бѣдствія. Ворами слыли и литовскіе люди, опустошавшіе московскія страны, и казаки, пользовавшіеся смутными временами и народными неурядицами; ворами назывались и тѣ русскіе, которые, не имѣя осѣдлости, бродили по московской землѣ, наживались плодами чужого труда и прозваны въ наши времена бродягами. Ворами прозвалъ народъ и тѣхъ царьковъ-самозванцовъ, которыхъ соблазнялъ московскій престолъ въ смутное безгосударное время государства. Воромъ въ тѣ времена не былъ тотъ, кто посягалъ на мелкую собственность; недоброхотъ подобнаго свойства назывался татемъ, а ремесло его—татьбою. «Теперь — по пословицѣ — люди таковы стали: унеси что съ чужого двора — *воромъ* называютъ» и «кто разъ укралъ — на вѣкъ воромъ сталъ». Такимъ образомъ, съ исчезновеніемъ стараго настоящаго слова, другое старое же вступило во всѣ его гражданскія права и при-

няло на себя всѣ его обязательства. Съ перемѣною словъ не измѣнились самыя свойства преступнаго промысла, и онъ въ нетронутомъ видѣ достался въ наслѣдіе и нашимъ временамъ, только съ тѣмъ различіемъ, что несомнѣнно развился въ примѣненіи и развѣтвился на новые виды, болѣе утонченные и весьма разнообразные. Современный законъ призналъ въ воровствѣ два вида, изъ которыхъ за однимъ оставилъ прозваніе кражи, какъ такого способа похищенія, каковое не сопровождалось нападеніемъ съ открытою силою (съ оружіемъ или безъ оружія), какъ разбой, или съ насиліемъ же, но безъ опасности жизни, здоровью и свободѣ человѣка, какъ грабежъ... Воровствомъ-кражей призналъ законъ всякое преступное посягательство на чужую собственность, произведенное *втайнѣ*, и назвалъ воровствомъ-мошенничествомъ тотъ видъ кражи, которая произведена посредствомъ *обмана*. Но сколько ни ясны подобныя опредѣленія, сколь ни точно опредѣлены и предусмотрѣны частные виды обоихъ родовъ воровства, народныя понятія съ объясненіями этими во многомъ расходятся. Народъ не во всемъ согласенъ съ своими законодателями, потому что не во всемъ приладилъ жизнь къ тѣмъ образцамъ, изъ которыхъ выбраны руководящія правила для его нравственной жизни и заимствованы вѣсы, вызнающіе степень виновности его въ случаѣ отклоненій отъ общественныхъ правилъ и паденій въ противоположную сторону.

Ни въ чомъ до такой степени не разнообразны (и повидимому даже разнорѣчивы) народныя понятія, какъ именно по отношенію къ понятію о собственности. Несмотря на то, что воровство одно изъ тѣхъ преступленій, въ которомъ всего чаще обвиняются люди и всего больше подвергаются наказанію ссылкой, Россія представляетъ поразительныя крайности. Не говоря уже о томъ, что въ пестромъ калейдоскопѣ племенъ, населяющихъ русскую землю, понятія о чужой собственности замѣчательно разнообразны, въ самомъ русскомъ племени это право совсѣмъ не въ тѣхъ рамкахъ, которыя можно считать опредѣленными и оконченными. Въ густо-населенныхъ пунктахъ, гдѣ нужда, лишенія и житейскія неудачи дѣлаютъ свое законное дѣло, воровство является неизбывнымъ послѣдствіемъ, количество жертвъ велико: имъ въ ссылкѣ принадлежитъ *второе*, а за ис-

ключеніемъ бродяжества *первое мѣсто* въ ряду всѣхъ другихъ родовъ преступленій. При этомъ ссыльными становятся тѣ лица, на которыхъ испытано значительное количество всякого рода возмездій, произведено много цѣлительныхъ операцій, — въ ссылкѣ являются неисправимые, отбившіеся отъ рукъ; преступленіе, стало быть, представляется въ болѣе отчаянномъ видѣ,—еще болѣе безнадежнымъ и сильно-распространеннымъ въ народѣ преступленіемъ. Съ другой стороны, въ мѣстностяхъ, менѣе населенныхъ, уваженіе къ чужой собственности сильнѣе: при меньшемъ числѣ соблазновъ, количество ссыльныхъ жертвъ поразительно слабѣе; являются такія мѣста, изъ болѣе глухихъ и менѣе оживленныхъ, гдѣ воровство еще одно изъ тягчайшихъ, самыхъ нетерпимыхъ преступленій. Народныя понятія складываются въ совершенно-противоположномъ направленіи, нравы народные представляются во всей чистотѣ патріархальности. Употребленіе орудій, оберегающихъ собственность, слабо, во многихъ мѣстахъ неизвѣстно. Деревянные замки замѣняютъ желѣзные. На Терскомъ берегу Бѣлаго моря и на Печорѣ употребленіе таковыхъ оправдываютъ необходимостью обороны противъ блудливой рогатой скотины. Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Вологодской, Костромской и Вятской губерній, еще живъ обычай заявлять о пропажѣ въ церкви, и въ крайномъ случаѣ, на базарѣ, обращая на себя вниманіе шапкой, приподнятой на длинной палкѣ. Старинная форма самосуда по всей Сибири и Сѣверной Россіи еще продолжаетъ отличаться своимъ простодушіемъ, не встрѣчается насмѣшками, не возбуждаетъ удивленія, не покидается въ силу несостоятельности. Съ несознавшагося упрямаго вора снимаютъ на базарѣ шапку, съ бабы — платокъ; въ Шадринскомъ уѣздѣ (Пермс. губ.) на пойманнаго съ поличнымъ надѣваютъ украденную вещь и водятъ по базару; противъ упорныхъ и забаловавшихся употребляютъ крутыя мѣры, которыя съ одной стороны свидѣтельствуютъ о грубости первобытныхъ нравовъ, съ другой показываютъ, до какой степени щекотливо чувство уваженія къ чужой собственности и обидно и невыносимо даже мелкое нарушеніе права ея *).

*) Несознающихся въ воровствѣ кормятъ, между прочимъ, солеными пирогами и не даютъ пить. Между родными —судъ божій, т. е. сними икону

Особенною строгостію въ этомъ отношеніи отличалась Запорожская сѣчь: за воровство и грабежъ однаго отвѣчалъ весь курень, къ которому воръ-казакъ принадлежалъ, если онъ не имѣлъ у себя достатка. Во всякомъ случаѣ воръ и грабитель отвѣчалъ, при несостоятельности, личной спиной: преступника привязывали или приковывали къ столбу на базарѣ и клали подлѣ нѣсколько кіевъ, подобныхъ бичамъ и нарѣзанныхъ изъ дубоваго дерева. Тутъ же ставили разные напитки: горилку, медъ, пиво, брагу. Всякій казакъ, проходящій мимо, ѣлъ и пилъ сколько хотѣлъ, но за даровое угощеніе обязанъ былъ ударить привязаннаго, по чему захочетъ (по головѣ или ребрамъ) съ приговоромъ: отъ тоби, сучій сыну, щобъ ты не кравъ и не розбивавъ, мы всѣ за тебя куренемъ платили. Бывали случаи, что забивали до смерти. За убійство платились убійствомъ: вѣшали, подвозя верхомъ на лошади подъ шибеницу (висѣлицу) и накинувши на голову сильцо (петлю), лошадь ударяли плетью; вѣшали на горѣ за ноги, за ребро желѣзнымъ крюкомъ и оставляли висѣть, пока не разсыплются кости. Сажали и на колъ — деревянный стоекъ въ родѣ острожной пали вышиною въ два аршина съ желѣзнымъ шпилемъ на верху; посаженный на колъ сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не высыхалъ и крутился кругомъ шпиля, какъ мельница и торохтили его кости, пока не спадали на землю. Придорожныхъ грабителей заби-

---

со стѣны и скажи: «Порази меня царь небесный, если я этому дѣлу виновенъ». По дрожанію рукъ, ногъ, губъ — судятъ о винѣ; добиваются сознанія соленымъ пирогомъ, которымъ накормятъ и пить не дадутъ. Въ такихъ мѣстахъ еще кладутъ надежды на домашныя средства исправленія и нерѣдко достигаютъ цѣли. Простодушныхъ конокрадовъ въ степныхъ губерніяхъ узнаютъ въ церкви по восковой свѣчѣ, поставленной низомъ вверхъ передъ образомъ Ивана Воина. *Чохъ* (чиханье кстати) идетъ на правду. Вѣрятъ и боятся, что за воровство придется возить на томъ свѣтѣ попа въ рѣшетѣ. У старца (нищаго) взять—огонь въ домъ. Пугаютъ должника проценіемъ: «съ бирки срѣжу». Наказываютъ (въ Бѣлоруссіи) за развратъ виновницу битьемъ веревки отъ звоницы (колокольни), а загулявшуюся покрѣпче тѣмъ же концомъ веревки на самой звоницѣ; на мать надѣваютъ хомутъ; молодую, привезенную отъ вѣнца и признавшуюся во грѣхахъ, накрываютъ платкомъ въ сѣняхъ и въ избѣ не расплетаютъ косы съ торжественными обрядами, и проч.—въ безконечность.

вали до смерти палками. Освобождали преступниковъ отъ смерти только въ такомъ случаѣ, когда дѣвушка изъявляла желаніе выдти за него замужъ. Въ Запорожьѣ существовали уже правильные суды паланки съ тремя членами-судьями, панами: полковникомъ, эсауломъ и писаремъ, избранными на три года. Къ нимъ въ помощь опредѣляли трехъ помощниковъ изъ казаковъ — підпанковъ. Сотворилъ казакъ шкоду какую: потраву, драку, обиду, оба берутъ на базарѣ по калачу и идутъ судиться; подпанки производятъ слѣдствіе, паны мирятъ. Помирились — по домамъ, не помирились въ Сѣчь.

За то въ другихъ мѣстахъ, гдѣ свѣту стало побольше, за воровство велятъ три раза простить — въ четвертый прохвостить; говорятъ (и дѣлаютъ): хлѣбъ за хлѣбъ, а пересторожу ведро вина; не пойманъ — не воръ, не уличена — не гулява. Права собственности уже достаточно ясны, имъ положенъ предѣлъ: чей берегъ, того и рыба, чья земля — того сѣно. Воръ еще не бываетъ богатъ, бываетъ горбатъ; для него еще больше накладу, чѣмъ барыша; у воровъ не бываетъ каменныхъ домовъ. Но по мѣрѣ того, какъ рѣдѣетъ лѣсъ, пахатныя земли дѣлаются богаче, населеніе гуще, города людиѣе, селенія чаще,—понятія о воровствѣ и ворѣ, подчиняясь таковымъ явленіямъ, становятся на ту настоящую почву, на которой уже воръ да мотъ до вѣку не переводятся, гдѣ пословица «грѣхъ воровать да нельзя миновать» представляется во всей наготѣ и неотразимой правдѣ. Здѣсь уже грѣхъ заспать можно, здѣсь *десятая* вина виновата. Кругозоръ разумѣнія шире, уступчивость грѣху сильнѣе и самый грѣхъ не вызываетъ тѣхъ негодованій и отвращенія, которыя могли бы высказываться со старинною нетерпимостію и съ древними формами возмездія, на этотъ разъ уже и непригодными на практикѣ. Здѣсь уже распознали, что не воруетъ мальчикъ, а сами люди носятъ; здѣсь самъ отецъ благословляетъ дѣтокъ до чужихъ клѣтокъ: воръ воруетъ, а самъ горюетъ. Попуская оставаться сукну и овчинѣ у портного на ножницахъ, по тому же снисхожденію и способу, въ силу каковыхъ у развитыхъ людей и образованныхъ сословій зачитываются книги, умудренный житейскимъ опытомъ народъ кое-гдѣ продолжаетъ еще соблюдать правила старины, и понятія о воровствѣ имѣетъ по прежнему своеобразныя. Они бросаются въ глаза по своей

исключительности, но въ то же время въ массѣ понятій видится система, выработался общій законъ. Все то, къ чему не приложенъ трудъ и что̀ такимъ образомъ не представляетъ благопріобрѣтеннаго капитала — воровать не грѣхъ. Все барское съ тѣхъ самыхъ поръ, когда оно узаконено въ отдѣльную собственность, возбуждаетъ самый крѣпкій соблазнъ, подвергается преимущественнымъ нападеніямъ, наводитъ на грѣхъ кражи, какъ придорожный горохъ и рѣпа, съ крайнимъ подозрѣніемъ виновности и отвѣтственности передъ личною совѣстью. Все добытое трудомъ, убережонное уходомъ, выработанное личнымъ умѣньемъ и искусствомъ становится неприкосновеннымъ до границъ подозрительной собственности въ родѣ господской и поповской. За этой границей способность распознавать чужое отъ своего значительно слабѣетъ, виновность во грѣхѣ возрастаетъ; количество наказуемыхъ ссыльныхъ жертвъ укладывается въ опредѣленную систему, выражается ежегодными, непрерывными и непобѣдимыми цифрами. Цифры приходятъ въ обязательную подчиненность отъ тѣхъ законовъ, которые для всего народа становятся однообразными. Они одинаково всѣми исповѣдуются по той мѣрѣ, какъ цѣлостно сохраняется въ народѣ общинный складъ его жизни, народный смыслъ наталкивается на распознаваніе и разумѣніе того, что̀ создано Богомъ на службу и потребу людямъ, каковы земля, вода и воздухъ: словомъ, все то, чего люди не могутъ создать сами. Народъ не расходится въ этомъ отношеніи съ тѣмъ, что̀ вѣками укрѣплялось въ сознаніи съ самыхъ древнихъ временъ, когда Богъ устами законодателя Моисея сказалъ всѣмъ людямъ: «земля бо моя есть, вы же на ней пришельницы есте» и что̀ подтверждено Екатериною II въ земскихъ постановленіяхъ Россіи. Считая землю за *средство* къ работѣ и не сомнѣваясь въ *правахъ* на нее, народъ (испытавшій на себѣ, что и съ *правомъ* на работу, можно умереть съ голоду безъ *средствъ*) съумѣлъ достаточно укрѣпиться въ той мысли, что тамъ, гдѣ не приложено силъ, не выказалось прилежаніе — слабо право собственности, подозрительна грѣховность въ нарушеніи его. Рубка чужого лѣсу представляется такимъ образомъ самымъ законнымъ способомъ пользованія на домашнюю потребу, и повсемѣстно въ цѣлой Россіи выразилась фактомъ, для уничтоженія котораго еще до сихъ поръ не придумано

не только вѣрныхъ, но и приблизительныхъ средствъ. Самовольныя порубки — грѣхъ повсюдный, развитіе его не остановили и такія мѣры, какова ссылка за заповѣдные казенные лѣса, которая такимъ образомъ остается при одномъ правѣ ежегодно повторять старую истину и ежегодно не достигать никакихъ полезныхъ результатовъ *). Неосторожные и чаще другихъ попадавшіеся, глубже и сильнѣе другихъ убѣжденные въ безсиліи грѣха, эти жертвы этого общаго всей Россіи прегрѣшенія значительно дополняютъ и оправдываютъ цифру ссыльныхъ въ Сибирь за воровство-кражу.

Но на тѣхъ же основахъ древняго быта, при мало-измѣненной обстановкѣ старинныхъ пріемовъ и вѣрованій, выродился и уберегся до нашихъ дней въ сельскомъ быту, живучій и злобный типъ недоброхота чужого имущества, извѣстный подъ именемъ *вѣдомаго вора*. Рѣдкая мѣстность Россіи (изъ людныхъ и бойкихъ) не испытываетъ всѣхъ неблагопріятныхъ послѣдствій отъ такого явленія, не пахо-

---

*) Но въ тѣхъ же лѣсахъ, подъ охраной неписанаго закона, но домашняго обычая, стоятъ въ неприкосновенной цѣлости, какъ бы зачурованные заговоромъ: борти для пчолъ, силки по путикамъ для звѣрей, въ рѣдкихъ случаяхъ охраняемые какой нибудь тамгой (штемпелемъ), свидѣтельствующей объ имени владѣльца. Ничто съ такой строгостью не наказывается деревенскимъ самосудомъ, какъ именно воровство этой заповѣданной добычи и предметовъ промысла: рѣчной рыбы, уловленной сѣтями и вынутой хищническою рукою, пчелиныхъ роевъ, переманенныхъ изъ чужого улья въ свой, или медовыхъ сотовъ, подрѣзанныхъ безъ спроса и въ недоброе время, и проч. Уличеннымъ и пойманнымъ на такихъ необычныхъ дѣлахъ, не было еще дано ни разу ни прощенія, ни снисхожденія ни въ сѣверной Россіи, ни въ Бѣлоруссіи, ни въ Сибири. Особенно ненавистно и нетерпимо воровство общиннаго имущества тамъ, гдѣ еще не умерщвлены основы общиннаго владѣнія землею и водою. На Уралѣ, у казаковъ уральскихъ о такихъ преступленіяхъ и слуховъ нѣтъ. Въ Сибири, при сліяніи р. Исети и Течи по наволокамъ, т.-е. по прирѣчнымъ кустарникамъ, въ обиліи ростетъ хмѣль—общественная собственность. Его міромъ отдаютъ на откупъ. До назначеннаго дня никто не смѣетъ рвать его,—иначе: виновному привязываютъ руки назадъ къ колесу, затѣмъ ругаютъ, плюютъ въ глаза и, опутавъ хмѣлевыми клечами, водятъ по толпѣ любопытныхъ. Помѣщичьихъ крестьянъ за порубку лѣсовъ и въ случаѣ негодности ихъ въ военную службу начали систематически ссылать въ Сибирь въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

дится въ страхѣ и опасности отъ злыхъ дѣяній и воровскихъ прегрѣшеній этого рокового и злого духа. Онъ, благодаря вліянію благопріятныхъ обстоятельствъ, умѣлъ продлить свое историческое существованіе и уберечь себя на текущее время въ замѣчательной неприкосновенности. Вся тайна его живучести заключается въ той наглости и дерзости, съ которыми производитъ онъ свой промыселъ и которыми доводитъ своихъ жертвъ до такого страха покорности, что при этомъ всякое противодѣйствіе неспособно выразиться достаткомъ силъ, не умѣетъ заручиться излишкомъ смѣлости и рѣшимости. Избыткомъ добычи, пріобрѣтенной воровскимъ промысломъ, вѣдомой воръ умѣетъ прикрывать свои слѣды и заслонять себя отъ предстоящихъ опасностей. Онъ становится внѣ всякихъ преслѣдованій, когда имѣетъ право сказать: «что̀ мнѣ законы, когда судьи знакомы!» Онъ, въ званіи и съ именемъ большаго вора (когда опирается въ промыслѣ на товарищахъ и вполнѣ зависящихъ отъ него соучастникахъ), становится тѣмъ безопаснѣе, чѣмъ счастливѣе на походахъ и на добычѣ. За что воришекъ бьютъ, то̀ ему съ рукъ сходитъ; когда малый воръ бѣжитъ, этотъ, большой воръ, лежитъ», — лежитъ, оберегаемый людскою оплошностью и нерѣшительностью, поощреніемъ подкупныхъ и корыстныхъ судей, лежитъ до тѣхъ поръ, пока самъ не зарвется, пока съ другой стороны не переполнится чаша терпѣнія. До тѣхъ поръ онъ — внѣ всякой опасности, потому что всѣ убѣжденія жертвъ его преслѣдованій сводятся на одно: съ сильнымъ воромъ тягаться не подъ силу, — вѣками дознано и многими тысячами опытовъ и примѣровъ доказано, что «воръ попалъ, а міръ пропалъ (поплатился), одинъ въ грѣхѣ — всѣ въ отвѣтѣ». Безнадежность эта тѣмъ сильнѣе и вѣрнѣе, что воръ вора терпитъ; воръ на вора не докащикъ.

Вѣдомой и большой воръ, начиная практику съ пріема краденого, съ потачки и попаровки мелкимъ воришкамъ, самъ выходитъ на дѣло, придерживаясь сначала деревенскихъ околицъ и клѣтей, и не задумывается потомъ встать на дорогу, чтобы здѣсь воровски разбивать, шапки снимать и встрѣчать изъ-подъ мосту проѣзжихъ. Обычные пріемы защиты — поклепы на людей неповинныхъ и подкупы людей сильныхъ; наиболѣе легкій предметъ для промысла и практи-

ки — крестьянскія лошади, и самая частая виновность — конокрадство. Этотъ видъ воровства — наиболѣе распространенное въ народѣ преступленіе, противъ котораго еще до сихъ поръ — какъ всѣмъ досконально извѣстно—не придумано еще никакихъ средствъ, несмотря на существованіе коммисаровъ по конокрадству. Передъ неодолимою силою зла пало это учрежденіе, и дѣятели сошли со сцены побѣжденными, проживши свой недолгій вѣкъ съ прозваніемъ отъ самаго народа конокрадами. И при нихъ, какъ и до нихъ и послѣ уцѣлѣли такія мѣста, гдѣ что̀ ни дворъ, то̀ воръ и что̀ ни годъ, то̀ огромныя толпы неисправленныхъ воровъ и мошенниковъ, которые съумѣли осилить всякое возможное теріѣніе, перейти всѣ степени и рубежи, и добиться до тѣхъ печальныхъ результатовъ, которые оканчиваются лишеніемъ правъ состоянія, дальной ссылкой и всякаго рода злоключеніями. Тобольскія табели не умѣютъ распознавать воровъ по родамъ ихъ промысла, и по степени ихъ преступности, но, принимая воровъ изъ крестьянъ и мѣщанъ, несомнѣнно вносятъ въ эту графу большое число конокрадовъ. Воры въ тѣсномъ смыслѣ похитители безъ разбора всего того, что̀ попадаетъ подъ руку и что̀ плохо лежитъ—составляютъ исключительную особенность городовъ. Конокрады — прозябеніе городовъ и преимущественные обитатели тѣхъ мѣстностей, гдѣ группируются конные торжки, и въ большомъ множествѣ гнѣздятся въ мѣстахъ, ближайшихъ къ спеціальнымъ (коннымъ) ярмаркамъ. Нѣкоторыя мѣстности успѣли сдѣлаться привиллегированными, и ремесло за долгое существованіе умѣло приготовить такихъ ловкихъ мастеровъ, что изъ-подъ тебя кобылу украдутъ—говоря словами народной поговорки. Тѣ же поговорки отчасти указываютъ и на мастеровъ этихъ, рекомендуя сыскать у татарина кобылу и, говоря про торопчанина, что онъ лошадь купилъ, а цѣну забылъ. Цыганъ давно уже выговорилъ, что краденая кобыла не въ примѣръ дешевле купленой обходится. Между конокрадами русскими, наиболѣе всѣхъ другихъ выдавалось, между прочимъ, одно изъ пермскихъ имѣній гр. Строгоновой, въ которомъ конокрады пользовались наибольшею славою и самое воровство этого рода производилось въ изумительныхъ размѣрахъ (особенно въ теченіи 1844, 45 и 46 годовъ). Въ Уфимскомъ уѣздѣ, въ томъ уголкѣ, который сме-

женъ съ Белебеевскимъ, деревня Каргала густо населенная князьями и мурзами (1200 душъ) по настоящее время представляетъ гнѣздо конокрадовъ, наводящихъ страхъ и трепетъ на всѣ окрестныя деревни. Башкиры воруютъ безъ разбора и у своихъ единовѣрцовъ кочевыхъ, безбожно раззоряютъ и русскихъ крестьянъ. Таскаютъ лошадей, таскаютъ и овецъ. Лошадей крадутъ десятками у кочевыхъ и единицами у осѣдлыхъ, угоняя добычу въ далекія страны. Выкупъ лошадей хозяевами за высокую цѣну—одинъ изъ тѣхъ обычаевъ, который полагается неизбѣжнымъ и обязательнымъ (за одну рублей до 30—40). Отдается лошадь въ какомъ либо лѣсу или въ глухомъ оврагѣ. Лошадь приводится 4-5-ю вооружонными людьми съ кинжалами и пистолетами; обворованный, сверхъ денегъ, приноситъ вино. Одинъ даетъ ему оплеуху, другой стрѣляетъ надъ его головой и выговариваетъ угрозы, если тотъ вздумаетъ хлопотать и жаловаться. Угрозы превращаются въ дѣло немедленно и паническій страхъ поддерживается въ народѣ. Прекращонное въ одномъ мѣстѣ, конокрадство перекочовывало цыганскимъ и татарскимъ способомъ въ другое, и на практикѣ конокрадовъ изъ русскаго племени производится шайками, гдѣ два вора въ одну руку играютъ, и гдѣ каждый мастеръ—по словамъ народнаго приговора—изъ плута кроенъ, мошенникомъ подбитъ, каждый еще сверхъ плута на два фута, каждый умѣетъ свинью продать за бобра, каждый обуетъ и розуетъ. Иногда прикрываются они какимъ-нибудь благовиднымъ и невиннымъ ремесломъ и, шатаясь, напримѣръ, по деревнямъ швецами, въ сущности тѣ самые опасные мастера, которые (по словамъ поговорки) день сидятъ съ иглой, а ночью съ обротью (т.-е. уздой или недоуздкомъ), и во всякомъ случаѣ та опасная корпорація людей, которой боится народъ, какъ огня, зная, что здѣсь воръ по ворѣ и каблукъ кроетъ. На конныхъ торжкахъ и ярмаркахъ онъ является подъ охраной и защитой барышниковъ и перекупней, такихъ же плутовъ, что и на кривыхъ оглоблях на кривой кобылѣ не объѣдешь. Если конокрадъ смѣло и ловко крадетъ, то барышникъ еще лучше концы хоронитъ, и на этотъ разъ дѣйствуетъ также стачкой; въ шайкѣ умѣетъ подъѣзжать съ алтыномъ подъ полтину, клянется и божится; лясы точитъ—людей морочитъ, и даже самъ себѣ «безъ божбы не вѣритъ».

На такихъ рукахъ и при такихъ условіяхъ конокрадство одно изъ золъ, трудно поправимыхъ, потому что въ самомъ народѣ находитъ много питательныхъ матеріаловъ, и служители зла, столько многочисленные, потому и сильны, что не всякій обиженный рѣшается доказать на нихъ. Изъ боязни мщенія и преслѣдованій, въ разсчотѣ на горшее зло, народъ подошолъ къ прямому и неизбѣжному заключенію: «Пропадай собака и съ лыкомъ, лишь бы не судиться». Воровство такого рода продолжаетъ собирать шайки вездѣ тамъ, гдѣ не существуетъ обычая содержать пастуховъ, сколько за недостаткомъ свободныхъ рукъ (въ мѣстностяхъ, существующихъ отхожими промыслами), столько же и по отдаленности пастбищъ (какъ напр. во всѣхъ нашихъ лѣсныхъ губерніяхъ). Придерживаясь торговыхъ конныхъ центровъ, конокрады потому и прочны, что ведется повсемѣстный на Руси обычай мѣняться лошадьми и, стало быть, представляется полная возможность быстраго перехода краденой лошади черезъ многія руки, тѣмъ болѣе, что народъ продастъ лошадей безъ всякихъ свидѣтельствъ. Въ такихъ случаяхъ, даже и перекраски, и подтасовки не нужно, не нужно тѣхъ многосложныхъ аптекъ, какими обычно обставляются столичные барышники—дѣятели тамошнихъ конныхъ площадей. Здѣсь на мѣсто воровства самаго грубаго вида является легкое и утонченное мошенничество. Въ степяхъ, у кочевыхъ народовъ, конокрадство принимаетъ форму грабежа, даже разбойничьяго набѣга; киргизская баранта является уже характерною особенностью племени, ищущаго показать свою удаль во славу отцовъ, въ отмщеніе за обиду или по степному вдохновенію надъ зазѣвавшимся или болѣе слабымъ кочевымъ родомъ. Такъ извѣстна ссылка въ Сибирь башкиръ и мещеряковъ наиболѣе подозрительныхъ изъ 196 человѣкъ—жителей уѣздовъ Троицкаго и Челябинскаго, не погодившихся въ военную службу.

Въ девять лѣтъ (съ 1838 по 1846) за оба вида воровства (кражу и мошенничество) сослано въ Сибирь изъ Росссіи 13,180 мужч. и 2,186 женщ.*). Въ этой цифрѣ по проценту сосланныхъ наиболь-

*) Съ предъидущими 11-ю годами (съ 1827 г.), т. е. за 20 лѣтъ, цифра эта возрастаетъ до 41,666 челов. (35,416 мужч. и 5,250 женщ.). До 1781 г.

шее количество ссыльныхъ принадлежитъ губерніямъ Новороссійскимъ,—молодой странѣ, еще не установившейся, еще организуемой новыми пришельцами въ видѣ бездомныхъ бродягъ, бѣглыхъ голышей, явившихся искать здѣсь счастія. За ними слѣдуютъ изъ губерній, уже искушонныхъ въ житейскомъ опытѣ, а между прочимъ, изъ населенныхъ татарскимъ племенемъ, склоннымъ къ конокрадству (Казанская и Симбир.). Нѣсколько меньше первой и больше второй шло воровъ изъ Бессарабской области — преимущественнаго гнѣздилища цыганскаго племени, откуда народъ этотъ, какъ саранча, не такъ давно выходилъ на промыселъ съ грабежомъ по сосѣдству*), и съ обманомъ на всякую руку по цѣлой Россіи вплоть до отдаленной Вятки. Между ними съ высокимъ процентомъ воровства встали обѣ губерніи столичныя (С.-Петербургская и Московская), виновность которыхъ прямымъ образомъ зависитъ отъ самихъ столичныхъ городовъ. Губерніи Пермская и Оренб., само собою, не могли встать дальше другихъ по исключительности своего населенія инородческаго (въ особенности Башкиръ) и русскаго, дурно обезпеченнаго (заводскіе и фабричные). Наименьше запутались въ воровствѣ губерніи бѣлорусскія и сѣверныя, между которыми Олонецкая—наиболѣе другихъ

высылка воровъ была обильная, ссылали всякого вора безъ различія степеней и видовъ воровства, присуждая къ кнуту и къ ссылкѣ. Екатерининскій наказъ разобралъ дѣло съ большимъ вниманіемъ и нашолъ болѣе удобнымъ и справедливымъ населять Сибирь тѣми ворами, которые пожились имуществомъ, превосходящимъ стоимость ста руб. асс. и всѣми, которые повторили кражу и ниже ста руб., начиная съ 20 р. асс. Но и на этотъ разъ, цѣли Петра I, стремившагося къ пополненію армій ворами и бродягами не утратили своей силы: въ Сибирь шли еще неисправимые воры, не погодившіеся въ военную службу. Жалобы главнокомандующихъ арміями на деморализацію войска вызвали указъ 1821 года (11 іюля), по которому такихъ воровъ стали прямо направлять въ Сибирь. Въ 1823 году запрещеніе пріема въ военную службу воровъ ограничено было тѣмъ, что стали принимать не наказанныхъ рукою палача. Словомъ, теперь попали въ Сибирь за кражи, превосходящія цѣнность 30 руб. и за кражи меньшей цѣнности, но повторенныя нѣсколько разъ. При этомъ лица до 35 лѣтъ, годныя, отданы въ солдаты, либо помѣщены въ арестантскія роты.

*) Городъ Елизаветполь въ началѣ нынѣшняго столѣтія выдержалъ отъ нихъ правильную осаду съ требованіями капитуляціи.

добродѣтельна *). По отношенію ко всѣмъ другимъ губерніямъ Россіи, гдѣ потребности шире, а средства къ удовлетворенію ихъ ограниченнѣе, количество ссылаемыхъ за воровство возростаетъ заурядъ съ большею или меньшею количественностью общаго числа жителей. Какъ удалось выдаться изъ общаго числа другихъ двумъ столичнымъ, такъ наиболѣе выдаются также и тѣ, гдѣ крѣпостная жизнь направлялась наибольшимъ количествомъ владѣльцовъ (Пензен., Рязан., Калуж., Смолен., Яросл., Черниг.). Въ Малороссійскихъ преобладало наибольшее число ссыльныхъ женщинъ. Явленіе это естественнымъ образомъ вызывалось общимъ закономъ всего человѣчества, по которому, исторія воровства становится въ то же время исторіею пороковъ и другихъ страстей человѣка, служа одинаково и исторіею его несчастій и слабостей. Нужда, лишенія, житейскія неудачи, если не оправдываютъ кражи, учиненной съ ущербомъ для другого, то во всякомъ случаѣ объясняютъ и ослабляютъ значеніе этого рода преступленій; случается, что сами судьи оправдываютъ въ душѣ это преступленіе. Особенно это важно по отношенію къ столицамъ, какъ пунктамъ, наиболѣе привлекающимъ къ себѣ охотниковъ улучшить свое состояніе.

Обстоятельствъ, порождающихъ воровство, много, и хотя чрезвычайно рѣдки случаи, чтобы честныхъ людей наталкивали на этотъ грѣхъ нищета и лишенія, но тѣмъ не менѣе, въ послѣднихъ бѣдахъ—

**) Губерніи встали въ такомъ порядкѣ (за 20 лѣтъ):

Пермская	1,427	мужч.	193	женщ.
Казанская	1,354	»	137	»
Оренбургская	1,272	»	92	»
Симбирская	1,261	»	78	»
Кіевская	1,218	»	212	»
Саратовская	1,137	»	111	»
Московская	1,170	»	93	»
С.-Петербургская . . .	866	»	170	»
Херсонская	735	»	184	»
Бессарабская	791	»	58	»
Екатеринославская . . .	765	»	96	»

Изъ Арханг. воровъ выслано: 80 муж., 32 жен.; изъ Олонецкой 32 муж., 8 женщ.

десятки, сотни причинъ, самыхъ разнообразныхъ и неожиданныхъ. Неожиданности эти тѣмъ чаще, чѣмъ сильнѣе становится безвыходность и безнадежность житейскаго положенія. Не только люди, не разъ обманутые въ жизни, потерявшіе всякую вѣру на улучшеніе своего положенія, дѣлаются жертвами этого порока, но даже и тѣ, для которыхъ не померкъ лучъ надежды, которымъ дорога и въ которыхъ сильна еще вѣра, — и такіе люди поддаются соблазну, и для нихъ не закрыты пути къ гибели. Большіе города, въ особенности, много порождаютъ жертвъ подобнаго рода, привлекая массы искателей работъ. Всякій надѣется имѣть успѣхъ, а надежда, столь свойственная человѣческому сердцу, заставляетъ эти массы покидать семейства для торговли, промысла, для государственной службы. Пришедшій ищетъ протекція, проводитъ время въ поискахъ людей вліятельныхъ, въ хожденіяхъ за справками. Между тѣмъ, маленькія средства, принесенныя изъ дому, мало-по-малу истощаются. Поденная работа за скудную плату на нѣкоторое время удаляетъ опасность. Временная помощь только обманываетъ: лишенія становятся ощутительнѣе по мѣрѣ того, какъ заработокъ удовлетворяетъ только сегодняшнимъ нуждамъ, и не позволяетъ произвести сбереженій на будущія. Бѣднякъ испытываетъ голодъ, закладываетъ необходимыя вещи: онъ еще при надеждахъ и далекъ отъ паденія, но часъ его приближается. Какъ только препятствія и злосчастія преодолѣли чувство гордости и самоуваженія, бѣднякъ превозмогаетъ стыдъ и обращается за помощью къ частной благотворительности. Но эта помощь, имѣя узкіе предѣлы, скоро прекращается. Домой возвращаться — не зачѣмъ: тамъ не лучше. Впереди—только лишенія, препятствія, несчастія, и въ то же время, какъ бы на зло, передъ глазами тысячи людей, пользующихся богатствомъ и всѣми благами жизни. Бѣднякъ задается сравненіемъ,—и сравненіе это унижаетъ его, оскорбляетъ, приводитъ въ отчаяніе. Въ умѣ зарождаются пагубные замыслы, желаніе мстить обществу. Бѣднякъ, подъ гнетомъ такихъ мыслей, дрожитъ, отступаетъ при мысли о безчестіи, но, забиваемый нуждой и увлекаемый ея непобѣдимой силой, онъ, наконецъ, уступаетъ и становится преступникомъ. Голодный — по пословицѣ—и архіерей крадетъ.

Большіе города, и въ особенности столицы, отогрѣваютъ еще но-

вый видъ воровства, называемый мошенничествомъ, которое также совершается умышленно съ признаками несомнѣннаго обмана. На низшей ступени стоятъ тѣ изъ мошенниковъ, искусство которыхъ состоитъ въ ловкости и гибкости рукъ. По отношенію къ людямъ они безукоризненны и пользуются только тѣми вещами, которыя носятъ люди, а потому ихъ обыкновенно называютъ карманниками (жуликами въ Москвѣ, мазуриками въ Петербургѣ). Шайки ихъ небольшія, но онѣ съ изумительною ловкостью умѣютъ сновать въ толпѣ, и дни воскресные и праздничные—для нихъ дни работы. Нѣтъ тѣсноты, они нарочно производятъ ее, бросаютъ въ толпу разныя запугивающія объявленія, чтобы, пользуясь смятеніемъ и напоромъ, легче очищать карманы; вещи срываютъ или вытаскиваютъ, производя встрѣчный толчокъ, за который вѣжливо извиняются. Дѣятельность ихъ хотя и мелка, но чрезвычайно разнообразна. Процедура расправы и суда была извѣстная: обвинителей безпокоили распросами и показаніями; вору позволяли играть всевозможными способами увертокъ; а потому воры въ ссылкѣ нисколько не характеризуютъ этого промысла во всемъ его широкомъ развитіи. Сибирская цифра не служитъ мѣриломъ. Мошенника, по недостатку уликъ, либо освобождали, либо, послѣ полицейскаго наказанія, снова оставляли на свободѣ приниматься опять за старое ремесло; въ лучшихъ случаяхъ мошенника, судя по цѣнности уворованнаго, предавали суду, гдѣ зачастую онъ отдѣлывался запирательствомъ или бѣжалъ. По приговору его иногда оставляли въ сильнѣйшемъ подозрѣніи, но выпускали на волю; въ худшемъ случаѣ высылали на родину. Здѣсь мошенникъ бралъ новый паспортъ и радовалъ столичную братію — товарищей по ремеслу—своимъ внезапнымъ возвращеніемъ. Снова вынималъ платокъ, табакерку,—попадался съ поличнымъ, хозяинъ вещи хваталъ за руку, хотѣлъ передать въ руки правосудія, но никого нѣтъ возлѣ, зрители не пособляютъ и свидѣтели не объявляются изъ боязни таскаться по чужому дѣлу. При такихъ условіяхъ воровство быстро возростало: въ 1842 г. серьозная опасность отъ мошенниковъ въ Петербургѣ вызвала особую комиссію, желавшую обозрѣть это дѣло во всей подробности. Комиссія получила оффиціальную цифру: узнала, что на три первые мѣсяца 1842 года случилось по 5 и 6 кражъ, въ теченіи

слѣдующихъ отъ 12 до 14, а въ теченіи трехъ послѣднихъ отъ 30 до 40, но увѣрилась, что эта цифра не давала не только истиннаго, но и приблизительнаго понятія. Изъ числа 326 кражъ, о которыхъ донесла полиція, только по 50 сдѣлано кое-какое открытіе и возвращена весьма незначительная часть украденнаго. Изъ украденныхъ у одной мѣщанки 2178 руб. отыскано не болѣе 137; изъ украденныхъ у одного купца слишкомъ 22 тыс. найденъ былъ только билетъ на 700 руб., а послѣ третьей покражи у второго купца 19 тыс. возвращена была одна только пустая шкатулка. Изо всѣхъ покражъ на 357 т. отыскано было только на 18 тыс. При такихъ поощреніяхъ, упущеніяхъ и просторѣ воровство разыгралось, но слѣдствіе дало возможность узнать кое-что объ этомъ ремеслѣ. Вотъ нѣсколько болѣе характеристическихъ чертъ:

Воры столичные являются въ трехъ видахъ: карманниками, уличными и барышниками. Карманники — на сборищахъ, начиная отъ театровъ и маскерадовъ до церквей въ праздничные дни; временами, (говоря ихъ же байковымъ языкомъ) на задѣльяхъ (свадьбахъ) и уборкахъ (похоронахъ). Мѣста наибольшей поживы: площади на масляницѣ и пасхѣ и церкви въ великомъ посту: 9 недѣль въ году— время особенно-обильной жатвы (шубы и салопы причастниковъ, деньги и карманныя вещи гуляющихъ). Въ тѣснотѣ густой толпы они налегаютъ сзади, невинно уставивъ глаза впередъ и жалуясь на тѣсноту. Часы отрѣзываютъ, въ тѣснотѣ — отрываютъ, ловко свертывая колечко часовъ съ тоненькаго и слабаго шпенечька; у военныхъ на глухо застегнутыхъ приподнимаютъ кончикъ полы и, подставивъ руку, вытряхиваютъ карманныя вещи; подобная ловкость помогаетъ и при операціяхъ надъ людьми во фракахъ. Иногда кромѣ ловкости въ этихъ случаяхъ требуются и хлопоты: нерѣдко вырѣзаютъ карманъ снаружи во всю длину его. У женщинъ серьги вырываютъ, у мущинъ срываютъ цѣпочки съ такою быстротою, что рука только мелькаетъ, но взглядъ на подозрѣваемаго всегда встрѣчаетъ благоприличнаго человѣка, котораго и заподозрить опасно. Такіе никогда и не ходятъ безъ товарищей. Выслѣдивъ добычу, воръ тихо скажетъ: «трёкай!»—и толкотня начнется локтями, за ней въ разныхъ мѣстахъ счоты и ссоры за толчки: вода замутилась и рыба клевать

начала. Главное искусство здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы во время замѣтить слѣдящихъ и сказать: «стрема» (берегись) и успѣть и умѣть перетырить, т. е. украденную вещь передать. Оттого-то пойманный воръ на мѣстѣ и шумливъ, и требователенъ, и обидчивъ («обыщите!»), хотя въ сущности онъ только ловокъ и обладаетъ изумительною сноровкою — привиллегіею ремесла. Случается, что воры кидаются на обворованнаго, хватаютъ за воротъ, тащатъ въ полицію и отстаютъ, получивши отступное за безчестіе. Наглость мошенниковъ доходитъ до того, что пріемщикъ самъ шепчетъ на ухо обворованному, что у него украли вещь и указываетъ на вора, завязываетъ шумное объясненіе, а самъ тѣмъ временемъ скрывается. Иные плачивали потомъ нѣсколько рублей, чтобы только отбиться отъ вора. Эти воры—пріемщики всегда отличаются замысловатыми карманами, занимающими все пространство между верхомъ и подкладкой платья и способными вмѣстить дюжины платковъ и фуражекъ. Искусству своему мошенники-карманники также учатся съ малолѣтства. Бывали примѣры, что мальчики 12—13 лѣтъ содержали ремесломъ своимъ цѣлыя семейства. Мальчикамъ воровать легче: что съ него взять? выдерутъ за уши—и отпустятъ. Жулики (т. е. мальчишки), по правиламъ воровскаго товарищества, не смѣютъ работать сами по себѣ, а обязаны отчотомъ старшимъ и получаютъ отъ нихъ извѣстную долю. Для рекогносцировокъ нерѣдко употребляются дѣвочки. Комнатные воры подкупаютъ слугъ, являются въ видѣ посланныхъ отъ знакомыхъ; оставленные въ дверяхъ ключи вынимаютъ вертуномъ (особымъ инструментомъ); простымъ крѣпкимъ долотомъ отпираютъ почти всякую дверь такъ, что никто даже днемъ не услышитъ. Пойманные за дверями умѣютъ притворяться безчувственно-пьяными. Опытные изъ этихъ воровъ, прежде чѣмъ забраться въ комнаты, старательно узнаютъ привычки хозяевъ, часы, когда они не бываютъ дома и предметы кражи, которые могутъ быть наиболѣе выгодны. Въ подражаніе почти всѣмъ ворамъ они дѣйствуютъ группами отъ 3 до 4 человѣкъ, и проч.

Уличные воры кидаются внезапно, ищутъ зѣваку захватить врасплохъ, стараются оглушить его сильнымъ ударомъ по головѣ или по затылку, а потомъ быстро обыскать и поспѣшно раздѣть. Выходятъ

вдвоемъ и втроемъ, разсчитывая на пустыя мѣста и на отсутствіе свидѣтелей, которые впрочемъ поражаютъ больше равнодушіемъ, чѣмъ готовностію на помощь. Дворникъ боится волокиты, извощикъ спѣшитъ ускакать, лавочникъ рискуетъ потерять мѣсто за оговоръ воромъ въ томъ, что покупалъ краденое. Эти воры опаиваютъ дурманомъ; подъ видомъ земляковъ предлагаютъ услуги постеречь лошадей деревенскихъ простаковъ, и проч.

Барышникъ (по музыкѣ *мышокъ*) иногда даетъ мошенникамъ впередъ задатки и потомъ наблюдаетъ, стоя или расхаживая на условныхъ мѣстахъ. Добычу, выносимую имъ, подхватываютъ и часто вырываютъ ее другъ у друга изъ рукъ, ломая часы и театральныя трубки, разрывая по поламъ платья. Украденныя вещи, въ особенности шубы, продаютъ по частямъ (отдѣльно рукава, воротники, верхъ и мѣхъ; бѣлье — по штучно (это называется переиначить). Сбываютъ частію здѣсь, частію въ другихъ городахъ.

Продажа воровскихъ вещей въ 1842 г. была распространена на улицахъ до изумительной степени. Она породила даже особенный видъ мошенничества: подъ видомъ и предлогомъ воруванныхъ (т. е. хорошихъ) отдавали поддѣльныя. Ворамъ пособляли лихачи-извощики, получая отъ 25 до 100 руб. за ночь. Полиція потворствовала, медлила розысками и бездѣйствовала наблюденіями; пойманнаго или приведеннаго вора отпускали. Отдѣлывались замѣчаніями, выговорами. Воры продолжали весело жить въ притонахъ—грязныхъ ямахъ, по гривнѣ мѣди за ночлегъ, и отличаться общимъ свойствомъ всѣхъ промышленниковъ легкаго заработка — расточительностію. Все свободное время они проводятъ въ трактирахъ. Никогда не богатѣя (богатѣютъ пріемщики), хотя нѣкоторымъ удавалось производить кражи на нѣсколько тысячъ и хотя нѣкоторые организовались въ общества, которые вели доходамъ и расходамъ счоты. При дѣлежѣ добычи въ организованныхъ шайкахъ существовали слѣд. правила: жуликъ (ученикъ) отъ малоцѣнной вещи пользуется половиной, отъ цѣнной — третью; всякій помощникъ или товарищъ половиной; простой зритель $^1/_4$, а иногда и $^1/_3$. Гдѣ есть атаманы, тамъ и они получаютъ свою часть. Кромѣ того, по разнымъ случаямъ, дѣлаютъ раскладку, напр. выкупать попавшагося товарища. Кто прежде участвовалъ съ

нимъ, — жертвуетъ всѣмъ, что достать можетъ. Въ настоящее время Петербургъ можетъ уже похвалиться тѣмъ, что на воровское ремесло и въ немъ, по образцу Парижа и Лондона, стали пускаться дѣти, образуя изъ себя шайки (какъ объяснилось это въ недавнее время).

На высшей ступени лѣстницы мошенничества стоятъ тѣ ловкіе и искусные мошенники, которые, благодаря приличной одеждѣ и изящнымъ манерамъ, обращаются съ людьми высшихъ слоевъ общества. Эти посѣщаютъ балы по подпискѣ, спектакли, концерты, кабинеты и салоны. Они смѣются надъ тѣми ворами, которые ломаютъ замки и рискуютъ шумомъ. Безъ ломовъ, напорьевъ и поддѣльныхъ ключей они отправляютъ свое ремесло въ такомъ видѣ, что слѣдить за ними представляется великая трудность. Самое происхожденіе ихъ представляетъ оригинальныя особенности: если воровство преимущественно вербуетъ своихъ адептовъ въ низшихъ классахъ, то мошенничество зачастую отыскиваетъ дѣятелей въ высшихъ сферахъ общества. Извѣстнаго рода утонченность, ловкость, сноровка и прочія качества несовмѣстныя съ воровствомъ—грубымъ видомъ преступленій противъ собственности — всегда обязательны для мошенничества, которое тѣмъ неожиданнѣе, находчивѣе и поразительнѣе, чѣмъ чище вымыты руки, чѣмъ болѣе развита и завита голова. Если администрація меньше обращаетъ вниманія на порочные классы, чѣмъ на тѣ, въ которыхъ порокъ соединенъ съ развратомъ и нищетой, то это только потому, что порочный богачъ, расточающій свой избытокъ или даже часть своего состоянія на предосудительныя удовольствія, внушаетъ лишь жалость и отвращеніе. Но опытныя администраціи знаютъ, что лишь только подобные люди остаются безъ средствъ къ существованію и съ отвращеніемъ къ труду, воспитаннымъ прежнимъ обезпеченіемъ, они становятся опасными по наклонностямъ къ добыванію средствъ къ жизни легкими способами обмановъ, поддѣлокъ, разныхъ видовъ мошенничества. Наиболѣе благопріятными временами ихъ дѣятельности и появленія считаютъ времена финансовыхъ кризисовъ, мѣстами дѣятельности— большіе города. Здѣсь большая часть мошенниковъ происходитъ отъ богатыхъ и честныхъ родителей; они получили хорошее воспитаніе,

но не умѣли имъ воспользоваться. Съ малыхъ лѣтъ они погрязали въ порокѣ и послѣ многихъ приключеній обыкновенно отбиваются отъ родительскихъ домовъ, чтобы смѣшаться съ толпою негодяевъ, организоваться въ шайку, по примѣру извѣстной Москвѣ и Петербургѣ шайки такъ называемыхъ труболётовъ. Въ шайкѣ у нихъ происходятъ встрѣчи, производятся собранія; на сходкахъ они вооружаютъ другъ друга противъ общества. На счастливые случаи поимокъ они оказываются людьми, принадлежащими къ различнымъ сословіямъ безъ разбора, лишь бы только предполагалась извѣстная доля достатка и вѣроятіе утончонной и разносторонней порчи. Самыя симпатіи ихъ и мѣста дѣятельности сосредоточиваются на богатыхъ классахъ и въ той средѣ, гдѣ они родились и воспитались; ниже того они и не сходятъ и тамъ едва ли были бы состоятельны. Самый распространенный классъ, постоянно существующій и рекрутирующійся, является въ видѣ карточныхъ шулеровъ, поддѣлывателей духовныхъ завѣщаній и цѣнныхъ документовъ. Въ видѣ исключенія и болѣе рѣдкаго явленія, мошенники организуются въ шайки для дневнаго грабежа и преимущественно лицъ торгующихъ и богатыхъ, и тогда мошенничества ихъ отличаются поразительною изобрѣтательностію. Во всѣхъ случаяхъ, женщины являются пособницами и участницами, либо какъ приманка неопытныхъ и простодушныхъ людей, отличающихся слабостью къ прекрасной половинѣ человѣческаго рода, либо въ видѣ прямыхъ пособницъ, гдѣ женская хитрость имѣетъ наилучшее представительство, а наименьшая законная отвѣтственность является воспособляющею причиною. Не исключая того, что и этотъ классъ преступниковъ отличается расточительностію и самое пріобрѣтеніе добычи основывается ради ея, — во всѣхъ остальныхъ пріемахъ своихъ они мало чѣмъ отличаются отъ воровъ. Все преимущество ихъ заключается въ томъ, что они рѣже попадаются, ловчѣе хоронятъ концы и избѣгаютъ судебныхъ преслѣдованій.

Людей этихъ въ ссылкѣ не видятъ, и вообще наши судебные приговоры мало похвалятся успѣхомъ въ распознаваніи и умѣньѣ различать воровъ-мошенниковъ отъ воровъ-татей. Можетъ быть, оттого и занимающія насъ табели ссыльныхъ отказались раздѣлять

оба эти вида *). Нельзя такимъ образомъ опредѣлить ни мѣстъ, преимущественно вырабатывающихъ мошенниковъ, ни степень виновности одного столичнаго города передъ другимъ. Они отчасти выясняются для насъ въ поддѣлывателяхъ документовъ, въ похитителяхъ казеннаго имущества, въ контрабандистахъ, корчемникахъ и проч. Въ замѣнъ того, болѣе ясными признаками продолжаетъ обставляться преступленіе воровства въ широкомъ значеніи этого слова **).

Такъ наиболѣе развито воровство въ мѣщанскомъ сословіи; по общему проценту ссыльныхъ они занимаютъ самое видное мѣсто и обнаруживаютъ наклонность къ нарушенію правъ чужой собственности замѣтно сильнѣе, чѣмъ крестьяне. Причина очевидна изъ простого сопоставленія городской жизни съ соблазнами и деревенской съ условіями, болѣе благопріятствующими честному труду и непрерывной правильной работѣ. Мѣщанамъ уступаютъ въ воровствѣ даже солдаты, для которыхъ вѣроятіе стать преступниками подобнаго рода также довольно сильно вслѣдствіе крутого перехода изъ собственника въ казеннаго человѣка, у котораго сторонніе заботы о снабженіи ослабляютъ понятіе о своей и уваженіе къ чужой собственности. Несмотря на то, что солдаты только въ ограниченныхъ и рѣдкихъ случаяхъ наказываются за воровство ссылкою (а потому по сравненію

---

*) Намъ извѣстны эти раздѣленія на три года: Въ 1838 г. за воровство-кражу сослано 1,347 мужч., 264 женщ.; за мошенничество 27 мужч., 1 женщ. Въ 1839 году за кражу 1,593 мужч., 218 женщ ; за мошенничество 41 мужч., 8 женщ. Въ 1840 году за кражу 1,623 мужч., 272 женщ.; за мошенничество 13 мужч., 3 женщ.

**) Конечно, тобольскія табели точно такимъ же образомъ неспособны подкрѣпить подробныя характеристики воровства въ зависимости, напримѣръ, отъ временъ года. Оно, какъ извѣстно, усиливается на осеннее время; многочисленные случаи воровства въ началѣ зимы слабѣютъ на весенніе мѣсяцы, и на лѣтнее время значительно упадаютъ. На это обстоятельство главнымъ образомъ дѣйствуютъ увеличеніе и уменьшеніе дней и ночей: большая или меньшая продолжительность ночей усиливаетъ или ослабляетъ количество кражъ. Осень—когда люди горохъ молотятъ, а воръ замки колотитъ—самое благопріятное время, исключая можетъ быть одного только мошенничества, которое дѣйствуетъ по своимъ законамъ и въ сферѣ собственной обстановки, во всякое время года.

съ ними въ сибирской цифрѣ перевѣсъ на сторонѣ солдатокъ), воровство въ солдатскомъ сословіи одно изъ господствующихъ и рѣзко выдающихся на глаза преступленій *). Для доказательства у народа имѣется значительный запасъ пословицъ, притчей, сказокъ и присказокъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что солдатъ и добрый человѣкъ, да плащъ его хапунъ: шинель постель, шинель кошель, а руки — крюки (что́ зацѣпилъ, то́ и потащилъ). Здѣсь воровство выразилось также повѣрьемъ (съ постою хоть ложку деревянную, а украсть что-нибудь надо; солдата за все бьютъ, только за воровство не бьютъ), и солдатскіе проступки этого рода также нашли въ народѣ оправданіе (солдатъ не укралъ — просто взялъ; ему не грѣхъ поживиться: не украсть, такъ и взять ему негдѣ).

Такимъ образомъ, по всѣмъ сословіямъ русскимъ и по общему количеству приговоренныхъ въ ссылку за воровство — этотъ видъ преступленія занимаетъ вездѣ первое мѣсто (съ тою разницею для духовенства, что въ этомъ сословіи на первое мѣсто всталъ тотъ спеціальный видъ воровства, который называется святотатствомъ). По процентному отношенію, наибольшая наклонность къ нарушенію правъ чужой собственности выразилась въ сословіяхъ, слабѣе другихъ упрочившихся и обезпеченныхъ условіями быта: на первомъ мѣстѣ встали дворовые, за ними жители городовъ или мѣщане съ той непреоборимой послѣдовательностью фактовъ, что и евреи — исключительные жители городовъ и непремѣнные мѣщане — на воровствѣ представляютъ главнѣйшую особенность, самую характерную черту и сильнѣйшую наклонность **).

*) Вслѣдствіе особенностей уложенія о наказаніяхъ для военныхъ, процентъ сибирскихъ ссыльныхъ воровъ изъ солдатъ очень малъ и такимъ образомъ еще болѣе ослабляется значеніе сибирской цифры по вопросу о воровствѣ въ соединеніи также и съ тѣмъ, что за маловажныя кражи наказываютъ въ Россіи рабочими домами.

**) Изъ различныхъ видовъ крестьянскаго сословія однодворцы по проценту высланныхъ въ Сибирь за кражу, превышаютъ всѣ другія сословія. Между женщинами, какъ воровки — примѣтны на первомъ мѣстѣ дворовыя; на второмъ солдатки. Между ссыльными за всѣ роды преступленій, сосланныя за воровство женщины составляютъ $^1/_5$ часть всего числа (воры-мужчины, противъ общаго числа ссыльныхъ мужчинъ, составляютъ $^1/_4$ часть).

На мѣстахъ ссылки всѣ эти условія измѣняются, отношенія спутываются и результаты болѣе характерные примѣтны только въ томъ, что у ссыльныхъ воровъ нетолько не отнято право увлекаться новыми соблазнами на кражу, но заданы еще и другія мудреныя житейскія задачи. На первыхъ шагахъ—долговременная и послѣдовательная порча по тюрьмамъ, какъ такимъ заведеніямъ, гдѣ отбирается нажитая собственность, замѣняемая скудною казенною, и затѣмъ постоянно и настойчиво внушаются увѣренія въ безправности ссыльныхъ на всякую собственность. Для присужденныхъ на каторгу увѣренія эти преслѣдуются во всю жизнь ихъ на работахъ, а потому пересыльныя тюрьмы въ частности, а каторжныя въ особенности, такія общины, гдѣ воровство уже не проступокъ, гдѣ воруютъ всѣ поголовно, не распознавая товарищескихъ вещей отъ своихъ. По словамъ сибирской поговорки, измышленной въ самыхъ тюрьмахъ: «арестантъ ѣстъ прошеное, носитъ брошеное, живетъ краденымъ». Для поселенцовъ, куда наибольше поступаютъ сосланные за воровство, бытовыя условія представляютъ болѣе умягченную форму, но запутываютъ ихъ въ новыя условія, неблагопріятныя для честнаго житья, благопріятныя для безчестнаго промысла воровствомъ. Вотъ причина, почему сибирскими старожилами произнесенъ безапелляціонный судъ надъ поселенцами, выразившійся въ такой несокрушимой правдѣ-пословицѣ: «поселенецъ, что младенецъ, что̀ видитъ, то̀ и тащитъ», и «хоть того лучше посельщикъ — не вѣрь ему!» Въ бѣгахъ и на волѣ ссыльный только тѣмъ и живетъ, что украдетъ: «не украдешь—не проживешь». Въ Сибири укрѣпилось даже такое повсюдное, всенародное убѣжденіе, что болѣзнь воровства въ Россіи — хроническая: сколько десятковъ лѣтъ въ пришлыхъ новыхъ людяхъ Сибирь не видитъ людей путныхъ, а въ недавніе, послѣдніе годы, еще сильнѣе укрѣпилась въ своемъ убѣжденіи, когда новые поселенцы на Амуръ (штрафные солдаты) прошли во всю длину страны, какъ бы голодное Мамаево войско, со всѣми явленіями опустошительнаго набѣга. Въ окрестностяхъ нѣкоторыхъ каторжныхъ заводовъ воровство укрѣпляется обычаемъ и возбуждаетъ соблазнъ даже въ тѣхъ ссыльныхъ, которые не хотятъ идти на воровство въ бѣгахъ и бродяжествѣ. Чтобы сдѣлаться коннымъ рабочимъ, т.-е. получать бо̀льшій плакатъ,

ссыльные крадутъ чужихъ лошадей и съ ними являются къ начальству, хорошо знающему пути и средства добычи, но равнодушному къ этому злу, какъ къ неизбывному и издавна укоренившемуся. Воровство золота на промыслахъ, вина, соли, желѣза на заводахъ до такой степени обыкновенное преступленіе между ссыльными рабочими, что вмѣняется въ обычай и преслѣдуется развѣ на столько, на сколько позволяютъ скудныя средства и ловкая изворотливость самихъ преступниковъ. Словомъ, воровство не изъ тѣхъ болѣзней, которыя лечитъ ссылка, имѣющая всѣ данныя противоположнаго, еще болѣе заразительнаго свойства (доказательства общія и частныя мы имѣли случай представить прежде, имѣемъ множество таковыхъ и впереди). Если Нерчинскіе заводы и увѣряютъ въ томъ, что въ десять лѣтъ (съ 1847 по 1857 г.) вновь наказано на нихъ за грабежъ 8, за кражи 64, за утрату казенныхъ вещей 129, то, вопервыхъ, всѣ наказанные въ Россіи ворами не были; вовторыхъ, большая часть совершившихъ кражи ускользнула изъ рукъ (въ тѣ же 10 лѣтъ бѣжало и поймано 2,841 человѣкъ голодавшихъ и оборвавшихся одеждою); втретьихъ, опытные бродяги уходятъ съ предосторожностями, кражами не смущаютъ покоя, чтобы вѣрнѣе скрыться, и, вчетвертыхъ, скрываются такъ, что въ воровствѣ попадаются уже далеко за Байкаломъ. Тобольская, Томская и Иркутская губерніи соперничаютъ между собою въ количествѣ жертвъ, осужденныхъ за грабежи и кражи; въ Якутской издавна живетъ то племя (якутовъ), у котораго рѣзче другихъ выдается наклонность къ мелкому воровству, каковое и производится тамъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, ловкостью и опытностью. За то у тунгусовъ (иркутскихъ и забайкальскихъ) воровство — одинъ изъ смертныхъ грѣховъ, и до сихъ поръ еще, нетолько ни одна изъ городскихъ тюремъ, но и ни одна изъ полицейскихъ сибирокъ и кучумокъ не видали тунгуса, посаженнаго за кражу.

ГЛАВА IV.

ГРАБИТЕЛИ И РАЗБОЙНИКИ.

Причины и корни грабежей.—Происхожденіе и связь грабежа съ воровствомъ.—Баранта.—Сибирскіе и россійскіе грабители и разбойники. — Связь разбоя съ грабежомъ. — Характеръ русскаго разбойника.—Разбойники вообще и въ частности. — Быковъ. — Чайкинъ.—Дуванъ.—Кабаки.—Цѣловальники.—Разбойничьи атаманы и ихъ любовницы.—Притоны и проч.

Старые законы наши и самъ народъ понятіе о грабителяхъ смѣшиваетъ съ понятіемъ о ворахъ и называетъ ихъ этимъ послѣднимъ именемъ, хотя между грабежемъ и воровствомъ лежитъ пропасть. Какъ воровство, по преимуществу, гнѣздится въ городахъ и самый частый посѣтитель населенныхъ и людныхъ пунтовъ, грабежъ выбираетъ для своей дѣятельности мѣста поглуше, любитъ поле и лѣсъ. Грабежъ сильнѣе, энергичнѣе воровства; онъ тѣмъ и отличается отъ него, что дѣйствуетъ открытой силой; безъ смѣлости и дерзости немыслимъ. Воровство бережетъ себя для завтрашняго дня и ходитъ весьма осторожнымъ шагомъ, босыми ногами; грабежъ меньше бережотъ себя и не боится опасностей. Забывая объ нихъ, онъ бьетъ на пропалую, и потому его не страшитъ и торная, проѣзжая дорога, и потому онъ примѣчательно часто пристраивается, какъ-бы на правахъ арендатора, по близости торговыхъ пунктовъ, даже большихъ городовъ. Грабежъ беретъ съ собой про всякій случай кистень и ножъ, и потому нерѣдко переходитъ въ разбой; границы его съ разбоемъ близко сходятся и нерѣдко съ трудомъ различаются. Онъ любитъ так-

же хоронить концы, заметать свой слѣдъ, прикрываться тайной, а потому подъ мракомъ ночи онъ прячется въ укромныхъ и скрытыхъ мѣстахъ. Какъ и воровству, ему темна ноченька-родна матушка, и грабитель точно также день въ растяжку, а ночь на распашку, или день кольцомъ, а ночь молодцомъ.

Точно такъ же, какъ и воровство и разбой, грабежъ основываетъ свои успѣхи на преимущественномъ правѣ товариществъ, слаживается въ шайки. Рѣдко, въ крайне-исключительныхъ случаяхъ, онъ ходитъ въ одиночку или въ разбивку. Но и въ такомъ видѣ пойманный, онъ почти всегда скрываетъ какой нибудь изъ слѣдовъ своихъ въ шайкѣ, въ заговорѣ. Почасту свободная отъ законныхъ преслѣдованій, шайка эта бываетъ виновна, если не въ прямомъ и непосредственномъ участіи въ грабежѣ, то косвенный путь укрывательства грабителей, пріема или сбыта награбленныхъ вещей, является всегдашнимъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого грубаго вида воровства. Если воры на бо́льшую часть трусы, то товарищества грабителей съ самыхъ древнихъ временъ отличаются смѣлыми до дерзости свойствами. Близость опасности, возможность скорыхъ и сильныхъ преслѣдованій закаляютъ ихъ буйный характеръ, и въ этой-то борьбѣ со страхомъ, въ этомъ-то тревожномъ положеніи между огней они находятъ запасы энергіи, и въ силу удачъ и счастія, выходятъ на разбой, въ томъ же товарищескомъ союзѣ.

Нѣкогда грабежъ и разбой такъ и ходили вмѣстѣ, въ особенности въ тѣ времена, когда слаживалось русское государство изъ разноплеменныхъ враждебныхъ элементовъ. Съ самыхъ древнихъ временъ явленіе это повторялось съ одинаковымъ постоянствомъ и немедленно обнаруживалось вездѣ тамъ, гдѣ развивался процессъ водворенія русскаго элемента. Грабежи и разбои не выдавались рѣзко изъ ряду обычныхъ явленій до тѣхъ только поръ, пока приливъ пришлаго населенія уравновѣшивался съ туземнымъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда колонизація опиралась на мирныя средства торговли и производилась промышленными людьми. Грабежи и разбои обнаруживались тотчасъ, когда появленіе чуждаго и опаснаго элемента дѣлалось примѣтнымъ, опаснымъ, возбуждало и вызывало опасенія, и туземцы, въ виду грядущихъ бѣдъ, въ отчаяніи несостоятельности, брались за оружіе, при-

бѣгали къ послѣднему средству защиты, которое однако имъ уже не задалось. Пришлецы восторжествовали вездѣ: съ большимъ успѣхомъ и съ меньшимъ количествомъ жертвъ въ столкновеніяхъ съ кроткими финскими племенами всего сѣвера, плодили грабежи и разбои, въ незамѣчательномъ числѣ поступаясь первыми піонерами въ степныхъ и горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ русскія пріобрѣтенія покупались дорогою цѣною крови и всяческихъ бѣдствій. Особенно рѣзко выдается подобное явленіе въ тѣ времена, когда русское племя, ослабивъ стремленіе на востокъ за Каму и за Камень, устремилось на югъ, стало пріобрѣтать земли за Окой, по Дону и Днѣпру.

На сѣверѣ въ лѣсахъ дешевизна пріобрѣтеній съ достаточною ясностію выразилась въ народныхъ преданіяхъ, увѣряющихъ въ томъ, что бѣлоглазая чудь, испуганная появленіемъ въ лѣсахъ бѣлой березы (означавшей грядущее владычество бѣлаго царя), строила стойки, запиралась въ нихъ или сожигалась живою, или уходила сквозъ землю, проваливалась въ нее безъ слѣда. Это преданіе, одинаково общее для всей сѣверной Россіи и для всей Сибири, подтверждается и тѣми мѣстными преданіями, изъ которыхъ, по одному, русскимъ людямъ стоило только прорубить ледъ на одномъ мѣстѣ рѣки и загнать всѣхъ чудаковъ въ эту прорубь, а на память объ нихъ прозвать эти мѣста нехитрыхъ побоищъ кровяными плёсами. Рѣдко являлась здѣсь вооружонная оборона; только въ житіяхъ самыхъ первыхъ святыхъ вологодскихъ и архангельскихъ разсказываются отдѣльные случаи сопротивленія туземцовъ, выражавшіеся оскорбленіями уединившемуся въ лѣса подвижнику: жгли его келью, сгоняли съ обогрѣтаго мѣста, приходили съ угрозами, и только въ двухъ-трехъ случаяхъ изъ цѣлыхъ сотенъ прибѣгали къ убійству, сдѣлавъ изъ подвижниковъ мучениковъ. То же самое повторилось и на сѣверѣ Сибири, гдѣ сожженіе юраками города Мангазеи (на Енисеѣ) едва-ли не единственный случай вооружоннаго и серьезнаго противодѣйствія пришельцамъ. На всей картинѣ этихъ пріобрѣтеній лежитъ болѣе мягкій колоритъ на сторонѣ туземцовъ, и здѣсь грабежи и разбои, при всей исключительности своего явленія, производятся уже самими пришлецами. Насилія надъ туземными племенами столь же древни, какъ и самые акты пріобрѣтеній, начиная отъ походовъ уда-

лой новгородской молодежи для завоеванія верховьевъ Волги и кончая пріобрѣтеніями земель за Волгой: на Камѣ, Чусовой и Бѣлой. Здѣсь открытыя противоборства, вооружонныя возстанія туземцовъ, называемыя въ послѣднія времена бунтами, дѣлались замѣчательно частыми и грозными, потому что и самые пріобрѣтатели, изъ мирнаго купца и промышленника, превращались въ завоевателей, намѣренно ходившихъ съ оружіемъ и съ крѣпостями, въ видѣ казаковъ, стрѣльцовъ и, наконецъ, солдатъ. Особенно дороги Россіи пріобрѣтенія прибрежьевъ Волги отъ истоковъ, гдѣ дѣйствовали ушкуйники, до средины устьевъ, гдѣ выказывали удальство и молодечество вольные люди, разбойники, и дѣйствовали стрѣльцы и казаки. Грабежами и разбоями усыпались берега рѣки этой, столь дорогой для Россіи; нѣтъ ни одного города, ни одного урочища, которые не вели бы безконечныхъ разсказовъ о разбойничьихъ подвигахъ и похожденіяхъ; здѣсь родилась и разбойничья пѣсня, здѣсь получилъ свой начальный закалъ воинственный духъ народа, устремившагося на завоеванія съ лихорадочною поспѣшностію, съ неудержимою энергіею.

Тѣми же грабежами и разбоями началась и съ ними продолжала свое теченіе исторія пріобрѣтенія на рубежахъ южныхъ степей, въ низовыхъ степяхъ, начиная съ орловскихъ и оканчивая придонскими (въ воронежскихъ верховьяхъ рѣки Дона и ея притоковъ). Здѣсь нападеніямъ туземцовъ, набѣгамъ татаръ, калмыковъ и черкасъ отвѣчали пришельцы таковыми же набѣгами, сопровождавшимися грабежами и разбоями по всей длинѣ передовыхъ линій отъ ближайшихъ до отдаленныхъ. Долговременному неустройству, кровопролитнымъ распрямъ и всякаго рода насиліямъ и смутамъ здѣсь способствовало также и то, что украйны эти произвольно и насильственно заселялись бѣглымъ и преступнымъ людомъ (бѣглыми холопами и изуродованными каторжниками). Тѣ и другіе, скитаясь по странѣ, покидая ветхія и некрѣпкія тюрьмы, несли пожары и опустошенія и обливали слѣды свои кровью. О дѣяніяхъ ихъ до нашихъ временъ сохранилась память во множествѣ присловій и бранныхъ прозвищъ, свидѣтельствующихъ о томъ, на сколько измѣнился народный духъ вслѣдствіе противодѣйствій и въ контрастъ мирнымъ завоеваніямъ на сѣверѣ. Здѣшнія пріобрѣтенія Россіи куплены дорогою цѣною неволи и крови,

посреди ежедневныхъ тревогъ отъ опасностей и при помощи и содѣйствіи людей, не лучшихъ какъ было на сѣверѣ, а тѣхъ, которыхъ сочло отечество негодными и ненужными: выгнало или выслало вонъ. Хотя они и выместили потомъ за это въ смутное безгосударное время лихолѣтья опустошеніемъ родины до отдаленныхъ предѣловъ тундры; — за то ими упрочилось пріобрѣтеніе всѣхъ благодатныхъ земель по Дону, по Волгѣ, до Десны на западъ, до Оки на сѣверъ, до Маныча на югъ *).

Словомъ, во время строенія русской земли грабежи и разбои были однимъ изъ послѣдовательныхъ и неизбѣжныхъ явленій, породившихся вслѣдствіе самой системы завоеваній, неправильныхъ способовъ водворенія поселенцовъ и направленія ихъ силъ и колонизаторскихъ способностей. Разбои въ низовыхъ странахъ, разбои по Волгѣ слѣдовали одни за другими по вызову времени и по закону обстоятельствъ, отдѣльно и независимо другъ отъ друга, и дѣйствовали съобща и заодно подъ руководствомъ сильныхъ и талантливыхъ натуръ въ родѣ Булавиныхъ, Хлопковъ, Разиныхъ, Пугачовыхъ и безконечнаго числа другихъ многихъ. Грабежи и разбои въ Россіи кочевали вмѣстѣ съ ея неосѣвшимся населеніемъ и изумляли количествомъ и размѣрами. Изумляютъ они теперь богатствомъ присловій (особенно по Волгѣ), заклѣймившихъ обитателей многихъ мѣстностей нелестнымъ прозвищемъ воровъ и разбойниковъ. То же самое повторилось и въ Сибири, во времена столкновеній съ туземцами на югѣ: вызывались открытыя возстанія, и изъ путаницы взаимныхъ отношеній и неурядицъ выходили разбойники изъ племени пришельцовъ, порожденные воинственнымъ настроеніемъ духа, разъ возбужденнымъ и постоянно-

*) На сколько бранныя прозвища и присловья согласно характеризуютъ духъ населенія низовыхъ украйнъ, служитъ доказательствомъ, между прочимъ, Орловская, гдѣ нѣтъ города, который бы похвалила народная память. «Хорошъ заяцъ да тулякъ, хорошъ малый да тумакъ; Орловцы—проломанныя головы; Орелъ да Кромы—первые воры, да и Карачевъ на поддачу; Амченина бы тебѣ во дворъ (городъ Амченскъ (Мценскъ) цыгане семь верстъ обходили); Ливны—всѣмъ ворамъ дивны; Елецъ — всѣмъ ворамъ отецъ. Крестись: Андроны (Куряне) ѣдутъ. Нѣтъ у бѣлаго царя вора супротивъ Курянина, и проч.

раздражаемымъ. Такъ корыствовались отъ грабежей и разбоевъ, въ мутной водѣ ловили рыбу выродки общественнаго неустройства: въ серединѣ прошлаго столѣтія (около 1765 г.) казакъ Ѳедоръ при заселеніи иртышкой линіи (имѣвшій притонъ въ селеніи Маслянскомъ Шадринскаго уѣзда Пермской губерніи и шайку въ 400 человѣкъ). Такъ, около того же времени, когда заселяли омскую линію и населяли Алтай, вышелъ на удалые подвиги разбоя Аѳанасій Селезневъ, руководившій изъ Бухтармы нѣсколькими шайками, разбивавшими русскіе и бухарскіе караваны и производившими баранты (угонявшими табуны лошадей и гурты скота и овецъ). Многія урочища и рѣчка, до сихъ поръ нося его имя, сохраняютъ память объ немъ. Такъ, при заселеніи лѣсной пустыни, между городами Красноярскомъ и Иркутскомъ, злодѣйствовалъ разбойникъ Гондюхинъ, покровительствуемый самимъ губернаторомъ иркутскимъ Нѣмцовымъ, ограбившій, по его же заказу, губернаторскихъ гостей, собравшихся для гулянки на Ангарѣ. Въ 1805 году ночью, за 50 верстъ отъ Иркутска, ограбленъ былъ камеръ-юнкеръ Гурьевъ, принадлежавшій къ свитѣ китайскаго посольства Головкина, шайкою изъ тѣхъ поселенцовъ, которые по указу Павла слѣдовали для водворенія за Байкаломъ. За Байкаломъ водворенія эти послѣдовательно вызывали Григорьева, Горкина и другихъ *).

И точно также, какъ и въ Россіи, разъ возбужденный разбойничій духъ долго не поддавался укрощенію, и разбой нашолъ себѣ привилегированныя, заусловленныя мѣстности внутри Россіи и по Волгѣ **), въ Сибири наклонность къ грабежамъ (и на крайній случай

*) Объ этомъ мы уже говорили, какъ равно о разбойникѣ — князѣ Баратаевѣ, вызванномъ неурядицей заселеній охотскихъ краевъ, когда, по проекту вице-адмирала Ѳомина, замышляли перенести Охотскій портъ на р. Алданъ. Прокладывали туда дорогу; каторжные стали бѣгать и вмѣстѣ съ Баратаевымъ разграбили городъ Жиганскъ. Баратаевъ этотъ пойманъ былъ во льдахъ уже на устьяхъ Лены и взятъ прострѣленнымъ восемью пулями.

**) На нихъ съ достаточною ясностію указываютъ уже народныя присловья и разсказы. Въ Сибири указываютъ на подобные пункты подъ Иркутскомъ (окрестныя селенія Тельминской бывшей суконной фабрики), подъ Томскомъ (деревни Воронова и Семилужная).

къ разбоямъ) также сохранилась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ) напримѣръ, Алтая и во многихъ селеніяхъ, лежащихъ на почтовыхъ и купеческихъ трактахъ. До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія и тамъ также уберегались остатки грабежнаго духа и выходили удальцы на разбойничьи похожденія. Съ тридцатыхъ годовъ, съ наибольшаго развитія золотыхъ промысловъ, на больномъ тѣлѣ открыта фантанель и разбойники ушли въ тайгу промывать золото. Такъ случилось въ Сибири.

Въ Россіи, по мѣрѣ того, какъ развивилась промышленность, заводились фабрики и заводы внутри территоріи, укрѣплявшіе мирное направленіе и силу народнаго труда, по той степени усиленія надзора и систематическихъ преслѣдованій, до которыхъ домыслились чрезъ рядъ косвенныхъ и невѣрныхъ путей административныя распоряженія — разбои пропали на Волгѣ. Пароходы окончательно ихъ добили, и явленіе въ началѣ настоящаго десятка лѣтъ Рузавина (около Нижняго), со всѣми признаками стараго волжскаго разбойника, героя пѣсенъ—явленіе исключительное, послѣдній вздохъ героевъ. Теперь разбои стали случайнымъ явленіемъ, зависящимъ отъ преднамѣреннаго соединенія или стачки вышедшихъ на грабежъ, при благопріятныхъ условіяхъ мѣста и времени, явленіе всегда неожиданное, рѣдко предугадываемое, причину котораго народъ скрылъ въ себѣ и до сихъ поръ опредѣлительно не повѣдалъ. Видимыя, наслѣженныя причины слишкомъ еще неопредѣленны и малочислены для того, чтобы по нимъ можно было составить общее, а тѣмъ болѣе конечное заключеніе. Между прочимъ, одна изъ причинъ заключается въ уничтоженіи крѣпостного права, имѣвшаго тѣ особенности, что при немъ, какъ село Воронье (Костр. губ. Галиц. уѣзд.), по народному прословью — бывшее днемъ семидесяти господъ, а ночью — одного (всѣ на грабежъ выходили) и что, по вызову его, ходили на преступный промыселъ и дворяне и крестьяне, а по свидѣтельству древнихъ актовъ и новѣйшихъ документовъ — сами помѣщики, и притомъ не изъ однихъ только мелкопомѣстныхъ, каковы однодворцы и шляхта. Теперь черты картины грабежей и разбоевъ измельчали, пресѣченіе преступленій стало удобнѣе для администраціи полицейской, по частямъ и по мѣстамъ труднѣе для внимательнаго и подробнаго изученія въ об-

щемъ видѣ. Но многое и сохранилось, и все находитъ оправданіе въ прошедшемъ.

Рѣдкая изъ губерній нашихъ не имѣетъ хотя одного такого заповѣднаго мѣста, гдѣ бы по временамъ не производился преступный промыселъ грабежа, гдѣ бы, говоря общепринятымъ и любимымъ народнымъ выраженіемъ, не пошаливали. Грабежамъ въ особенности покровительствуютъ такія мѣстности, гдѣ, по административному или политическому дѣленію, приходятся границы съ чужими землями (какъ въ Бессарабіи и Подольской губерніи), или такой внутренній клинъ, гдѣ сходятся границы трехъ губерній. Въ особенности послѣднее условіе ярко выясняется тамъ, гдѣ одна изъ губерній пользуется привиллегированными правами и благопріятными условіями такого рода, что не представляетъ трудностей для перехода въ третью губернію (каковы малоземельныя градоначальства). Опредѣленнѣе другихъ выясняются количествомъ грабежей и удобствомъ для нихъ мѣстности на Дону и Западной Двинѣ, въ родѣ окрестностей Таганрога, Ростова съ Аксаемъ и Нахичевани или окрестностей Динабурга. Подъ гнетомъ и увлеченіемъ соблазна, въ послѣдней мѣстности и еврей становится грабителемъ ,и на раскольниковъ падаетъ до половины справедливое подозрѣніе въ грабежахъ *). Затѣмъ. и послѣ такой исключительности, грабежи въ остальной Россіи подчиняются такимъ пріемамъ, которые имѣютъ уже много чертъ общихъ и свои заповѣдныя мѣста. Мѣста эти, по большой части, большія дороги и преимущественно торговые тракты, и цѣль грабежей—купеческіе обозы. Въ нерѣдкихъ случаяхъ грабежъ выбираетъ

*) Динабургъ стоитъ, какъ извѣстно, при такихъ условіяхъ, что тотчасъ за Двиною начинается Курляндская губернія съ ея вялымъ и медленнымъ нѣмецкимъ судопроизводствомъ средневѣковаго дѣла и съ презрѣніемъ къ русскимъ интересамъ. Въ 20-ти верстахъ отъ города губ. Ковенская и нѣсколько подальше Виленская (самъ Динабургъ губ. Витебской). Опасность жителей увеличивается тѣмъ, что чрезвычайно распространенное мелкое воровство нерѣдко доходитъ до дерзости грабежа. Полиція стоитъ въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ при желаніи поймать, припугнуть и застращать воровъ и грабителей силою вліянія своего и самостоятельностью образа дѣйствій.

для своей дѣятельности почтовыя дороги, и тогда устремляетъ нападеніе безразлично и безразсчотно, на удачу, на проѣзжаго и на казенную почту. Первый видъ грабежей встрѣчается чаще; его можно назвать хроническимъ за тѣмъ, что у него есть и опредѣленные пункты и пріемы и опредѣленное время, именно то, которое предшествуетъ большимъ ярмаркамъ. Второй видъ грабежей на почтовыхъ дорогахъ имѣетъ форму періодическую, и такой грабежъ, какъ случайность, выжидаетъ совокупности многихъ, также случайныхъ, но благопріятныхъ причинъ, не всегда готовыхъ и дѣятельныхъ. Мѣстами онъ не стѣсняется и загорается безразлично, и въ степяхъ саратовскихъ, пензенскихъ, подъ Самарою (близъ извѣстной луки Волги), и въ лѣсахъ Виленской губ., въ лѣсахъ костромскихъ. И этотъ грабежъ любитъ лѣсъ, особенно, когда дорога тянется длинными волоками (извѣстнымъ «шестидесятнымъ» въ Ветлуж. уѣз. и Макар. уѣздѣ Костр. губ.). Грабежъ, направленный на купеческіе транспорты, не испугался проѣзжихъ дорогъ, ведущихъ въ Нижній, вызывая на эти мѣста ежегодные сторожевые пункты, пикеты — особый видъ земской повинности для окольныхъ жителей и казаковъ. Тѣми же пикетами предупреждаются (и не всегда предотвращаются) грабежи по болѣе глухимъ и дальнымъ дорогамъ, какова пермская, гдѣ грабежи направлялись на чайные транспорты и являлись въ систематическомъ видѣ между городами Пермью и Кунгуромъ, Кунгуромъ и Екатеринбургомъ. Такими же грабежами славятся нѣкоторыя изъ оренбургскихъ дорогъ, гдѣ башкиры и мещеряки умѣютъ выказывать присутствіе въ ихъ натурѣ остатковъ степного хищничества (очевидное и по тобольскимъ табелямъ ссыльныхъ). Предостерегаютъ вѣроятіе придорожнаго грабежа снабженіемъ конвойными по весьма многимъ мѣстностямъ Кавказа, гдѣ грабежъ, изъ обычнаго политическаго принципа горцовъ, смѣнился въ наши дни на особенный видъ мщенія покровителямъ, продолжаетъ выражаться и по старымъ образцамъ племенныхъ разсчотовъ за обиду, за угонъ скота (и по тобольскимъ табелямъ горцы преимущественно ссылаются за грабежи и разбои). Не говоримъ уже о киргизахъ, гдѣ грабежъ барантою — одна изъ политическихъ основъ кочевого племени, и о татарахъ, въ

которыхъ сильная наклонность къ грабежамъ находитъ объясненіе въ старыхъ привычкахъ, вырожденныхъ и доказанныхъ исторіею, а оправданіе въ религіозныхъ принципахъ, завѣщанныхъ кораномъ (татаринъ — по русской пословицѣ — либо насквозь хорошъ, либо насквозь мошенникъ). На Кавказѣ мусульманство съумѣло выродить мюридизмъ, гдѣ истребленіе людей неправовѣрныхъ (гяуровъ) возведено въ догматъ и настоятельно требовалось обоими главами секты (Шамилемъ и Махметъ-Аминемъ). Во всѣхъ этихъ случаяхъ въ грабежахъ мы видимъ прочное существованіе, упорную устойчивость. Наслѣдственная болѣзнь тѣмъ и опасна, что корни ея крѣпко и глубоко уходятъ въ испорченную почву, и, какъ у всякаго подобнаго явленія, имѣющаго основаніемъ племенныя особенности, болѣзни не предстоитъ внезапнаго или скораго исчезновенія. Внутри Россіи, въ русскомъ племени, она, болѣзнь эта, представляется въ другой обстановкѣ, но и въ болѣе смутныхъ и спутанныхъ проявленіяхъ.

Останавливаясь на русскомъ племени и слѣдя за цифрами ссыльныхъ въ Сибирь, мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ о грабежахъ.

Цифра, не отличаясь постоянствомъ, не принадлежитъ къ крупнымъ: грабежъ не изъ тѣхъ преступленій, которыя можно считать на ряду съ крупными цифрами другихъ преступленій и въ особенности, по сравненію съ ближайшимъ видомъ его—воровствомъ. Грабители, при недостаткѣ благопріятныхъ причинъ, мельчаютъ числомъ и пропадаютъ въ разрядѣ воровъ или, при противоположныхъ данныхъ, уходятъ въ Сибирь въ разрядѣ ссылаемыхъ за разбой. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, при усиленіи административнаго вниманія и надзора и увеличеніи преслѣдованій грабителей, вслѣдствіе какихъ-либо случайныхъ, сильно наталкивающихъ обстоятельствъ, цифра грабителей увеличивается и, при противоположныхъ условіяхъ, упадаетъ *). Уменьшеніе этой цифры въ особенно-

*) Вотъ доказательства въ цифрахъ, по годамъ:

Въ 1838 сослано за грабежъ 139 мужч. 9 женщ.

сти примѣтно по отношенію къ женщинамъ. Возрастаніе цифры доказываетъ, что виновность въ грабежахъ женщинъ совершилась подъ защитой мужчинъ, при участіи которыхъ только и мыслимъ для женщинъ грабежъ, какъ преступленіе, наиболѣе требующее тѣхъ силъ душевныхъ, каковыхъ недостаетъ этому слабому и забитому полу. Грабежъ и разбой — не женскія преступленія; они уступаютъ мѣсто воровству и поджогамъ. На серьозныя кражи съ грабежомъ и въ разсчотѣ на разбой женщинъ не берутъ. При этомъ вѣроятнѣе это преступленіе для нихъ въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ (въ ранній возрастъ это самое—рѣдкое явленіе изо всѣхъ преступныхъ женскихъ дѣяній).

По количеству ссыльныхъ по сословіямъ, у крестьянъ, солдатъ и мѣщанъ, грабежъ занимаетъ первое мѣсто послѣ воровства, стоящаго у всѣхъ на первомъ планѣ; по процентному отношенію самый высокій стоитъ за военными поселянами, крестьянами заводскими, однодворцами и солдатами (слабѣе всѣхъ у духовенства), а у мѣщанъ сильнѣе развита наклонность къ грабежу, чѣмъ у крестьянъ. По различнымъ мѣстностямъ Россіи грабежъ выразился сильнѣе въ странѣ сходцовъ (въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи). Въ Бессарабіи процентъ, по общему отношенію ссыльныхъ къ нессыльнымъ обитателямъ, на столько великъ, что подобнаго ему нѣтъ во всей Россіи. Вдвое меньшая населеніемъ Пермской губерніи, Бессарабія превосходитъ ее числомъ грабежей, несмотря на то, что Пермская вмѣстѣ съ Тобольской въ одно время и заводская, и случайно заполняемая большимъ количествомъ бѣглыхъ, и вмѣстѣ съ Казанской и

Въ	1839	сослано за грабежъ	127	мужч.	4 женщ.
»	1840	» » »	142	»	11 »
»	1841	» » »	105	»	10 »
»	1842	» » »	143	»	10 »
»	1843	» » »	241	»	6 »
»	1844	» » »	210	»	3 »
»	1845	» » »	146	»	4 »
»	1846	» » »	111	»	8 »

Такимъ образомъ количество сосланныхъ женщинъ въ 18 разъ меньше числа мужчинъ.

Симбирской съ избыткомъ населена инородческими племенами, исповѣдующими исламъ *).

Разбой — это послѣднее и крайнее звѣно въ цѣпи преступленій, вытекающихъ послѣдовательно изъ бродяжества и непосредственно изъ грабежа, какъ неизбѣжное слѣдствіе послѣдняго, по крайней исключительности своей, — сталъ принадлежать къ явленіямъ случайнымъ, но въ то же время и къ такимъ, гдѣ всѣхъ запутаннѣе основныя причины и вызывающіе поводы. Зато, съ другой стороны, внѣшній видъ разбоевъ съумѣлъ и успѣлъ принять кое-какія опредѣленныя формы, которыя можно типировать такимъ образомъ.

Нѣкогда на разбой выходили казаки, въ числѣ которыхъ бродяга, въ видѣ бѣглаго холопа и солдата, игралъ первую роль. Теперь разбоемъ охотнѣе занимаются заводскіе люди и опять тѣ же бѣглые и тѣ же солдаты; иногда съ крайней голодовки пускается на такое дѣло мѣщанинъ, обыкновенно прямо изъ цѣловальниковъ или вѣдо-

---

*) По губерніямъ число грабителей распредѣлилось такъ (въ 9 лѣтъ съ 1838 по 1847 годъ):

Пермская	65	мужч.	11	женщ.
Тобольская	64	»	5	»
Грузія	56	»	6	»
Бессарабія	61	»	—	»
Симбирская	60	»	—	»
Подольская	56	»	2	»
Казанская	49	»	5	»
Курская	50	»	1	»
Кавказская область . . .	40	»	2	»
Кіевская	38	»	—	» и проч.

Губернія Олонецкая во всѣ 9 лѣтъ выслала только двухъ; Архангельская, Псковская, Вологодская, Лифляндская и Астраханская по пяти. Въ Финляндіи и Польшѣ грабежи также исключительное явленіе. Въ 20 лѣтъ для Олонецкой поднялась цифра до 10, Архангельской 21, Вологодской до 28, Лифляндской до 34, Астраханской до 20. Наивысшій процентъ для грабежа остался за Новороссійскимъ краемъ съ ногайскими татарами на востокѣ, съ крымскими на югѣ и съ цыганами на западѣ и кое-гдѣ въ серединѣ.

мыхъ воровъ пригородныхъ. Бываютъ и такіе годы, когда путается въ разбойникахъ мелкопомѣстный дворянинъ, избаловавшійся до конца въ званіи однодворца (сословіи, какъ извѣстно, неотличающемся нравственностію и несвободномъ отъ тяжкой преступности). Хаживали на разбой и капитаны Копѣйкины (имѣющій, впрочемъ, основаніемъ историческую почву, бывалое событіе). Но—повторимъ опять—и этотъ типъ измельчалъ, и только временами, въ представительствѣ крупныхъ злодѣевъ, обнаруживаетъ нѣкоторые признаки отжившихъ свой вѣкъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ, въ средѣ которыхъ разгорячонное народное воображеніе съумѣло поставить даже страшный образъ женщины-разбойника. Вотъ какимъ образомъ складываются эти остатки въ цѣльномъ видѣ злодѣя-разбойника.

Онъ, по бо́льшой части, дезертиръ изъ солдатъ, озлобленный неудачами жизни, строгостью и невзгодами службы; всѣмъ былъ битъ, и о печку битъ, развѣ только печкой не битъ. Чаще—это бѣглый съ каторги, опять-таки тёртый калачъ, мятые бока, но и въ этихъ случаяхъ нерѣдко выясняется въ немъ бѣглой солдатъ и непремѣнно сосланный за убійство. Убійства у этихъ героевъ въ аттестатахъ (статейныхъ сибирскихъ спискахъ) повторяются иногда по нѣскольку разъ. Преступникъ подобнаго рода забрызганъ чужою кровью, на которой онъ какъ-будто пріобрѣтаетъ закалъ и повадку.

Прежде, чѣмъ пуститься въ разбой, онъ обыкновенно бродяжничаетъ долгое время и, въ занятіи этомъ отыскивая потерянной воли и доли, находитъ то, чего не даетъ людская семья и жилое мѣсто, но чѣмъ богата лѣсная дичь и постоянное отчужденіе. Въ лѣсу бродяга дичаетъ, отвыкая отъ людей, теряя къ нимъ любовь и всякую вѣру, додумывается до равнодушія къ чужой и собственной жизни, выноситъ безвѣріе ко всему. Выходя изъ лѣсу только въ кабаки для размѣна легкой добычи на вино, онъ получаетъ ту внутреннюю болѣзнь, которая характеризуется хандрою, въ самомъ сердитомъ значеніи этого слова. Ипохондрикъ онъ самаго крупнаго и опаснаго свойства. Дальнѣйшія неудачи и преслѣдованія—неразлучные спутники бродячей жизни — при крайномъ недостаткѣ началъ успокоительныхъ и примирительныхъ, развиваютъ въ сердцѣ бродяги озлобленность и зависть къ свободѣ и счастію другихъ до болѣзни. Озло-

бленію недолго перейти въ непримиримую злобу: ненависть людей честныхъ развиваетъ зародившееся чувство, а довершаетъ гибель отсутствіе средствъ къ жизни, когда и по пословицѣ голый разбою не боится, голому разбой не страшенъ. Переходитъ же эта непосредственная озлобленность въ прямую и открытую злобу всегда, когда бродяга-преступникъ наталкивается на такихъ же горюновъ, заготовившихъ одинаковый образъ возрѣнія на жизнь и поставленныхъ въ одинаковыя бытовыя условія. Это бо́льшею частію тѣ же бродяги, тѣ же бѣгло-каторжные голыши.

Встрѣча происходитъ обыкновенно въ тѣхъ же лѣсахъ и знакомство сводится въ тѣхъ же скрытыхъ и укромныхъ станахъ и притонахъ, дорога къ которымъ указывается на каторгѣ и хорошо извѣстна всякому желающему про то знать и этого искать. Затѣмъ — кабакъ: мѣсто прибѣжища для честнаго работника и пьяницы по профессіи, въ то же время, съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ, притонъ и для недовольныхъ, для всякаго званаго и непрошеная. Цѣловальникъ, и по тюремнымъ пѣснямъ, далеко не доносчикъ, не полицейскій агентъ, тѣмъ болѣе, когда знаменитый казанскій разбойникъ Дмитрій Быковъ изъ этого званія ушолъ въ Сибирь и вернулся назадъ на старыя мѣста сильно злодѣйствовать. Выпивки не всегда на чистыя деньги съумѣли выучить этого сорта промышленниковъ и торговцовъ пріему подъ закладъ такихъ вещей, въ которыхъ составляютъ избытокъ и берутъ перевѣсъ надъ собственными краденыя, пріобрѣтенныя воровствомъ, грабежомъ и разбоями. Такихъ и скрывать негдѣ; таковыя и пріобрѣтаются предпочтительно для обмѣна на цѣлебное зелье, умѣющее укладывать тоску по прошломъ и развивать веселыя мысли и свѣтлые взгляды на будущее. Цѣловальникъ непремѣнно, косвеннымъ или прямымъ путемъ, впутается въ біографію разбойника, попадетъ въ шайку и подпадетъ суду и наказанію (отъ которыхъ откупъ въ недавную, былую пору умѣлъ откупать большими деньгами). Главнымъ же образомъ бродяги, рѣшившіеся на правильныя вылазки и на отчаянной походъ, пріобрѣтаютъ дружбу и участіе, помощь и содѣйствіе въ мѣстномъ зазнамомъ ворѣ, который только потому не попалъ въ Сибирь, что откупился; нуждою и тюрьмою выученъ ловкости изворотовъ на слѣдственныхъ показа-

ніяхъ и на самомъ судѣ, и вотъ приладилъ жилище на бродяжьей тропѣ и пріотворилъ дверь для бродягъ, потому что законы и судьи, за неясностью уликъ и доказательствъ, оставили его на родинѣ, хотя и въ сильнѣйшемъ подозрѣніи.

Вѣдомый воръ — теперь соумышленникъ и соучастникъ пришлыхъ недобрыхъ людей. Сговоренъ онъ ими въ томъ же кабакѣ, при помощи развязывающей языкъ и окрыляющей помыслы влаги. Онъ указываетъ имъ на цѣль нападеній, на тѣ бреши, гдѣ шире проломъ и крѣпче спитъ стража; дастъ онъ имъ совѣты, мѣстно пригодные и имъ, старымъ воромъ, самимъ пащупанные и неразъ испытанные. Товарищи молодцы — почные дѣльцы идутъ сначала «застерить «заугольничать» по постоялымъ дворамъ, а потомъ «съ дубовой иглой портняжить по большимъ дорогамъ». Они грабятъ обозъ, грабятъ домъ богатаго мужика или попа, грабятъ церковь, грабятъ все и у всѣхъ, гдѣ только вѣрна и прибыльна добыча, и по мѣрѣ накопленія въ груди запасовъ храбрости и дерзости. Умѣлые воры возъ разсыплютъ — два нагребутъ, умѣлые воры, съ помощію добраго знакомца, и концы спрячутъ чисто, хотя слѣды воровскіе и пейдутъ дальше кабака или дома подговореннаго благодѣтеля. Нерѣдко въ такихъ случаяхъ откуда ни возьмется на помощь вдова-солдатка или баба-солдатка, 25 лѣтъ выжидающая своего мужа и на досугѣ привыкшая прятать чужое и поважепная соблюдать грабленное. Является въ пособницахъ и другая какая нибудь женщина (но рѣже), полюбившая какого нибудь изъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ, плѣненная не ростомъ и дородствомъ и сильной бородой (какъ бы солдатка какая, вѣдающая по опыту, въ чемъ больше сласти), а плѣненная удальствомъ, заболѣвшая кручиной къ его горькой долѣ, не позволяющей ему и головушку подклонить на тяжолую и невертлявую подушку. Защемляетъ она больше сердце, чѣмъ помыслы. На атамана обыкновенно налетаетъ хватившая опыту въ жизни солдатка, та, которая перестала вѣрить въ суженыхъ и призраки, и привыкла любоваться въ очи смѣльчаку и не дюжинному, не умному, да смѣлому, не богатому да тароватому; съ рожи ей не воду пить, а изъ кармана вмѣстѣ водку пить. Та или другая полюбовница поитъ и кормитъ, и пристань держитъ, и участіемъ и сочувствіемъ даетъ разбойникамъ ту

силу, которая наталкиваетъ на новые замыслы, и ту свѣжую бодрость, съ которой такъ легко ходится на всякія, самыя трудныя предпріятія.

Безъ «соприкосновенности въ преступленіи» женщины, разбой не бываетъ; безъ ея «сопричастности злодѣяніямъ» мало найдется даже оффиціальныхъ хроникъ и слѣдственныхъ дѣлъ по грабежамъ и разбоямъ. Какъ бы то ни было, но разбой ходитъ всегда снабженный и закрѣпленный многоразличными пружинами. Пружины эти крѣпнутъ въ упругости по мѣрѣ того, какъ усиливаются неудачи и ослабѣваетъ надзоръ и преслѣдованія, и становится злымъ и лихорадочно-дѣятельнымъ, когда погони и поиски начнутъ ходить по пятамъ, попадать на горячіе слѣды. Тогда чувство самосохраненія начинаетъ послѣднюю борьбу и обѣ силы затѣваютъ ожесточенный споръ, нерѣдко кровавую битву, гдѣ сторона слабѣйшая пускаетъ въ ходъ послѣднія свои средства, и всѣ разомъ: ловкость и хитрость, бѣшеную храбрость и замысловатую изворотливость. Сколько становыхъ и исправниковъ улетѣло подъ судъ за то, что не умѣли поймать атамана подъ самымъ носомъ! Вонъ онъ, истомленный безсонными ночами, напившійся до безпамятства и безсилія, валялся на самой торной дорогѣ у огорода и принятъ былъ въ лохмотьяхъ за нищаго. Какъ бы то ни было, но послѣдніе вздохи героя громки и черезчуръ слышны и чувствительны: убійства становятся чаще, производятся безрасчотнѣе и ожесточеннѣе. Грабежъ и разбой додумываются до такого ужаснаго правила: по которому: грабь того, кто первый попадется, людская оплошность за тѣмъ и на свѣтъ создана, чтобы добрый воръ не дремалъ; ограбленнаго убивай — слѣды хорони; не убьешь — самъ пропадешь: оставишь на слѣдахъ своихъ языкъ, который непремѣнно докажетъ.

Примѣняя правило на опытѣ къ дѣлу, разбойничья шайка тутъ напала на обозъ и убила возчиковъ, а тѣла ихъ зарыла въ болотѣ; тамъ накинули на проѣзжую торговку съ товаромъ платокъ и задушили до смерти, а лошадь увели съ собою въ лѣсъ; здѣсь ограбили избу, а самого хозяина зарѣзали и трупъ сожгли въ печи; здѣсь ограбили проѣзжаго купца и тѣло его бросили въ рѣку, которое принесетъ потомъ въ руки земской или городской полиціи «трупъ неиз-

вѣстно кому принадлежащій, по знакамъ на тѣлѣ коего видны знаки насильственной смерти». Надоумленная такимъ казусомъ, ревнивая къ милостямъ и вниманію начальства, поджигаемая разсказами въ обществѣ о злодѣйствахъ и упреками знакомыхъ въ бездѣйствіи, принуждаемая частными просьбами, облеченными въ оффиціальную форму, а всего болѣе предписаніями и понужденіями начальства. — земская полиція приходитъ въ сознаніе своихъ обязательствъ. — и начинаетъ дѣйствовать.

Находятся, въ разсчотѣ на денежную награду, сыщики и доносчики, каковые и разсыпаются по завѣдомымъ кабакамъ. Изъ окольныхъ людей собирается облава; само начальство выѣзжаетъ на мѣсто скорбей и обидъ временнымъ отдѣленіемъ. Всѣ болтаютъ о разбояхъ, всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ стараются пособить и, съ растерянными головами, сначала только путаютъ. Завязывается изъ разсказовъ цѣлый романъ въ дюмасовскомъ вкусѣ, гдѣ бывалое съ небылымъ путается до громадныхъ размѣровъ, такъ что нерѣдко случалось первымъ слѣдователямъ уѣзжать безъ успѣха и просить на помощь себѣ изъ губерніи свѣжихъ и опытныхъ людей. Кто-нибудь изъ трехъ или пяти, и всегда случайно, нападаетъ на первой слѣдъ. Если съумѣютъ не дать остыть этому слѣду, то схватятъ прежде всего мелкихъ воришекъ, которые и по пословицѣ любятъ зѣвать. Но это не всегда прямые дѣятели, большею частію они соучастники тѣхъ, которые держатъ пристани и даютъ притонъ. Эти только тѣмъ запачкались, что попользовались крохами отъ добычи, да и то безпутно, и да и то неосторожно: у нихъ и остатки дувана найдены. Пойманные съ поличнымъ, они зачастую уходятъ въ ссылку за большихъ и главныхъ; сплошъ и рядомъ на нихъ возмещаютъ успѣхи и торжество побѣды. При умѣньѣ и ловкости, а всего чаще при помощи угрозъ и легонькихъ пытокъ, страхами и запугиваньемъ, у этихъ попавшихъ въ силки добиваются языка, который и ведетъ начальство на первыхъ разбойниковъ, но не главныхъ. Атамана съ близкими друзьями ищутъ долго, его берегутъ пуще всѣхъ, да и самъ онъ, стрѣляной звѣрь, хитрѣе и ловче всѣхъ. Находятъ его съ помощію той же случайности, иногда далеко въ другой губерніи или въ дальномъ уѣздѣ: его либо предастъ, напоитъ и свяжетъ подкуплен-

ная полицiей полюбовница, либо онъ самъ, чтобы не мрачить своей славы, напьется-нагуляется въ кабакѣ въ послѣдній разъ и свалится снопомъ подъ лавку. Цѣловальникъ, которому при этомъ надо и себя защищать и выслуживаться на подручномъ и легкомъ случаѣ, удалого молодца свяжетъ и представитъ начальству. Такъ поступаютъ смѣлые и рѣшительные. Опасливые, но также опытные выводятъ одурѣлаго и зачумѣлаго гуляку на торную дорогу и бросаютъ тутъ. Сюда-то и приводитъ начальство сыщикъ, обыкновенно руководимый тѣмъ же питейнымъ сидѣльцомъ, дѣйствующимъ за его спиной и осторожно съ цѣлію застоять кабакъ отъ поджога. Берите теперь и казните: вотъ главный воротило, докучливый звѣрь лежитъ, растянувшись пластомъ, словно убитый и руки раскидалъ, и ноги выставилъ, отяжелѣлыми глазами ничего не увидитъ, сквозъ стиснутые зубы ни словечка не вымолвитъ и похмѣлья не дастъ влить. Связанный веревками, заклепанный въ кандалы, со всклокоченными головой и бородой и опухшимъ отъ пьянства лицомъ, онъ приходитъ въ себя въ секретномъ казематѣ острога (если крупенъ звѣрь, то въ губернскомъ). Теперь онъ сытъ и готовъ на всякую казнь, затѣмъ что покинутъ всѣми друзьями-товарищами. Пойманный раньше ихъ непремѣнно станетъ стараться убѣжать и рѣдко не настаиваетъ на своемъ. На выручку атамана Быкова, наводившаго въ 1848 году ужасъ на Казанскую губернію и городъ Казань, пришолъ товарищъ и другъ его Чайкинъ, такой-же бѣглый съ каторги молодецъ. Пришолъ Чайкинъ самъ, зная, что его усиленно ищутъ; что за голову его (слышалъ въ народѣ) какія-то деньги положили. Онъ пришолъ въ городъ, зашолъ въ трактиръ, поигралъ на бильярдѣ, сталъ водку пить въ общей комнатѣ, гдѣ сидѣлъ и частный приставъ за часомъ послѣ бани. Богатырь Чайкинъ былъ неладно кроенъ и нелѣпо сшитъ: рѣзко бросался въ глаза своимъ угловатымъ лицомъ, на которомъ, (судя по слѣпку маски и скелету его, хранящимся въ казанскомъ университетѣ, верхнія скулы сильно были развиты и орбита глазъ глубока). Бросился онъ въ глаза и всею фигурой своей и всѣми манерами тому полицейскому лицу, которое вмѣстѣ съ другими на то время думало объ одномъ только Чайкинѣ и готово было принимать за него всякаго встрѣчнаго. Къ тому же и примѣты злодѣя были по-

вѣданы; недоставало рѣшимости, но вотъ и она, на крайній случай явившаяся вдохновеніемъ. Смѣлость города беретъ; ей удалось взять и Чайкина, ошеломленнаго смѣлымъ приступомъ и словами:

— Вѣдь ты Чайкинъ?

— Такъ точно.

— Зачѣмъ пришолъ сюда?

— Попытать счастья повидаться съ Быковымъ: нельзя ли какъ его изъ острога спасти (а на то время, вслѣдствіе городскихъ слуховъ, острогъ былъ оцѣпленъ сторожами).

— Я тебя долженъ буду взять.

— Вамъ ничего больше и не остается дѣлать. Самъ я это теперь вижу, вяжите!

Очутившись въ острогѣ, разбойникъ знаетъ, что̀ дѣлать. На слѣдствіи постарается показать невозмутимое спокойствіе; въ теченіе начатаго объ немъ дѣла пустится путать и запутывать другихъ, чтобы было дольше и труднѣе распутывать. Наплететъ онъ столько ложныхъ показаній и на себя и на сторонніхъ людей, что дѣла о злодѣйствахъ копятъ огромные томы. Обзываются больше непричастные люди — богатые мужики, на которыхъ обрывались надежды на добычу (какъ дѣлалъ это орловскій—Малоархангельскаго уѣзда—разбойникъ изъ кантонистовъ «Сирота»); попадаютъ подъ словоохотливый и расходившійся языкъ и настоящіе пособники: «за одно отвѣчать». Процессъ слѣдствія и суда тянется мѣсяцы, и отъ самого героя романа зависитъ протянуть его дольше цѣлого года, если не получится предписанія судить его по полевому уголовному положенію, такъ-называемымъ военнымъ судомъ, въ 24 часа. Такъ поступили и съ шайкою Быкова и Чайкина.

Дальнѣйшая судьба преступника извѣстна: дадутъ ему прогуляться по зеленой улицѣ и пройдетъ онъ ее, если не ослабѣли на злодѣйской, безпутной жизни силы его и если не помѣчено количество ударовъ шпицрутенами особымъ зловѣщимъ придаткомъ. Быковъ ходитъ, Чайкинъ глядитъ: попроситъ полушубокъ снять и кваску испить, пожелаетъ, чтобы опять накинули и застегнули полушубокъ и опять проситъ квасу. Возвращенный въ тюрьму, окровавленнымъ и раздутымъ отъ ударовъ тысячи человѣкъ, онъ или пойдетъ на

вилѣчку, чтобы выходить положенное, или, добитый сразу (какъ Быковъ одинадцать разъ), въ тотъ же самый день (и, во всякомъ случаѣ, не дальше другого дня) умретъ въ острожномъ лазаретѣ отъ острого воспаленія въ легкихъ. Нѣкоторые, увѣренные въ томъ, что любопытная толпа любитъ эффектъ и охотно ходитъ на различныя блестки, разсчитанно бросаютъ въ толпу блестки остроумія, тяжолаго краснаго слова. Выговорились этимъ Пугачовъ, Чуха, Разинъ; не высказался Быковъ; Чайкинъ совсѣмъ иззябъ, но саратовскій злодѣй Гусевъ, ограбившій соборъ, убившій сторожа, совершившій кощунство и святотатство, не удержался. Когда его поставили на эшафотъ, онъ самъ снялъ рубаху и надѣлъ на шею ремень. Когда сняли всѣ шапки и прочитана была сентенція суда, Гусевъ, при видѣ наклонной знакомой скамейки кобылы съ одной большой дырой для головы и съ двумя маленькими подлѣ для рукъ, закричалъ на весь народъ громкимъ голосомъ:

— Эхъ, кобылка, кобылка! Ѣзжалъ я на тебѣ, вывозила ты меня: ну-ко, вывози опять!

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ (отвѣчалъ ему не тише его саратовскій палачъ), нѣтъ, она тебя теперь не вывезетъ.

Положилъ на пологую скамейку, прикрутилъ голову на исподней сторонѣ машины къ рукамъ, просунутымъ въ диры, укрѣпилъ ноги на кольцѣ внизу кобылы и снаружи ея (при чомъ сильно выгнулась спина и невозможно стало ни шевельнуться, ни перевернуться), отошолъ на нѣсколько шаговъ и съ промежутками секундъ въ 6, началъ съ прискокомъ давать удары. Послѣ 15-ти обязательно перемѣнилъ кнутъ, сдѣлавшійся слишкомъ мягкимъ отъ крови; счотъ былъ съ подлинникомъ вѣренъ; удары такъ сильны, что обѣщаніе свое палачъ исполнилъ. Когда сняли Гусева съ кобылы, чтобы приложить ко лбу и щекамъ машинку съ желѣзными иглами, рисующими слово К. А. Т. (каторжный) и ударить по ней нѣсколько разъ ладонью руки, Гусева въ живыхъ уже не было. Незачѣмъ было и порохомъ притирать заклейменыя части лица.

Отвернувши глаза отъ ужасного зрѣлища (къ счастію человѣчества и славѣ Россіи, давно уже не существующаго), народъ, расходясь по домамъ, станетъ разсказывать дѣтямъ и внукамъ о событіи,

но по другому, а не то, что̀ видѣлъ онъ и видѣли другіе. Рѣдкій изъ разбойниковъ не останется въ народной памяти и преданіяхъ не колдуномъ и чародѣемъ, спознавшимся съ нечистой силой и отъ нея надѣлавшимъ столько злодѣйствъ. Половину злодѣйскихъ подвиговъ разбойника народъ забудетъ и, разсказывая о памятныхъ, съумѣетъ умягчить ихъ жестокость, приписать мщенію, гдѣ кровь за кровь и жертва за жертву идутъ, цѣпляясь и не прерываясь. Повѣдаетъ народъ потомству, что казненый разбойникъ отличался красотой лица, окладистой чорной бородой, живыми глазами, широкими плечами и такимъ высокимъ складнымъ ростомъ, что такъ всѣ и ахнули, увидя его на подмосткахъ, и всѣ пожалѣли объ немъ. Въ этомъ народная память не ошибается: таковъ былъ и Гусевъ, и Рузавинъ, и Васька Торинской (костромской) и Митька Быковъ (казанскій), скелетъ котораго въ музеѣ университета поражаетъ пропорціональностью костей, обѣщая красавца и въ анатомическомъ значеніи этого слова. Полагаютъ даже (не безъ сильнаго основанія), что красивый и дородный молодецъ оттого и разбойникомъ сталъ, что забаловался на женскихъ ласкахъ и на требованіяхъ отъ нихъ похвальбы и бахвальства. Забаловавшись, онъ запилъ, закутилъ, закружился въ вихрѣ удовольствій до того, что никуда сталъ не годенъ: началъ останавливать на себѣ и общее и бабье вниманіе и другими удалыми подвигами, не отличая за недосугомъ грабежа отъ разбоя. Разскажутъ про разбойника, что онъ такъ пѣлъ пѣсни, что сыръ-боръ прислушивался и птицы примолкали и самъ умѣлъ складывать такія пѣсни, что рѣдкого человѣка не прошибала слеза, у рѣдкого не защемливало сердце (и въ этомъ много правды: начиная со Стеньки Разина въ XVII вѣкѣ, затѣмъ первообраза всѣхъ остряковъ изъ воровского рода—Ваньки Каина въ прошломъ, и въ нынѣшномъ того же Гусева, малороссійского разбойника Кармелюка и проч.). Перенося дѣянія съ одного на другого, народная память, какъ одному, такъ и всѣмъ, припишетъ однородное: всѣ разбойники были милостивы къ несчастнымъ и угнетеннымъ и, разбойничая, только мстили обидчикамъ: богатыхъ грабили, казну грабили, купцовъ обижали, на чиновниковъ и господъ нападали, но бѣднымъ и нужнымъ людямъ давали милостыню щедрой рукой. И здѣсь народная память не противорѣчитъ дѣйствитель-

ности: отпуская въ дорогу невредимыми и цѣлыми, дѣйствительно не скупились на дачу бѣднымъ и обиженнымъ эти люди по тому обстоятельству, которое имѣетъ оправданіе въ характерѣ всѣхъ грабителей изъ бродягъ. Бродяги еще въ тюрьмахъ выработываютъ презрѣніе къ деньгамъ и привыкаютъ къ безразсчетнымъ тратамъ; скопидомы въ бѣга не ходятъ, а ушедшіе тратятъ прахомъ нажитое съ тою расточительностью, которая составляетъ одну изъ самыхъ главныхъ чертъ ихъ характера. Великодушіе также въ свойствахъ людей съ сильною волею; къ тому же, на виду и при случаѣ, можно имъ побахвалиться, похвастаться; ограбивъ помѣщика, высѣчь и отпустить; чиновниковъ перевязать спинами и прикрѣпить къ дереву; нападать исключительно на казенные транспорты и не трогать обозовъ купеческихъ, а крестьянскіе провожать своимъ конвоемъ въ цѣлости и сохранности и проч. Все это ловко попадаетъ въ цѣль, и въ началѣ поисковъ и гонокъ за разбойниками неномѣрно затрудняетъ искателей. Въ народѣ окольномъ встрѣчается нерѣшимость, отсутствіе всякой энергіи: у кого отъ страха, у кого отъ тайныхъ причинъ. Испуганные ищутъ спасенія въ молитвѣ и на этотъ разъ прибѣгаютъ къ заступничеству Ивана-Воина. Бо́льшая часть другихъ, безтолковою хлопотливостью, нескрывающею равнодушія къ успѣху, раздражаютъ искателей и помищиковъ до того, что они обыкновенно рѣшаются просить помощи у военной силы; на окольную перестаютъ надѣяться. Ловятъ милосердныхъ разбойниковъ всего чаще солдатами. Хвастливость и желаніе красоваться и въ тюрьмѣ ихъ не покидаетъ съ одной стороны для того, чтобы съ особеннымъ тщаніемъ на время казни приготовить для толпы хвастливыя изрѣченія и острыя слова, а съ другой—чтобы не памятовали объ нихъ иначе, какъ объ удалыхъ добрыхъ молодцахъ и — достигаютъ цѣли. Подъ призрачнымъ идеаломъ народъ уже не видитъ въ разбойникѣ потерянаго жестокого человѣка, у котораго все навыворотъ, который запачкался во всевозможныхъ порокахъ и нравственно развращонъ до самого корня. Чайкинъ разрываетъ людей на двѣ части, привязавъ къ двумъ наклоненнымъ вершинамъ гибкого дерева за ноги, а Быковъ стоитъ вдали и любуется, и на слѣдствіи клянется и бо-

жится, что онъ неповиненъ, ибо своими руками не дѣйствовалъ, а только придумывалъ и заказывалъ своему эсаулу. Чайкинъ рѣжетъ бѣдную, попавшуюся на дорогѣ беременную женщину, а Быковъ подходитъ и смотритъ, оправдывая потомъ преступленіе и приказъ свой тѣмъ, что хотѣлъ полюбопытствовать, какъ лежитъ въ утробѣ матери еще неродившійся ребенокъ.

Всматриваясь затѣмъ въ уголовныя хроники, мы встрѣчаемъ еще немногія дополнительныя черты, въ которыхъ если мало общихъ, то много характерныхъ. Бо̀льшею нетерпимостью отличаются разбои, производимые бѣглыми съ каторги (въ шайкѣ Быкова такихъ было 9, въ томъ числѣ самъ атаманъ и эсаулъ были изъ таковыхъ же бѣжавшихъ съ иркутскаго солеваренаго завода). Бо̀льшую ловкость и изворотливость обнаруживали бѣглые кантонисты, бо̀льшую жестокость — бѣглые солдаты. Какою-то дикою силою, неразсчотливостью и непредусмотрительностью отличаются тѣ грабежи и разбои, которые производятся татарами, и неумолимъ и жестокъ тотъ разбойникъ, который вырождается въ кочевыхъ племенахъ и въ башкирахъ. Затѣмъ племенныя особенности выступаютъ на видъ и берутъ свои права во всѣхъ случаяхъ: замѣшался татаринъ въ шайкѣ Быкова—послѣ разбоя, при дуванѣ, онъ выговариваетъ себѣ лошадь, сбрую, телѣгу: телѣгу сжигаетъ, колесный накатъ катитъ домой. Вмѣшался въ дѣло цыганъ—при грабежахъ указываетъ на конюшни, самъ уводитъ, подъ защитой товарищей, лошадей мастерски и осторожно и еще съ бо̀льшимъ искусствомъ загоняетъ ихъ въ скрытыя мѣста, гдѣ вытравляетъ клейма, перекрашиваетъ масти, выгодно перепродаетъ. При дѣлежѣ дувана ограбленныхъ и убитыхъ красильщиковъ онъ не беретъ деньги натурой, беретъ выпивкой, но, отказавшись отъ злата, съ охотою бросается и выговариваетъ себѣ кубовую краску и опять тѣхъ же лошадей.

И нѣтъ худа безъ добра: разбои, какъ и всякое другое преступленіе, наводящее ужасъ, выходящее изъ ряду обыкновенныхъ, грозное многочисленностью участниковъ, пробуждаютъ общество изъ временной апатіи, будятъ въ немъ остывшую осторожность, и въ дѣятеляхъ административныхъ возбуждаютъ энергію и усердіе.

Энергія сказывается въ усиленіи надзора и вниманія, дѣятельность, чрезъ это удвоенная, наталкивается на множество скрытыхъ преступленій. Застигнутыя въ расплохъ и выведенныя наружу, преступленія эти освѣщаютъ для судей много такихъ дѣлъ, которыя, за неясностью уликъ и видимыхъ доказательствъ, преданы были суду и волѣ Божіей. Дѣло о Быковѣ открыло въ Казани цѣлую толпу въ 27 человѣкъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ, изъ которыхъ одни оказались преступниками, бѣжавшими изъ Сибири съ каторжныхъ работъ, другіе бродягами, «отлучившимися отъ своихъ жительствъ безъ дозволенія ихъ начальствъ и мотающимися по городу безъ опредѣленной цѣли». Побѣги разбойниковъ изъ тюремъ наводятъ мысль о тщательномъ осмотрѣ острожныхъ помѣщеній; осмотръ наталкиваетъ на существованіе въ тюрьмахъ дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій и монеты. Продолжительные и усиленные поиски, внезапные повальные обыски разбойничьихъ притоновъ обнаруживаютъ мастерскія дѣлателей тѣхъ же фальшивыхъ денегъ, канцеляріи для фальшивыхъ паспортовъ, притонщиковъ и мѣста складовъ краденыхъ вещей: искатели попадаютъ на слѣды конокрадства, на тѣ пути и дороги, по которымъ проводятся краденыя лошади и проч.

Возвращаясь къ тобольскимъ цифрамъ преступниковъ, ушедшихъ въ Сибирь за разбой, мы видимъ, что количество женщинъ, судженныхъ за это преступленіе, несравненно меньше количества мужчинъ, и участіе ихъ въ разбояхъ даже несравненно слабѣе, чѣмъ въ грабежахъ. Разбойницы остались только въ пѣсенной памяти и дѣла такія имъ совсѣмъ не по природѣ, не по характеру (на 341 муж., ушедшихъ за разбой въ девять лѣтъ, 17 разбойницъ, съ исключительнымъ перевѣсомъ на губ. Виленскую (6 чел.) и съ преобладаніемъ мужчинъ въ той же губерніи и въ Бессарабіи, Грузіи, губ. Ярославской, Симбирской, Кіевской, Воронежской, Подольской, Каспійской области — словомъ, чаще на рубежахъ, чѣмъ внутри государства; предпочтительнѣе въ мусульманской средѣ (въ Кавказскихъ и Казанской губ.), въ Приволжьѣ больше, чѣмъ по системамъ другихъ рѣкъ, у заводскихъ крестьянъ чаще, чѣмъ у помѣщичьихъ и государственныхъ. Между солдатками сильнѣе пособничество въ видѣ содержанія

пристаней, чѣмъ между всѣми другими женщинами изъ прочихъ сословій *).

На мѣстахъ ссылки и на каторгѣ за разбой приводится судить рѣдко (въ Нерчинскихъ заводахъ въ 10 лѣтъ ни одного случая изъ 1,136 человѣкъ, сосланныхъ за грабежи и разбои). Въ Тобольской губ. въ 9 лѣтъ предъидущихъ (съ 38-го по 46) шесть, изъ поселенцовъ ни одного; за то за грабежъ каторжныхъ въ это же время 13, поселенцовъ 23 (20 м., 3 ж.); взломали тюрьмы 7 каторж., 32 посел. Бѣжало изъ Сибири и возвращено 8,246 муж. (каторжныхъ и поселенцовъ) и 235 жен.: вотъ тотъ источникъ, изъ котораго предоставляется Россіи право почерпать всѣ невзгоды для себя, невзгоды, происходящія отъ воровства, грабежей, разбоевъ и поджоговъ. Бродягъ поймано въ 9 лѣтъ на разбояхъ 10 муж., 1 жен. Дома люди эти не такъ скоро рѣшаются на обиду, но разбойникъ выходитъ на злодѣйства, вдохновляемый на большую часть одинаковыми съ Россіей причинами. Скопленіе опасныхъ и голодныхъ людей въ одной мѣстности, затрудняющейся ослаблять вражью силу прокормомъ и пріютомъ, порождаетъ грабежи и разбои теперь временно, періодически. Объ этомъ разсказано нами подробно въ своемъ мѣстѣ. Въ Сибири опасныхъ разбойниковъ и злодѣевъ сажали на цѣпь, и для этого, кромѣ всѣхъ

---

*) По годамъ разбойники размѣстились въ такомъ количествѣ: 1838 — 14 м., 1 ж.; 39 — 16 м., 1 ж.; 40 — 18 м.; 41 — 10 м., 4 ж.; 42 — 43 м., 9 ж.; 43 — 59 м.; 44 — 20 м.; 45 — 73 м., 2 ж.; 46 — 88 м.

По губерніямъ:

Ярославская	28 м.	1 ж.
Виленская	26 »	6 »
Бессарабія	23 »	— »
Грузія	21 »	— »
Симбирская	16 »	— »
Кіевская	13 »	— »
Каспійская область	12 »	— »
Воронежская	11 »	— »
Подольская	11 »	— »
Смоленская	10 »	— »

Въ дальнѣйшихъ тобольскихъ табеляхъ ушедшіе за разбой смѣшаны съ укрывателями въ одномъ числѣ и вообще спутаны вмѣстѣ съ грабителями.

каторжныхъ, существуетъ особенная тюрьма въ Акатуѣ, при одномъ изъ нерчинскихъ рудниковъ.

Переходимъ къ поджогамъ, какъ къ такому преступленію, которое часто имѣетъ отношеніе и къ смутнымъ временамъ извѣстныхъ мѣстностей, накопившихъ сибирскихъ бѣглыхъ, и нѣкоторыми корнями своими укрѣплено въ той же почвѣ бродяжества и изъ нея выростаетъ.

ГЛАВА VII.

ПОДЖИГАТЕЛИ.

Причины поджоговъ. — Проявленіе ихъ. — Пожары городовъ и деревень. — Гдѣ нѣтъ поджоговъ? — Поджоги—дѣтское и женское преступленіе. — Поджоги въ Россіи. — Красный пѣтухъ. — Мщеніе.

Поджоги или (какъ привыкли выражаться казенныя бумаги и лица, а за ними и тобольскія табели) зажигательство — одно изъ тѣхъ преступленій, причина которыхъ всего меньше опредѣлена. Ни при одномъ изо всѣхъ другихъ не выразились до такой степени несостоятельность слѣдствій и безсиліе слѣдователей недавнихъ временъ, спутанныхъ и затрудненныхъ тѣмъ особеннымъ явленіемъ, что поджоги являются періодически и въ нѣкоторые годы разомъ, массою случаевъ, приносятъ несчастіе цѣлымъ мѣстностямъ, чаще всего въ одинъ и тотъ же годъ, и при этомъ значительно одна отъ другой удаленнымъ. Подозрѣвая въ такомъ явленіи обыкновенно результаты сильно возбужденнаго неудовольствія партій и политическихъ движеній, руководящихся поджогами, какъ средствомъ для возбужденія народа — слѣдователи, въ своихъ исканіяхъ, наталкивались на цѣлой рядъ неодолимыхъ препятствій. Запутавшись въ нихъ, они обыкновенно никуда не выходили, и послѣ тщетныхъ исканій являлись съ тѣмъ же, съ чѣмъ и ушли: подозрѣніе какъ будто стало яснѣе; схвачены и виновные, но на большую часть это — дѣти, которыя опредѣленнаго ничего не говорятъ (и сказать не могутъ): дали имъ деньги, поджигательные снаряды, указали, гдѣ начинать, но кто эти заказчики — они не знаютъ, въ первый разъ видятъ. Эти дѣти въ большихъ городахъ по большей части кинутыя родителями, вкусившія

плодовъ бродяжьей жизни или отбившіяся отъ мастеровъ-хозяевъ ученики, начавшіе изучать пріемы и правила увлекательного ремесла бродягъ; въ деревняхъ — это нищіе, проводники слѣпыхъ старцовъ, тоже подкупленные, тоже никого не знающіе. Поджигали они потому только, что ихъ юное, неопытное сердце не привыкло правильно различать добро отъ зла; пошли на преступленіе поджога, не давая себѣ въ томъ отчета; пойли потому, что ихъ приласкали, соблазнили, дали денегъ и пообѣщали всего, чего они захотятъ, чего ни попросятъ. Иногда ихъ ловятъ сбитыми въ шайкахъ (въ которыхъ безразлично попадаются и мальчики и дѣвочки), но при этомъ показанія ихъ еще запутаннѣе; каждый противорѣчитъ одинъ другому, и такъ, что представляется обширное поле для предположеній о томъ, на сколько подстрекатели и руководители тонко обдумывали каждый свой шагъ, ловко припрятали всѣ концы, по которымъ можно было бы доходить до нихъ. До нихъ и не дошли, ни во время ближайшее къ намъ, ни во время отдаленное (какъ, напримѣръ, въ 1848 году), когда сгорѣли цѣлые города (какъ Кострома, Орелъ и проч.). Сгорѣли они столько же и отъ несомнѣнныхъ и настойчивыхъ поджоговъ, столько же и потому, что всѣ, по старинымъ пріемамъ, стоятъ на горахъ, надъ водой, но далеко отъ воды (какъ, напр. всѣ, а Симбирскъ въ особенности). Не найдя виновниковъ по задачѣ — не ходили искать внѣ ея и въ скопленіяхъ опасныхъ людей, прибѣжавшихъ изъ Сибири, причинъ поджоговъ по вызову мщенія за преслѣдованія — не искали. Народъ, знакомый съ такими дѣлами по опыту, заказалъ себѣ одно правило гостепріимства, и укрываньемъ бродягъ, потворствомъ опаснымъ людямъ предотвращаетъ на время бѣды поджоговъ. Въ городахъ для этого меньше средствъ и охотниковъ, и больше готоваго люда для исполненія, а потому здѣсь жгутъ тѣ шайки воровъ, которыя надѣются на суматоху пожаровъ, какъ на выгодное средство къ легкой, но богатой поживѣ. Въ деревняхъ причины поджоговъ выясняются больше, и самое преступленіе возростаетъ на то время, когда ко многимъ народнымъ бѣдствіямъ присоединяются частые и многочисленные грабежи и когда чинятся разбои.

Поджигаютъ деревни всего чаще женщины: поджоги являются такимъ преступленіемъ, которымъ какъ будто гнушается мужское на-

селеніе, и не будь тутъ мальчиковъ (значительно восполняющихъ количество сосланныхъ за поджоги мужчинъ), этотъ видъ преступленій можно было бы назвать исключительно женскимъ. По тобольскимъ табелямъ ссыльныхъ такъ и выходитъ, что въ общихъ цифрахъ самая крупная принадлежитъ женщинамъ, осужденнымъ за поджоги: нигдѣ уже цифра женщинъ такъ не приближается къ цифрѣ мужчинъ (за девять лѣтъ 528 муж. и 434 жен.). По процентному отношенію женщины также характеризуются въ ряду поджигателей со всею очевидностью правъ на подозрѣніе въ сильнѣйшей наклонности вымещать житейскія неудачи охотливѣе этимъ, чѣмъ, напримѣръ, даже убійствомъ мужей. При этомъ наибольшая пропорція принадлежитъ раннему возрасту (отъ 14 до 20 лѣтъ), когда преступная воля охотливѣе пускается на мщеніе путями болѣе легкими, какъ, напримѣръ, на этотъ разъ подбросить огонь и высмотрѣть къ тому болѣе удобное время и болѣе закрытое мѣсто. Даже и въ зрѣломъ возрастѣ простая русская женщина, увлекаемая порывами непосредственныхъ чувствъ и руководимая грубыми природными инстинктами, старается поджогомъ излить накипѣвшую на сердцѣ злобу, высказать мщеніе за невѣрность любовника, за жестокое обращеніе мужа; поджигаетъ она домъ соперницы, поджигаетъ домъ мужа; невѣста у жениха, измѣнившаго слову, обманутая сговорёна у счастливой суженой и проч. Тобольскія табели, высокимъ процентомъ поджигательницъ изъ дворовыхъ людей, указываютъ на иную причину, переставшую въ настоящее время дѣйствовать, но прежде выдвигавшую это сословіе на первой планъ впереди крестьянъ, однодворцовъ и солдатъ (или собственно солдатокъ).

По отношенію къ различнымъ мѣстностямъ Россіи число поджигательницъ преобладаетъ въ губерніяхъ, гдѣ и по отношенію къ поджигателямъ цифра эта велика; таковы прежде всѣхъ двѣ: одна малороссійская Полтавская, другая полу-малорусская — Черниговская. За ними непосредственно слѣдуютъ: Симбирская, ярко-заявившая себя богатою по поджогамъ и въ послѣднее время (въ девять лѣтъ съ 1838 по 47 изъ Симбирской сослано 28 мужчинъ, 18 женщинъ; изъ Черниговской 24 мужчины, 14 женщинъ; изъ Полтавской 11 мужчинъ, 21 женщина). Изъ остальныхъ губерній чаще другихъ

случались поджоги въ такихъ, которыя по преимуществу и гуще другихъ населены были крѣпостными людьми и могли быть названы помѣщичьими *). Не было поджоговъ во всѣ наши девять лѣтъ ни въ одной изъ губерній сѣверныхъ (каковы: Архангельская, Олонецкая, Вологодская) и вообще во всѣхъ тѣхъ, гдѣ избытокъ народонаселенія принадлежалъ или казеннымъ крестьянамъ, или казакамъ, или инородцамъ **). Въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ оказалось наибольшее количество бродягъ, значительная степень участія въ воровствахъ всякого рода, грабежахъ и даже убійствахъ — самая слабая степень виновности въ поджогахъ: гостепріимство тамъ еще въ той степени радушного настроенія, при которой нѣтъ мѣста для злобы и мщенія и отношеніе женскаго пола къ мужскому, слабое по количеству, находится въ благопріятныхъ (мирныхъ и уступчивыхъ) границахъ. Рѣзче выясняется преобладаніе поджигательницъ въ Остзейскомъ краѣ, а въ преступномъ населеніи Закамья (губерніяхъ Оренбургской и Пермской) процентъ поджигателей — самый низкій (въ Оренбургской 20 мужчинъ и женщинъ, въ Пермской 17 обоего пола).

Въ Сибири хотя и существуетъ обычай у бродягъ мстить отказавшимъ въ пріютѣ краснымъ пѣтухомъ или поджогомъ, но случаи эти на столько не выдаются, по сравненію съ таковыми въ Россіи, что, напримѣръ, въ Нерчинскихъ заводахъ, въ десять лѣтъ (съ 1847 по 57), на 174 человѣка, присланныхъ за поджоги, не было ни одного такого, который оказался бы больнымъ пироманіею или высланъ былъ вновь за такое тяжолое для сельского населенія злодѣяніе. Стало быть, страхъ поджоговъ теперь только тотъ призракъ, высматривающій изъ мрака далекихъ временъ, который для бродягъ становится духомъ-защитникомъ, а для туземцовъ покровителемъ, оправдывающимъ отвѣтственность предъ судомъ за укрывательство

*) Пенз. (23 м., 23 ж.), Тамб. (14 м., 13 ж.), Тульск. (12 м., 9 ж.), Виленск. (12 м., 22 ж.) и проч.

**) Въ 9 лѣтъ нашихъ очень мало поджоговъ въ Вятской, Астраханской и Донской казачьей землѣ. Такъ это оставалось и въ предъидущіе 11 лѣтъ, такъ что въ 20 лѣтъ расположились цифры слѣдующимъ образомъ: Архан. (2 м.), Олонец. (1 м., 2 ж.), Таврич. (2 м., 4 ж.), Земля Войска Донск. (3 м., 6 ж.), Новгор. (5 м., 7 ж.).

бѣглыхъ съ каторги и мѣстъ поселенія. Въ десять лѣтъ (съ 1838 по 47) не было замѣчено ни одного поджигателя ни между арестантами, выпущенными въ Сибирь изъ Россіи, ни между каторжными, ни въ средѣ поселенцовъ. Поджоги въ Сибири такая же временная болѣзнь, какъ разбой и грабежъ шайками, и въ такомъ случаѣ немедленное и непремѣнное послѣдствіе этихъ двухъ родовъ злодѣянія. Между тѣмъ, и ссыльныя женщины бѣгутъ въ лѣса и на волю, не справляясь съ силой, и спрашивая только согласія и позволенія у мущинъ каторжныхъ; бѣгутъ немного (по три на годъ), но опять-таки на новой родинѣ своей поджогами заниматься не любятъ. Въ новомъ крѣпостномъ положеніи ихъ все согласно направляетъ къ дѣятельности противоположныхъ свойствъ: рѣдкой изъ нихъ не удается сдѣлаться матерью еще на дорогѣ; ни одной не привелось еще, за недостаткомъ женщинъ, остаться въ безбрачіи. За мужемъ и надъ дѣтьми для каторжной женщины прекращаются всѣ пути къ преступленіямъ крупнымъ и остаются торныя дороги только для воровства и прелюбодѣянія.

ГЛАВА VIII.

ПРЕСТУПНИКИ ПРОТИВЪ ВѢРЫ.

Святотатцы. — Преступность духовенства. — Гробокопатели. — Колдуны. — Богохуленіе. — Отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры. — Ересь и расколъ. — Скопцы. — Церковные воры въ Сибири и Россіи. — Богрядскій-гробокопатель. — Распявшійся на крестѣ фанатикъ. — Скопцы въ Сибири. — Хлысты. — Хлыстовщина въ монастырѣ. — Субботники. — Духоборцы. — Щельники. — Рохонцы. — Молокане. — Старовѣры. — Масляниковъ. — Отшельникъ. — Алтайскіе старовѣры. — Семейскіе старовѣры за Байкаломъ. — Битвы за попа. — Часовенная Сибирь. — Духовенство въ Сибири. — Заводское духовенство. — Филиповъ. — Расколъ въ Сибири: причины его и развитіе.

Сибирь, какъ громадная тюрьма, вмѣщающая все наличное количество пойманныхъ и осужденныхъ преступниковъ, могла бы, повидимому, давать данныя для повѣрки нравственнаго уровня Россіи, но на самомъ дѣлѣ этого не только нѣтъ, но и предположить какую-либо возможность подобной повѣрки не представляется въ настоящее время никакого основанія. Въ Сибири записываютъ наличное число приходящихъ преступниковъ по такой же системѣ, по какой ведутъ счоты принятому товару въ пакгаузахъ, ограничиваясь отмѣткою времени пріема, количества мѣстъ, и заботливо заносятъ въ книгу только нумера тюковъ. О содержаніи принятого и другихъ любопытныхъ подробностяхъ не заботятся. Составлялъ образцы для книгъ старый подъячій, посѣдѣвшій на рутинныхъ пріемахъ и высидѣвшій примѣтное равнодушіе и нескрываемую ненависть ко всему живому. Ко всему тому, что́ возбуждаетъ интересъ науки и служитъ ея досто-

яніемъ, у этого писца полнѣйшее неуваженіе и преднамѣренное недовѣріе. Временами онъ уступалъ настойчивымъ требованіямъ и начиналъ записывать потолковѣе, но вскорѣ затѣмъ опять сводилъ на свое и снова писалъ зря, придерживаясь пріемовъ старой рутины и образцовъ, завѣщанныхъ его сѣдыми и отписавшими свой вѣкъ предмѣстниками.

На этотъ разъ также, какъ и въ тысячахъ другихъ случаевъ столкновенія интересовъ науки съ казенною практикою, замѣчается обоюдный разладъ и огромное отчужденіе. Старый подъячій, разумѣется, не догадался самъ и не былъ возбужденъ другими къ тому, чтобы остановиться и подумать, на сколько примѣнимы къ дѣлу и пригодны для практическихъ и поучительныхъ выводовъ его длинныя и скучныя записи. Отсюда произошло то, что прежде писалъ онъ даже какъ будто толковѣе и, напримѣръ, въ убійствахъ умѣлъ отдѣлять отцеубійства, дѣтоубійства, убійства мужей женами, женъ мужьями.—теперь же все это сбилъ въ одну кучу подъ фирмою убійства умышленнаго и успокоился, придумавъ отдѣлъ убійства случайнаго. Точно также пишетъ онъ теперь для ускоренія акта писанія и для пущей темноты разумѣнія, всѣхъ преступниковъ противъ вѣры въ одну графу; прежде отдѣлялъ онъ всѣ роды этого преступленія и зналъ число отступниковъ отъ господствующей вѣры и число отвлекавшихъ отъ нея, зналъ и различалъ святотатцовъ, колдуновъ и принявшихъ ложную присягу; отдѣлялъ богохуленіе и порицаніе вѣры и велъ отдѣльный счотъ разрывшимъ могилы. Перемудрило-ли тутъ новое начальство, какъ недомудрило старое, оба, повидимому, руководившіяся высшими взглядами—теперь, за давностію, опредѣлять трудно и излишно. Результаты невыгодны тѣмъ, что къ такимъ уголовнымъ хроникамъ и статистическимъ выводамъ, къ какимъ пришли европейскіе криминалисты, у насъ легко и скоро не подойдешь. Ученыя общества съ одной стороны, а съ другой, казенныя учрежденія — это два незнакомца, случайно встрѣчающіеся на улицахъ и безучастно проходящіе мимо другъ друга, каждый своей дорогой. Въ Тобольскѣ, гдѣ принимаютъ ссыльныхъ и записываютъ ихъ преступленія, не могутъ указать, напримѣръ, на то, какія наичаще употребляются орудія для убійствъ, какое время предпочитали

для кражъ, какіе способы мошенничества приняли господствующую форму, чтобы при случаѣ можно было обществу встать въ оборонительное и охранное положеніе. Не объяснятъ въ Тобольскѣ, что грабежи совершаются товариществами въ извѣстныхъ мѣстностяхъ наичаще всего, что разбои находятъ мѣсто и пищу себѣ при такихъ-то общественныхъ и экономическихъ условіяхъ, и проч. Не говоримъ уже о мелкихъ, повидимому, частностяхъ, однако, серьозныхъ на столько, что, напримѣръ, Кэтле съумѣлъ изъ нихъ выработать вѣскіе и поучительные выводы.

Впрочемъ, Тобольскъ не въ состояніи представить мѣрку для нравственной оцѣнки Россіи и потому еще, что существующій въ этомъ городѣ приказъ о ссыльныхъ ведетъ счотъ только тѣмъ преступникамъ, которые приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь. Многіе оставляются въ Россіи по особеннымъ соображеніямъ судовъ и администраціи. Останавливаясь на преступникахъ противъ вѣры, мы должны помнить, что для таковыхъ имѣются мѣста заточеній и въ Россіи, каковы монастыри, между которыми тюрьмы при Спасо-Евфиміевомъ въ Суздалѣ и Соловецкомъ монастыряхъ занимаютъ главное мѣсто. Извѣстную хлыстовскую богородицу Ульяну Васильеву, послѣднюю отрасль знаменитого расколоучителя Денисова, смирили монастыремъ (дѣвичьимъ) Пермской губерніи; извѣстного пропагандиста старообрядцовъ Капулина—Соловецкимъ заточеніемъ и т. д.

Въ разсчотѣ на то, чтобы до нѣкоторой степени объяснить степень вліянія каторги и ссылки на нравственныя и религіозныя убѣжденія сосланныхъ въ Сибирь, мы останавливаемся на таблицѣ тобольскаго приказа, для насъ имѣющей важное значеніе потому, что таблица, вопервыхъ, считаетъ сосланныхъ въ Сибирь, а вовторыхъ, считаетъ ихъ вѣрно, нѣсколько разъ пересчитываетъ и провѣряетъ. По этой таблицѣ, наказанные ссылкой грѣшники опредѣлились въ слѣдующихъ числовыхъ отношеніяхъ.

Самая крупная цифра принадлежитъ святотатцамъ, вторая—сосланнымъ за отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры, и треть — ссыльнымъ за богохуленіе и порицаніе вѣры.

Святотатцы въ большомъ числѣ завинялись въ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ православіе, обезличенное уніей, но непобѣжденное като-

личествомъ, должно было вести борьбу съ тою массою религіозныхъ предразсудковъ и суевѣрій, которые достались тамошнему русскому народу въ наслѣдіе отъ предковъ. Здѣсь, въ этой странѣ, во время давней борьбы о преимуществѣ господствующихъ исповѣданій, въ которой народъ высказался (по сравненію съ малороссійскимъ) полнымъ равнодушіемъ, суевѣрія уберегліись въ такой массѣ, въ какой они уже не являются нигдѣ въ русскомъ народѣ, населяющемъ громадную равнину Русскаго Царства. У русскихъ въ сѣверо-западномъ краѣ остатки народныхъ вѣрованій на столько крупны и серьозны, что несомнѣнно обличаютъ древнее происхожденіе отъ языческаго славянскаго культа, и до того многочисленны, что представляютъ вѣроятіе возстановить эту древнюю славянскую языческую вѣру въ цѣльномъ видѣ. Когда въ *Великой* Россіи тому же наслѣдію предстояло великое испытаніе въ пропагандѣ монастырей и обезсилилось, сверхъ того, оно отъ примѣчательной подвижности племени, дававшей возможность обмѣна (вмѣстѣ съ продуктами), и мыслей, — въ *Бѣлой* Россіи изолированное положеніе народа и его неподвижность— на то же наслѣдіе произвели противоположное вліяніе. Бѣлорусскій народъ лучше сохранился въ прародительскомъ видѣ и бережно донесъ до нашего времени стародавній дохристіанскій законъ предковъ. Великорусскій народъ умѣлъ отъ общенія съ инородцами смѣшать наслѣдство съ новыми пріобрѣтеніями и обезличить то, что у бѣлоруссовъ является почти въ безпримѣсномъ и цѣльномъ видѣ. Великоруссъ успѣлъ за вѣру и въ лѣса разбѣжаться и въ ту же Бѣлоруссію кинуться, и Сибирью, и Новорусскимъ краемъ и Предкавказьемъ и Закавказьемъ былъ наказанъ; умѣлъ броситься по дѣламъ вѣры и въ крайность мистицизма (духоборцы), и въ крайность особого и болѣе строгого вида язычества (хлысты и скопцы); попытался смѣнить вѣру отцовъ на обрядовую ветхозавѣтную (субботники), и на безобрядную вѣру послѣднихъ трехъ вѣковъ (молокане):—бѣлоруссъ оставался недвижимъ. Внѣ его произошла борьба православнаго и римско-католическаго исповѣданій, коснувшись только въ той мѣрѣ, что не обезличивши и мало обезсиливъ старую славянщину, являетъ передъ нами законный и правильный результатъ безразличія и холодности. За отступленіе отъ вѣры и совращеніе, за ересь и расколъ—нѣтъ ни

одного ссыльного; за святотататво—самое большое число. За это преступленіе или именно изъ тѣхъ губерній, гдѣ больше всего, въ послѣднее время, велась католическая пропаганда, успѣвшая охладить въ глазахъ нетвердого въ христіанскихъ догматахъ народа все то, что дорого истинно вѣрующему вообще на Руси: отъ храмовъ и церковного имущества до могилъ умершихъ и ихъ погребальныхъ савановъ. Въ девять лѣтъ (съ 1838 по 1846) за святотатство сослано было изъ западныхъ губерній 124 муж., 24 жен., т.-е. почти $^1/_3$ часть количества всѣхъ сосланныхъ изо всей Россіи, по отношенію къ мужчинамъ (124 на 389 челов.) и почти $^1/_2$ по отношенію къ женщинамъ (24 на 53). При этомъ Виленская губернія дала 29 м., 12 ж., Минская 24 м., 6 ж., Витебская 22 м., 4 ж., Подольская 26 м., съ тѣмъ, можетъ быть, «ослабляющимъ вину обстоятельствомъ», что на этотъ разъ святотатство обезличивается до извѣстной степени въ простое воровство и тѣмъ болѣе въ этой странѣ, гдѣ безчисленныя лишенія и повсюдная бѣдность разлиты въ примѣчательномъ обиліи среди загнаннаго и угнетеннаго народа. Неурожаи—ежегодное явленіе въ той или другой мѣстности лѣсного и мокрого края; урожаи, кромѣ немногихъ счастливыхъ оазисовъ, даютъ такое количество сбора, который всегда недостаточенъ для прокормленія мѣстнаго населенія, съ давнихъ временъ знакомого со множествомъ хлѣбныхъ суррогатовъ *).

Странный родъ преступленія, каково разрытіе могилъ, явившееся въ немногихъ случаяхъ съ объясненіемъ («ограбленіемъ мертвыхъ тѣлъ»), увело жертвъ народного суевѣрія, жертвъ ничтожныхъ по общей числительности: (12 человѣкъ въ 9 лѣтъ) также въ большин-

*) Тобольскія табели и въ послѣдующіе годы продолжаютъ увеличивать число святотатцовъ на сторону тѣхъ же губерній. Возьмемъ на выдержку: въ 1854 году сослано 10 изъ Грод., 9 Минс., 6 Бесс. обл., 5 Кіевск.; въ 1855: 8 Вит., 10 Минс.; то же самое открывается и по сравненію цифръ за 20 лѣтъ (съ 1827 — 46 г.), которое приводитъ къ тому главному выводу, что во всей Россіи нигдѣ святотатство не развито такъ сильно, какъ въ губ. Минской (58 м., 8 ж.) и Витебской (42 + 7). Москов. дала 53+2, Владим. 41 + 7, Кіевс. 46 + 4, Костр. 28 + 2, Новгор. 29 + 2. За то, какъ во всѣхъ этихъ губерніяхъ западнаго края, такъ равно и малороссійскихъ, процентъ сосланныхъ за чисто—религіозныя преступленія замѣчательно слабъ, ничтоженъ.

ствѣ изъ западныхъ губерній (по 3 человѣка изъ Гродненской и Кіевской, 2 изъ Витебской и 1 изъ Волынской). Цифры эти, указывая такимъ образомъ на существованіе особого промысла воровъ, имѣющаго въ понятіи великорусскаго народа значеніе святотатства, въ то же время свидѣтельствуютъ и о крайней его исключительности, а по отношенію къ сѣверо-западному краю принимаетъ онъ особый характеръ, чѣмъ въ Великой Россіи.

Уголовныя характеристики современемъ съумѣютъ указать на основной принципъ, руководящій этимъ преступленіемъ, и отдѣлятъ изъ общаго числа преступниковъ тѣхъ, которыхъ побудила корысть и стяжаніе одежды и украшеній, полагаемыхъ во гробъ по прадѣдовскимъ обычаямъ, отъ тѣхъ, которыхъ увлекло къ преступленію странное и печальное суевѣріе. Тогда въ понятіяхъ распадутся оба вида. Въ Россіи уже и теперь выясняется на этомъ преступномъ промыслѣ солдатъ-дезертиръ, испортившійся въ казармѣ и оголодавшій въ бѣгахъ, дѣйствующій преступно въ тѣхъ губерніяхъ (каковы по нашимъ даннымъ Казанская, Пермская и Пензенская), гдѣ инородцы, а особенно татары, любятъ снабжать трупы и гробы умершихъ самыми дорогими одеждами и украшеніями. Такъ точно, и тогда же, приметъ это преступленіе другой видъ по отношенію къ губерніямъ сѣверо-западнымъ, гдѣ поводомъ къ преступному дѣйствію служитъ суевѣріе, основанное либо на мистической необходимости, выкопавъ трупъ, отнять голову, чтобы обнести ее кругомъ селенія для прекращенія скотскаго падежа на тотъ случай, если не рѣшится какая-нибудь женщина голой объѣхать верхомъ на лошади вокругъ деревни; либо суевѣріе основывается на приготовленіи свѣчи-невидимки, которая дѣлаетъ лицо, приготовившее свѣчу, невидимымъ для тѣхъ, кого оно вздумаетъ обворовать и которую необходимо приготовлять именно изъ жиру умершаго колдуна (съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ сложныхъ, но исполнимыхъ, мистическихъ приготовленій и обрядовъ *).

*) Въ г. Василѣ (Нижег. губ.) найдена была, между прочимъ, одна могила разрытою: изъ трупа, по освидѣтельствованіи врачомъ, вынуто было одно только сердце, — можетъ быть тѣмъ лицомъ, которому было дорого, котораго любило и покинуло это сердце, можетъ быть и тѣмъ, которое желало надъ этимъ органомъ покудесить. Виновнаго не нашли.

Взаимное недоразумѣніе, обоюдный обманъ (и суевѣрного грѣшника, и суевѣрныхъ судей) съумѣли выгородить этихъ преступниковъ, ожидающихъ лекарства отъ церкви и, на худшій конецъ, отъ больницы психіатра, чтобы сослать въ Сибирь вмѣстѣ съ ними и такихъ людей, на судьбѣ которыхъ снова встрѣтились взаимный обманъ и обоюдная вѣра въ чорта и всякую нечистую силу. Въ тобольскихъ табеляхъ явились колдуны. Колдовство признано за преступленіе, обрекающее на изгнаніе и предполагающее въ ссылкѣ исцѣленіе. Въ этомъ случаѣ, что нибудь изъ двухъ: или мы на столько просвѣтились, что стали различать врача-шарлатана отъ настоящаго мастера своего дѣла, или вѣримъ чорту, съ которымъ спознался чародѣй-колдунъ. Конечно, такъ-называемый колдунъ не имѣетъ возможности украшать свою пріемную предметами, врачу вовсе ненужными, но возбуждающими уваженіе и довѣріе въ пацієнтѣ; тѣмъ не менѣе, мы не можемъ отрицать, что въ большинствѣ этого рода шарлатановъ живетъ глубокая вѣра въ собственную силу, исходящую изъ личнаго убѣжденія и укрѣпляемую постояннымъ довѣріемъ массы. Едва-ли подобный человѣкъ больше шарлатанъ и обманщикъ, чѣмъ тѣ, которые изрѣдка налетаютъ къ намъ изъ Европы; едва-ли онъ не настолько же убѣжденъ въ себѣ, какъ и всѣ остальные убѣжденные и убѣждаемые въ своемъ врачебномъ знаніи. На самомъ дѣлѣ колдунъ—представитель той медицины, которая извѣстна была древнимъ и перешла къ русскимъ отъ шамановъ, называвшихся встарину волхвами и кудесниками; колдунъ—лекарь, у котораго бо́льшая часть лекарствъ дѣйствуютъ какъ симпатическія средства и ниодно изъ нихъ не крушитъ болѣзни безъ таинственной обстановки и многосложныхъ суевѣрныхъ обрядовъ. Понятно, что попалъ онъ въ Сибирь потому, что плелъ на себя въ судѣ напраслину, которую самъ не считалъ таковою, и не щадилъ онъ себя, щадя свою прежную славу и будущую славу послѣдователей и товарищей своихъ. Попался онъ потому, что не былъ такъ ловокъ, какъ другіе, и подвернулся подъ ударъ судьбы на время случайныхъ народныхъ бѣдствій, когда народъ его околотка, озлобленный несчастіями неурожаевъ и повальныхъ болѣзней и растерявшійся отъ нихъ, вышелъ изъ себя, измѣнилъ себѣ до того, что предалъ нужного человѣка въ руки казенныхъ

судей и на судъ уголовныхъ законовъ. Впрочемъ, такихъ случаевъ было немного и колдуновъ все-таки уберегаетъ народъ про себя. Поступились ими въ 9 нашихъ лѣтъ только двѣ губерніи (Калужская 1 колдуномъ и 3 колдуньями и Черниговская 1 колдуньей: обѣ губерніи въ 1841 году), но остались при своемъ: оборвавъ двѣ-три вѣтки, сохранили въ почвѣ сѣмена и корень...

По приговорамъ прежнихъ судей, въ числѣ другихъ преступниковъ, ушедшихъ въ Сибирь за преступленія противъ вѣры, меньшее количество палокъ выпало за богохуліе и порицаніе вѣры (въ 9 лѣтъ 21 челов.), нѣсколько больше (31) за отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры, и всего больше (59) сослано за ересь и расколъ. По первому роду самое большее число шло изъ губерніи Пермской, отличающейся тѣмъ, что на всякій видъ преступленій у ней находится возможность отвѣчать большими цифрами (почему — скажемъ ниже). По второму виду религіозныхъ преступленій (отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры) цифра представляется большою на сторонѣ мужчинъ и ничтожною на сторонѣ женщинъ (хотя на самомъ дѣлѣ бываетъ наоборотъ), а въ общемъ цифра явилась одною изъ самыхъ малыхъ по сравненію съ цифрами всѣхъ другихъ родовъ преступленій. Повсюдные факты говорятъ противное, и сибирскую цифру можно объяснить тѣмъ, что изъ отступниковъ шли сюда только тѣ, которые жили въ мѣстностяхъ, издавна пользующихся какъ бы привиллегіей, по дѣламъ вѣры, на ссылку въ Сибирь. Оттого крупнѣе цифра явилась на губерніяхъ Тифлисской и Ставропольской, какъ такихъ, которыя предназначены были правительствомъ для поселенія всякого рода сектаторовъ. Объяснилась величина цифры (хотя сравнительно меньшая) въ губ. Тамбовской (въ которой прежде другихъ обнаружились молокане) и Таврической (куда перевело правительство всѣхъ замолоканившихся, всѣхъ духоборцовъ и субботниковъ, поселивши ихъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, на урочищѣ «Молочныя Воды»). Пойманы вѣроотступники и въ Землѣ Черноморскихъ Казаковъ, гдѣ сильно бродитъ религіозная пропаганда. Сосланы увлеченные и увлекавшіе изъ губ. Симбирской, куда устремилось молоканство, до сихъ поръ путешествовавшее по степямъ, и изъ Тобольской, гдѣ на всякое увлеченіе и на всякое преступленіе всегда находится не одинъ отвѣтчикъ.

Третій родъ религіозныхъ преступленій, расколъ и ересь, отвѣчаетъ цифрами тому же обязательству, какъ и предъидущій видъ: больше шло изъ губерній, населенныхъ сосланными изъ Россіи за измѣну господствующей вѣрѣ (каковы губерніи: Таврическая, Казанская и закавказскія) и, разумѣется, на большой свободѣ и при вполнѣ очищенной изгнаніемъ совѣсти, не переставшихъ выяснять себѣ и разсказывать другимъ любопытныя истины новой вѣры. Явились въ Сибирь по такимъ дѣламъ люди болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, пріобрѣвшіе большую сосредоточенность и самоуглубленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательную стойкость и крѣпость въ тѣхъ нравственныхъ убѣжденіяхъ, которыя, на утѣшеніе старости, выработались въ начала, очищающія совѣсть и поддерживающія духъ. Большая часть людей, поплатившихся за свои религіозныя вѣрованія и убѣжденія лишеніемъ правъ состоянія и ссылкою въ Сибирь, принадлежали по возрасту къ людямъ свыше шестидесяти лѣтъ, который рѣдко уже замѣчается виновнымъ въ другихъ, болѣе важныхъ и дѣйствительныхъ преступленіяхъ, а по сословію къ купцамъ — сословію, занимающему по всѣмъ другимъ родамъ преступленій самое отдаленное мѣсто съ примѣчательно некрупною цифрою. Ересь и расколъ, совращеніе и отступленіе отъ вѣры—какъ будто привиллегированныя купеческія преступленія, въ каковыхъ спорятъ съ нимъ только однодворцы. Процентъ сосланныхъ за вѣру купцовъ значительно превосходитъ всѣ другія сословія *).

Оскопленіе, какъ крайній результатъ извѣстныхъ религіозныхъ

*) Тобольскія табели собственно по дѣламъ старообрядства — плохой судья. Съ 1831 года, по случаю увеличенія раскола, перестали ссылать преступниковъ этого рода. Въ послѣдніе годы предъ этимъ запрещеніемъ по цифрамъ табелей замѣтно было сильное распространеніе раскола въ Воронежской губ., въ Рязанской, Пензенской, Тамбовской и Орловской. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это увеличеніе произошло не въ сторону старовѣровъ, уживающихся преимущественно въ лѣсныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ, а въ сторону нововѣровъ (сектъ раціоналистовъ), которые наиболѣе облюбили степныя и южныя губерніи. Въ этомъ отношеніи враждебныя вѣроисповѣданія приняли противоположное географическое направленіе другъ другу, какъ бы преднамѣренно заусловившись между собою, въ отмежеваніи мѣстностей.

убѣжденій скопческой секты, по самой исключительности своей, не можетъ быть объяснены сибирскими цифрами. Ссылали этихъ «божьихъ людей» и на Аландскіе острова, и за Кавказъ, и въ Сибирь одновременно. Шли въ Сибирь тѣ прозелиты, которымъ удалось оскопить другихъ, повѣрившихъ живому Богу, живущему въ городѣ Иркутскѣ, въ сибирской сторонушкѣ, а шли, разумѣется, оттуда больше, куда были высланы скопцы изъ Россіи. Такъ и по нашимъ табелямъ, наибольшее число «оскопившихъ себя» и «оскопленныхъ другими» вышли изъ Закавказскаго края (бывшей Грузино-Имеретинской губ.) и Новороссійскаго (губ. Херсонской и Таврической) *). Всѣ эти прозелиты ушли либо на рѣку Енисей — въ Туруханскій край, либо на Лену — въ Якутскій. Скопился чаще солдатъ и мѣщанинъ и всего меньше—крестьянинъ; большое число людей оскопившихся ушло въ холодныя тундры и самыя неудобныя сибирскія мѣста, изъ инородческихъ племенъ — изъ племени финновъ (или, попросту, чухонцовъ) по преимуществу. Множество скопцовъ убѣжало изъ Россіи и за Австрійскую границу. Одинаково оскоплялись во младенчествѣ, скопились и въ молодые и въ зрѣлые годы: мужчины и женщины безразлично и почти въ такихъ же взаимныхъ числовыхъ отношеніяхъ **).

Совсѣмъ другими свойствами отличается тотъ видъ преступленій противъ вѣры, который велъ грѣшниковъ прямо на каторгу, въ Нер-

*) Въ концѣ 20-хъ гг. нынѣшнаго столѣтія изъ великорусскихъ губерній сильнѣе выразились ссыльными скопцами губ. Орловск. (съ 1823 по 1831 — 55), Тамб. (50), Курская (46) и Калужская (35) — мѣста преимущественнаго религіознаго движенія отъ хлыстовщины до скопчества, отъ духоборства до молоканства. Самый основной и древній пунктъ хлыстовщины, Костромская губ., выразилась также и скопцами (20).

**) Между преступленіями противъ вѣры указана въ тобольскихъ табеляхъ графа для сосланныхъ за «лживую присягу», но графа эта только разъ оживлена была преступниками этого рода (съ 1846 г. сосланы были изъ Ковенской губ. 1 муж и 1 жен.), несмотря на то, что подобное преступленіе, въ прежней судебной практикѣ, являлось дѣломъ обычнымъ. Всѣмъ памятенъ обычай очистительной присяги, всенародно, при звонѣ колоколовъ. Цѣлой Москвѣ памятенъ тотъ случай, когда завѣдомо всѣмъ виноватый, сходилъ подъ колокола и не устыдился: за что — какъ извѣстно по народнымъ примѣтамъ — до седьмаго колѣна не смывается съ потомковъ грѣхъ «ложной присяги».

чинскіе рудники и который называется святотатствомъ. Церковные воры, за исключеніемъ губерній сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, въ русскихъ губерніяхъ попадались въ большемъ числѣ тамъ, гдѣ древняя богомольная Русь настроила большее количество церквей и монастырей, богаче украсила ихъ отъ избытка собственныхъ денежныхъ богатствъ и гдѣ, такимъ образомъ, при обиліи соблазна для голодной голытьбы укрѣпился грѣхъ святотатства. Онъ, въ сибирскихъ табеляхъ ссыльныхъ, сдѣлался судьбою, какимъ-то видомъ неизлечимой и постоянной болѣзни, послѣдовательно и настойчиво повторялся въ губерніяхъ: Владимірской, Кіевской, Черниговской, Московской, Костромской, Нижегородской и Новгородской. Не выразились только Ярославская и Тверская, поступающіяся значительнымъ числомъ своего населенія для дальныхъ отхожихъ промысловъ *).

Шли въ Сибирь за воровство церковного имущества изо всего множества русскихъ сословій, преимущественно и почти исключительно три: одно, ближе стоящее къ церкви, и два, ставшія отъ нея примѣчательно дальше другихъ. Такъ, напримѣръ, лица духовного званія, причастныя въ примѣтной степени преступленію воровства-кражи и рѣже воровства-грабежа, упорно отстаиваютъ за собой въ ежегодной цифрѣ тотъ видъ этого рода преступленій, который извѣстенъ на юридическомъ языкѣ подъ именемъ святотатства. Въ равной степени падаетъ этотъ грѣхъ и на священнослужителей и на церковнослужителей, если принять въ разсчотъ то, что число причетниковъ въ общей сложности превышаетъ вдвое количество священниковъ и дьяконовъ **).

Изъ двухъ остальныхъ сословій оба, искусственно водворенныя

---

*) Женщины по отношенію къ мужчинамъ, въ общемъ числѣ святотатцевъ, составляютъ 1/6 часть. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, послѣдовательно за всѣ годы, высланы были одни только мужчины (изъ Моск., Новгор., Воронежск., Пермск., Подол., Тифл. и Оренб.). Западныя губерніи отличаются также довольно значительнымъ процентомъ церковныхъ воровъ. Губерніи: Витебская и Минская сильно выдаются впередъ всѣхъ другихъ.

**) Такъ въ 1845 г. сослано за святотатство священнослужителей 9, церковнослужителей 11; въ 1844 г. священниковъ и дьяконовъ — 7, причетниковъ — 15, и т. д.

на русской почвѣ и оба необезпеченныя въ экономическомъ отношеніи: одинъ пролетарій безъ земли, другой безъ всякой собственности, раздѣлили съ духовенствомъ преступленіе церковного воровства между собою. Снявши такимъ образомъ всю вину обвиненія въ преступленіи съ русскаго простого народа, они оказались между собою въ тѣхъ количественныхъ отношеніяхъ, по которымъ ясно, что цифра святотатцовъ, послѣ духовенства, всею тяжестію своею тотчасъ падаетъ на солдатъ, а затѣмъ на мѣщанъ. Вѣроятіе святотатства для крестьянъ въ 40 разъ слабѣе, чѣмъ для духовенства. Въ числахъ эти отношенія, за наши 9 лѣтъ, выражаются такъ:

Лицъ духовного званія	104 муж.	
Солдатъ служащихъ и отставныхъ	87 »	2 женщ.
Мѣщанъ	51 »	5 »

Для духовенства вѣроятіе тяжкого грѣха церковныхъ кражъ составляетъ исключительную особенность наравнѣ съ преступленіями по службѣ чиновниковъ.

По отношенію ко всѣмъ другимъ родамъ преступленій, совершонныхъ этими тремя сословіями, — святотатству у духовныхъ и мѣщанъ принадлежитъ третье мѣсто; у солдатъ же оно занимаетъ — пятое (убійства, побѣги, воровство, грабежи и — святотатство). Само же духовенство, по проценту для тяжкихъ преступленій, занимаетъ самое видное мѣсто; за исключеніемъ его, по другимъ родамъ, духовенство встаетъ на самое дальное, превосходя только купеческое сословіе. Попадьи и поповны тутъ ни въ чомъ неповинны, точно также какъ и всякая другая преступность въ нихъ замѣчательно слаба.

Въ періодъ послѣдующаго десятка лѣтъ (съ 1 янв. 1841 по 1 янв. 1857) въ Нерчинскіе заводы поступило рабочихъ, сосланныхъ за святотатство — 72 и за оскопленіе — 7. Послѣдуемъ сюда за ними, по нашей задачѣ и ради вопроса о томъ, что происходитъ съ этими ссыльными тамъ, на каторгѣ: остаются ли они при своемъ, исправляются или больше портятся?

Само собою разумѣется, что съ уничтоженіемъ основныхъ поводовъ и вызывающихъ причинъ или, съ ослабленіемъ питательныхъ соковъ, — преступленіе уничтожается вовсе или ослабѣваетъ количествомъ жертвъ. Вѣрно также и то, что ссылка со своими рѣзкими, рѣшительными и грозными послѣдствіями производитъ съ преступниками то, что они: или оглушенные и озадаченные крутымъ бытовымъ переворотомъ и крупнымъ житейскимъ несчастіемъ, зарекаются на новыя преступленія, или, въ крайномъ случаѣ испорченности и забалованности, дѣлаются болѣе осторожными и опытными. Въ ссылкѣ, какъ извѣстно, существуетъ признанная законами и весьма возлюбленная ссыльными форма, нравственное значеніе которой состоитъ въ томъ, что совершившій преступленіе и умѣвшій спрятать его можетъ высказаться потомъ подъ видомъ бродяги, непомнящаго родства. На огромную массу людей это званія, не безъ нѣкотораго практическаго основанія, возлагается участіе въ необъясненныхъ и неоткрытыхъ преступленіяхъ. Тѣмъ не менѣе, въ числѣ ссыльныхъ, завиняемыхъ въ Сибири за новыя и различныя преступленія, исчезаетъ видъ богоотступниковъ, еретиковъ и раскольниковъ, какъ бы въ силу того, что разъ содѣянный фактъ подобнаго рода не имѣетъ возможности повториться. За преступленія противъ вѣры и даже за такой видъ ихъ, какъ святотатство, въ Нерчинскихъ заводахъ, въ числѣ вновь осужденныхъ, не указано ни одного въ теченіе десяти лѣтъ (съ 1847 по 1857 г.), а въ теченіе предъидущихъ девяти (съ 1837 по 1846) на всю Сибирь, изо всего числа каторжныхъ, указанъ виновнымъ въ святотатствѣ только одинъ, изъ числа поселенцовъ 5, изъ арестантовъ, выключенныхъ изъ арестантскихъ ротъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, только 2. Конечно, на этотъ фактъ должно было имѣть значительное вліяніе то обстоятельство, что Сибирь примѣчательно-скудно надѣлена церквами. Въ *часовенной* Сибири святотатцамъ, конечно, лежала болѣе торная дорога къ другимъ преступленіямъ и полнѣйшая возможность (по силѣ народной пословицы, гласящей, что «разъ укралъ — на вѣки воромъ сталъ») уйти на воровство съ болѣе широкими (а не спеціальными) примѣненіями и исчезнуть въ цифрѣ осужденныхъ вообще за похищеніе чужой собственности. Таковыхъ въ тѣ же десять лѣтъ въ од-

нихъ Нерчинскихъ заводахъ *только уличено* и осуждено 201 человѣкъ, а по всей Сибири за 9 лѣтъ предъидущихъ суждено за явное воровство изъ каторжныхъ 34, изъ бродягъ 476, изъ поселенцовъ 144, и изъ арестантовъ 30, всего 684 человѣка. По другимъ родамъ вѣропреступныхъ дѣйствій, исчезнувшихъ сами собою на каторгѣ, за неимѣніемъ пищи и поводовъ, — лживая присяга потеряла свою силу, конечно, потому только, что законъ воспрещаетъ ссыльнымъ всякое формальное клятвенное обѣщаніе и не допускаетъ ихъ ни до какой присяги. Точно также всѣ русскіе колдуны очутились бы въ Сибири не у дѣлъ, уже потому, что тамъ и своихъ довольно въ видѣ шамановъ съ одной стороны и бурятскихъ ламъ съ другой, изъ которыхъ послѣдніе готовы полечить, а первые полечить и покудесить. Но за то, нерчинскія архивныя и казенныя хроники сохранили слѣдующій случай въ отвѣтъ на вопросъ объ исправленіи сосланныхъ за разрытіе могилъ и воровство положеннаго въ гробы съ мертвыми тѣлами.

Нѣкто Богрядскій (судя по фамиліи урожденецъ тѣхъ мѣстъ, на которыя мы указали въ началѣ статьи нашей и которыя, по преимуществу, усвоили себѣ этотъ видъ страннаго воровства) сосланъ былъ на каторгу и помѣщонъ въ работы на Селенгинскій солеваренный заводъ (теперь не существующій). Здѣсь онъ занялся грабежомъ мертвыхъ въ могилахъ и за то былъ наказанъ кнутомъ и переведенъ на Нерчинскій заводъ, на глаза духовнаго и гражданскаго начальства, такъ-какъ въ заводѣ этомъ — центральномъ пунктѣ мѣстнаго административнаго управленія—гражданскія и военныя власти организовались въ цѣлое правленіе, а духовные—въ соборъ. При Нерчинскомъ заводѣ Богрядскій сидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ тюрьмѣ онъ снова задумалъ тотъ же промыселъ и на помощь себѣ и въ товарищи наживы успѣлъ подговорить товарищей. Для успѣха предпріятія онъ днемъ часто посѣщалъ тюремный госпиталь и тщательно осматривалъ всѣхъ умершихъ; ночью, «бѣгая скрытно изъ тюрьмы», выходилъ на промыселъ: разрывалъ могилы, обиралъ съ покойниковъ все до послѣдней нитки; въ могилахъ иногда ошибался по причинѣ ночной темноты. Разъ разсчитывалъ попасть на могилу горнаго служителя, а попалъ на могилу ссыльнаго: «ободравши рубаху — видѣлъ знаки на

спинѣ отъ наказанія». Успѣлъ разграбить пять могилъ; на послѣдней попался и указалъ на товарища Полещука (необлыжнаго бѣлорусса и вѣроятнаго земляка), «который умѣлъ сбывать краденыя вещи заводскому служителю, любившему принимать все краденое и платившему за то наличными деньгами. Деньгами Богрядскій и Полещукъ корыствовались: вотъ единственная цѣль преступленія и единственное объясненіе его, которое дали виновные, на судѣ, въ заводѣ.

Такимъ образомъ тамъ, гдѣ замѣшался фанатизмъ, проявилась болѣзнь своего рода, мономанія, гдѣ, словомъ, замѣшалась твердая и настойчивая воля, желающая дѣйствовать по личнымъ убѣжденіямъ, хотя бы и ошибочнымъ, — тамъ каторга въ полной несостоятельности, и она уже не только не лекарство, но даже еще одна изъ предрасполагающихъ причинъ.

Когда-то (впрочемъ, не такъ давно) во Владимірской губ., фанатикъ сжогъ свой домъ и въ немъ двухъ собственныхъ малютокъ, предварительно зарѣзанныхъ имъ ножомъ на горѣ за селеніемъ. На допросахъ онъ хладнокровно показывалъ, что поступилъ такъ, начитавшись Библіи, и совершилъ дѣтоубійство, по образцу Авраама, приносившаго въ жертву Богу сына своего Исаака, что въ то время, когда онъ кололъ ножомъ, жена его—мать малютокъ, говорила слова, молитвенно объяснявшія цѣль закланія. Дѣтоубійца этотъ былъ нѣкто Никитинъ. И вотъ въ Средней Борзѣ на Аргуни живетъ старичокъ, у тамошнихъ казаковъ въ работникахъ, сосланный изъ Россіи и тоже Никитинъ: поживетъ у одного, поработаетъ у другого, вскорѣ непосѣдливо бредетъ работать на третьяго, по праву и званію выпущеннаго на пропитаніе. Вопреки всѣмъ аргунскимъ казакамъ, былъ онъ человѣкъ трезвый, вопреки всѣмъ поселенцамъ — послушливымъ и несварливымъ; въ отмѣну ото всѣхъ сибиряковъ — человѣкомъ набожнымъ и начитаннымъ. Начитанъ онъ былъ такъ, что всѣ дивились тому, за то давали ему почотъ и уваженіе. Всѣ свободные дни отдавалъ онъ чтенію Библіи, и при всякомъ случаѣ и со всякимъ любилъ говорить о божественномъ. Не въ мѣру былъ онъ этимъ докучливъ; не въ мѣру во все другое время былъ онъ угрюмъ и задумчивъ. Думали, что онъ человѣкъ какой-нибудь русской секты: все хулилъ церкви, все говорилъ о злѣ, въ нихъ царствующемъ. Ме-

жду тѣмъ, чѣмъ больше читалъ онъ, тѣмъ угрюмѣе становился: пересталъ ходить въ компаніи, избѣгалъ шумныхъ и людныхъ собраній, началъ дичать и уединяться. Все это было всѣмъ видно, но всѣмъ непонятно: отчего сталъ чаще уходить въ лѣсъ чудной старичокъ и подолгу тамъ оставаться. Вскорѣ объяснилось дѣло, а объяснили его пастухи-ребятишки, привлеченные стонами къ часовнѣ и натолкнувшіеся въ ней на невиданное диво. На томъ крестѣ, который самъ Никитинъ вкопалъ въ землю, и въ которомъ видѣвшіе его не видѣли ничего страннаго, такъ-какъ дѣло это въ Сибири за обычай, — на крестѣ этомъ, подъ навѣсомъ, въ часовенкѣ, висѣлъ человѣкъ. Голова въ терновомъ вѣнцѣ склонена была на бокъ, въ крѣпкій морозъ висѣлъ онъ голымъ, только подпоясавши низъ живота бѣлымъ платкомъ, въ боку была рана, все тѣло было облито и забрызгано кровью. Подъ крестомъ лежало копье и валялись орудія Христовыхъ страстей. Когда сбѣжавшіеся люди сняли распятаго со креста, онъ былъ еще живъ; когда въ Нерчинскомъ заводскомъ лазаретѣ его вылечили и призвали къ допросу, Никитинъ отвѣчалъ, что жертвовалъ собою за грѣхи людскіе и выбралъ для того вечеръ Великой Пятницы, распиналъ себя самъ, хотя и трудно ему было, но передъ тѣмъ онъ долго молился. Сначала онъ прибилъ ко кресту ноги правой рукой, придерживаясь лѣвой за поперечное древко креста, потомъ лѣвую руку насадилъ на большой гвоздь, вбитый предварительно съ задней стороны поперечной доски креста. То же самое хотѣлъ сдѣлать и съ правою рукою, да видно измѣнили силы, онъ ослабъ и повисъ. Такъ, съ опущенной рукой, онъ и найденъ былъ пастухами. «Захотѣлось умереть, какъ умеръ Христосъ за людей—и тѣмъ угодить Богу».*).

На этомъ стремленіи угождать Богу по собственнымъ способамъ (въ самыхъ исключительныхъ и рѣдкихъ случаяхъ), и по тѣмъ образцамъ, которыя завѣщаны и указаны отцами (и это всегда) остановились всѣ тѣ ссыльные, которые сосланы сюда за «расколъ и ересь».

*) Никитина сослали въ Иннокентьевскій монастырь, подъ Иркутскомъ на покаяніе, откуда снова возвратили за Байкалъ и поселили въ Нерчинскѣ, гдѣ онъ еще живъ былъ въ 50-хъ годахъ.

Начнемъ съ сектаторовъ, ссылаемыхъ въ Сибирь съ большею готовностію и постоянствомъ.

Говорить про скопцовъ много не приходится: разумѣется, въ ссылкѣ остались они тѣми же самыми фанатиками; для нихъ возврата не можетъ быть никакого. Крупный и рѣшительный актъ совершенъ: остается исполнять обязательные при немъ обряды, чтобы не утратить сочувствія единовѣрцовъ, умѣющаго высказываться въ замѣчательно-единодушной денежной помощи, которою не забываютъ и въ енисейскихъ деревняхъ, вблизи Туруханска и въ приленскихъ за Якутскомъ. Несомнѣнно пользовались тѣми же самыми денежными присылами и тѣ, которыхъ судьба отдѣлила отъ прочихъ и послала за Байкалъ. Мы лично были свидѣтелями (въ петергофской тюрьмѣ) того холоднаго равнодушія и поразительнаго безстрастія, съ какими нашли мы скопцовъ (въ 1861 году), наканунѣ того дня, когда имъ приходилось идти изъ тюрьмы въ холодныя и суровыя мѣста дальней Сибири. Ни сожалѣнія, высказанныя нами, ни свѣдѣнія, какими мы готовно дѣлились съ ними, ни совѣты на дорогу, имѣвшіе цѣлію руководить ихъ первыми шагами на чужбинѣ,—ничто не озабочивало и не трогало ихъ. Они какъ-будто въ какомъ-то изступленіи готовились на предстоящую борьбу съ ссылкой, и притомъ видно было, что ей не сломать ихъ характера, не поколебать ихъ рѣшимости. Намъ казалось тогда, что это—люди, выступающіе на битву съ огромнымъ запасомъ силъ, что передъ этими героями самое тяжолое изъ наказаній (какова ссылка) объявится въ полнѣйшемъ ничтожествѣ и крайней непримѣнимости: все равно, жили здѣсь, поживемъ и тамъ. Они тяготились однимъ, жаловались и просили объ одномъ, чтобы ихъ скорѣе отправили: зачѣмъ жить въ теплой, свѣтлой и чистой тюрьмѣ, и подъ бокомъ богатыхъ благодѣтелей, когда судьба судила идти въ негостепріимныя, мерзлыя пустыни въ сосѣдство полудикихъ, полуголодныхъ тунгусовъ и юраковъ? Зато, во время путешествія по этапамъ русскимъ и сибирскимъ, вездѣ готовится имъ встрѣча отъ такихъ же дряблыхъ, съ морщинистыми лицами, съ писклявымъ, птичьимъ голосомъ, почитателей Петра III и Селиванова. Всякую арестантскую партію непзбывно встрѣчаютъ скопцы въ городахъ и се-

леніяхъ, выходящіе посмотрѣть, нѣтъ ли кого-нибудь изъ «голубей», чтобы надѣлить ихъ деньгами.

Отправляются туда скопцы не безъ запасовъ настоящихъ, не безъ надежды на будущіе, и во всякомъ случаѣ, съ вѣрою въ свое призваніе, и съ твердой увѣренностью, что именно въ этихъ-то страданіяхъ выражается для нихъ, подъ видомъ мученичества, одинъ изъ путей къ блаженству, который къ тому же ведетъ ихъ въ сосѣдство той страны и горы того города (Иркутска), откуда явится ихъ живой богъ (Кондратій Селивановъ)*). Другой путь къ довершенію религіозныхъ стремленій и одно изъ средствъ къ духовному совершенству, достигаемыя посредствомъ привлеченія въ секту новыхъ прозелитовъ, для ссылаемыхъ въ Сибирь дѣло не особенной трудности. Удачная скопческая практика въ Сибири не рѣдкость. Въ Сибири, какъ и за Кавказомъ, на Енисеѣ, какъ и на Ріонѣ поразительны они тѣмъ незлобнымъ характеромъ, которымъ отличаются въ сношеніяхъ между собою и тѣмъ отсутствіемъ распрей или ссоръ, которое они полагаютъ для себя какъ бы за обязательный религіозный догматъ въ отношеніяхъ къ прочимъ туземцамъ. Нельзя не замѣчать и не чувствовать того удивленія и уваженія, которымъ пользуются они у сосѣдей, умѣющихъ обнаруживать эти чувства помимо недовольства ихъ грѣхомъ оскопленія. Скопцовъ никто и никогда не обижаетъ, имѣя глубокое состраданіе къ тѣмъ затрудненіямъ, которыя встрѣчаютъ ихъ слабыя силы при исполненіи различныхъ многотрудныхъ работъ, задаваемыхъ дикими и дѣвственными мѣстами поселенія.

---

*) До Иркутска шолъ Селивановъ въ пересыльной партіи на канатѣ и успѣлъ совершить надъ собою вторичное полное оскопленіе. Въ Иркутскѣ, со смиреніемъ искреннаго православнаго (въ примѣръ и поученіе своимъ послѣдователямъ), живя на свободѣ, онъ ходилъ по городу съ чашечкою и собиралъ на церкви. Пять лѣтъ пробылъ онъ въ ссылкѣ, не склонившись на подговоры двухъ скопцовъ, явившихся изъ Россіи предложить ему услуги къ побѣгу и укрывательству. Въ 1795 году императоръ Павелъ освободилъ его и позволилъ возвратиться въ Петербургъ. Въ 1832 году Селивановъ умеръ въ Суздалѣ въ Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ, но скопцы думаютъ, что онъ до сихъ поръ скрывается въ окрестностяхъ Иркутска, откуда и ждутъ его для начала новаго царствія.

Работаютъ они усердно и безропотно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется примѣненіе ихъ силъ и способностей или по указаніямъ доброй воли или по вызову различныхъ начальствъ. На Ріонѣ изъ нихъ составили рабочую роту, ввѣренную военному офицеру; на Енисеѣ они занимаются легкимъ промысломъ извоза и сплавовъ. Оскопленіе ссыльными ссыльныхъ въ Нерчинскихъ заводахъ не обнаруживается въ надлежащей силѣ, оттого что это дѣло находится въ рукахъ самыхъ осторожныхъ и уже достаточно наловчившихся; но обнаруженное въ одномъ мѣстѣ всегда указываетъ на многіе другіе случаи. Такъ замѣчено было сильное распространеніе секты скопцовъ въ Петровскомъ заводѣ (одномъ изъ нерчинскихъ), въ 30-хъ годахъ, въ такой степени, что генералъ-майоръ Лепарскій (приставникъ декабристовъ) рѣшился не принимать скопцовъ въ Петровскій заводъ, а отправлять ихъ въ нерчинскіе рудники. При этомъ обнаружено было, что скопцы уловляли въ свои сѣти и соблазняли ссыльныхъ деньгами, въ большомъ количествѣ получаемыми изъ Россіи. Точно также секта эта, умѣющая скрываться и періодически обнаруживаться во время самыхъ крайнихъ увлеченій прозелитизма, въ 1854 г. замѣтно распространялась въ Тобольской губерніи между старожилами Юргинской волости (Ялуторовскаго округа). Виновные и уличенные были суждены и высланы дальше въ Сибирь. Этимъ пріостановлено было дальнѣйшее распространеніе секты, которой въ той странѣ не благопріятствуетъ то, что адепты ея, сосланные по судебнымъ рѣшеніямъ, живутъ разсѣянно, и ихъ по губерніямъ очень немного.

Хлыстовъ Сибирь также не угомонила: самые первые хлысты на Руси — ученики стрѣльца Прокопія Лупкина не прерывали сношеній съ оставшимися въ Россіи: ни тѣ трое, которые были сосланы въ Тару, ни сестра извѣстной хлыстовской богородицы Акулины Ивановны (заточенной въ пермскомъ Долматовскомъ монастырѣ), Александра Ивановна, увезенная въ г. Илимскъ. Сношенія эти были очевидны еще въ то время, когда уличенъ былъ въ ереси сынъ Лупкина Серафимъ, іеродіаконъ Симонова монастыря въ Москвѣ. Его разстригли, позвали къ суду, въ 1735 году за его важныя вины били кнутомъ и сослали въ Охотскій портъ. За Байкаломъ найдены были тѣ же погреба, которые замѣняли сектаторамъ церковь, и замѣчены

были такіе же успѣхи въ пропагандѣ съ рѣзкимъ отличіемъ отъ скопцовъ въ томъ, что хлыстовская проповѣдь имѣла поразительный успѣхъ. Въ деревнѣ, пристроившейся къ стѣнамъ Троицкаго монастыря, нашли многихъ новыхъ хлыстовъ, сдѣлавшихся таковыми вслѣдствіе соблазновъ отъ сосланныхъ въ монастырь изъ Россіи. Ссыльные хлысты совратили многихъ монаховъ, нѣкоторыхъ крестьянъ и купцовъ. Отступничество соблюдалось въ самой строгой тайнѣ, пропаганда проведена была весьма осторожно: не сразу узнали о томъ. Узнали сначала сосѣди-крестьяне, и сказали властямъ. Власти по троицкимъ крестьянскимъ избамъ добрались до монастырскихъ келій и разрѣшили вопросъ тѣмъ, что скакавшихъ и хлеставшихся монаховъ, для исправленія, разослали по русскимъ монастырямъ; другихъ же хлыстовъ сослали въ Туруханской край. На мѣсто старыхъ монаховъ изъ Россіи присланы были новые: хлыстовщина въ монастырѣ исчезла.

Сила религіознаго увлеченія, доводимаго до крайностей мистицизма, не могла обойти и забайкальскаго купечества, въ особенности кяхтинскаго и верхнеудинскаго. Незадолго до описываемаго нами событія общественное вниманіе было возбуждено появленіемъ подвижника изъ Россіи, успѣвшаго дать сильный нравственно-религіозный толчокъ дремлющему равнодушію и индеферентизму. Возбужденіе это фактически выразилось въ постройкѣ монастыря Чикойскаго на скалѣ въ мѣстѣ дикомъ, но картинномъ, на берегу рѣки Чикоя. Сюда удалился, для созерцательнаго уединенія, извѣстный всей Кяхтѣ, Василій Надеждинъ—человѣкъ свѣтлаго ума и замѣчательной религіозности, родной братъ извѣстнаго ученаго Н. И. Надеждина. Въ Россіи онъ странствовалъ по монастырямъ и святымъ мѣстамъ русскимъ; пришолъ и въ Сибирь, увлеченный подвижничествомъ къ уединенію. Въ Кяхтѣ, при соборѣ, исполнялъ онъ должность пономаря. Благочестивая и добродѣтельная жизнь и тогда уже привлекла на него общее вниманіе и уваженіе, а когда черезъ нѣсколько лѣтъ открытъ былъ его центральный скитъ, — въ кяхтинскомъ купечествѣ нашлось довольно лицъ, пожелавшихъ оставить въ потомствѣ память о подвижничествѣ знакомаго отшельника, и довольно денегъ, чтобы, уговоривши его, выстроить на мѣстѣ скита монастырь. Самъ Надеждинъ

остался въ немъ монахомъ, подъ именемъ Варлаама, и умеръ тамъ въ 1840 году. Религіозное настроеніе кяхтинскихъ купцовъ, сильно возбужденное этимъ человѣкомъ, послѣ его смерти не охладѣвало до новаго кризиса въ скромномъ быту Забайкалья.

Вскорѣ послѣ смерти Варлаама, прибылъ въ ту же Кяхту монахъ Израиль, посланный изъ Россіи въ Сибирь на исправленіе, на житье, человѣкъ лѣтъ около сорока, статной осанки. До сихъ поръ помнятъ въ Кяхтѣ его вдохновенные глаза, выраженіе смиренія и святости на лицѣ, тонкія руки, его краснорѣчивыя, глубоко западающія въ душу бесѣды и его образованность. Въ обществахъ много толковалъ онъ о порчѣ православія, раздражался противъ корыстолюбія священниковъ, указывалъ на отступленія ихъ отъ истинъ Христова ученія; онъ говорилъ, что возвышенное ученіе Спасителя затуманено обрядами. Видя ослабленіе вѣры, а въ силу того и умноженіе грѣховъ между людьми, милосердый Богъ, для исправленія того, что испорчено, во второй разъ прислалъ на землю Единороднаго своего Сына— и онъ-то, дескать, Израиль, и есть тотъ сынъ божій. Евангельскія сказанія старался онъ уподобить и приравнять къ своей личности и событіямъ изъ собственной жизни. Одну молодую особу назвалъ богородицей, другую маріей магдалиной, одного старца назвалъ спасителемъ. Израиль нашолъ послѣдователей не только между монастырскими учоными (какъ было сдѣлано имъ въ Россіи), но и между купцами (какъ случилось въ Кяхтѣ и Верхнеудинскѣ). Собиралъ онъ ихъ и въ Кяхтѣ для религіозныхъ обрядовъ, въ домѣ одного купца, но всего чаще въ монастырѣ Троицкомъ, гдѣ его въ санѣ архимандрита, успѣли сдѣлать настоятелемъ. При немъ, монастырь быстро обстроился, какъ бы невидимою десницею. Прекрасныя зданія встали на мѣсто старыхъ лачугъ. Здѣсь-то онъ давалъ полнѣйшія толкованія о второмъ явленіи Христа и о новомъ законѣ; здѣсь-то, говорятъ, онъ велъ не монастырскую, не цѣломудренную жизнь. Все это обратило на него вниманіе правительства, и Израиль, за связь съ купчихой и за ересь, сосланъ былъ въ Соловецкой монастырь (гдѣ и умеръ въ 1863 году). Секта распалась; теперь нѣтъ ея и слѣда. Въ 1836 году С. Б. Броневской, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, объѣзжая ввѣренный ему край, въ Верхнеудинскомъ острогѣ видѣлъ

«еретикомъ Израилемъ произведенныхъ изъ ссыльныхъ святыхъ, облечонныхъ въ бѣлые стихари, съ голубыми поясами и въ волосахъ на подобіе Іисуса. Онъ самъ и послѣдователи его имъ благоговѣйно поклонялись въ ноги. Мнимо-святые ожидали въ острогѣ рѣшенія участи».

Въ Западной Сибири (въ Тобол. губ.) распространялъ хлыстовщину (лугининскую вѣру) крестьянинъ Частоозерской волости, деревни Денисовой, Лугининъ. Онъ долго бѣгалъ на Уралѣ и, вернувшись, выучилъ сбираться въ одинъ домъ, мужика чествовать за Христа, дѣвку за Богородицу. «Ее пеленали и сажали въ сторону къ востоку, сами бѣгали кругомъ кадки и на голосъ пѣли: «по водѣ хлещу, Христа ищу, встань Христосъ, растянись Христосъ, выйди Христосъ наружу—дай денегъ на нужу». Со смертью Лугинина, вѣра пала въ деревнѣ Щетниковой (въ 1824 г.), началась въ Курганскомъ округѣ (д. Межеумная), Ялуторовск. (д. Семенова и Мепщикова) и Омскомъ (Русина, Черновая, Шипицына).

Субботники также не дѣлаются здѣсь, на каторгѣ, православными, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нерчинское начальство принуждено было запрещать сношеніе субботниковъ съ евреями и не дозволять браковъ субботницъ-поселенокъ съ евреями-поселенцами (какъ напр., судя по архивнымъ дѣламъ, запретило таковой поселенкѣ Худеяровой, желавшей сочетаться бракомъ съ евреемъ Юсиновичемъ). Въ селѣ Укырѣ (по почтовому читинскому тракту) субботники молятся по-русски, но въ Христа не вѣрятъ, ожидаютъ Мессію; на молитвахъ прикрываются саваномъ и называютъ его по-еврейски талесомъ; привязываютъ также во время молитвъ скрижали съ заповѣдями на лобъ, и также носятъ на плечахъ, вмѣсто жилета, цыцисъ. Женщины брѣютъ головы и обрѣзаніе признается за обычай и за символъ примиренія. Жидовъ почитаютъ братьями и не гнушаются ѣсть съ ними изъ однихъ чашекъ. По Сибири они живутъ разсѣянно, но кое-гдѣ и группами (какъ напр. въ Томской губерніи и въ окрестностяхъ Иркутска). Пропаганда ихъ не сильна: вѣра, рекомендующая жидовскую молитву и жидовскіе обычаи и пищу, и въ Россіи не пользуется особыми успѣхами,—въ Сибири объ ней даже рѣд-

ко слыхивали *). Въ Сибири, и то преимущественно въ мѣстахъ каторжныхъ, сильнѣе выразилась пропаганда духоборцами. Впервые появились они на каторгѣ въ 1800 г. послѣ указа, повелѣвающаго ссылать въ вѣчную каторжную работу изобличенныхъ въ духоборческой ереси, отвергающихъ высшую власть на землѣ.

Нѣкогда пропаганда духоборцовъ была сильно развита по ссыльному нерчинскому краю; теперь, крѣпко напуганная, она ослабѣла, но несравненно сильнѣе пропаганды субботниковъ и успѣшнѣе таковой же скопцовъ. Обязательства взаимной помощи и содѣйствія, выражающіяся въ денежныхъ пособіяхъ и братской любви — достаточныя приманки для людей, совершенно безпомощныхъ и обнищавшихъ. Милосердіе къ несчастнымъ и обязательное участіе ко всѣмъ изъ своихъ дѣлаютъ изъ сектъ молоканской и духоборческой привлекательный пріютъ и надежную угрѣву, на манеръ нѣмецкой клики, столь сильно и мощно распространенной по цѣлой Россіи. Какъ всѣ чужеземцы на чужбинѣ и какъ иностранцы въ Россіи — духоборцы въ Сибири стараются жить общинами, группами и не тяготятся даже житьемъ на дальномъ Енисеѣ въ сосѣдствѣ скопцовъ и по близости Туруханска, потому что община помогаетъ жить съ достаткомъ. Немного опечалились и потеряли тѣ изъ духоборцовъ, которые разсѣянно жили по нерчинскимъ рудникамъ и, послѣ наказанія за успѣшную пропаганду между каторжными и между вольными крестьянами и купцами, были сосланы изъ Чалбучей съ Аргуни на Енисей въ Туруханскъ (Мизигиновъ съ нѣкоторыми товарищами). Подъ вліяніемъ ихъ, а еще больше при ловкости четырехъ главныхъ (Хабарова, Ярошенко, Кудрявцова и Алексѣева), община духоборцовъ въ Забайкальѣ росла.

---

*) Въ Западной Сибири, именно въ Петропавловскѣ, уличены были нѣкоторые изъ солдатъ (Аристовъ и Соловьевъ), «праздновавшіе еврейскую пасху». Въ субботу не работали; во Христа не вѣрили, постовъ не соблюдали. Причастившись въ полковой церкви, выбросили причастіе. Ихъ арестовали; произвели слѣдствіе, сослали въ дальные батальоны; сына Аристова опредѣлили въ Омской полубатальонъ кантонистовъ; дочь — на тамошную казенную суконную фабрику. Замѣченъ былъ также въ Солторайской волости одинъ изъ сосланныхъ чиновниковъ, дочитавшійся книгами ветхаго завѣта до сектаторства этого рода.

Одинъ Кудрявцовъ съумѣлъ подвести подъ военный судъ за ересь 8 человѣкъ горныхъ служителей, превращенныхъ потомъ въ солдаты. Нѣкто Ярошенко умѣлъ совратить и многихъ каторжныхъ — людей холодныхъ и совершенно извѣрившихся. Убѣжденія влагались до того глубоко и твердо, что когда уличенныхъ призывали на церковной судъ, они со смѣлостію и рѣшимостью говорили за свою вѣру и дѣйствовали по ея принципамъ.

Каторжные не шли къ священнику на исповѣдь и говорили, что «они дѣламъ рукъ человѣческихъ не поклоняются и присяги учинить не хотятъ; работы же, какія по службѣ съ нихъ требованы будутъ, исполнять не отрекаются и они присягу имѣютъ внутреннюю, а дѣлами рукъ человѣческихъ называютъ Евангеліе и крестъ, потому что они дѣланы руками».

Служители горные говорили подобное же, но дѣйствовали еще рѣшительнѣе: одинъ изъ служителей (Кухтинъ), позванный на судъ въ соборъ, прошолъ по церковной паперти въ шапкѣ и рукавицахъ, которыя не снялъ и въ то время, когда былъ позванъ въ духовное правленіе передъ зерцалало, говоря, что «все это есть писано руками человѣка».

Это были духоборцы, сосланные въ Нерчинской заводъ *). Одинъ изъ обращенныхъ въ секту духовныхъ христіанъ ссыльный, а именно Нероновъ, когда никого не было въ церкви, сорвалъ со стѣны иконы и бросилъ на полъ. Подошедшему дьякону онъ говорилъ: «вотъ ваши боги идолы: иди молись, а если они святые, то пусть-ко встанутъ» (на судѣ онъ самъ подтвердилъ показаніе дьякона и свидѣтельствовалъ о томъ, что сказалъ такія слова въ здравомъ разсудкѣ и твердой памяти).

Въ Лоншаковѣ (старомъ, близъ Шилкинскаго завода) на Шилкѣ,

---

*) Здѣсь они упорно не соглашались трудиться, не входили въ обязательства работъ, какъ въ Россіи отданные въ солдаты не принимали ни аммуниціи, ни провіанта. За упорство изъ Нерч. зав. велѣно было ссылать на Селенгинской солеваренной заводъ. Когда въ Астраханской губерніи въ 1802 г. духоборцы попробовали цѣлыми толпами, съ шумомъ, выступить на торжище и явно говорить о своей вѣрѣ, — главныхъ изъ нихъ сослали въ Колу.

нѣсколько новообращенныхъ изуродовали образъ Богоматери и выкололи ей глаза; въ Нерчинскомъ заводѣ одинъ изъ таковыхъ же расколотый на двое образокъ (обѣ половинки) положилъ въ сапоги вмѣсто стелекъ и ходилъ такъ. Наказали этого; били кнутами лоншаковскихъ отступниковъ; Кухтина прогнали сквозъ строй два раза черезъ 500 человѣкъ; служителя Суходолина, наказаннаго кнутомъ и признаннаго негоднымъ къ военной службѣ по годамъ (41), велѣли поселить далеко на сѣверѣ между некрещенными инородцами; Кудрявцова, Алексѣева и Хабарова гоняли сквозъ строй и также угнали въ тундру. Такія рѣшительныя мѣры пріостановили пропаганду: проповѣдники замолчали, новообращенные притаились по деревнямъ и рудникамъ. На время стало духоборцовъ какъ будто поменьше; но за дѣйствительное уменьшеніе числа ихъ ни одно изъ нерчинскихъ начальствъ въ будущемъ поручиться не можетъ.

Въ предѣлахъ западной Сибири, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя смѣжны съ Россіей и отличались всегда сильною воспріимчивостію ко всевозможнымъ ученіямъ, духоборчество также нашло себѣ пріютъ и послѣдователей. Въ прошломъ вѣкѣ 11 домовъ въ дер. Гилевой и Петелиной (около Ялуторовска въ волости Томиловской) перестали молиться иконамъ и за то прозваны были народомъ *немоляками*, духовенствомъ — *нежертвенными*, правительствомъ — *иконоборцами*; сплетниками чиновными—*щельниками* и сплетниками сосѣдями и насмѣшниками—*охохонцами*. Эти исповѣдники стали толковать и вѣрить, что внѣшная молитва не нужна, она даже запрещена Св. Писаніемъ; съ 8-ой тысячи лѣтъ бывшая наружная молитва пропала, потеряла силу. Богъ не требуетъ ни свѣчъ, ни ладану и другихъ приношеній; не нужно и крестнаго знаменія, а съ нимъ и за нимъ и церквей; молитва непрестанно должна быть въ сердцѣ, а сердце—храмъ, украшеніе его — доброе житіе. Молиться надо непрестанно, а потому на работѣ, въ дорогѣ всегда твердятъ про себя какое-либо мѣсто Св. Писанія. На молитву собираются въ избѣ, садятся въ кружокъ, одинъ читаетъ книгу (библію, Маргаритъ, Ефрема Сирина, Златоустаго, Псалтырь); всѣ другіе слушаютъ и вздыхаютъ: охъ-охъ-охъ! Въ 1821 году въ деревнѣ Гилевой заявились настоящіе духоборцы: свадебъ не дѣлали, дѣтей не крестили, иконы

занавѣсили и перестали имъ молиться. Въ 1850 годахъ въ д. Кунмовой Ишимс. окр. въ шести домахъ и въ дер. Кривощоковой въ двухъ домахъ иконы вынесли совсѣмъ; стали побранивать молоканъ; стали толковать, что если-де у кого разумъ, тотъ и самъ исправится безъ всякихъ таинствъ; читать не нужно. Стали наблюдать чистоту и опрятность какъ религіозное обязательство: грязными руками ковша не возьмутъ, и даже не прихватятъ его фартукомъ, а позовутъ другаго съ чистыми руками, если не успѣютъ сами вымыть руки. Праздники перестали чтить, стали работать, а слѣдомъ за тѣмъ начали ихъ сосѣди разсказывать, что и въ день Христова Воскресенья хоть топоромъ три раза считаютъ необходимымъ ударить въ уголъ избы, чтобы доказать свое мнѣніе. Вдохновлялъ поселенецъ, котораго засадили въ острогъ и сослали по суду; духоборство прекратилось, но слѣдомъ за тѣмъ въ дер. Гагарьей почти всѣ жители выбросили иконы и перестали принимать поповъ.

Количество молоканъ въ Сибири увеличивается по поводу поселенія ихъ въ такомъ отдаленномъ краю, какъ Амуръ (близъ г. Благовѣщенска, на рѣкѣ Зеѣ) и по причинѣ сознательнаго и фактическаго стремленія оставшихся въ Россіи приселяться доброю волею къ тѣмъ, которые высланы въ Сибирь по выбору и назначеніямъ мѣстнаго начальства. Въ среду молоканскихъ общинъ присылаются, по временамъ, даже и такіе ловкіе ловцы въ человѣцѣхъ, какимъ явился, напримѣръ, между минусинскими молоканами знаменитый основатель секты Общихъ, Михайло Акинфіевъ Поповъ. Человѣкъ этотъ разъ уже роздалъ все богатое имущество свое, еще живя въ Самарской губерніи, и надѣлилъ имъ своихъ бѣдныхъ шабровъ (сосѣдей), чтобы, по слову Писанія, гласящаго, что «вси вѣрные живяху вкупѣ и имяху вся общая», возстановить древнюю христіанскую гонимую общину и такимъ путемъ очистить молоканство, блуждавшее, по смерти Уклеина, во тьмѣ сомнѣній и съ крупными задатками разложенія. Этотъ же Михайло Акентьевичъ, сосланный на Кавказъ, съумѣлъ и тамъ-неумудренный наказаніемъ и ссылкою, сладить такую же оригиналь, ную общину на общемъ трудѣ по способу всевозможныхъ религіозныхъ и экономическихъ коммунъ. Вторая ссылка (въ Шушу—волость Минусинскаго округа Енисейской губерніи, гдѣ онъ, кажется, живетъ

и теперь), при большемъ просторѣ пропаганды, едва-ли съумѣла сбить его съ пути апостольства и едва-ли была въ состояніи оставить его безъ слушателей, а стало быть и послѣдователей *).

Въ Акатуѣ, въ тюрьмѣ, жилъ прикованнымъ на цѣпь нѣкто Масленниковъ — новая жертва собственныхъ религіозныхъ убѣжденій. Въ рудникахъ онъ очутился за проповѣданіе старой вѣры дониконовскихъ обрядовъ, каковую втолковывалъ и здѣсь товарищамъ ссыльнымъ. Онъ успѣлъ совратить такъ много, что начальство обратило на это вниманіе, посадило проповѣдника на цѣпь, приковало къ стѣнѣ въ одиночномъ казематѣ, давало ограниченную дачу воды и хлѣба, и только по праздникамъ приварокъ. Масленниковъ и на цѣпи продолжалъ возставать на господствующую вѣру; на судѣ велъ себя со смѣлостію и достоинствомъ, какъ глубоко убѣжденный, и цѣлый протоколъ наполнилъ такими данными, что и слѣдователю пришлось надъ нимъ задуматься и смотрѣть на подсудимаго, какъ на человѣка изъ ряду вонъ. Погубили его только нѣкоторыя дерзкія словесныя выходки.

Старовѣръ Гурій Васильевъ, сосланный за расколъ изъ Екатеринбурга и поселенный въ Удинскомъ округѣ, сговорилъ двухъ товарищей и вмѣстѣ съ ними бѣжалъ на Амуръ, который тогда еще не былъ русскимъ. Въ пещерѣ на р. Урсѣ онъ провелъ цѣлую зиму, какъ въ молитвенномъ скитѣ, но былъ схваченъ манжурами и выданъ въ пограничной крѣпости нашей на Аргуни. Въ Нерчинскомъ заводѣ его наказали и опять водворили въ томъ же Забайкальскомъ округѣ. Оттуда Гурьевъ опять убѣжалъ на Амуръ, опять лѣтомъ схваченъ и опять выданъ. На этотъ разъ въ Нерчинскомъ заводѣ его били плетьми и написали въ каторжныя работы. Черезъ четыре года послѣ того, при первыхъ признакахъ возможности, онъ въ третій разъ бѣжалъ на Амуръ и въ ту же пещеру на р. Урсѣ. Питаясь кореньями, дичью и рыбой, онъ жилъ въ скитѣ еще одну зиму, но, боясь ста-

*) Въ Западной Сибири извѣстны духоборцы въ Поповской волости Омскаго округа (деревни Мотарова и Батениская), а молокане въ томъ же округѣ въ волостяхъ Карасутской, Кобырдатской и Юдинской (почти всѣ жители).

рыхъ исторій, поплылъ искать большаго уединенія, дальше по Амуру. Это сразу ему не удалось, — удалось потомъ попасть черезъ весь Амуръ въ Охотское море, по немъ, на маленькой лодочкѣ, къ устью рѣки Тугура и оттуда, черезъ шесть лѣтъ послѣ послѣдняго бѣгства, явиться въ Удской острогъ, въ мѣсто истиннаго уединенія. Только такими острыми средствами и притомъ принятыми съ твердостію и настойчивостію, этотъ старовѣръ исцѣлилъ самъ себя отъ жестокой болѣзни, и уже больше не бѣгалъ и уединенія не искалъ.

Вотъ два паціента собственно каторжной больницы душевныхъ болѣзней, взятые, какъ образцы, рисующіе болѣзнь въ спеціальномъ видѣ въ одиночно-взятыхъ субъектахъ. Но вотъ эти болѣзни и цѣлыми массами и также неисцѣленныя.

Въ Алтайскихъ горахъ—какъ извѣстно—въ 1765 году разселена была часть тѣхъ старообрядцовъ, которые присланы были въ Сибирь изъ стародубскихъ и вѣтковскихъ слободъ, лежавшихъ тогда за литовскимъ рубежомъ. Живутъ они на югѣ Кузнецкаго округа къ сторонѣ округа Бійскаго; народъ зажиточный, отличающійся замѣчательными хозяйственными способностями, но для насъ на этотъ разъ поучительный въ томъ отношеніи, что за старую вѣру стоитъ крѣпко и притомъ съ такою замѣчательною ревностію, каковой немного примѣровъ и въ Россіи. Селили ихъ не безъ стѣсненій; дальнѣйшую жизнь не позволяли проводить безъ прижимокъ, преслѣдованій и вымогательствъ всякаго рода. Выстрадать привелось многое, не мало повидать и соблазновъ на случай обращенія въ православіе. Но не смутили люди, не смутили и льготы: алтайскіе старообрядцы съумѣли и въ жизни сохранить пріемы древле-русскихъ обычаевъ, хотя и зовутъ себя поляками. Такъ, напримѣръ, они ещо до сихъ поръ бредутъ врозь по старинному и оживляютъ дикія и глухія алтайскія мѣста новыми выселками. Село Алтайское уже отличается многолюдствомъ. Сюда пожелалъ пріѣхать къ нимъ для поученія тобольскій архіерей Аѳанасій, а потому послалъ впередъ священника провѣдать о томъ, на сколько они согласны будутъ послушать его и какъ его примутъ съ походною церковію. Передовой вернулся и сообщилъ такіе отвѣты:

Одни говорили: «Христосъ висѣлъ на крестѣ не со щепотью, а съ

нашимъ двуперстнымъ крестомъ и всему міру показалъ свой истинный крестъ, и апостоловъ благословилъ этимъ креститься до конца вѣка, съ тѣмъ и на небо вознесся, а Никонъ патріархъ перемѣну сдѣлалъ».

«—Никонъ (говорили другіе) помутилъ и порудилъ вѣру Христову и Христовъ крестъ перемѣнилъ, ввелъ щепоть, бритоусіе и проч., а потому-де архіерея слышать не хотимъ».

«—Мы отъ священства не отбѣжны (отвѣчали третьи), а можетъ, кого дома не случится... Опять другого силой молиться не заставишь. Куда поѣдетъ отецъ-владыка—мы повеземъ; гдѣ будетъ служить—мы посмотримъ; будетъ учить—послушаемъ: для чего не послушать?!»

Четвертые велѣли отвѣчать такъ:

«—Мы надобности не имѣемъ видѣть его преосвященство, а если ему угодно пріѣхать—мы встрѣтимъ и проводимъ: мы и корчемныхъ встрѣчаемъ и провожаемъ. Кто хочетъ смотрѣть — смотри, а мы видали».

Вторая партія (и самая значительная), также выгнанная изъ бѣлорусскихъ лѣсовъ Могилевской и Черниговской губерній, прошла дальше, на юго-востокъ Сибири, и теперь въ людныхъ, веселыхъ и богатыхъ селеніяхъ живетъ въ западной половинѣ Забайкалья, въ горахъ, тремя волостями. Сами себя эти старообрядцы называютъ также поляками, но у русскихъ сибиряковъ извѣстны болѣе подъ именемъ семейскихъ, такъ-какъ пришли сюда семьями въ разные годы (первая партія въ 1755 году, вторая въ 1768 г., третья въ 1780 г.) При сытой и обезпеченной жизни и при нѣкоторой свободѣ ея (въ послѣднее время), эти семейскіе выродились въ людей замѣчательно крѣпкаго и краснваго тѣлосложенія; женщины поражаютъ красотой лицъ и дородствомъ тѣла. Сибиряки, хотя и прозвали ихъ «востроголовыми сычами» (за довольно вѣрную и примѣтную особенность) далеко уступаютъ имъ въ дородствѣ и силѣ. Женщины вольны на словахъ и на дѣлѣ, мужчины отличаются всѣ до единаго бойкостью языка и свободой въ разговорахъ. Про Россію и про своихъ тамъ единовѣрцовъ знаютъ всю подноготную, не теряя общеній и сближеній; сами по себѣ остались вѣрны старой вѣрѣ и старымъ обычаямъ; въ

единовѣріе успѣли перейти изъ нихъ только тѣ, которые поселены на р. Чикоѣ, небольшое число въ селеніи Тарабагатаѣ, и больше нигдѣ. Иконы получаютъ изъ Екатеринбурга и тамъ писанныя; въ церковныхъ книгахъ чувствуютъ недостатокъ: «въ Иркутскѣ хвастаютъ. что тамъ-де у архіерея нашихъ старопечатныхъ книгъ на десяти возахъ не свезешъ; все наворовали отъ насъ семинаристы и поотобрали попы и всякій, кому и не надо». Недавно отняли у нихъ часовню; издавна отнимаютъ все завѣтное и наговариваютъ на нихъ всякія неподходящія злодѣянія. При всемъ этомъ семейскіе устояли на своемъ съ примѣтною твердостью и цѣльностью.

Въ 1812 году отняли у нихъ бѣглаго попа (Ивана Петрова, въ Куналейскомъ селеніи), и они руководились безъ него бабами и начотчиками; но безъ попа стало жить «не можно, утѣснительно», а только съѣздили въ Москву, добыли тамъ себѣ охотливаго и рѣшительнаго въ 1840 году. Попъ этотъ крестилъ младенцовъ, благословлялъ новожоновъ и погребалъ умершихъ. Совершитъ онъ обрядъ, и спрячется. Начальство прознало, стало слѣдить, искать: нашло уже и мѣсто его пребыванія, но семейскіе успѣли спрятать его въ горахъ и рѣшились не выдавать. Пришолъ генералъ Безносиковъ съ войскомъ и съ приказаніемъ взять попа силой. Старообрядцы сначала не испугались, но когда главнѣйшихъ изъ нихъ, окружонныхъ толпою, солдаты вывели въ поле и какъ въ бунтовщиковъ прицѣлились изъ ружей и направили дула, всѣ упали на колѣна и обѣщали выдать попа. Увели генерала въ горы; въ горахъ попа отдали, но опять заболѣли той же болѣзнью; опять безъ попа стало жить «неможно, утѣснительно». Снова семейскіе посылали ходоковъ въ Россію и снова получили въ 1850 году новаго попа, но на этотъ разъ изъ Калуги. Начальство опять узнало о томъ и опять пустилось на поиски. Засѣдатель, узнавши отъ шпіоновъ, что попъ такого-то дня поѣдетъ тайной и скрытой дорогой, засѣлъ въ кустахъ и попа выждалъ, схватилъ, связалъ, отдалъ своимъ провожатымъ, а самъ поѣхалъ въ Бичуру, куда впереди его поскакалъ верховой (говорятъ, одинъ изъ его же провожатыхъ), который и разсказалъ въ селѣ бывальщину о попѣ и засѣдателѣ. Когда самъ засѣдатель показался въ тарантасѣ на улицѣ, нѣсколько сотенъ народа бросились на него, вытащили изъ

экипажа, и, таща по улицѣ, били, мучили, насмѣхались надъ нимъ разными способами. Приведя засѣдателя въ избу и угрожая ему смертью, они вымогли у него приказъ отпустить попа. Сторожъ, видя приказъ написаннымъ дрожащею рукою, не хотѣлъ попа отдать. Послѣ того опять всѣ накинулись на засѣдателя, но на этотъ разъ одинъ изъ стариковъ оборонилъ его. Засѣдатель написалъ второй приказъ, по которому попа освободили, но самаго засѣдатели старовѣры заперли въ склепъ. Эстафета, извѣщающая о событіи, убѣжала въ Иркутскъ, самъ главный начальникъ пріѣхалъ въ Бичуру, ласково поговорилъ со старовѣрами, склонилъ на отпускъ засѣдателя и на выдачу попа, самыхъ виновныхъ строго наказалъ. Попа посадили въ иркутской монастырь, но въ 1860 году старовѣры эти говорили намъ: «намъ безъ попа стало опять жить не можно; опять попа надо выписывать, а надъ прежнимъ попомъ твори Богъ волю свою...»

Бичурское дѣло на нашей памяти завершаетъ цѣлый рядъ такихъ дѣлъ, въ которыхъ съ одной стороны высказывается то, на сколько ссылка не повліяла на дѣла вѣры сосланныхъ, а съ другой стороны выясняется взглядъ на то же начальствъ и способы, ими употребляемые, изъ которыхъ, можетъ быть, только послѣдній былъ всѣхъ ближе къ цѣли. Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; чѣмъ глубже въ прошедшее, тѣмъ неопровержимѣе та истина, что сосланные по дѣламъ вѣры ссылкою не только не исправлялись, но даже приводимы были ещо въ бо̀льшее ожесточеніе и упорство. Въ этомъ отношеніи даже то замѣчательно, что ссыльные люди были первыми проповѣдниками раскола и насадителями того ученія, которое велитъ держаться всего стараго, начиная съ креста и книги и кончая бородой *).

Въ то же время, когда начался въ Россіи расколъ, началась и ссылка въ Сибирь раскольниковъ и, разумѣется самыхъ упорныхъ изъ нихъ. Сибирь нашли они безъ церквей и священниковъ, населеніе разбросаннымъ по причинѣ той быстроты, съ которою разлилось

*) Старую икону ссыльные старовѣры старались ввести между нераскольниками и, судя по архивнымъ памятямъ, наичаще записывались они въ цѣхъ иконописцовъ. Указомъ 1845 г. это было запрещено.

оно по обширной странѣ и разселилось по ея широкимъ, многоводнымъ и привольнымъ рѣкамъ *). Во сто лѣтъ, предшествовавшихъ появленію въ Сибири старообрядцовъ, занята была вся обширная сѣверная пустыня; когда жилъ въ Тобольскѣ передовой изъ нихъ и самый ревностный проповѣдникъ, протопопъ Аввакумъ, передовые казаки съ Хабаровымъ пробрались на Амуръ и строили на берегу его Албазинъ. Во сто лѣтъ русское племя успѣло уже достаточно укрѣпиться, освоиться, завести свои порядки. Разселялось оно съ тѣми пріемами, какъ населялся и сѣверъ Россіи, тѣми же людьми новгородскаго происхожденія, но съ тѣмъ отличіемъ, что на этотъ разъ промышленные люди и казаки шли одни, безъ той существенной помощи и поддержки, которая на сѣверѣ Россіи выразилась въ содѣйствіи монастырей и тѣхъ отшельниковъ, благочестивыхъ людей, которые умѣли закрѣплять пріобрѣтенныя мѣста новыми поселеніями, едва-ли не болѣе прочными, чѣмъ поселенія промышленныя. На сѣверѣ Россіи едва скоплялась свобода, какъ уже являлась въ числѣ первыхъ сооруженій и церковь, а при ней попъ. Въ Сибири прежде слободы сооружался острогъ въ дикихъ и непроходимыхъ лѣсахъ, окружонный рвомъ въ сажень глубиною, въ двѣ шириною, затѣмъ земляным валомъ и защищонный частоколомъ изъ заостренныхъ бревенъ по угламъ съ 4-мя бойницами. Около рва, на осадное время, насыпался рядъ чесноку (рогулекъ о 3 и 4 спицахъ) сначала деревяннаго, а за нимъ желѣзнаго сдѣланнаго изъ копьецовъ со стрѣлъ. Брошенный на землю чеснокъ становился на двѣ ножки, двумя другими торчалъ кверху, затрудняя приступъ. На частоколѣ ставились

---

*) Быстрота дѣйствительно изумительная: въ 1586 г. основаны Тобольскъ и Тюмень, черезъ 6 лѣтъ (1592) Пелымъ, въ слѣдующемъ году Березовъ и Сургутъ, въ слѣдующемъ (1594) Тара, затѣмъ (1595) Нарымъ и Кетскъ, черезъ три года (1598) Верхотурье, 1600 Обдорскъ и Мангазея, Туринскъ 1601. Черезъ 18 лѣтъ русскіе уже за Барабинской степью: въ 1604 основали Томскъ, въ 1609 году они уже на устьяхъ Енисея основали Туруханскъ, въ 1619 основали на Енисеѣ Енисейскъ, въ 1632 на Ленѣ Якутскъ, вскорѣ на Ангарѣ въ 1652 Иркутскъ, въ 1695 русскіе были уже въ Камчаткѣ. Съ небольшимъ во сто лѣтъ занята одна изъ громаднѣйшихъ странъ въ свѣтѣ.

колье, куда клали смолевую лучину для освѣщенія ночью. Палисадъ защищалъ нѣсколько деревянныхъ избушекъ, нерѣдко землянокъ, нѣсколько лавокъ и высокій раскатъ, срубленный посреди острога и съ котораго стрѣляли изъ пушекъ: тутъ же былъ и колодезь, отъ котораго на четыре стороны шли жолобья, чтобы, на случай пожара, у каждой стѣны была вода. Здѣсь надо было, среди непріязненныхъ сосѣдей, отстаивать сначала свою жизнь отъ стрѣлъ и голодной смерти, упрочивать за собой занятое мѣсто, чтобы вскорѣ потомъ, по наказу разгулявшихся воеводъ и атамановъ, уходить искать новыхъ землицъ и строить новые остроги. Въ нихъ вмѣсто церкви являлась часовня и нерѣдко далеко послѣ всѣхъ другихъ сооруженій; о попѣ на первыхъ порахъ и помину не было. Казаки и промышленные люди, вооруженные ружьями, ножами и топорами, по временамъ таща на себѣ ржавую пушку, продирались сквозь трещи мрачныхъ и густыхъ тайговыхъ лѣсовъ или, довѣрившись утлой ладьѣ, неслись по рѣкамъ, пытаясь проникнуть въ невѣдомыя страны. Поражонные видомъ русыхъ людей съ бородами, которые, не боятся смерти, лѣзутъ на копья и стрѣлы; горсть нападаетъ на силу втрое большую,—туземцы или добровольно сносили мѣха и ясакъ всякаго рода, или на встрѣчу чужеземцовъ высылали стрѣлы, выходили сами съ боемъ. Но и тогда, какъ казаки остановились острогомъ не переставали высиживать наѣздами и всякою хитростью, какая только могла быть доступна неразвитому, но озлобленному уму дикарей. Стрѣлы не вредили людямъ въ доспѣхахъ, а казачьи пули жгли не на животъ, а на смерть дикарей, которымъ оставалось одно: назвать пришельцовъ лѣча (лѣшими). Безъ огнестрѣльнаго оружія, безъ всякой организаціи дикари, однакожъ, уступили и изнемогли передъ ничтожною горстью казаковъ, шедшихъ шайками изъ сотни либо полусотни человѣкъ, видя какъ рѣжутъ аманатовъ, секутъ и рубятъ остальныхъ и бѣгутъ ихъ князья и владѣльцы. Эти сотни и полусотни, крадучись волками промежду туземныхъ жилищъ и пробираясь лѣсами, утоптали первые слѣды историческаго грунта Сибири и пробили первыя тропы для цивилизаціи. Гдѣ можно было удержаться отъ бою, пришельцы брали лестью и уговоромъ; черезъ толмачей, которыхъ всегда брали съ собою говорили сибирскимъ туземцамъ: «Нашъ государь-царь силенъ и ве-

ликъ и страшенъ, но милостивъ и праведенъ, кровей не искатель. А у государя въ одномъ сибирскомъ царствѣ ратныхъ людей многое множество, къ ратному дѣлу навычныхъ, а бьются они, не щадя головъ своихъ». Обросшій волосами и зачерствѣлый отъ трудовъ и необычайныхъ походовъ, сибирскій казакъ горѣлъ одною страстью грабежей и завоеваній, привыкъ къ приключеніямъ въ лѣсахъ, степяхъ и льдахъ, — закаленный морозами, онъ уже былъ безразличенъ ко всему, кромѣ жажды стяжаній. Изнашивая наслѣдственныя свойства, пріобрѣтенныя на родинѣ, сибирскіе пришельцы изъ Россіи поступались ими, въ силу обстоятельствъ и ради корысти, въ виду новыхъ, туземныхъ, вліявшихъ неотразимо и настойчиво. Износилъ одежду— сталъ наряжаться по-сибирски; охладѣлъ къ вѣрѣ—сталъ заражаться языческою туземною, къ воспріятію каковой и безъ того мягкая почва сверхъ того была еще сильнѣе разрыхлена и еще болѣе приспособлена.

Когда, черезъ тридцать пять лѣтъ послѣ построенія Тобольска, открыта была въ немъ епископская каѳедра (30-го мая 1621 г. прибылъ первый сибирскій архіерей), когда такимъ образомъ представилась возможность повѣрки тѣхъ религіозныхъ убѣжденій, при какихъ оказались въ Сибири пришедшіе изъ Россіи люди, — многое представилось въ ужасномъ видѣ. Казаки, увлеченные завоеваніями и промысломъ, успѣвшіе ознакомиться съ туземцами и войти съ ними въ ближайшія сношенія, оказались задичавшими почти до уровня тѣхъ же дикарей-язычниковъ. Уже въ 1622 г. извѣстно было на Москвѣ, что сибиряки не носятъ крестовъ, не соблюдаютъ постовъ, ѣдятъ всякую скверну, живутъ съ некрещоными женами, кумами и сестрами своихъ женъ (свояченицами). При отъѣздѣ закладываютъ ихъ на срокъ и, не имѣя чѣмъ выкупить, женятся на другихъ. Какіе успѣли завестись монастыри, въ тѣхъ обителяхъ монахи и монахини живутъ вмѣстѣ, или, уходя изъ монастырей, опять живутъ въ мірѣ. Сами духовные потворствуютъ всѣмъ новымъ порядкамъ, какіе завели русскіе люди въ новой странѣ: умыканіе (воровство) невѣстъ, многожонство, отчужденіе отъ церкви. Уже отъ простыхъ служилыхъ людей начинали слышаться дерзкія рѣчи противъ уставовъ церкви (одного Сургучова думали даже сжечь за то живымъ въ самомъ Тобольскѣ),

уже многіе и въ самомъ епископскомъ городѣ (по свѣдѣніямъ 1649 г.). вмѣсто духовныхъ лицъ, обращаться стали къ «чародѣямъ и волхвамъ и богомерзкимъ бабамъ», «въ домы пущаютъ и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцами чинятъ всякое бѣсовское волхвованіе и отъ правовѣрія всякихъ православныхъ христіанъ отлучаютъ». Между тѣмъ наличное духовенство о паствѣ своей не заботилось, думая больше о себѣ и услаждая себя «грѣховнымъ и зельнымъ пьянствомъ», такъ что митрополитъ сибирскій Павелъ (въ 1680 г.) принужденъ былъ отбирать въ архіерейскую кладовую всѣ церковныя суммы изъ опасенія, чтобы попы и церковники, бражничая вмѣстѣ со старостами и раздавая церковную казну въ частные долги, не растратили ее вовсе.

Не останавливаясь пока на объясненіи тѣхъ безчисленныхъ причинъ, которыя заключены въ самомъ духовенствѣ и въ силу которыхъ расколъ имѣлъ такой успѣхъ въ Сибири, снизошедшей до язычества, мы не станемъ, изъ боязни повториться, разсказывать объ успѣхахъ такихъ толковниковъ, какъ Аввакумъ, который, живя долгое время въ Тобольскѣ, увлекалъ массы. Все это происходило въ то время, когда самъ архіеп. сибирскій Симеонъ цѣлый годъ находился подъ запрещеніемъ, не имѣя права служить даже литургію. Не меньшимъ успѣхомъ пользовался сосланный въ 1660 году монахъ Іосифъ Истоминъ, 24 года странствовавшій съ проповѣдью по сибирскимъ городамъ: Верхотурью, Туринску и Тюмени, гдѣ и теперь весьма значительное число старообрядцовъ. На помощь имъ бѣжали въ Сибирь гонимые тамъ старовѣры значительнымъ многолюдствомъ. Успѣхъ раскола казался на столько опаснымъ, что стали прибѣгать къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. За Тарскими жителями до сихъ поръ сохраняется отъ старины прозваніе коловичей за то, что прадѣдовъ ихъ искорените ли сильно развившагося раскола за упорство сажали на колъ. Успѣхъ проповѣдниковъ былъ столько великъ и почва народная до того воспріимчива, что когда, за неимѣніемъ дѣйствительныхъ средствъ къ вразумленію, прибѣгли къ помощи и содѣйствію вооружонныхъ командъ, раскольники отвѣчали самоубійствами въ формѣ неоднократныхъ самосожженій большими толпами въ Тобольскомъ, Тюменскомъ, Томскомъ и другихъ округахъ. Испуганный успѣхами пропаганды, Петръ I, указомъ 1722 г., принужденъ былъ

воспретить ссылку въ Сибирь раскольниковъ, и обратилъ ихъ для заточенія въ крѣпость Рогервикъ (нынѣшный Балтійскій портъ). Въ итогѣ осталось одно: расколъ усилилъ въ сибирскомъ населеніи подвижность, бродяжество и этимъ способствовалъ тому, что, уходя въ лѣса за учителями, сибирскій народъ ладилъ селенія тамъ, гдѣ не могли бы они имѣть мѣста по обычнымъ и завѣтнымъ пріемамъ промышленныхъ людей держаться береговъ главныхъ рѣкъ. Продолжимъ наши наблюденія за Байкаломъ въ мѣстахъ каторжныхъ, и потомъ обратимся къ мѣстамъ ссыльныхъ поселеній.

Удержался расколъ старообрядства и до нашихъ дней за Байкаломъ и пріобрѣтаетъ новыхъ прозелитовъ, благодаря тому главному обстоятельству, что сибирское духовенство было безсильно бороться съ нимъ—бѣдное нравственными средствами (недавно еще, или необразованное, или совсѣмъ безграмотное), но богатое средствами матеріальными, на пріобрѣтеніе которыхъ, въ ущербъ прямому долгу, тратило и тратитъ много времени и много силъ *). Значительная часть духовныхъ лицъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи достигла того матеріальнаго довольства, что ихъ справедливо называютъ богачами, и встала въ то положеніе, когда народъ, и ближній и дальній, начиналъ смотрѣть на нихъ съ уваженіемъ, какъ на замѣчательныхъ хозяевъ, умѣвшихъ забрать въ свои руки всю окольную торговлю. Въ купцѣ-монополистѣ въ родѣ Кандинскаго, въ хозяинѣ-счастливцѣ, у котораго и лошади, и рогатый скотъ ведутся въ великомъ множествѣ, клѣти трещатъ отъ избытка ссыпного хлѣба, кладовыя ломятся отъ сорочко́въ пушного драгоцѣннаго товара—въ такихъ чудодѣяхъ для сибирскаго народа нерѣдко совсѣмъ исчезаетъ безъ слѣда образъ друга, болѣе необходимого и дорогого. Не съ желаніемъ руководства и поученій, ради душевнаго спасенія и объясненія грѣховныхъ сомнѣній, а для того же грѣховнаго дѣла, со шкурами соболей и бѣлокъ

*) Какъ образчикъ слабости духовнаго вліянія представляютъ, между прочимъ, финны — секты скакуновъ, сосланные на поселеніе изъ Ингерманландіи и разсѣянные по Якутской области: — съ 1859 года они не видали ни одного пастора. Живущему въ Иркутскѣ приходится объѣзжать 6 тысячъ верстъ, чтобы попасть въ Якутскъ.

для продажи, или съ просьбою о денежной ссудѣ подъ залогъ имущественной, ходятъ свободные сибиряки къ своимъ духовнымъ отцамъ, не только по многимъ мѣстамъ Сибири, но и за Байкаломъ. За Байкаломъ еще больше, чѣмъ гдѣ-либо, духовенство слабо численностію, безсильно своимъ духовнымъ вліяніемъ на окрестной народъ, во всякомъ случаѣ всѣхъ больше имѣющій право на духовную помощь и руководство. Здѣсь злодѣи, бродяги и всякій испорченный людъ всего больше нуждается въ объясненіи нравственныхъ истинъ, а между тѣмъ на всѣхъ 1,200 человѣкъ (въ нашъ проѣздъ еще работавшихъ въ кандалахъ на карійскихъ золотыхъ промыслахъ) полагался одинъ священникъ и одна церковь, но и тѣ подъ наметомъ.

Если казна открывала рудное богатство, на мѣстѣ этомъ очень скоро она успѣвала собирать скороспѣлое населеніе, и въ числѣ заботъ полагала, между прочимъ, сооруженіе церкви; но, или церкви эти являлись на столько малыми, что далеко не вмѣщали въ себѣ всего числа молельщиковъ, либо храмъ освящался тогда, когда рудникъ уже выработался или заводъ оказался невыгоднымъ и непроизводительнымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появленіе церкви прямо свидѣтельствовало о томъ, что забота объ исправленіи ссыльныхъ вовсе не входила въ число нравственныхъ обязанностей попечителей. Это мѣсто вѣроятнаго и временнаго успокоенія духа и совѣсти, являлось, какъ обязательная и неибѣжная принадлежность при селеніи и при священникѣ, который получалъ командировку сюда вмѣстѣ съ причтомъ и ассигновкою жалованья *). Если рабочіе немного родятъ, не часто брачуются, то все же они и умираютъ, а начальство требуетъ отъ нихъ ежегодной исповѣди и причащенія св. тайнъ.

---

*) Такъ, напримѣръ, Александровскій винокуренный заводъ (подъ Иркутскомъ) основанъ былъ въ 1787 году — церковь освящена въ немъ въ 1835. Въ Ильгинскомъ заводѣ, въ 1842 году, построена была (разумѣется, деревянная) церковь: въ 1844 году она сгорѣла, а вскорѣ и самый заводъ былъ уничтоженъ. Петровскій желѣзный заводъ построенъ въ 1790 г. — дѣло о церкви въ горномъ правленіи началось въ 1801 году; въ 1760 построенъ Дучарскій серебряный заводъ: въ 1783 началось дѣло о постройкѣ въ немъ церкви въ одно время съ таковою же для Кутомарскаго завода, построеннаго въ 1764 г., и проч

Такимъ образомъ арестантъ на каторгѣ только рабочая сила, а въ жизни и быту: преступный спитъ на одной койкѣ съ невиннымъ, молодой со старымъ, опытный бродяга со вчера пришедшимъ, и для всѣхъ равно жизнь безъ услады, сомнѣнія безъ разрѣшенія, тоска безъ утѣшенія. Обязательныхъ утѣшителей видятъ только при случаѣ смерти товарища и, издали, при проходѣ на работы. Суровое обращеніе постоянно раздражаетъ, безпросвѣтная жизнь становится тяжолымъ бременемъ, безконечныя работы доводятъ до отчаянія, а гдѣ тотъ человѣкъ, который умѣлъ бы заглянуть въ прошлое и узнать изъ него о вѣрныхъ способахъ къ исправленію и сокрушенію о старыхъ грѣхахъ, гдѣ этотъ человѣкъ, который внушалъ бы нравственность, и все то, что̀ должно служить цѣлью и средствомъ карательныхъ учрежденій? Таковыхъ на каторгѣ не полагается вовсе. Бываютъ зачастую только такіе, для которыхъ эти высокія цѣли совсѣмъ непонятны, или вовсе недоступны, особенно если остановимся на дальныхъ мѣстахъ заточенія, каковы интересующіе насъ перчинскіе рудники и заводы. Бывали тамъ и совсѣмъ безнадежные люди, о которыхъ архивныя дѣла и народная память сохранили такіе факты.

Вотъ два архивные и судебные факта, которые, нарочно, мы беремъ изъ двухъ, весьма отдаленныхъ одинъ отъ другого, заводовъ. Между обѣими событіями легло разстояніе 20-ти лѣтъ.

Въ Дучарскомъ заводскомъ госпиталѣ умираетъ казакъ Ослоповъ и желаетъ видѣть священника. Горный унтеръ-офицеръ побѣжалъ за послѣднимъ. Священникъ находился въ домѣ рудовоза Московскаго и былъ пьянъ.

Унтеръ-офицеръ Калашниковъ подошолъ подъ благословеніе и сказалъ:

— Ступай, батюшка, я за тобой пришолъ: у насъ больной есть и умираетъ, а ты пьянствуешь.

— Я и самъ боленъ, отвѣчалъ батюшка: — и пейду. Ты ступай за гындыбойскимъ попомъ, а я ещо не явился въ команду и идти надобности не имѣю.

— Какъ нейдешь, я и за волосья потащу, такъ-какъ въ нашемъ мѣстѣ вашу братью, поповъ, бьютъ — не спрашиваютъ.

Священникъ, вставъ съ мѣста «неприметно, чтобы былъ довольно пьянъ», говорилъ Калашникову:

— Когда имѣешь волю бить, такъ бей же!

И легъ на лавку, говоря:

— «Вишь, я боленъ, у меня душа выходитъ».

Священникъ, однако, въ госпиталѣ былъ и больного исповѣдывалъ, но, произнося три раза слова: «прощаю и разрѣшаю», три раза ударялъ больного палкою.

Больной умеръ, а дѣло было переизслѣдовано подъ присягой.

Въ Петровскомъ заводѣ, въ праздничный день, приходитъ священникъ служить заутреню, шатаясь во всѣ стороны. Причетники старались его отклонить отъ служенія, «однако отвратить отъ того никакъ не могли». Зашедши въ алтарь и возложивъ на себя эпитрахиль и самую лучшую ризу, онъ растворилъ царскія врата, сдѣлалъ начало, но «за симъ, въ виду довольнаго числа предстоящихъ мужского и женскаго пола мірянъ, не могъ сказывать эктеніи, потому что былъ въ хмѣльномъ положеніи. За всѣмъ симъ, при неоднократныхъ выходахъ изъ алтаря, въ бывшемъ на немъ облаченіи, валялся по полу церкви, такъ что мы неоднократно оного подымали и вводили въ алтарь, упрашивая, дабы онъ оставилъ дѣйствіе служенія». Священникъ не согласился и въ слухъ всѣхъ предстоящихъ ругалъ дьячковъ «площадными ругательствами», затѣмъ снялъ ризу, вышелъ изъ алтаря въ церковь «къ мірянамъ и погналъ всѣхъ вонъ, между тѣмъ, бывшая пожилыхъ лѣтъ старушка Московчиха, по описанной старости, нѣсколько отъ прочихъ пріосталась въ церкви; упоминаемый же священникъ, замѣтивши оную, бросясь къ ней, выгонялъ изъ церкви съ причиненіемъ ей удара. Послѣ же всего оного, упавши на амвонъ, уснулъ. Почему мы, тогда распорядясь, послали въ квартиру его за лошадью; по приводѣ же оной, мы, взявши того священника подъ руки, вывели изъ церкви, положа въ пошевни, и отправили въ его квартиру».

А вотъ и тотъ фактъ, который сохраненъ народною памятью.

Въ Акатуѣ жилъ, сосланный съ цѣпи, извѣстный бродяга и большой злодѣй Филиповъ—человѣкъ не высокого роста, худощавый, сугорбый, но обладавшій необыкновенной силой. Выраженіе лица его

отличалось необыкновенной скромностью; говорилъ онъ всегда тихимъ, вкрадчивымъ, богомольнымъ голосомъ. Самъ себя называлъ неумытнымъ грѣшникомъ; молился всегда горячо, обливаясь слезами. Когда усилилась его набожность, знавшіе и привыкшіе къ нему боязливо присматривали за нимъ съ вѣрнымъ разсчотомъ на то, что Филиповъ таитъ на умѣ что-нибудь недоброе, прячетъ какое-нибудь звѣрское или злодѣйское намѣреніе. Разъ въ такомъ настроеніи онъ пошолъ на испытаніе и соблазнъ священника, такъ-какъ по званію «пропитаннаго», гулялъ уже на свободѣ послѣ акатуевской стѣнной цѣпи.

Явился онъ съ низкими поклонами и, сложивъ на груди преступныя руки, своимъ обычнымъ набожнымъ голосомъ выразилъ раскаяніе, желаніе исправленія и поученій. Священникъ обратилъ на него вниманіе: сталъ говорить и слушать.

— Одно, говорилъ ему Филиповъ,—одно мѣшаетъ моему примиренію съ Богомъ: знаю дьявольскій секретъ удвоить всѣ тѣ деньги, какія имѣешь. И забыть его не могу, и жжотъ онъ мнѣ и мозги и внутренности.

Секретъ этотъ Филиповъ повѣдалъ. Исполненіе секрета требовало кое-какихъ рѣшительныхъ мѣръ: надо было на цѣлую ночь положить на себя заклятіе, лечь спать, не молившись Богу и снять съ шеи крестъ; деньги положить подъ подушку и въ постелѣ лежать — не шевелиться. По утру деньги найдешь удвоенными.

Священникъ — разсказываетъ молва народная — соблазнился; легъ попытать счастья, и поутру вынулъ вмѣсто пяти рублей — десять. Филиповъ сдѣлался другомъ. О нравственныхъ поученіяхъ перестали и думать, и говорить; на деньги охотились еще раза два: чортъ хорошо служилъ свою службу, производилъ по ночамъ свои коммерческія операціи. Рѣшились положить подъ подушку всѣ триста рублей. Филиповъ, по обыкновенію, сунулъ бумажку съ заклятіемъ подъ подушку, но на этотъ разъ деньги прилипли къ его рукамъ, и онъ пересталъ показываться въ домѣ священника. При встрѣчѣ на улицѣ отговаривался тѣмъ, что рано-де всталъ и помѣшалъ чорту, а при угрозахъ — пригрозилъ и самъ архіереемъ. Чи-

новники, въ свою очередь, посовѣтовали махнуть рукой на мошенника и никогда съ нимъ больше не связываться.

Эта недавняя, свѣжая легенда, еще владѣющая возможностью и правомъ указывать на лица, называть имена и мѣста дѣйствія, заключаетъ собою весь рядъ данныхъ о взаимныхъ отношеніяхъ духовныхъ лицъ къ ссыльнымъ, — отношеніяхъ, въ которыхъ много матеріальнаго, но мало духовнаго. О другихъ мы не разсказываемъ теперь, по недостатку и неудобству мѣста, но еще не слыхать было ни объ одномъ такомъ случаѣ, гдѣ бы участіе священниковъ благотворно подѣйствовало на обращеніе и исправленіе ссыльныхъ. Вмѣсто того въ архивныхъ дѣлахъ то и дѣло получаешь свѣдѣнія о томъ, что въ такомъ-то заводѣ двое ссыльно-каторжныхъ духоборцовъ обратили въ свою вѣру ссыльно-каторжнаго православнаго; тамъ скопцы оскопили нѣсколько человѣкъ изъ прихожанъ не ссыльныхъ; здѣсь замѣчено, что многіе изъ православныхъ, чтобы избѣжать говѣнья и исповѣди, нарочно сказываются старообрядцами. Столь обычное дѣло въ Россіи здѣсь выразилось тѣмъ же исходомъ: уличонные охотно платили денежные штрафы, но отъ церковныхъ обрядовъ уклонялись, не будучи вовсе старовѣрами. Неспособные оправдаться при помощи взятки, по русскому обычаю, — за Байкаломъ подвергались наказанію строгою эпитемьею: ихъ ставили на колѣна въ церкви, ставили ихъ въ притворѣ, на паперти. Въ случаяхъ упорства, ссылали въ монастыри, на сроки. Но дѣла живыя не поправлялись, потому что и архивныя съ поразительною яспостью продолжаютъ указывать на то, что вотъ надзоръ за отступниками вступилъ въ обычную и привычную колею равнодушія; а между тѣмъ ссыльный подъ рукой креститъ бурята и становится субъектомъ цѣлого судебнаго разсказа, подъ заглавіемъ: «О ложномъ крещеніи ссыльнымъ Орловымъ братскаго Даримова». Вотъ, въ силу понужденій, адресованныхъ издалека и подтвержденныхъ вблизи, началась усердная, систематическая дѣятельность на пользу православія: горное начальство рѣшилось показать образцы и способы пропаганды духовенству своему, само принялось за стряпню — и, вотъ въ архивѣ слѣды этого дѣла въ жалобахъ на крутыя мѣры, и въ рапортѣ разсказъ одного пристава о томъ, что такая-то женщина, изъ раскольницъ, съ сыномъ перерѣзала себѣ

горло. Когда возникаетъ вопросъ о томъ, что̀ это за вѣра, за которую ссыльные рѣшаются на самоубійство? — мѣстное духовное начальство, по собраннымъ справкамъ у знающихъ людей, засвидѣтельствовало свои знанія и рекомендовалось ими передъ горнымъ начальствомъ и передъ потомствомъ такой краткой исторической запиской (сохранившейся въ архивѣ Большого Нерчинскаго завода):

«Содержащаяся ими секта разнится отъ греко-россійской церкви въ сложеніи креста, съ малою перемѣною въ словахъ при церковномъ служеніи. Въ житіи же происходитъ такъ, что у нихъ, по неимѣнію въ этой сектѣ священниковъ, рождающимся младенцамъ имена нарекаютъ и погруженіе, подобно крещенію, дѣлаютъ иногда бабки, а иногда и грамоту разумѣющіе старики, а когда случаются той секты священники, то оные дѣлаютъ муропомазаніе» (—и только!).

Если удивятъ такіе невѣдомые, словно изъ-подъ земли вышедшіе люди (какъ поступили, напр., казаки, сосланные изъ уральскаго войска), удивятъ и обидятъ болѣе рѣзкимъ и крайнымъ упорствомъ: не позволятъ стричь волосъ и бородъ, не пойдутъ на работу—ихъ начнутъ исправлять кнутомъ, даютъ удары десятками. На этомъ же кнутѣ ѣдутъ и дальше: одинъ и послѣ наказанія готовъ «лишиться жизни, но въ работѣ не быть»; его снова подвергаютъ наказанію: два раза—плетьми и два раза—кнутомъ. Кто упорствовалъ и послѣ того, тѣмъ положили «ограниченную дачу провіанта, достаточную только для поддержанія жизни», и учредили надзоръ, «чтобы ни отъ кого пособій со стороны не получали». «Успѣху не было»—сокрушается нерчинская горная экспедиція *).

За Байкаломъ существовала на англійскія деньги великобританская миссія, направленная противъ язычниковъ и жившая въ Селен-

---

*) Въ 1775 году казаки яицкіе, приверженцы Пугачова, разселены были по разнымъ мѣстамъ Забайкалья: наиболѣе виновные и упорные—при заводахъ и рудникахъ на каторгѣ; остальные—на поселеніи въ деревняхъ. Такъ, между прочимъ, въ Газимурской сотнѣ въ деревнѣ Калгинской поселены были 32 человѣка. Каждому выдано было отъ казны на покупку лошадей по 5 руб., а начальникамъ велѣно наблюдать, чтобы казаки лошадей непремѣнно купили (дѣло Нер. Бол. Зав. 25 мая 1776 года).

гинскѣ; существуетъ тамъ же, въ Посольскомъ монастырѣ, на русскія деньги православная миссія для обращенія въ христіанство тѣхъ же бурятъ; но миссіи, направленной на помощь и содѣйствіе ссыльнымъ, для поученія и исправленія заключонныхъ, ещо не было и въ проектѣ и вѣроятій ея не предвидится. До сихъ поръ тѣ, которые прегрѣшили противъ вѣры и за эти преступленія сосланы въ Сибирь, продолжаютъ жить тамъ предоставленными самимъ себѣ, и если остаются и здѣсь при старомъ—при полной возможности пуститься на другія и новыя преступленія, то зачѣмъ они здѣсь? Зачѣмъ въ Россіи всѣ разнородные виды противорелигіозныхъ дѣяній сведены безразлично въ одну категорію?

На каторжныхъ работахъ, само собою разумѣется, преступниковъ противъ вѣры не станутъ различать отъ убійцъ и грабителей, не имѣя на то никакого права, а затѣмъ, сообразно съ такимъ взглядомъ, и трактуютъ этихъ людей.

«Просвѣщонному ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобнымъ?» — говоритъ именной указъ Императора Александра I, изданный 9-го декабря 1816 года. «Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскати и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насильствомъ и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратить на путь истины. Истинная вѣра порождается благодатію Господнею чрезъ убѣжденіе, поученіемъ, кротостію, а болѣе всего добрыми примѣрами». «Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ». «Надобно, чтобы они могли почувствовать, что они состоятъ подъ охраненіемъ и покровительствомъ законовъ; и тогда только надежнѣе можно ожидать отъ нихъ любви и привязанности къ правительству, и взыскивать исполненіе по законамъ его, кои столь для нихъ благотворны».

Для полноты картины, перенесемся изъ Восточной Сибири въ Западную и, для характеристики отношеній старообрядцовъ къ мѣстному духовенству и наоборотъ, остановимся на тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преимущественно распространена старая вѣра въ близкомъ сосѣдствѣ

съ уральскими заводами и Россіей. Эта мѣстность, ограниченная на востокѣ Барабинскою степью, на югѣ Киргизскою и теряющая границы на западѣ въ пространствахъ Россіи, представляетъ собою непрерывную цѣпь населенія, придержавшагося стараго креста и дониконовскихъ церковныхъ обрядовъ. Въ ней расколъ почти столько же древній, какъ и въ самой Москвѣ. Въ деревнѣ Лепехиной, Ялуторовскаго округа (Ингалинской вол.), до сихъ поръ молитвенный домъ старовѣровъ въ рукахъ потомковъ извѣстнаго въ исторіи ссыльнаго стрѣльца Якова Лепехина. Церковь эта—небольшая вѣтхая избушка, возбуждающая сильное археологическое подозрѣніе на ту, въ которой молились древніе стрѣльцы. Стоитъ она въ глубокой, проницаемой съ трудомъ тѣснинѣ обывательскихъ домовъ. Внутренность ея представляетъ нѣчто необыкновенное по богатству окладовъ образовъ, которыми уставлена избушка сверху до низу въ два яруса, въ родѣ иконостаса. Иконостасъ этотъ, по обилію иконъ древняго пошиба, въ глазахъ старовѣровъ представляется громаднымъ сокровищемъ, неимѣющимъ даже цѣны. Деревушка, сохранившая за собою имя своего древняго основателя, населена крестьянами-поповцами, носящими въ Сибири у своихъ названіе Стариковщины, у постороннихъ извѣстныхъ подъ общимъ прозваніемъ Кержаковъ, прозваніемъ, приписываемымъ всѣмъ старовѣрамъ за то, что наибольшею частію они имѣли сношенія со скитами рѣки Керженецъ, съ керженскими поповцами Нижегор. губ. Семеновскаго уѣзда.

Во всей западной половинѣ Сибири, по рѣкамъ Иртышу, Ишиму и Тоболу, гуще другихъ населенной, общественное мнѣніе и свидѣтельства крестьянъ указываютъ на примѣтное развитіе старой вѣры даже въ недавнія времена, причомъ указываютъ на поселенцовъ, сосланныхъ за религіозныя мнѣнія, какъ на совратителей. Хотя ещо до сихъ поръ не изобрѣтены средства узнавать, кто кого совратилъ и хотя, само собою разумѣется, прямой путь — нападать на невинныхъ (путь, которымъ привыкли ходить и въ Сибири), тѣмъ не менѣе поселенцы завиняются первыми. Въ особенности пользуются успѣхомъ, говорятъ, тѣ изъ нихъ, которые перечислены изъ Восточной Сибири въ Западную, и между ними наибольшею склонностію къ

пропагандѣ отличаются филиппоны и ѳедосеевцы *). Въ странѣ, гдѣ издревле религіозный фанатизмъ былъ такъ великъ, что велъ къ самосожженіямъ (по Тобольской губ. извѣстны 33 случая, изъ которыхъ первый принадлежитъ 1682 году, а послѣдній 1828), въ странѣ, гдѣ всѣ мѣстныя условія благопріятны свободѣ ученія, старообрядство воспользовалось значительными успѣхами (см. статью «Самоубійства»). Успѣхи до того были примѣтны, развитіе въ Сибири раскола такъ сильно, что съ 1831 г. прекратили туда ссылку преступниковъ противъ вѣры и сбили счотъ Тоб. Приказа. Участіе духовенства въ этомъ отношеніи, именно здѣсь, выразилось чертами характерными и доказанными.

Прежде всего, положеніе среди двухъ огней, изъ которыхъ одинъ больно жогся, другой пріятно грѣлъ, — всегда ставило и сибирское духовенство въ тѣ ложныя условія, при которыхъ выходило одно изъ двухъ. Или мало пишешь бывшихъ на исповѣди — значитъ, нерадивъ, небрежошъ объ овцахъ, не миссіонерствуешь: а за это—архіерейскій выговоръ, замѣчаніе, штрафъ, вызовъ въ консисторію для личныхъ объясненій. Или пишешь небывшихъ бывшими, некрещоныхъ крещоными — стало быть, усердіе есть: виновные доносить не

---

*) Увѣренно наслѣженныхъ оказалось немного: извѣстенъ Плотниковъ, вѣнчавшій сводные браки. Его приговорили въ ссылку и сослали въ Кайнскъ. Онъ не унялся — услали дальше. Онъ дѣлалъ своды священническимъ вѣнчаніемъ; послѣ него стали сводить родительскимъ благословеніемъ съ прочтеніемъ молитвъ и съ возложеніемъ на главы иконы. Другой передъ смертію завѣщалъ раздать своимъ единовѣрцамъ 25 тыс. руб. сер. Изъ другихъ совратителей извѣстны: солдаты Кайгородовъ и Колмаковъ, вліяніе которыхъ выразилось въ молитвенныхъ пріемахъ; на молитвѣ стали становиться правильными рядами или шеренгами, поклоны начали класть не врозь, по желанію, а всѣ разомъ по уставу и по образу «полета птицъ, дѣлающихъ взмахи крыльями передъ небеснымъ Царемъ вдругъ, или подобно метанью ружья солдатами передъ Царемъ земнымъ». Кромѣ архіерея, жившаго въ 15 верстахъ отъ Оренбурга, старовѣры пользовались вліяніемъ даже одного изъ ссыльныхъ поляковъ, умѣвшаго разъигрывать роль старовѣрскаго наставника и попа, наживша го такимъ способомъ большія деньги. Этотъ полякъ (старовѣрскій попъ) былъ сосланъ въ сибирскіе батальоны за участіе въ революціи 1831 г. и такъ ловко подмазался къ старовѣрамъ, что они деньгами купили для него увольненіе отъ военной службы.

умѣютъ и, на мѣсто доносовъ, привыкли платить приносами—хлѣбомъ и деньгами. Практика извѣстная, освященная вѣковымъ опытомъ. Въ 1751 году въ селѣ Кармецкомъ сожглись 25 человѣкъ крайнихъ фанатиковъ ѳедосеевскаго толка, которые оказались въ приходскихъ книгахъ всѣ записанными въ православіи, бывшими на исповѣди и у св. причастія. Не такъ давно умеръ священникъ, отправившій въ банкъ 36 тыс. р. асс., и крестьяне объясняютъ гласно оба эти яркія явленія тѣмъ, что за дозволеніе не быть у исповѣди платятъ по 1 руб. за душу, и что бывали примѣры, когда священники продавали право перехода изъ православія въ расколъ за такое ничтожное вознагражденіе, какъ, напр., фунтъ чая. Процедура въ послѣднемъ случаѣ обычная: православный крестьянинъ пересталъ ходить въ церковь и на исповѣдь—священникъ допоситъ объ этомъ. Назначается слѣдствіе; отступника вызываютъ на увѣщаніе или улещаніе (какъ крестьяне привыкли выражаться). Въ духовномъ правленіи онъ устаиваетъ на своемъ. Совѣщательный комитетъ, по закону, отдаетъ его затѣмъ на увѣщаніе мѣстному священнику, — тому самому, съ которымъ уже сдѣлана сдѣлка; увѣщатель пишетъ начальству своему: «непреклоненъ». Число остальцовъ древняго благочестія увеличивается; новоприбылые самодовольно говорятъ всѣмъ: «хоть и дорого встало, да за то ужь теперь спокоенъ». Православному священнику остается наблюдать только за тѣмъ, чтобы отбившаяся отъ стада овца не сдѣлала «внѣшняго оказательства». Конечно, она этого не сдѣлаетъ, никогда и ни за что этого не сдѣлаетъ.

Лѣтъ 30—35 тому назадъ, въ этомъ краю, гдѣ, по народному выраженію, «попятъ многіе, но поповъ мало», гдѣ народъ давно выговорилъ, что «не бѣжитъ церкви, а бѣжитъ священниковъ», извѣстенъ былъ между послѣдними одинъ такой, который никогда не служилъ обѣденъ, а развѣ только отъ скуки часы или вечерню, и за котораго все правили причетники. Бывало, и спросятъ прихожане: «будетъ ли обѣдня?» — и довольствуются такимъ отвѣтомъ: «обѣдни не будетъ: мы старепькую разогрѣли и ужь кончили». Этотъ попъ продалъ или, лучше сказать, пропилъ весь свой приходъ и отписывалъ въ расколъ за полуштофъ. Другого разжаловали въ причетники за то, что онъ, ходя на Пасху мимо раскольничьихъ избъ, бросалъ

къ нимъ на дворъ черезъ заборъ крестъ, заводилъ ссоры, грозилъ доносами, бралъ отступное. Крестьяне, какъ извѣстно, неоправдывающіе въ своихъ пастыряхъ только запоевъ, охотно прощаютъ подгулы: «почему и попамъ не подгулять — человѣки есть; напился, надурилъ — приди, извинись передъ старшими и младшими, попроси молитвъ: зла не попомнимъ». Но гдѣ же у крестьянина силы примиряться съ тѣми, которые, нося въ глазахъ бревна, ищутъ у другихъ спицъ, и выносить тѣхъ, которые являются въ тѣсномъ деревенскомъ кругу присяжными врагами, доносчиками, вымогателями? Одинъ, напр., единовѣрческій священникъ больше ничего и не дѣлалъ, какъ только подсматривалъ: не тайнодѣйствуютъ ли. Замѣтивъ, вторгался въ избы, вымогалъ отступное. Гдѣ не смогалъ самъ, туда приглашалъ засѣдателя, обѣщалъ ему 300 руб. сер. наживы. Другой (православный) служилъ только разъ въ году: на пасху; къ третьему, который едва 5 разъ въ году правилъ службу (утреню, часы и вечерню), въ 1860 г. собрались на любимыя сибирскимъ народомъ «водокрещи», въ крещенье, а попа и дома нѣтъ: уѣхалъ въ дальныя деревни за поборомъ; на перваго Спаса въ 1861 г. сдѣлалъ тоже. Собравшіеся подождали и уѣхали съ ропотомъ, тѣмъ болѣе сильнымъ, что вообще сибирскіе люди на церковную молитву неохотливы, считаютъ важными и серьезными только молебны: Богородицѣ, Николѣ, Власію и Модесту, Ильѣ Пророку, и въ особенности любятъ молебствія на поляхъ, принятіе въ дома иконъ на Пасху. И на такія непритязательныя народныя требованія не такъ давно имѣлись такіе священники, которые вовсе не были грамотными: либо не доучившись, живя въ глуши, перезабыли все, либо прямо изъ причетниковъ посвящены были въ пастырской санъ. Люди эти старого закала стали переводиться, но тѣмъ не менѣе являются еще противниками и недоброжелателями молодого поколѣнія, новыхъ священниковъ. Эти выразились для крестьянъ, хотя и въ новыхъ формахъ, но тѣмъ не менѣе не въ идеальныхъ. Крестьяне жалуются на ихъ грубое обращеніе, на гордость, «чехвальство», на то примѣненіе высшихъ семинарскихъ взглядовъ, которое выражается презрѣніемъ къ неграмотному люду. Крестьяне предпочитаютъ имъ стариковъ уже по тому одному, что старые были обходительны, привычливы и, стало быть, уступчивы;

молодые попы на первыхъ же порахъ оказывались бранчивыми, крутыми. Отъ тоски ли по городѣ стали они раздражительными, отъ униженія ли средою стали обидчивыми, — прихожане этого не разбираютъ: о старыхъ попахъ тоскуютъ, о новыхъ разсказываютъ, что одинъ во время крестнаго хода курилъ папиросы; другой, при всякой встрѣчѣ, ругается, при всякомъ дѣлѣ и заказѣ капризничаетъ; третій за исправу требъ, чтобы слишкомъ не безпокоиться, положилъ большую плату. А потому отъ этого послѣдняго прихожане стали ѣздить къ единовѣрческому попу, который за свадьбу бралъ довольно дешево, нестѣснительно: всего три рубля, а не красную. Другой (съ неодолимой привычкой къ табаку) какъ разъ очутился въ гнѣздѣ раскольниковъ, гдѣ онъ, съ подстриженными усами, казался человѣкомъ и безъ того немилымъ, да кстати мѣсто принялъ отъ такого, который, во время службы, нюхалъ табакъ на всю церковь. Молодые попы сердятся на мужичье невѣжество, презираютъ крестьянъ, а сами въ то же время исполняютъ только обряды (и, надо сказать, аккуратнѣе старыхъ): окреститъ, похоронитъ, исповѣдуетъ, повѣнчаетъ, а о назиданіи нѣтъ и помину (и сами никакихъ книгъ не читаютъ). Подъ носомъ у такихъ издавна приладились наставники, начотники — старообрядцы. У раскольничьихъ стариковъ первое дѣло, какъ извѣстно, назиданіе, публичное чтеніе книгъ: Маргаритъ, Ефрема Сирина, псалтырь старопечатную и проч., живое и упрощенное толкованіе: «въ моленной избѣ посидѣть либо: и навздыхаешься отъ самого допушка, и всплакнешь не одинъ разъ у хорошаго и доточного наставника». Сводятъ молодые попы дружбу съ засѣдателями, съ этими вѣдомыми охотниками на раскольниковъ, какъ бы на какую вкусную птицу, либо жирную рыбу *). Многіе изъ молодыхъ по

*) Въ 1852 году ген.-губ. Западной Сибири вынужденъ былъ формально запретить чиновникамъ ходить по старовѣрскимъ домамъ облавой ночью или вмѣшиваться въ дѣла раскольниковъ, отбирать книги и проч. Но это не остановило: чиновники продолжали впутываться и исправники, напримѣръ, по прежнему получали 500 руб. за каждой молитвенной домъ. Одну начотчицу довели до истерической неисправимой болѣзни заточеніемъ за то, что въ стариковщинѣ (поповщинцамъ) читала каноны за едино-умершаго и за умершихъ.

старому за ними погнались: при обыскахъ ходятъ съ понятыми и положили уже на себя въ народѣ худую славу. Многіе убереглись отъ преслѣдованія потому только, что засѣдатели умѣли прикрывать дѣла. Старые порядки остаются на томъ же положеніи: старовѣры женятся и «сводятся» (своднымъ, гражданскимъ бракомъ) съ православными, и если раскольница попала въ домъ къ православнымъ, въ семьѣ рѣдко кто устаиваетъ.

Уходятъ въ расколъ—отъ тяжести общественныхъ должностей; смоленскимъ выселенцамъ велѣно было участвовать въ постройкѣ церкви,—они объявились раскольниками; псковскіе переселенцы (изъ Великолуцкаго уѣзда) съ начала водворенія, будучи раскольниками на родинѣ, объявились въ Курганскомъ округѣ православными всѣ, за малыми исключеніями; когда, въ 15 лѣтъ, успѣли приглядѣться къ сибирскимъ порядкамъ, — сказались старовѣрами, отстали отъ церкви и ушли въ расколъ всѣ. Когда въ деревнѣ Мальцовой (1756 г.) приготовившіеся къ самосожженію (ушедшіе въ ямки—по туземному выраженію), долго раздумывали и успѣли явиться увѣщатели, — крестьяне требовали: уговорить священника не брать поборовъ, смѣнить начальство за то, что отрывало отъ земли, и мучило на работахъ, заставляя строить дощаники и возить хлѣбъ въ дальныя мѣста; говорили, что они раззорены такъ, что не мила жизнь; словамъ чиновниковъ не вѣрятъ и боятся расположиться на нихъ *). Въ то время 600 человѣкъ изъ Верхъ-исетскаго завода и 300 изъ екатеринбургскаго вѣдомства бѣжали въ Польшу. При 9-й ревизіи съумѣли схватить уважаемыхъ міромъ, зажиточныхъ людей 12 человѣкъ, отправить въ этапной казематъ, тамъ желѣзными цѣпями приковать къ столбамъ, оттуда отправить въ Тюмень на увѣщаніе, при чомъ вели по городу съ обритыми половинами головъ; въ домахъ оставлены были только малыя дѣти. Этотъ казусъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что многіе православные поспѣшили обратиться въ расколъ. Въ 1860 году, изъ разныхъ волостей Тюменскаго округа

*) Какъ ихъ ни увѣщевали потомъ, они все-таки подожглись. Одного обгорѣлаго успѣли выхватить изъ огня, вылечить, посадить въ острогъ, заковать въ кандалы и отдать на судъ свѣтской власти.

крестьяне съ семействами въ количествѣ 519 душъ подали просьбу по начальству объ отпискѣ ихъ въ расколъ; до того всѣ они числились православными. Тюмень застроилась было каменными церквами, — свидѣтельницами усердія жителей къ православію, но иконостасы теперь почернѣли, церковныхъ капиталовъ не стало: все обвѣтшало. Народъ въ расколъ ушолъ, и причетники не такъ давно стаивали въ рубищахъ на перекресткахъ. Появились новые священники—все стало поправляться: и умѣнья и усердія больше.

Сводные браки вообще не прочны: кто нибудь изъ сведенцовъ непремѣнно нарушитъ контрактъ и потребуетъ новаго свода, а съ нимъ калыма, новыхъ расходовъ; теперь многіе стали прибѣгать къ вѣнчанію въ православныхъ, и—разумѣется чаще всего—въ единовѣрческихъ церквахъ. Послѣ того, не мудреная исправа: нѣсколько лѣстовокъ (лѣстовка—сто поклоновъ), очистительныя молитвы — и дѣлу конецъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ не велѣло считать такихъ браковъ законными, сведенцы отвѣчали: «пожалуй, не считай: мы и такъ живемъ и проживемъ», а своды усилились до высшей степени.

Архіерей Георгій велѣлъ писать раскольниками всѣхъ небывшихъ на исповѣди. Столоначальникъ консисторіи показалъ эту резолюцію раскольникамъ, слухъ проникъ глубоко. Захотѣли отписаться и православные, придерживавшіеся раскола, и для того рѣшились подать о себѣ особыя ревизскія сказки. Въ 10-ти волостяхъ заварилась каша; писаря помогали, начальство земское поощряло. Нарядили слѣдствіе: виновныхъ посадили въ острогъ, нѣкоторые тамъ умерли; другихъ лишили правъ состоянія и сослали въ Восточную Сибирь; остальнымъ съ рукъ сошло.

По отношенію къ высшимъ духовнымъ властямъ, у старовѣровъ остались въ воспоминаніи только мимолетные проѣзды владыкъ и ихъ поѣзды со свитой, напоминающіе древніе воеводскіе поѣзды съ челядью, которая хватала по дорогѣ серебряныя ложки, скатерти со стола и все, что ни попадало подъ руку. «Да и станетъ ли владыка (говорили крестьяне), примѣрять священника къ мужику, а тѣмъ пуще мѣнять его на старовѣра?» Такимъ образомъ, обязанные «вѣдать

вся да всяко нѣкія спасутъ» не вѣдаютъ и не хотятъ вѣрить, между прочимъ, такимъ несомнѣннымъ даннымъ.

Въ бытописаніяхъ тобольскаго лѣтописца сохранился между прочимъ такой оригинальный типъ. Въ началѣ прошедшаго вѣка въ Тобольскѣ, въ Знаменскомъ монастырѣ, жилъ архимандритъ Порфирій, происхожденіемъ изъ подъячихъ. При монастырѣ состояли крестьяне, платившіе вмѣсто сдѣлокъ (задѣлья) деньгами. Порфирій уговорилъ ихъ дать подписку въ томъ, что они за скудостью денегъ пришли въ изнеможеніе и что, вмѣсто денегъ, желаютъ производить платежъ сдѣлками. «Недомышленный народъ перемѣнилъ свою бѣду на напасть», замѣчаетъ лѣтописецъ. Архимандритъ накладывалъ сдѣлки дровами, бревнами, сѣномъ, лѣсомъ круглымъ и тесомъ. Монастырь началъ богатѣть. Для вящаго успѣха Порфирій прикармливалъ и одаривалъ подъячихъ, и чрезъ ихъ кляузы достигъ до того, что выбылыхъ, по указамъ, крестьянъ и бобылей, какъ изъ крестьянства, такъ и изъ ямщиковъ многихъ людей, по прежнему обратилъ въ монастырскіе служители и конечно раззорилъ. Самъ же жилъ въ монастырѣ роскошнымъ и полноправнымъ помѣщикомъ; мало того — сибаритомъ: умывался кипяченою и процѣженною сквозъ полотно водою; отъ кельи до церкви, внутри монастырской ограды и до другихъ покоевъ ѣздилъ на лошади въ экипажѣ, хотя бы то было и въ лѣтнее время. «Подражая древнихъ отецъ, въ кушанье пекли ему хлѣбъ ячменный, а ячмень ему чредили по его приказу крестьянскія жены и ихъ дочери, такъ что у всякого зернушка ячменнаго оскабливали скорлупу ножичками и, такъ чищеныя зерна, мололи на нарочно на то построенныхъ мельницахъ и всякой день готовили ему хлѣбцы и булки новые и свѣжіе, варили ему рыбу живую, дѣлали лапшу изъ топленаго молока со сниманными пѣнками», Раззоренные имъ до тла крестьяне подали на него челобитье въ губернскую канцелярію. Канцелярія рѣшила главныхъ челобитчиковъ выбить кнутомъ, вырвать имъ ноздри и 50 человѣкъ послать на каторгу, а остальныхъ 300 старшихъ десятаго наказать кнутомъ, а прочихъ по состоянію ихъ лѣтъ били плетьми и батожьемъ. Битые крестьяне вырыли для монастыря пруды и построили мельницы; въ пруды архимандритъ напустилъ рыбы и кормилъ ее печонымъ хлѣбомъ; но рыба вся поко-

лѣла и выплыла на поверхность воды. Въ Тобольскѣ отгородилъ онъ себѣ большое мѣсто, стѣснивши сосѣдей, и ещо больше стѣснилъ крестьянъ, вытребовавъ ихъ вновъ на житье въ монастырь. Такія дѣла дошли до вѣденія сѵнода. Порфирія перевели въ Тюмень, въ Троицкой монастырь. Здѣсь онъ началъ творить тоже, «но»—говоритъ лѣтописецъ—«умножившаяся въ немъ болѣзнь и скорбь, отъ печали и стыда бываемая, не допустила его до дальныхъ предпріятій и тягостію своею въ верхъ гнула во иступленіе ума, да къ тому и смерть не преминула употребить свои наблюденія. Притомъ она, опасаясь столь хитрого политика и приказного происка, чтобъ какими-нибудь приказными крючками не могъ ее довесть до дальныя волокиты, не опуская времени, изъ знатной себѣ такой добычи, изъ своихъ рукъ сей жизни лишила его». Про другого троицкаго архимандрита, управлявшаго духовенствомъ до 1836 г. (Амвросія), разсказываютъ рядъ разныхъ анекдотовъ, дебошей; пилъ онъ мертвую *). Съ третьимъ архимандритомъ (Іакинфомъ, въ Пыскорскомъ монастырѣ) раздѣлались самосудомъ—убили. Въ убійствѣ оказались виновными въ одинаковой степени и монахи и монастырскіе крестьяне, не любившіе его за строгость. Дѣло произошло въ 1793 году **).

Старовѣры всего края, примыкающаго къ Уральскимъ горамъ и прилежащаго къ Иртышу, Ишиму и Тоболу и проч. рѣкамъ — люди

---

*) Этого Амвросія разъ посылали увѣщевать со священниками, въ 1828 г., въ дер. Гилеву, гдѣ явились духоборцы (толковавшіе, что истинные поклонники покланяются Богу духомъ и истиной). Амвросій, какъ пріѣхалъ, такъ и выпилъ, какъ выпилъ, такъ и началъ стращать острогомъ. Когда острогу посмѣялись — онъ обѣщалъ разстрѣлять изъ пушекъ; съ тѣмъ и уѣхалъ, захвативши съ собою крестьянина Хохлова. 13 мѣсяцевъ прожилъ Хохловъ въ острогѣ о приговоренъ къ ссылкѣ, но сѵнодъ оставилъ его на мѣстѣ жительства.

*) Курьезны при этомъ допросы, доводившіе до сознанія: «исправникъ принужденъ былъ употребить при томъ послѣднія средства, хотя было то съ закономъ и не согласно: не давъ ему, Фотіеву (болѣе другихъ подозрѣваемому) одуматься, толкнулъ его изъ присутствія въ прихожую по затылку и въ оной принужденъ былъ употребить его нѣсколько по зубамъ, повторяя одинъ за другимъ удары, — чѣмъ приведенъ будучи въ разстройку и не имѣя случая оправиться — сознался».

грамотные, начитанные; вообще трезвы, любятъ молиться, бесѣдовать и читать священныя книги; не любятъ общественныхъ забавъ: гулянокъ, масляничныхъ катушекъ, пасхальныхъ качелей и особенно гулянокъ въ праздники. Молодежъ хотя и любитъ выпить, но въ большіе праздники въ кабаки не ходитъ, пьетъ мимо праздниковъ; въ праздники даже помочей не дѣлаютъ и вообще стараются не работать, а больше молиться, бесѣдовать и слушать писаніе. За пьянство и другіе грѣхи старики накладываютъ нѣсколько лѣстовокъ, отлучаютъ въ нищѣ, въ молитвѣ: ѣшь одинъ, молись послѣ всѣхъ. Раскольники—люди богатые: они первые плательщики податей, первые помощники бѣднымъ, помогаютъ милостыней и православнымъ (этимъ меньше, своимъ бѣднымъ больше). На слѣдствіяхъ, и безъ присяги, не кривятъ душой. Гостепріимны, какъ всѣ сибиряки, но честны и справедливы, какъ примѣтное исключеніе. Всѣ старовѣры очень набожны, особенно старики: всякое домашное дѣло начинаютъ молитвой; за обѣдомъ всякое блюдо встрѣчаютъ большимъ крестомъ и безъ креста не ѣдятъ ничего. Вставши съ постели кладутъ большой или малый началъ (судя по досугу); также поступаютъ и вечеромъ. На праздники и въ праздники молитвы неизбѣжны отъ стараго до малаго: праздничная служба совершается по книгамъ, а у кого ихъ нѣтъ—по лѣстовкамъ съ подручниками. Памятуя и уважая старину, въ праздники мужчины обыкновенно надѣваютъ кафтаны, женщины — большіе платки и непремѣнно сарафаны одного цвѣта, либо синяго, либо чорнаго, но не пестраго (только савинская поповщина позволяетъ дѣвкамъ ходить въ молитвенные домы щегольски одѣтыми). Отъ православныхъ крестьянъ старовѣры въ этомъ отношеніи значительно отличаются и стоятъ далеко выше: во всѣхъ толкахъ строгое обязательство грамотности по часослову и псалтырю; если нельзя выучить грамотѣ, непремѣнно выучатъ молитвамъ. Изъ православныхъ рѣдкій читаетъ молитвы, у старовѣровъ всякій мальчикъ и дѣвочка знаютъ наизустъ такъ-называемый малый началъ, другіе знаютъ и большой, и много молитвъ. Попы у стариковщины — почти уже дряхлые старики, но трезвые и набожные; начотчики у поморцовъ представляютъ собою классъ людей высоконравственныхъ, внушающихъ къ себѣ полнѣйшее уваженіе; все

это—люди трезвые, разумные, умѣющіе найтись всюду, гдѣ нуженъ ихъ совѣтъ и не медлящіе идти на помощь всюду, гдѣ въ ней нуждаются. Они—тѣ общественные избранники, народные друзья, тотъ идеалъ, къ которому непремѣнно должны стремиться священники, желающіе дѣйствовать на старовѣровъ и руководить ими.

Когда, въ 1762 году, Екатерина воспретила преслѣдованія, обложивъ старовѣровъ двойнымъ окладомъ, въ «старой Сибири» многіе прибѣгали къ церкви по чистому сознанію, что безъ церкви нельзя, безъ таинства спасеніе невозможно. Они стали вѣнчаться, крестить, иногда исповѣдываться, и даже погребать умершихъ близъ церкви; потомки ихъ остались въ чистомъ православіи. Теперь, когда колебаніе старовѣровъ сдѣлалось примѣтнѣе, не утрачиваются надежды на то, чтобы способомъ постепенныхъ уступокъ, поставить дѣло въ лучшее положеніе, чѣмъ нынѣшное. Крутыя мѣры и рѣзкія требованія не только останавливали дѣло, но и поворачивали назадъ. Прямо и разомъ превратить старовѣровъ въ православныхъ ещо никому до сихъ поръ не удалось: опыты постепенного обращенія въ Сибири вѣнчались кое-гдѣ успѣхомъ: даже и въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ идетъ рѣчь наша... Тамъ сами старовѣры дѣлаютъ такое уподобленіе: «разомъ въ церковь войти, — это какъ бы на морозѣ раздѣться, искупаться и рубаху перемѣнить!» А потому, нѣкоторые окрестить у попа не прочь, но миропомазаніе уже затрудняетъ ихъ; исповѣдаться у хорошого охотятся (и зачастую дѣлаютъ это тайно, по ночамъ), но причаститься — даже изъ рукъ трезвого, некурящаго, усы неподстригающаго священника очень трудно: разомъ всего не поднимешь. На православномъ кладбищѣ умершаго положить очень трудно, на своемъ, среди родичей,—пріятно во все удовольствіе сердца. Крещонаго и вѣнчанного попомъ, пожалуй, и поправлять не станутъ, если бы священникамъ, при погруженіи, позволено было держать младенца спиной къ востоку. При вѣнчаніи хожденіе кругомъ аналоя супротивъ солнца — тоже крупное препятствіе: ноги не ходятъ. Двуперстное сложеніе, столь обширно распространенное, почти всеобщее по Сибири и въ сѣверной Россіи, желательно имъ видѣть и у православныхъ священниковъ. Одинъ священникъ сшилъ эпитрахиль съ 7-ю крестами и придѣлалъ къ требнику мѣдное распятіе,—стали хо-

дить къ нему всѣ старовѣры и прикладываться къ требнику, хоть и знали, что онъ синодальнаго, недавняго изданія. Нѣкоторыми уступками одинъ достигъ того, что въ десять лѣтъ исправилъ дѣло, испорченное его нетрезвыми и корыстолюбивыми предмѣстниками: старовѣры стали снова православными. Выборъ священниковъ, излюбленныхъ міромъ и по его выбору, является однимъ изъ прямыхъ путей для выхода изъ запущенныхъ и запутанныхъ отношеній. Тогда не будетъ нужды прибѣгать къ составленію фальшивыхъ мірскихъ приговоровъ, какъ сдѣлалъ это, въ 1860 г. въ Тобол. губ., недостойный служитель алтаря, ссадившій съ мѣста того, которымъ всѣ прихожане были довольны.

ГЛАВА IX.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ КАЗНЫ.

ФАБРИКАНТЫ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ И БУМАЖНЫХЪ ФАЛЬШИВЫХЪ ДЕНЕГЪ.—МѢСТА И СПОСОБЫ ПРИГОТОВЛЕНІЯ.—ДЕНЬГИ ВЪ ШУБАХЪ.—ВЕНГЕРЦЫ.—ЛАБЗИНЪ.—ЗНАМЕНИТЫЙ ЦЕЗИКЪ.—ЕГО ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ МАСТЕРСТВО.—ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЦѢЛИ ВЪ ФАБРИКАЦІИ АССИГНАЦІЙ ЗА БАЙКАЛОМЪ.—ФАБРИКАЦІЯ ФАЛЬШИВЫХЪ ДОКУМЕНТОВЪ: МѢСТА И ЛИЦА.—КОРЧЕМНИКИ: КОРЧЕМСТВО ВИНОМЪ И СОЛЬЮ.—КОНТРАБАНДИСТЫ.—КРАЖА ЗОЛОТА И СЕРЕБРА.—КЯХТИНСКАЯ, СИБИРСКАЯ И РУССКАЯ КОНТРАБАНДА.

Покушенія на интересы казны (преступленія противъ имущества и доходовъ ея) выразились абсолютнымъ числомъ сосланныхъ въ Сибирь въ такихъ отношеніяхъ: самое большое количество жертвъ ушло за поддѣлку и переводъ ассигнацій и монеты, затѣмъ за корчемство виномъ и солью, потомъ за нарушеніе таможенныхъ постановленій (контрабанду) и, наконецъ, за похищеніе драгоцѣнныхъ металловъ на заводахъ и промыслахъ (за кражу золота). Похищеніе и истребленіе казенныхъ лѣсовъ, появленіемъ своимъ отдѣльною рубрикою въ тобольскихъ тябеляхъ, опоздало, а кража казеннаго имущества (облагороженная прозваніемъ «присвоенія и утраты ввѣреннаго по службѣ имущества») отнесена, вмѣстѣ съ подлогами по службѣ, мздоимствомъ и лихоимствомъ, въ отдѣлъ преступленій должностныхъ лицъ по службѣ государственной и общественной. Подчиняясь этому порядку, преслѣдуемъ задачу нашу прочитать списки ссыльныхъ преступниковъ до конца.

1. Фабриканты металлическихъ и бумажныхъ денегъ.

Прежде всего не можемъ не выразить сожалѣнія о томъ, что тобольскія табели, путая производителей съ потребителями, слѣпого со зрячимъ, фабрикантовъ и заказчиковъ, и передатчиковъ и обманутыхъ (всѣхъ четырехъ) въ одну кучу, лишаютъ насъ желаемой возможности отдѣлить тѣхъ, которые фабриковали бумажныя деньги, отъ мастеровъ, попавшихся на поддѣлкѣ монеты. На практикѣ, по обычаю и закону всякого ремесла (требующаго и раздѣленія труда, и служенія какой-нибудь одной спеціальности), оба вида преступныхъ дѣяній выразились ясными признаками отдѣльного и самобытного проявленія. Тобольскія табели этой разницы не признаютъ теперь, съ перемѣною способа записей, но, по нѣкоторымъ старымъ признакамъ (по таблицамъ 9 лѣтъ, съ 1838 по 1846 г.), можно видѣть и убѣждаться на цифрахъ, что монетчиковъ попалось больше, чѣмъ фабрикантовъ бумажныхъ денегъ (слишкомъ въ 4 раза), хотя настоящее время, по всему вѣроятію, переставило картину въ обратномъ видѣ. Съ уменьшеніемъ количества ходячей монеты и съ перемѣною ея внутренняго достоинства, древнѣйшій способъ денежныхъ поддѣлокъ, требующій меньшихъ подготовительныхъ средствъ отъ безграмотного, но опытного техника, естественно долженъ былъ уступить новому способу поддѣлокъ, практикующему во время развитія техническихъ производствъ (въ особенности фотографій и литографій). Хотя для монетчиковъ — цѣлыя столѣтія опыта, а для фабрикантовъ — въ нынѣшній годъ только сто лѣтъ практики (со времени манифеста Екатерины II, вводившаго ассигнаціи съ цѣлью «подать способы къ обращенію денегъ, отъ котораго много зависитъ благоденствіе народа и цвѣтущее состояніе торговли»), тѣмъ не менѣе, развитіе поддѣлки фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, въ настоящее время, одно изъ яркихъ и модныхъ явленій. Поддѣлыватели ассигнацій, въ первую половину текущаго столѣтія, уступая монетчикамъ *), въ тече-

*) За поддѣлку и переводъ монеты сослано 368 чел. (350 мужч. и 18 ж.), а поддѣлывателей и переводчиковъ фальшивыхъ ассигнацій, въ то же время, выслано только 86 (82 м. и 4 ж.).

ніе второй займутъ, повидимому, болѣе почотное и видное мѣсто, по необычайному распространенію кредитныхъ бумагъ всякого рода. Прошлое время даетъ настоящему слѣдующія указанія и предостереженія.

Поддѣлка фальшивыхъ денегъ нисколько не останавливалась при измѣненіи формы денежныхъ знаковъ и поддѣлыватели не затруднились, ни въ 1817 году, когда ассигнаціи, дойдя до громадной цифры 836 милліоновъ, упали въ цѣнѣ (и приняты были мѣры къ изъятію ихъ изъ обращенія), ни въ 1843 г., когда онѣ замѣнены были кредитными билетами. Напротивъ даже, перемѣна ассигнаціоннаго курса (въ 1837 г.) на серебро усилила поддѣлку и увеличила число ссыльныхъ (въ 1841, 1842, 1844 и 1845 гг.), какъ въ наши дни не задумались поддѣлыватели надъ болѣе трудными серіями, и въ поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ не совладали съ радужными (высшаго достоинства) и рѣже снисходили до фабрикаціи бумажекъ желтаго цвѣта и самого нисшаго достоинства (рублевыхъ). Наибольшее количество ссыльныхъ по дѣламъ фальшивыхъ бумажекъ въ извѣстные намъ годы, замѣчалось въ смежныхъ съ границею губерніяхъ, свидѣтельствуя сильнѣе о передатчикахъ, чѣмъ о фабрикантахъ, и издавна указывая на заграничныхъ дѣятелей, подрывающихъ нашъ кредитъ съ помощью, жадныхъ къ денежнымъ богатствамъ и необыкновенно ловкихъ и опытныхъ въ такого рода операціяхъ, евреевъ *). Этимъ явленіемъ и выразилась первоначальная исторія нашихъ фальшивыхъ бумажекъ на то время, когда свои мастера практиковались ещо на древнемъ способѣ чеканки фальшивой монеты и къ спо-

*) Бывшая Бѣлостокская область отличается самымъ высокимъ процентомъ изо всѣхъ. При этомъ евреи, по процентнымъ отношеніямъ ко всѣмъ другимъ инородцамъ, занимаютъ самое первое мѣсто. Рискъ обогатиться фальшивыми деньгами въ этомъ народѣ уступаетъ только риску въ поползновеніяхъ на контрабанду. Такъ увѣряютъ тобольскія цифры.

Прослѣдить подробности этого явленія нѣтъ никакой возможности, потому что бывшее въ Тюмени «по колодничьей части присутствіе» считало ссыльныхъ въ такомъ безпорядкѣ, что заставило Сперанскаго прекратить его дѣятельность. Всѣ дѣла, счоты и книги погибли безвозвратно и безслѣдно. Вставшій на мѣсто «Присутствія» Приказъ въ Тобольскѣ началъ считать ссыльныхъ съ 1823 г. и вести правильный учотъ съ 1827 г.

собамъ поддѣлки бумажныхъ денегъ только присматривались и приловчались.

Наибольшее число покушеній обогащаться фальшивой монетой внутри Россіи объявилось въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ городская жизнь съумѣла пригрѣть тѣ техническія мастерства и ремесла, которыя облегчаютъ фабрикацію запрещенныхъ продуктовъ, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ наиболѣе развито заводское и фабричное дѣло. Процентныя сравненія въ ряду многочисленныхъ русскихъ сословій указываютъ на большую виновность въ этомъ преступленіи именно людей, приписанныхъ къ заводамъ или работавшимъ на фабрикахъ; имъ уступаетъ даже купечество, наиболѣе въ томъ виновное (по отношенію къ ссыльнымъ за уголовныя преступленія), и замѣчательно далеко остаются назади крестьяне другихъ наименованій и духовенство (сословія, наименѣе виновныя въ этого рода поддѣлкахъ *). Такимъ образомъ, губерніи: Пермская, Нижегородская, Оренбургская, Казанская, Владимірская и Московская обнаружились въ числѣ первыхъ, съ одной стороны, по количеству умѣлыхъ рукъ, съ другой — по обилію слѣпыхъ глазъ въ русскихъ захолустьяхъ смежныхъ губерній и въ средѣ инородческаго населенія, обильно населяющаго всѣ четыре первыя губерніи. Московской и Владимірской пришлось выдвинуться дальше другихъ внутреннихъ губерній по тому счастливому географическому положенію, которое поставило ихъ посреди двухъ самыхъ живыхъ торговыхъ центровъ и на пути къ нимъ, каковы Москва (круглый годъ) и Нижній-Новгородъ (на время двухмѣсячной ярмарки). Тутъ и тамъ, въ обоихъ пунктахъ, руководящихъ всѣмъ торговымъ движеніемъ цѣлой Россіи, при слабости нашего торговаго кредита (вызывающей сильнѣйшую потребность въ денежныхъ знакахъ), преступный промыселъ издавна устроился на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Оправдываясь помощью и содѣйствіемъ при тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаетъ то-

*) У солдатъ и мѣщанъ преступленіе поддѣлокъ денежныхъ сильнѣе, чѣмъ у крестьянъ; тутъ и тамъ оно болѣе частое преступленіе, но въ обоихъ случаяхъ уступаетъ и заводскимъ крестьянамъ и купечеству (въ особенности изъ раскольниковъ).

варный обмѣнъ на нижегородской ярмаркѣ и на которыя такъ часто слышатся тамъ жалобы, промыселъ фальшивыхъ денегъ имѣлъ наибольшій успѣхъ въ практическихъ приспособленіяхъ въ то время, когда одна крупная операція, вызывая одновременно вторую, продолжала дѣйствовать въ цѣломъ ряду другихъ, самыхъ крупныхъ и сильныхъ оборотовъ. Когда начинали чай и желѣзо и тотчасъ же шевелили мануфактурные товары, послѣдовательно вызывавшіе движеніе товарами москательными, фальшивыя деньги съ успѣхомъ втирались въ груды размѣнныхъ знаковъ, которыя быстро переходили изъ однихъ хлопотливыхъ рукъ въ другія, спѣшившія не терять момента, не задерживать хода и успѣха операцій. Подъ видомъ красноярокъ и гуслицкихъ блиновъ, фальшивыя бумажки появлялись на свѣтъ божій, по окончаніи ярмарки, въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ Россіи и, въ шубахъ и безъ шубъ, т.-е. въ бумажныхъ рамкахъ, свободно расходились въ болѣе темныхъ и глухихъ захолустьяхъ. Тѣ же оптовые пріемы торговли и отчасти тотъ же недостатокъ размѣнныхъ знаковъ въ отдаленныхъ пунктахъ Россіи, при общей слѣпотѣ мѣновщиковъ собственныхъ сырыхъ продуктовъ, омозолившихъ руки и загрубившихъ нравы до противоборства грамотности, указали для фабрикаціи фальшивыхъ денегъ такія же видныя мѣста подъ Казанью, ведущею сильный оптовый торгъ съ Сибирью и Россіею, и въ Пермской губерніи, ради Ирбити, ярмарка которой уступаетъ одной только Нижегородской. Помимо фальшивыхъ бумажекъ, здѣсь въ сильнѣйшей степени укрѣпилась поддѣлка монеты, въ разсчотѣ на близость и сосѣдство самыхъ темныхъ людей изъ инородческихъ племенъ, которые въ одно время любятъ задерживать обращеніе монеты, и чрезъ приспособленіе ея къ украшеніямъ нарядовъ своихъ, и черезъ сохраненіе ея въ землѣ, зарытою въ кубышкахъ и горшкахъ — этотъ древнѣйшій, доисторическій способъ сбереженія капиталовъ.

На сколько силенъ вызовъ фальшивой монеты, обезпеченный и руководимый обычаями и невѣжествомъ инородцовъ, служатъ доказательствомъ наши тюрьмы — учрежденія наиболѣе неблагопріятныя (повидимому) существованію въ стѣнахъ ихъ фабрикъ подобнаго опаснаго товара. Въ ближайшихъ къ Сибири и въ сибирскихъ тюрь-

махъ нѣтъ почти ни одной, тщательныя розысканія въ которой не навели бы на слѣды этого преступнаго промысла. Промыселъ фальшивой монетой въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ (напримѣръ Тобольской) и въ нѣкоторыхъ заводахъ каторжныхъ (напримѣръ Успенскій заводъ Тобольской губерніи), издавна считался привиллегированнымъ *). По временамъ ослабѣвалъ онъ, по временамъ возросталъ, въ силу большей или меньшей бдительности и преслѣдованій, и вообще подчинялся тѣмъ же законамъ, по которымъ, напримѣръ, въ Россіи Воронежская губернія въ ряду русскихъ заняла первое мѣсто, безъ всякихъ разумныхъ образомъ объяснимыхъ основаній. Оставаясь подъ прикрытіемъ тайны въ обычное время, промыселъ выбивался наружу при усиленномъ надзорѣ, начинавшемъ устремляться въ одну и ту же точку, но продолжалъ оставлять въ постоянной виновности всѣ губерніи русскія (съ меньшею виновностью для бѣлорусскихъ и сѣверныхъ, и съ большею — на правахъ передатчицъ и проводницъ поддѣлокъ — для приволжскихъ и новороссійскихъ; а изъ малороссійскихъ для тѣхъ, гдѣ существуютъ огромныя ярмарки: для Курской, Полтавской и Харьковской) **).

На сколько распространенъ этотъ промыселъ и широко его примѣненіе въ Россіи, доказываютъ тѣ же тюрьмы, изъ каковыхъ, по дѣлу о разбойникѣ Быковѣ, оказалась виновною даже такая немноголюдная, какъ Алашевская (Казанской губерніи), а равно и гласъ народный, сознательно указывающій на многія села и деревни, занятыя приготовленіемъ монетъ и бумажекъ, на многіе города, и въ

---

*) Отсюда Тобол. губ., по сравненіи съ русскими, принадлежитъ самое видное и почотное мѣсто: въ 9 лѣтъ въ ней накопилось пойманныхъ монетчиковъ 20 (тогда какъ изъ русскихъ въ тѣ же годы въ Сарат. 15, въ Симб. 12, въ Перм. 4, и проч.) и дѣлателей ассигнацій 26 (въ Пермс. 6, въ Херс., Волын., Спб. по 4, и проч.).

**) Вотъ въ какомъ порядкѣ 20-ть лѣтъ практики расположили, по числу ссыльныхъ, губерніи наши: Воронеж. 86 м.; Моск. 58 м., 3 ж.; Курск. 55 м.; Влад. 48 м., 1 ж.; Сарат. 46 м., 2 ж.; Нижегор. 42 м., 4 ж.; Полт. 37 м., 3 ж.; Харьк. 31 м., 9 ж.; Оренб. 36 м., 3 ж.; Костр. 34 м., 1 ж., Спб. 32 м. 1 ж.; Симб. 31 м.; Херс. 28 м.; Таврич. 23 м. Наименьшее число въ 20 лѣтъ: Арханг. 2 м.; Олонец. 3 м., 1 ж.; Вологод. 5 м.; Курл. 5 м.; Смол. 4 м., 1 ж.; въ Эстлянд. ни одного.

нихъ на купеческіе дома, застроившіе каменными домами города, и украсившіе ихъ богатыми церквами, съ цѣлію прикрыть и замолить грѣхъ, пособившій первоначальному обогащенію. Въ особенности часты, сильны и убѣдительны подобныя указанія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ наиболѣе скопились въ согласное цѣлое, упомянутыя нами причины, каковы, между прочимъ, губерніи: Казанская, Пермская и Тобольская *). Сибирь является страною, наиболѣе страдающею отъ разного рода поддѣлокъ. Въ ней ещо до сихъ поръ во всей неприкосновенной цѣлости сохраняется первобытный способъ обмѣна товара на товаръ: пушного звѣря на порохъ, свинецъ, муку и соль, и въ размѣнную единицу, на одинаковыхъ правахъ съ серебромъ, золотомъ, мѣдью и бумажными деньгами, допущены даба (особая бумажная матерія кинешемского дѣла), кирпичный чай (разбиваемый на куски до цѣнности 5 и 3 копѣекъ) и клубныя марки (въ губернскихъ городахъ до Перми включительно). Въ то же время фальшивая монета и ассигнаціи разгуливаютъ тѣмъ свободнѣе, чѣмъ больше высылается изъ Россіи мастеровъ, чѣмъ сильнѣе пріучаютъ тамошнихъ аборигеновъ къ вѣрѣ въ кредитные билеты и металлическіе знаки, и чѣмъ чаще являются затрудненія въ мелкихъ размѣнныхъ единицахъ. Послѣднее обстоятельство особенно замѣчательно; участіе ссыльныхъ въ денежныхъ поддѣлкахъ — несомнѣнно, и мѣста заключеній временныхъ и постоянныхъ безразлично служатъ мѣстами фабрикацій. Разница заключается лишь въ томъ, что на востокѣ Сибири промышленность эта слабѣе, а на западѣ она является во всеоружіи давняго опыта и искусства. За Байкаломъ (около 1848 года), венгерцы и другіе иностранцы, занимавшіеся мелочной разносной торговлей и ѣздившіе большими партіями съ заграничными товарами безъ таможенныхъ клеймъ, но съ поддѣльными пломбами и штемпелями, уличены были въ томъ, что пріобрѣтали преимущественно серебро и серебряную монету, и пускали въ обращеніе фаль-

*) Слѣдственныя дѣла указывали наичаще въ Пермской губ. на заводъ Богословской и въ Вятской на Камско-Воткинской. Народныя преданія преимущественно сосредоточиваютъ свои указанія на городахъ, лежащихъ на перевалахъ Сибири и Россіи.

шивыя ассигнаціи. Тамъ же считали различные сорты поддѣльныхъ ассигнацій домашняго дѣла, — насчитали 25 видовъ и съ отчаянія прекратили счотъ, оставивъ заведенную книгу для любопытныхъ въ архивѣ. Поддѣлывали татары, поддѣлывали и евреи, но особеннымъ искусствомъ передъ всѣми отличались — по наблюденіямъ начальствъ — тѣ изъ русскихъ, которые были присланы сюда изъ Пермской губерніи за то же самое искусство. Нѣкто Соколовъ дѣлалъ изъ контрабандного золота, украденного на казенныхъ промыслахъ, такіе червонцы, которые, при осмотрѣ въ Петербургѣ на монетномъ дворѣ, оказались преступными лишь въ томъ, что сдѣланы были изъ чистого золота (серебристаго золота) безъ лигатуры: «цвѣтомъ пожолтѣе, въ окружности больше настоящихъ, буквы поовальнѣе и не такъ явственны, зубчики крайняго ободка потолще, и вмѣсто звѣздочекъ — точки». Подъ Иркутскомъ нашли фальшивыхъ монетчиковъ, на одномъ изъ острововъ Ангары (наз. Островомъ Любви), и за тѣмъ наталкивались во всѣхъ тюрьмахъ непрерывно. Въ Западной Сибири промыселъ этотъ разсчитывалъ на омскую линію, чрезъ которую продукты выдѣла свободно уходили съ караванами въ Бухару, Хиву и Ташкентъ: и золотые пробой высшіе казенныхъ и оловянные цѣлковые, пригодные на киргизскую руку. Ходитъ преданіе , что съ того времени, какъ прошолъ слухъ о предписаніи омскому казначейству размѣнивать фальшивую монету на ходячую, приготовленіе оловянныхъ цѣлковыхъ въ тобольскомъ острогѣ и бумажныхъ денегъ въ Успенскомъ заводѣ производилось въ огромныхъ размѣрахъ; подъ Тюменью называютъ цѣлыя деревни, указываютъ на заимки, на многіе купеческіе дома, разбогатѣвшіе отъ этого промысла. Нѣкоторые мастера, какъ ссыльно-каторжный Игнатій Поповъ (онъ же Голодаевъ) — въ Троицкомъ заводѣ, бѣгло-каторжный Корепевъ — въ Тобольскомъ острогѣ и Игнатій Цезикъ — вездѣ, куда ни приводила его судьба — пріобрѣли повсюдную извѣстность, перешедшую въ потомство. Для нихъ солдаты-сторожа и бабы-торговки являлись на помощь, какъ передатчики, кабаки были мѣстами хранилищъ, казначейскими кладовыми, базары — размѣнными кассами. Тобольскій острогъ напрактиковался въ этомъ занятіи до того, что лѣтъ 30 назадъ пользовался далекою извѣстностію, потомъ началъ

ослабѣвать, но въ пятидесятыхъ годахъ обнаруживалъ ежегодно среднимъ числомъ не менѣе трехъ слѣдовъ монетной и ассигнаціонной фабрикаціи. Тобольская губернія одна давала ровно $^1/_3$ часть всего количества преступниковъ, сужденныхъ за поддѣлку ассигнацій, и почти $^1/_{16}$ часть изо всего числа людей, ушедшихъ въ Сибирь за поддѣлку и переводъ монеты. Кромѣ надежды поправить свое отчаянное состояніе при помощи спекуляціи на темныхъ людей, кромѣ рокового влеченія забаловавшихся рукъ въ Россіи, не сдерживаемыхъ, но поощряемыхъ каторгою и поселеніемъ, — стремленіе къ поддѣлкамъ ассигнацій прикрывалось и политическою цѣлью, но тутъ оно не имѣло особеннаго успѣха. Фальшивыхъ бумажекъ, говорятъ, ссыльные поляки выпустили въ народное обращеніе очень небольшое число (но объ этомъ — въ своемъ мѣстѣ). Ссыльные за поддѣлку ассигнацій и монеты и въ ссылкѣ оказались неисправимыми: восемь человѣкъ, учениковъ тверского купца Лабзина и въ Нерчинскихъ заводахъ объявились такими же ловкими и искусными монетчиками, когда привелось отвѣчать отсюда на запросъ изъ Россіи по новой подсудности Лабзина. Не отставалъ отъ нихъ и Францъ Карговскій, торговавшій на каторгѣ виномъ, спиртомъ и водкой «подъ названіемъ вѣтенберской» и скупавшій у крестьянъ свиней, тетеревей и рябчиковъ, несмотря на то, что никуда и ни подъ какимъ видомъ изъ завода Нерчинскаго его не отпускали, и не позволяли ѣздить по аргунскимъ деревнямъ съ лекарственнымъ ящикомъ. Игнатій Цезикъ въ особенности оставался цѣльнымъ и неисправимымъ, подчинившись влеченію несокрушимого жизненнаго духа *.

Цезикъ выучился въ Вильнѣ рисованію и лѣпнымъ работамъ, и долго прожилъ тамъ, показавши большую страсть и способность. Изъ Вильны перебрался онъ на родину, въ окрестности Слуцка, и въ родной деревнѣ, вмѣстѣ съ братомъ (отставнымъ военнымъ), занялся

---

*) На сколько сильно участіе въ денежныхъ поддѣлкахъ ссыльныхъ всякого званія могутъ служить слѣдующія цифры за 9 лѣтъ, намъ извѣстныхъ: каторжныхъ 12 человѣкъ; бродягъ 39 м., 1 ж. (переводили монету сверхъ того 8 м., 1 ж.); поселенцовъ 22 м.; арестантовъ 7 м. Невиноваты — неуличенные («не пойманъ — не воръ»).

хозяйствомъ: искусство совершенно бросилъ. Ничто имъ до поры до времени не благопріятствовало; но подвернулся случай: Игнатій поступилъ въ число членовъ какого-то масонскаго общества и, въ увлеченіи его задачами, остановился на мысли приспособить свои знанія и полузабытое искусство къ приготовленію фальшивыхъ денегъ. Кромѣ личныхъ интересовъ поправить свое разстроенное состояніе, онъ руководился и тою задачею, чтобы ослабить кредитъ правительства, и открылъ фабрику фальшивыхъ бумажекъ. Братъ его, Феликсъ, фабрикованную бумагу проводилъ въ обращеніе и вмѣстѣ съ Игнатіемъ разсчитывалъ оказать услугу вольности и свободѣ народа. Искусство Игнатія до нѣкотораго времени обезпечивало успѣхъ, но повадился кувшинъ по воду ходить, — тамъ ему и голову сломить: преступленіе было открыто и оба брата посажены въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ, во время процесса, ни Игнатій, ни Феликсъ, не теряли времени даромъ. По обычаю многихъ заключенниковъ, и они принялись лѣпить фигурки изъ тѣста и хлѣба, но съ той разницей, что на издѣліяхъ Цезика лежала уже печать даровитости, и работы его тотчасъ же обратили на себя вниманіе надзирателей и приставниковъ *). Ему облегчили оковы, доставляли глину, и по Бобруйску стали расходиться изящные глиняные сосуды, отличавшіеся отъ общихъ арестантскихъ пѣтушковъ и коробочекъ, крестовъ и голубковъ изъ лучины — красотою и изяществомъ отдѣлки. Цезикъ и самъ удивленъ былъ не меньше другихъ.

Бобруйское заточеніе кончилось для Цезиковъ тѣмъ, что имѣніе ихъ было конфисковано; сами они лишены дворянства и приговорены въ Сибирь на каторгу. Въ Тобольскѣ братьевъ разлучили: менѣе искусный Феликсъ ушолъ по назначенію; талантъ Игнатія обратилъ вниманіе начальства, — и онъ оставленъ былъ въ самомъ Тобольскѣ въ тюрьмѣ. Здѣсь слава его выросло уже на столько, что лѣпныя работы его оплачивались хорошими деньгами и отправлялись въ Москву

*) Замѣчательно, что всѣ польскіе ссыльные отличались искусствомъ лѣпить изъ хлѣба различнаго рода вещи до мундштуковъ для сигаръ и папиросъ. Въ Цезикѣ выразилась эта польская способность въ сильнѣйшей и неподражаемой степени.

и Петербургъ для подарковъ и на удивленіе. «Подѣлки, выходившія изъ его рукъ (говоритъ одинъ изъ знавшихъ его уже восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, не встававшимъ съ постели), красотою фигуръ равнялись греческимъ антикамъ; орнаменты кружекъ, кубковъ и вазъ полны были прелести и готической фантазіи; картины же изъ глины были артистическими созданіями ваятеля. Еслибы Цезикъ не бросалъ послѣ Вильны полезного ремесла, еслибы совершенствовался и учился дальше и больше, въ немъ получили бы необыкновенного скульптора». Судьба распорядилась иначе. Нуждами неволи натолкнутый на трудъ, онъ потомъ прибѣгатъ къ нему ради хлѣба. Личныя лишенія вынуждали у него ремесленную торопливость, работу на спѣхъ и на сроки, а потому не всѣ издѣлія имѣютъ артистическую цѣнность; въ старости работы его были даже неудачны. Сдѣлавъ модель, онъ оттискивалъ въ ней кусокъ обыкновенной глины, и пока она сохла, выглаживалъ, выравнивалъ, обряжалъ и украшалъ свои издѣлія. Неблагодарный матеріалъ не позволялъ ему придавать работамъ своимъ надлежащую оконченность: ломкая, хрупкая глина и трескалась и коробилась, и во всякомъ случаѣ отнимала красоту первоначального рисунка, который потомъ уже нельзя было исправить. Въ Сибири мудрено было Цезику искуситься на болѣе твердомъ и лучшемъ матеріалѣ: мраморныя издѣлія, по высокой цѣнѣ своей, не имѣли бы тамъ сбыта, да притомъ онъ долженъ былъ думать о самоскорѣйшемъ сбытѣ товара. «По матеріалу, которымъ пользовался онъ, мы назовемъ его гончаромъ, но гончаромъ-артистомъ, на столько же на сколько Бенвенуто-Чиллини былъ золотыхъ дѣлъ артистъ».

Въ Тобольскѣ Цезику жилось хорошо. Начальство покровительствовало; заказы непрерывно слѣдовали одинъ за другимъ съ перебоемъ. У него былъ уже домикъ и садъ, наполненный цвѣтами. Въ дому жена-сибирячка, полюбившая его всѣмъ сердцемъ и помогавшая ему въ работахъ, и двое сыновей на усладу грядущей старости. Завелись пріятели, имѣлись и доброжелатели, изъ которыхъ одинъ (Петръ Мощинскій) назначилъ ему даже пенсію, ежегодную и пожизненную, въ 300 рублей. Казалось бы, благопріятно соединились всѣ данныя для того, чтобы на томъ ему и покончить жизнь въ изгнаніи,—но ловкая рука измѣнила, и съ глины перешла на бумагу, стала выводить ри-

сунки немудреныхъ старыхъ ассигнацій. Одну полицейскій не затруднился принять и спрятать, какъ взятку: поощренный успѣхомъ, Цезикъ приладилъ цѣлую фабрику, былъ уличонъ, опять посаженъ въ тюрьму, снова сужденъ и наказанъ ссылкой въ Нерчинскіе заводы въ Акатуйскій рудникъ. Брата тамъ онъ не нашолъ (умеръ въ Олочахъ на Аргуни); старого ремесла не покинулъ, но и здѣсь дѣлалъ фальшивыя бумажки, за что сажали его на цѣпь, приковывали къ тачкѣ. Онъ вылѣпилъ фигуру свою въ этомъ видѣ—и на томъ успокоился. Уволенный отъ работъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, онъ поселился подъ Верхнеудинскомъ, а въ 1857 году переѣхалъ въ Иркутскъ (сосланъ былъ въ 1828 году).

Здѣсь зазнали Цезика старикомъ, съ морщинистымъ и блѣднымъ лицомъ, которое нѣкогда было красиво, теперь стало серьознымъ и украшалось сѣдыми волосами и бородой. Печальная и тревожная жизнь отразилась на немъ во всей своей цѣлости. Работалъ онъ тутъ только для поддержанія себя и семейства. Жена и сынъ ему помогали, вылѣпляя по старымъ моделямъ, но эти работы не имѣли уже души, не красовались прелестями артистической отдѣлки. Хотя и носятъ онѣ имя Цезика, но не могутъ почитаться за дѣла рукъ его. За Байкаломъ онъ породилъ подражателей, но эти ремесленники, хотя и съ успѣхомъ спекулировали на его имя, но неизмѣримо далеко остались назади. Даже неопытный глазъ въ состояніи отличить его подѣлки отъ поддѣлокъ. Изъ нихъ замѣчательны слѣдующія:

Акатуйскій рудникъ (плоская рѣзьба): въ долинѣ знаменитая тюрьма, въ отдаленіи — горное селеніе, пристроившееся къ руднику, на горизонтѣ опускающееся за гору солнце, на небѣ — нѣсколько облачковъ. На переднемъ планѣ видна штольна и около нея нѣсколько ссыльныхъ съ тачками, везущихъ серебряную руду; впереди, на самомъ первомъ планѣ, онъ, Цезикъ, прикованный по рукамъ и по ногамъ къ тачкѣ, наполненной рудою. Одежда на немъ изорванная и заплатанная; видны: голое плечо, протертое колѣно, сквозятъ помочи, поддерживающіе кандалы. Узникъ отдыхаетъ, подхватившись локтемъ и опершись на правое колѣно; у лѣвого боку легла рука съ молоткомъ; на лицѣ грустная, тяжолая задумчивость и спокойствіе отдыха.

Лучше закончены: нѣкоторые образа (какъ напр. св. Варвары), Аристотель съ книгой, стоящій подъ деревомъ (статуэтка), и Христосъ, благословляющій дѣтей (плоская рѣзьба). А вотъ и онъ самъ въ заточеніи: голова, богатая по мысли, оперлась на руку и обращена къ распятію, стоящему на столикѣ. Подъ столикомъ играютъ мыши, и увлеченныя тишиной, приблизились къ ногамъ сидящаго. И опять онъ (плоская рѣзьба), съ выжидающимъ взглядомъ, смотритъ сквозь рѣшотку окна, къ которому приближается женщина съ двумя дѣтьми на рукахъ—несчастная жена счастливаго на этотъ моментъ мужа. И снова онъ (плоская рѣзьба) незримымъ въ опустѣломъ жилищѣ его семейства: изба, на потолкѣ которой прикрѣпленъ однимъ концомъ шестъ съ корзинкой на другомъ концѣ, замѣняющей зыбку; на постелѣ подлѣ сидитъ его жена и кормитъ грудью ребенка; у стѣны: кудель съ прялкой, горшки и другая мелочь, отдѣланная съ фламандскимъ терпѣніемъ и чистотой.

Сохранились: плоская рѣзьба, изображающая мыльные пузыри, которые пускаетъ миѳологическій геній, а сонмъ извѣстныхъ въ исторіи великихъ людей ихъ ловитъ. Степенный и надъ всѣмъ господствующій Часъ злобно усмѣхается подъ напоромъ думы о томъ, что вотъ и слава такова же, какъ эти мыльные пузыри. Вторая: птица пеликанъ, какъ символъ материнской любви, кормящій дѣтей кровью, добытою изъ собственнаго сердца. Третья (плоской же рѣзьбой), въ силу впечатлѣній тюремной неволи и подъ вліяніемъ классическаго воспитанія, полученнаго имъ въ Вильнѣ: римлянка, дочь сенатора, обреченнаго на голодную смерть въ темницѣ, кормитъ отца собственною грудью. Четвертая: карикатура пьяницы верхомъ на скотинѣ. Дѣлалъ онъ и портреты изъ глины, Мощинскаго-благодѣтеля, сосланнаго въ Тобольскѣ и Муравьева-Амурскаго, и статуи (того же Мощинскаго, Будды и другихъ божковъ, для продажи бурятамъ). Но самое большое количество работъ выпущено имъ на продажу въ видѣ бездѣлушекъ для украшенія будуарныхъ этажерокъ (трубки курительныя съ мельчайшими ландшафтами, или въ видѣ мертвыхъ головокъ, распустившихся цвѣтковъ, фигуры греческой миѳологіи, сахарницы изъ коричневой глины, усаженныя мелкими мушками, вазы, облѣпленныя разнообразными листьями: на иной ползетъ ракъ, по

другой разлетѣлись птички, разцвѣлъ цвѣтокъ и на немъ усѣлась отягощонная медомъ пчела). Изъ этого сорта особенно замѣчательны двѣ: сигарочница (ссыльный, прикованный къ тачкѣ, отдыхаетъ подъ дуплистымъ деревомъ: тачка для спичекъ, дупло для сигаръ) и охотничья кружка. Послѣдняя сдѣлана изъ чорной глины и украшена принадлежностями охоты,—гдѣ полублескъ, гдѣ полуматъ, гдѣ наведенъ цѣлый матъ: заяцъ, кабанъ, болотная птица и собака сдѣланы какъ бы тончайшимъ рѣзцомъ. Многіе сибиряки увѣряютъ, что нѣкоторыя работы, какъ напр , мелкіе ландшафты на курительныхъ трубкахъ, дѣлывалъ онъ въ одиночномъ тюремномъ заключеніи, куда не даютъ ничего острого, дѣлывалъ чѣмъ ни попало: рыбьей косточкой, осколочкомъ тарелки, стакана, оконнаго стекла съ одинаковою ловкостью и неизмѣннымъ искусствомъ.

Вотъ на какого человѣка пала зараза обогащенія посредствомъ фальшивыхъ денегъ въ Россіи и Сибири! Если въ Россіи удается отливать монеты такимъ мастерамъ, какъ московскіе пастухи, то понятно, что въ Сибири, въ мѣстѣ склада неосторожныхъ, но опытныхъ мастеровъ и художниковъ, дѣло поддѣлки денежныхъ знаковъ идетъ съ большимъ успѣхомъ и совершенствомъ, чѣмъ въ Россіи. Соперничаетъ съ этимъ ремесломъ тутъ и тамъ одна только преступность поддѣлки фальшивыхъ документовъ.

2. Фабриканты фальшивыхъ документовъ.

Въ Сибири эти ноползновенія исходятъ изъ необходимости обставить бродяжество болѣе законными аттрибутами, и преступленіе практикуется ссыльными въ равной степени съ тѣми, которые сочувствуютъ ихъ бездолью и горю. Виновны больше всѣхъ ссыльные (грамотные и письменные люди), но помогаютъ имъ и вольные люди: государственные крестьяне и исключенные изъ службы чиновники. Нельзя удивляться тому, что и на этотъ разъ нѣтъ той тюрьмы въ Сибири, которая, при обыскахъ, не сказалась бы виновницею и не указала бы на ясные и неопровержимые слѣды этого рода преступленій. Можно удивляться развѣ тѣмъ требованіямъ и заявленіямъ заключонныхъ арестантовъ, которыя обнаруживаются на слѣдахъ находокъ. Не только въ Тобольской тюрьмѣ — одномъ изъ главныхъ

мѣстъ заготовленія фальшивыхъ паспортовъ — но и въ далекихъ тюрьмахъ Нерчинскихъ, на стертыхъ пятакахъ и десятикопеечникахъ попадаются самыя разнообразныя указанія на волостныя правленія, на городскія думы, на уѣздные и земскіе суды и разного вида палаты, иногда до того отдаленныя, что на курьерскихъ тройкахъ раньше двухъ мѣсяцевъ до нихъ не доѣдешь. Останавливаешься передъ запутанностью комбинацій, недоумѣваешь передъ намѣреніями и планами заказчиковъ, или самихъ мастеровъ и авторовъ, какъ бы передъ задачами многосложнаго и многотомнаго романа, но съ тою разницею, что на этотъ разъ романъ — не вымыселъ, а сама дѣйствительность. Въ Тобольскомъ острогѣ оставилъ по себѣ живую память одинъ изъ такихъ мастеровъ — нѣкто Петръ Вѣтвеницкій (чиновникъ). При обыскѣ камеры въ январѣ (1851 г.) нашли въ щеляхъ и углахъ и отобрали у него орудія мастерства и самые продукты издѣлій; въ мартѣ, опять подобная же находка въ кошелькѣ, вмѣстѣ съ деньгами; въ апрѣлѣ перевели его въ новой нумеръ, но и въ этомъ тѣ же находки въ туезѣ; въ ноябрѣ уже въ войлочныхъ нимахъ, обшитыхъ холстомъ, въ голенищѣ между холстомъ и войлокомъ. По мѣрѣ того, какъ изловчался мастеръ на изобрѣтеніе болѣе скрытныхъ и потайныхъ хоронушекъ, самое ремесло оставалось въ той же спеціальности. Орудія оставались неизмѣнными, мѣнялись лишь заказы и разнообразились задачи: циркуль, деревянный съ желѣзными проволочными шпильками, долотца изъ иголокъ, маленькіе ножики изъ стараго желѣза, роговая кость, куски желѣзной проволоки и пемзы, шильца изъ иголокъ въ деревянныхъ черешкахъ, истертые съ одной или двухъ сторонъ пятаки и гроши. Въ первой разъ найдены готовыя печати на мѣдномъ пятакѣ: съ одной стороны тобольскаго губернскаго правленія, съ другой—петрозаводскаго земскаго суда; во второй: бумажная печать, срѣзанная съ конверта и истинная, и опять пятакъ съ поддѣльными: на одной—алатырскаго духовнаго правленія, съ другой—симбирской духовной консисторіи при третьемъ обыскѣ: печать ишимскаго округа гагарьевскаго вол. правленія, и при четвертомъ — готовая печать на пятакѣ: съ одной стороны саратовской градской думы, а съ другой градской же думы, но уже симбирской. Въ предъидущемъ году и въ томъ же острогѣ

таковыхъ печатей наловлено восемь съ не менѣе замысловатыми указаніями (между прочими на одномъ мѣдномъ кружкѣ и на красноярскую, и на черноярскую градскія думы). Подозрѣвались и прикованные къ стѣнѣ, и ходившіе по волѣ; издѣлія находили и въ подушкахъ, и закладенными подъ поломъ, и въ стѣнѣ, гдѣ-нибудь за печью; вездѣ было мѣсто, и по всѣмъ тюрьмамъ широкое приспособленіе этого рода поддѣлкамъ, предшествующимъ побѣгамъ и вызываемымъ бродяжествомъ.

Въ Россіи наибольшее число такого рода фабрикантовъ заявилось въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ сильнѣе развито бродяжество (въ Новороссійскомъ краѣ) и гдѣ промыселъ этотъ столько же древенъ, какъ сама паспортная система (губернія Саратовская съ Землею Войска Донскаго и сосѣдними приволжскими: Симбирскою и Астраханскою) *). Въ поддѣлывателяхъ первое мѣсто въ ряду сословій принадлежитъ дворянству (по процентному отношенію); затѣмъ второе солдатамъ, и дальше: дворовымъ, мѣщанамъ, духовнымъ и однодворцамъ; между ссыльными: бродягамъ (въ 9 лѣтъ 345 м., 134 ж.), поселенцамъ (31 чел.) и каторжнымъ (11 чел.) Между ссыльными, виновными противъ интересовъ казны, уличенные въ поддѣлкѣ фальшивыхъ документовъ составляютъ въ общемъ числѣ цѣлую половину.

Народная молва и слѣдственныя показанія пойманныхъ съ фальшивыми видами умѣютъ указывать, и въ Сибири, и въ Россіи не только на отдѣльныя лица и семейства, но на цѣлые города и селенія, гдѣ приготовленіе поддѣльныхъ актовъ (и преимущественно паспортовъ) составляетъ спеціальный, привиллегированный промыселъ. Для нѣкоторыхъ городовъ (въ родѣ Казани, Нахичевани и Ростова-на-Дону, Кунгура и Тюмени въ Сибири) и для многихъ селеній (въ

*) Въ такомъ порядкѣ за 20 лѣтъ: Саратовская 182 м., 39 ж.; Земли Донская 191 м., 29 ж.; Астрах. 173 м., 33 ж.; Екатериносл. 145 м., 19 ж.; Симб. 110 м., 10 ж.; Херс. 108 м., 20 ж. Самое меньшее число, разумѣется, пришлось на сѣверныя: Арханг. (17 м., 3 ж.), Олон. (5 м.), и Вологод. (5 м.), и на Остзейскія: Лифл. (3 м., 1 ж.), Курлянд. (3 м.) и Эстлян. (2 м.), въ теченіе тѣхъ же 20-ти лѣтъ. Тобольская губернія въ 9 лѣтъ успѣла съ 69-ю виновными уступить только двумъ губ.: Донской Землѣ (149 м.) и Екатеринославской (76 м.).

родѣ семейскихъ за Байкаломъ и села Алексѣевскаго въ Лаишевскомъ уѣздѣ Казанской губерніи) воровской промыселъ, сосредоточенный на ущербахъ казны, покрытъ сѣдинами древности. Поддѣлки другого вида документовъ и актовъ, входя въ исключительное занятіе служилаго дворянства, сосредоточиваются естественнымъ образомъ въ городахъ и усиливаются количествомъ сообразно съ числомъ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ власть и силу и владѣютъ искусствомъ и знаніемъ. Тобольскія табели, дѣлая крупные намеки и рѣзкія указанія на Москву и Петербургъ, для сравнительной преступности городовъ не даютъ никакихъ данныхъ. Вообще по дѣламъ этого сословія табели оказываются въ крайней несостоятельности. Такъ, напр. табели сводятъ вмѣстѣ цифры сосланныхъ за «мздоимство и за лихоимство», обѣщающія обиліе жертвъ этого первороднаго грѣха, и подъ двумя наименованіями скрывающаго одинъ и тотъ же видъ крайне-застарѣлой и сильно-распространенной болѣзни — и остаются при полнѣйшей несостоятельности суда и приговора *). Считаемъ излишнимъ входить въ разбирательство причинъ, ослабляющихъ цифру больныхъ, превратившихъ хроническую болѣзнь въ поразительное ничтожество. Возвращаемся снова къ тѣмъ, которые говорятъ о себѣ съ большою откровенностію, но лишены возможности быть судьями самихъ себя и находить защиту въ адвокатахъ изъ своего же рода и той же кости (не бѣлой, а чорной). Вотъ снова два вида крестьянскихъ преступленій, изъ которыхъ одно отжило свой вѣкъ и почти исчезло, а другое продолжаетъ еще выбирать себѣ жертвъ, пока и на него не придетъ гроза истребленія. Это—корчемство виномъ и корчемство солью.

3. Корчемники и контрабандисты.

Искусственно-созданный властелинъ, заручавшійся быстро нараставшими денежными богатствами, убитый наповалъ нынѣшнею системою питейнаго сбора, питейный откупъ, нѣкогда державшій въ

*) За оба вида преступныхъ дѣйствій, въ наши девять лѣтъ, сослано всего 49 м. (82 въ 20 лѣтъ). Большое число лихоимцовъ вышло изъ губ. Курской и Саратовской (по 3 м.).

своихъ рукахъ почти всю Россію — въ Сибири съумѣлъ выразить свое могущество тѣми жертвами, которыхъ услалъ онъ за преступленіе, называемое корчемствомъ вина. Преступленіе, искусственно вызванное и прожившее свой долгій вѣкъ, опираясь на всемогущую силу денегъ и подкупа, имѣло для народа то значеніе, что уловляло падкое на соблазнъ человѣчество именно тамъ, гдѣ прилажены были ловецкія сѣти и обильно разсыпаны соблазнительныя приманки. Мѣстами этими полагались тѣ пункты, на которыхъ встрѣчалась задурманенная и некрѣпкая водка съ настоящимъ и добротнымъ продуктомъ вольного промысла, съ такъ-называемой «вольной». Мѣста эти были по преимуществу мѣстами ловли для корыстного промысла, не желавшаго ходить прямыми путями и искавшаго себѣ оправданія въ карательной силѣ временныхъ постановленій. Задавалась откупу охота и ловля съ наименьшимъ успѣхомъ въ средѣ народа, слыхавшаго о вольной продажѣ и добротной водкѣ только по разсказамъ проѣзжихъ купцовъ съ украинскихъ ярмарокъ и прохожихъ солдатъ, возвращавшихся отъ хохловъ или изъ польской стороны на родину. Въ мѣстахъ, ближайшихъ и смежныхъ съ Украйной и Бѣлоруссіей, сила соблазна разрѣшалась тяжестью ссылки для тѣхъ, которымъ довела судьба поселиться вблизи самыхъ границъ, на пунктахъ встрѣчи обоихъ враждебныхъ лагерей. Какъ очистительныя жертвы за «вольную» и напрасныя за откупъ, ушли въ Сибирь преимущественно крестьяне, и въ наибольшемъ числѣ изъ губерній, прилегающихъ къ тѣмъ, гдѣ узаконена была вольная продажа вина. Въ 20 лѣтъ: 366 человѣкъ изъ Смоленской (съ границъ Могилевской и Черниговской), 364 изъ Курской, 181 изъ Псковской, 153 изъ Орловской, 58 изъ Харьковской, 44 изъ С.-Петербургской и 23 изъ Воронежской въявъ и сильно высказались протестомъ противъ тяжолаго и неодолимаго запрета. 1,227 муж. и 20 жен. ушли въ Сибирь избранными изъ неосторожныхъ и неумѣлыхъ, оставивъ позади себя массы ловко спрятавшихся или откупившихся высокою цѣною домашныхъ сдѣлокъ. Обрадованный и польщенный силою предоставленной власти, откупъ на первыхъ же порахъ поспѣшилъ воспользоваться ею со всею невоздержностью баловня, съ разсчотомъ на остраску и съ безразсчотными порывами на собственное безславіе въ потомствѣ. Съ

1832 года въ немъ обнаружились невоздержныя поползновенія на кару нерадѣвшихъ его интересамъ, и въ первые годы, по его ходатайству и указаніямъ, выслано было въ Сибирь 805 человѣкъ (мужчинъ и женщинъ). Когда время охолодило первый пылъ и жаръ опьянѣвшаго наѣздника, число подмятыхъ имъ подъ ноги и раздавленныхъ уменьшилось (съ 1840 года) почти на половину (въ семь слѣдующихъ лѣтъ сослано было 442 человѣка *).

Таковы орнаменты (въ числѣ другихъ весьма многихъ), которые посылаетъ Сибирь отъ избытка своего на украшеніе памятника умершаго врага народной жизни, одного изъ сильныхъ противниковъ благосостоянію рабочихъ классовъ, для которыхъ гроза ссылки за корчемство прошла теперь мимо. Въ наши дни она виситъ только надъ тѣми изъ представителей русскихъ сословій, которые развели пары и пустили воду подъ винокуренные завбды, но, говорятъ, эта туча тихо разрядилась и до сихъ поръ не обѣщаетъ громовыхъ, оглушающихъ раскатовъ. Въ Сибири въ старыя времена корчемство виномъ — самосадка — представлялась явленіемъ, повсюду распространеннымъ. Причина его вездѣ была слѣдствіемъ изобилія хлѣба (25 коп. асс. пудъ), какъ по Иртышу въ Западной Сибири, такъ и въ Минусинскомъ округѣ Восточной Сибири. Тутъ и тамъ выкуренное дома вино становилось въ 15 разъ дешевле кабацкаго. Противъ самосадочниковъ устраивалось вѣчное осадное положеніе, и, временами, при поимкахъ, затѣвались кровопролитныя баталіи; нерѣдко сыщики откупщика злонамѣренно подбрасывали крестьянамъ туесы (бураки) и кубы, и при помощи засѣдателей срывали взятки съ не-

---

*) Въ такихъ числахъ по годамъ:

Въ	1832	году	113	мужчинъ,	5	женщинъ
»	1833	»	142	»	3	»
»	1834	»	112	»	2	»
»	1837	»	131	»	1	»
»	1840	»	95	»	—	»
»	1841	»	62	»	—	»
»	1842	»	23	»	1	»
»	1843	»	38	»	—	»
»	1844	»	49	»	2	»

винныхъ, или затягивали дѣло. Въ Минусѣ, ревизовавшій свою губернію ген.-губер. Броневскій наткнулся между прочимъ на такое дѣло, которое было озаглавлено такъ: «Дѣло о найденномъ у крестьянина туезѣ съ запахомъ *яко бы* корчемного вина.»

Второй видъ корчемства, которое не сдавала казна на откупъ въ частныя руки алчныхъ промышленниковъ и не организовала въ откупную коммисіонерскую систему — *корчемство солью* выразилось въ Сибири замѣчательно слабымъ проявленіемъ своего существованія. Неправильная, воровская торговля тѣмъ продуктомъ, на который крестьянинъ всегда обязанъ приготовить наличныя деньги, и который составляетъ для него самое большое сокрушеніе и предметъ первѣйшей необходимости, къ счастію, не преслѣдуется съ азартомъ, озлобленіемъ и постоянствомъ. Сибирская цифра, ничего не доказывая, въ то же время вовсе не свидѣтельствуетъ о томъ, что тайный промыселъ слабъ, что казенная соль, которая для однихъ мать (напр. для казаковъ уральскихъ), для другихъ мачиха (каковы всѣ остальные ея потребители) — не представляетъ продукта, способного окрылить смѣльчака и заставить его взять, сколько можно, на потребу, какъ продуктъ торговли и промысла. Въ числѣ другихъ русскихъ мѣстностей та же Сибирь представляетъ примѣры удачной практики, съ тѣмъ различіемъ, что корчемная (коряковская или по туземному ямышевская) соль въ Западной Сибири отличается отъ таковой же казенной торопливою отдѣлкою: она грязна на видъ, горьковата на вкусъ, неустойна въ разсолѣ. Но и при этихъ недостаткахъ соль устаивается въ употребленіи по вызову безчисленныхъ потребностей въ грибной и рыбной и богатой мясомъ Сибири, и подтверждаетъ положеніе Либиха, что расходъ соли показываетъ степень благосостоянія народа и развитія его сельскаго хозяйства. Пониженіе цѣнъ на казенную соль обезсилило корчемство, которое ждетъ своего конца отъ тѣхъ же мѣръ преобразованія старыхъ системъ по образцамъ, вызываемыхъ новыми временами и возростающими народными потребностями. Не уничтожится, по всему вѣроятію, кража казенной соли на каторжныхъ заводахъ ссыльными людьми, но она представляетъ собою сравнительное ничтожество, интересное только для управителей и надзирателей. Тѣмъ же опасностямъ, и тамъ же, под-

вергается и казенное вино, но съ тою разницею, что оно похищается ссыльными исключительно на собственную потребу и усладу, а соль — преимущественно для продажи на гроши какъ продуктъ, посредствующій для вымѣна того же вина на ту же усладу и потребу. За эти кражи на мѣстахъ ссылки расплачиваются всего чаще домашними наказаніями; сильнѣе смотрятъ и больнѣе бьютъ за другія кражи, изъ которыхъ одинъ родъ вмѣняютъ въ крупную преступность. Между прочимъ, воровство золота, подъ строгимъ именемъ «похищенія драгоцѣнныхъ металловъ съ промысловъ», внесено въ особую графу для тобольскихъ табелей о ссыльныхъ въ Россіи.

Въ Россіи *кража золота* (непредъявленнаго въ казну и пошлиной неоплаченнаго) выражалась наименьшею цифрою въ общемъ ряду всѣхъ другихъ преступленій, потому что соблазнъ предлагается только въ одной богатой всякими металлами мѣстности. Только одно сословіе заводскихъ крестьянъ отличается исключительно виновностію; только три губерніи въ этой кражѣ участвуютъ (Пермская, Оренбургская и Вятская) по роковому влеченію соблазномъ драгоцѣннаго металла, который лежитъ, быстро истощаясь, въ почвѣ земли рудоноснаго Урала, въ богатыхъ песчаныхъ пластахъ восточнаго склона хребта. Со временъ Петра началась промывка золота, а стало быть и его кража, но съ 1835 г. Сибирь получила возможность (въ одно время съ контрабандистами иностранныхъ товаровъ) производить учотъ виновнымъ въ кражѣ золота. На первые годы цифра была велика; затѣмъ похитители стали осторожнѣе; цифра примѣтно упала и на практикѣ выразилась тѣмъ, что гдѣ больше существуетъ соблазновъ, тамъ и большее количество искушенныхъ грѣшниковъ: на югѣ Урала искушенія чаще, и изъ Міасскихъ и Златоустовскихъ округовъ, поэтому высылка сильнѣе и вѣрнѣе (и все тѣхъ же заводскихъ крестьянъ, съ добавкою самого незначительнаго числа солдатъ и башкиръ, какъ передатчиковъ) *). Въ Сибири это преступленіе

*) Въ 20 лѣтъ выслано изъ Пермск. 97 м., 6 ж; изъ Оренбургской 12 м, Вятской 9 м. (изо всѣхъ другихъ губ. ни одного).

Въ 1835 году выслано 6 мужч., 1 женщ.
» 1836 » » 42 » 1 »

вступаетъ въ болѣе широкія права не столько потому, что Россія успѣла уже снабдить ее людьми умѣлыми и досужими (которые, можетъ быть, стали тамъ, умудренные опытомъ, осторожными), сколько по тѣмъ предрасполагающимъ причинамъ, что производство казенныхъ и частныхъ работъ находится въ рукахъ каторжныхъ и поселенцовъ. Большинство послѣднихъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ сосланнымъ за воровство, и на самомъ дѣлѣ сибирскую кражу золота можно назвать преступленіемъ поселенческимъ. Людская молва на частныхъ золотыхъ промыслахъ указываетъ, какъ пособниковъ и передатчиковъ, тѣхъ, которые ѣздятъ въ хвостѣ рабочихъ съ водкой и ситцами и останавливаются отъ мѣста работъ и резиденцій въ почтительномъ, установленномъ законами отдаленіи. Здѣсь способности евреевъ и живучести въ нихъ страсти къ драгоцѣннымъ металламъ отдаютъ всѣ и всегда предпочтеніе. Въ Сибири на евреевъ выпало сильное подозрѣніе (особенно въ Западной) въ тайномъ сношеніи съ горными заводами и въ переводѣ за границу дорогихъ металловъ. Хотя, по сибирскому учрежденію 1822 года, и принято въ основаніе не допускать поселенія евреевъ на сибирской линіи (южной границѣ), тѣмъ не менѣе 40 еврейскихъ семействъ водворены тамъ «попущеніемъ мѣстного начальства» (какъ сказано въ сенат-

---

Въ 1837 году выслано	10	мужч.,	3	женщ.
» 1838	»	»	10	»	—	»
» 1839	»	»	14	»	—	»
» 1840	»	»	14	»	1	»

Итого за 6 первыхъ лѣтъ 96 м., 6 ж., а за слѣдующіе 6 лѣтъ 28 м., 2 ж.

На послѣдніе 9 лѣтъ (съ 1838 по 46) изъ солдатъ было сослано 4 м., 1 ж.

На Златоустовскихъ казенныхъ заводахъ въ 1859 году 10 случаевъ поимокъ съ хищническимъ золотомъ; въ одномъ Міасскомъ (изъ Злыоустовскихъ же), сверхъ того и въ тотъ же годъ, открыто 6 случаевъ такого же преступленія. Мѣстные слухи указываютъ на богатыхъ купцовъ, какъ на первыя руки, перепродающія золото на ярмаркахъ въ Ирбити и Нижнемъ евреямъ западныхъ губерній и польскимъ для вывоза за европейскую границу, и на ярмаркѣ въ Троицкѣ для продажи бухарцамъ и для вывоза за азіатскую границу.

скомъ указѣ 5 апр. 1826 г.). Такія злоупотребленія вызвали положительныя мѣры обращать всѣхъ евреевъ въ Томскую губернію далѣе отъ горныхъ заводовъ Колывано-воскресенскаго округа. Оставили только тѣхъ, которые, причислившись къ крестьянамъ, занимаются ремеслами и хлѣбопашествомъ, и—разумѣется—послѣ этого распоряженія не перестали контрабандировать. Не кладутъ евреи охулки на руку и на казенныхъ золотыхъ промыслахъ Нерчинскаго горнаго округа, хотя здѣсь пріобрѣтателями являются безразлично всѣ, отъ казенныхъ подрядчиковъ и вольныхъ торговцовъ до крестьянъ, солдатъ и казаковъ. Рабочіе ссыльные воруютъ; вышедшіе на пропитаніе и исправленіе прикрываютъ,—свободные люди покупаютъ, а казаки передаютъ за китайскую границу съ тою же ловкостію, съ какою принимали оттуда контрабандный чай всякого сорта. Женщина и здѣсь охотливѣе ходитъ на такое дѣло, требующее крайней осторожности, таинственности и ловкости, при помощи каковыхъ въ итогѣ является тотъ фактъ, что самая преступность гораздо сильнѣе, чѣмъ доказывающія это цифры пойманныхъ и уличенныхъ; — женщина во всякомъ случаѣ продавщица, какъ тюремные надзиратели, то-есть солдаты—первые пріемщики*).

*) На Карѣ золотникъ краденаго золота продается за 1½ руб. и не дороже 2 руб. (въ казнѣ стоитъ 3 р. 57¾ к.). Если обмѣнять у монголовъ на чай кирпичной, то цѣна поднимется на золотникъ до 7 руб. и выше (даютъ 10 кирпичей, а по 70 к. кирпичъ — въ первыхъ рукахъ; въ Нерч. зав. давали за него 90 к. и 1 р.). Характерное дѣло объ убійцѣ изъ евреевъ Хаимѣ Вульевѣ обнажило слѣдующія подробности промысла хищническимъ золотомъ: арестанты разъ подрались между собою по тому поводу, что выпили не по ровному количеству водки, принесенной покупателями золота, а въ кражѣ участвовали всѣ въ равной степени. Вульевъ указывалъ при этомъ на самого смотрителя замка. Въ доказательство своихъ словъ, онъ представилъ три слитка, которые перекупилъ у товарища на вѣсъ. Вѣшали золото на тѣхъ же вѣсахъ, на которыхъ развѣшиваются въ арестантской кухнѣ порціи мяса и хлѣба! Тюремный староста (Колобаевъ) взялъ золото по 1 руб. золотникъ и сверхъ того обязался угостить виномъ. Купленное золото староста перепродалъ урочникамъ, а вино принесъ на разрѣзъ, откуда оно было доставлено на тюремную кухню въ опростанной посудѣ, и потомъ, подъ видомъ пищи, принесено въ тюремную казарму. Другой разъ этотъ же представитель златолюбиваго племени про-

Вмѣстѣ съ золотомъ, извѣстнымъ подъ именемъ жолтой пшеницы, на Нерчинскихъ заводахъ идетъ кража серебра и контрабандная продажа его за китайскую границу, по той же процедурѣ таинственныхъ пріемовъ, и почти съ такимъ же успѣхомъ и выгодою въ предпріятіяхъ. Около серебра воровство хитрѣе; при песчаномъ золотѣ розсыпей воровской трудъ облегченъ до крайней степени простоты и возможности. Шилкинскій заводъ, съ самого начала разработки золотыхъ пріисковъ на Карѣ, былъ такимъ мѣстомъ, гдѣ покупка краденаго золота производилась въ значительныхъ размѣрахъ. Сколько разъ ни пытались ловить—ничего не выходило: попадалась мелкота съ золотниками и долями; пуды и фунты, сквозъ разставленныя сѣти, прорывались наружу. Во время одной сенаторской ревизіи выискались жидки-ищейки, нахвастались, наговорились, наобѣщали съ три короба, подложили золото къ одному польскому изгнаннику, но строгое слѣдствіе показало лишь то, что и здѣсь евреи ходятъ на обманъ, а во 2-хъ, отысканное золото вовсе не карійское, потому что было очень высокой пробы, а по всему вѣроятію попалось сюда съ частныхъ промысловъ и—вѣроятнѣе—изъ Западной Сибири или даже съ Урала. Въ Западной Сибири тѣже контрабандисты-евреи съумѣли обнаружить прежнія наклонности и несмиренное ссылкой досужество въ такой степени, что сенатъ въ 1826 г. (указомъ 5 апр.) предписалъ переселить ихъ въ другія мѣста Сибири. Евреи объявились въ тайномъ сношеніи съ горными заводами и въ переводѣ за границу дорогихъ металловъ. Способствовало къ тому житье по линіи 40 семействъ, водворенныхъ попущеніемъ мѣстного начальства не смотря на то, что Сибирское учрежденіе 1822 г. подобное поселеніе не дозволяетъ. Предполагалось оставлять впредь только тѣхъ, которые, причисливши въ крестьяне и мѣщане, занимаются ремеслами и хлѣбопашествомъ. Приказу велѣно обращать всѣхъ евреевъ въ Томскую губ., дальше отъ горныхъ заводовъ Колывано-воскресенскаго округа. Мѣра эта, ослабивъ временное зло, не служила препоною для пре-

далъ горному служителю 2 золотника золота за пудъ орѣховъ, которыми и услаждалъ тоску тюремную, сокращалъ докучное время каторжнаго бездѣлья сибирскимъ женскимъ способомъ.

кращенія основного зла: переселенные стали передатчиками и не такъ давно (лѣтъ 5 назадъ) слѣды этихъ занятій обнаружены были въ Минскѣ. Уральское же золото ѣзжало въ чемоданчикѣ съ евреемъ, пріѣзжавшимъ за нимъ по нѣскольку разъ въ годъ, въ условное время, изъ г. Гродны даже въ самое ближайшее къ намъ время. Число пойманныхъ съ золотой контрабандой въ Сибири—Тобольскому приказу неизвѣстно.

Переходя отъ этого, преимущественно ,сибирскаго, преступленія къ *контрабандѣ*, мы на этотъ разъ снова имѣемъ дѣло съ такимъ преступленіемъ, которое составляетъ принадлежность отдѣльныхъ мѣстностей и можетъ быть названо въ Россіи исключительно пограничнымъ. На всѣхъ границахъ нашихъ контрабанда является господствующимъ, сильнымъ и неизлечимымъ зломъ, не исключая сѣверныхъ холодныхъ и южныхъ степныхъ и пустынныхъ на всемъ протяженіи отъ Прута на Закавказье, по пограничной линіи съ среднеазіатскими владѣніями до Иркутска, забайкальскихъ и амурскихъ предѣловъ, пользующихся правомъ porto-franco. Тамъ, гдѣ граница встрѣчается съ наиболѣе промышленными и торговыми странами, каковы государства европейскія, — преступленіе это является во всемъ блескѣ, со всею несокрушимою настойчивостію и давнишнею послѣдовательностію. Пѣшкомъ, въ видѣ ящика за плечами или на бойкихъ, приспособленныхъ къ этому дѣлу лошадкахъ врывается къ намъ контрабандный, безпошлинный товаръ, соблазняя всѣхъ безразлично, отъ бессарабскихъ цыганъ и польскихъ евреевъ до малороссовъ юго-западнаго, литвиновъ и бѣлоруссовъ сѣверозападнаго края и кончая чухнами за Петербургомъ и подъ самымъ Петербургомъ. Еще уголовная статистика не рѣшила, кто ловчѣе: петербургскій ли чухонецъ или сибирскій казакъ, закавказскій армянинъ или волынскій малороссъ; или же и въ самомъ дѣлѣ еврей (какъ подсказываютъ тобольскія табели) взялъ надо всѣми перевѣсъ, объявился съ бо́льшею наклонностью (по процентному отношенію чиселъ) и съ бо́льшимъ искусствомъ (по повсюдному общественному мнѣнію) *). Тобольскія та-

*) Изъ 26 мѣщанъ всѣхъ городовъ Имперіи выдѣлялось 14 евреевъ.

были говорятъ, что мѣщане преступнѣе въ этомъ промыслѣ крестьянъ, что у помѣщичьихъ крестьянъ это преступленіе слабѣе, чѣмъ у государственныхъ; у тѣхъ и у другихъ и въ военномъ сословіи оно занимаетъ предпослѣднее мѣсто (въ дворянствѣ послѣднее); что въ купечествѣ оно очень слабо, а въ духовенствѣ совсѣмъ не проявляется. Ссыльныхъ за контрабанду стали считать въ Сибири съ 1835 года, и во второмъ десяткѣ лѣтъ насчитали ихъ почти въ 7 разъ больше, чѣмъ въ первомъ, и контрабандисты противъ общаго числа сосланныхъ за покушеніе на интересы казны составляютъ $^1/_{40}$ часть. По абсолютной цифрѣ жертвъ, изо всѣхъ пограничныхъ и ближайшихъ къ границѣ, выдѣлились губерніи: Волынская (52 муж., 8 жен.), Виленская (34 муж., 5 жен.), Гродненская (15 муж.), Курляндская (11 муж.), Подольская (9 муж.) въ тѣ 12 лѣтъ, которые слѣдовали первыми послѣ учота въ Тобольскѣ *). Не забудемъ при этомъ, что на мѣстахъ соблазновъ для тайного ввоза иностранныхъ товаровъ, при встрѣчѣ дорогихъ таможенныхъ съ болѣе дешовыми неспломбированными товарами, для пресѣченія преступленій организована вооружонная стража. По вызову ея и для собственной защиты, контрабанда въ свою очередь вооружилась огнестрѣльными снарядами, ходитъ съ ружьями, заряжонными обыкновенно картечью, и въ цѣлыхъ отрядахъ. Отряды эти, во время пути, спереди и сзади прикрываются взводомъ вооружонныхъ людей и сверхъ того обезпечиваются, гдѣ нужно, боковыми патрулями и даже разъѣздами. По переходѣ за границу, шайка находитъ подставу, приготовленныхъ верховыхъ крестьянскихъ лошадей; на нихъ контрабанда доходитъ до еврейскихъ мѣстечекъ, и въѣзжаетъ въ нихъ уже среди бѣлаго дня съ пѣснями. Здѣсь товаръ немедленно разбирается по рукамъ и поступаетъ либо

*) Другія губерніи высказались такъ: 4 изъ Эстлянд., по 3 изъ областей Бессарабской и Бѣлостокской, 2 изъ Херс., 1 изъ Спб., по 1 изъ Олон. и Харьк. и — только. Въ 1819 году отправлена въ Сибирь цѣлая колонія нѣмцевъ и нѣмокъ, сосланныхъ по громкому и извѣстному въ то время ревельскому дѣлу о контрабандѣ. Всѣ они заручились рекомендательными письмами къ тогдашнему губернатору М. М. Сперанскому. «Привезли мнѣ много рекомендательныхъ писемъ (писалъ онъ къ дочери), но много пособить имъ я не могу. Сколько можно однакоже пособлю.»

въ экипажи шляхты, либо въ коробки евреевъ, для разноски. Оттого-то всего чаще запрещонный товаръ попадается мелочами. Подъ именемъ контрабандистовъ уходятъ въ Сибирь передатчики: главные оптовые воротилы за пятою спиной подставныхъ остаются на мѣстахъ въ полной безопасности; границы, по обѣ стороны, усажены коммиссіонерами; ближайшіе города населены оптовыми торговцами; частныя мѣры (а не общія) состоятъ только въ поимкѣ нѣсколькихъ тюковъ и не приносятъ никакой пользы. Главныхъ воротилъ въ Сибирь не сослано, а города прусскіе, и между прочими Лейпцигъ (во время ярмарки) выработали особый родъ промышленности, состоящій въ заготовленіи огромного количества деревянныхъ ящиковъ для товара, идущаго въ Россію тайными путями. Такимъ образомъ контрабанда, выходя на тайныя дороги свои, иногда обливаетъ слѣды свои кровью, идя на проломъ малочисленной стражи, или отстрѣливаясь при неудачѣ и при отступленіи за границу; не щадитъ собственныхъ и чужихъ жертвъ, словомъ — является въ формѣ разбоя. Тогда и котрабандисты, въ видѣ убійцъ, пропадаютъ въ общихъ и темныхъ сибирскихъ цифрахъ. Контрабанда или безпошлинный провозъ заграничныхъ товаровъ, какъ настоящій промыселъ выработалъ свои спеціальные пріемы, какъ промыселъ тайный, стоящій среди всякихъ опасностей, потребовалъ условной искуственной терминологіи, не понятной профанамъ. Главные заводчики дѣла—прикащики заграничныхъ конторъ (для Петербурга гамбургскихъ), ежегодно развозящіе обращики полотна, шолковыхъ матерій, моарэ, ситцовъ, холстинокъ. Заказы даютъ обыкновенно люди, искусившіеся въ опытѣ передачъ и получаютъ товаръ всего чаще на девятимѣсячный кредитъ. Такихъ закащиковъ у каждой конторы бываетъ по 30 — 50, въ числѣ которыхъ несостоятельные оправдываются аккуратными плательщиками. Запроданные товары имѣютъ свои депо, между которыми предпочитаются морскіе острова (въ родѣ балтійскихъ Наргена и Гохланда) и ближайшіе къ границамъ города и мѣстечки, между которыми наибольшею опытностію отличался Грудскъ (въ Подол. губ. на австрійской границѣ), и Копычовъ (около Тильзита). Впрочемъ вся прусская и австрійская граница усыпаны строеніями и жилыми избами разныхъ наименованій и населенными именно такими жителями, которые, подъ видомъ

хозяйственныхъ нуждъ, имѣютъ право свободнаго подхода къ границѣ и перехода ея въ любомъ пунктѣ, хоть до ста разъ въ день. Сосѣди ихъ, живущіе на русской территоріи цѣлыми деревнями — ни что иное, какъ переводчики, имщики. Между ними крестьяне графа Зубова, Огинскаго и друг. особенно пользуются извѣстностію, сколько по ловкости, смѣлости, наглости, столько же и потому, что дѣйствуютъ артелями, принимаютъ товаръ на свой страхъ, обезпечивая его за границей значительными залогами звонкой монеты. Продолжительная игра съ большими ставками и большимъ рискомъ выродила въ этихъ крестьянахъ рѣшительныхъ, азартныхъ игроковъ, со всѣми свойствами и послѣдствіями. Если товаръ благополучно доставленъ, залогъ возвращенъ, барыши раздѣлены соотвѣтственно величинѣ залога — счастье тащится въ корчмы и тамъ расточительно пропиваетъ заработокъ; если товаръ захватывается, залоги пропадаютъ, — крестьянинъ раззоренъ до тла, залоги имъ взяты у жида или шляхты за высокіе проценты. Деморализація нравовъ въ такихъ мѣстахъ такова, что эти селенія считаютъ невинные сосѣди притонами и гнѣздами разбойничьими. Успѣхи контрабанды основываются между прочимъ и на томъ, что во 1-хъ, такъ-называемый аршинный товаръ отличается лучшею добротою, потому что нѣтъ нужды дѣлить его, легче для таможенъ, которыя берутъ пошлины съ вѣсу, во 2-хъ, подобный товаръ находится въ третьихъ рукахъ въ небольшихъ количествахъ; поимка только затрудняетъ, не ведетъ къ цѣли, влечотъ непріятности осмотра и свидѣтельства лавокъ, въ 3-хъ является облегченіе на товарахъ не подлежащихъ клейму.

Товаръ, не подлежащій клейму и извѣстный у контрабандистовъ подъ именемъ *короткаго* немедленно имѣетъ право занять мѣсто въ магазинахъ и глазъ не колетъ, а потому немедленно выставляютъ на показъ нанитки, часы, фарфоръ, хрусталь. Доказать его незаконность нѣтъ особенной возможности, законъ ст. 1347 св. зак. т. VI ему даже покровительствуетъ. А потому, напр. карандаши съ пошлиною 20 коп. за дюжину, продаются (лучшіе кипарисные) не дороже 15 коп.; въ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губерній за 12 приборовъ бронзовыхъ пуговицъ платятъ пошлины 18 руб.: продаютъ контрабандныя отъ 4 — 15 руб., лучшая фарфоровая трубка

съ живописью и оправѣ требуетъ 1 р. 15 к. пошлины: продается за 30 коп. и проч. Наибольшій соблазнъ возбуждаютъ разумѣется прежде всего товары первой необходимости и по мѣрѣ того, какъ выростаетъ потребность, съ тою же силою укрѣпляется контрабанда, напр. кофею, собирающагося большими складами лѣтнимъ временемъ и вывозимаго обыкновенно зимою. Сахаръ на западныхъ границахъ стоитъ подъ защитой свекловичнаго и врывается въ оберточной бумагѣ съ этикетами свеклосахарныхъ заводчиковъ, заготовляемыми въ городахъ близъ границъ. Богатство выработанныхъ средствъ и способовъ ввоза позволило во многихъ мѣстахъ составиться цѣлымъ товариществамъ, которые берутъ доставку товаровъ въ Россію на свой страхъ (таковыя существуютъ во Львовѣ, Гамбургѣ, Любекѣ и особенно въ Лейпцигѣ), берутъ 10% задатка и, только по доставкѣ товара, получаютъ остальные 90% и 30% за доставку. Пріемъ всегда у нихъ одинаковъ, производится гласно; въ русскіе предѣлы товаръ отправляется раздробленнымъ; бронзовыя вещи, посуда и прочее разбирается по частямъ, и въ одну бочьку укладываются крышки, поддоны, въ другую постаменты, въ одну перчатки съ одной руки, въ другую — всѣ съ другой руки. На аукціонѣ можетъ купить и покупаетъ только тотъ, кому довезли недостающія вещи. Впрочемъ гуртовая отправка — рѣдкость и требуетъ различныхъ хитростей, изъ которыхъ уже большая часть изучена и предусмотрѣна. Всего чаще товаръ перевозится безпрестанно по малымъ частямъ. Поимка въ этихъ случаяхъ вѣнчается ничтожнымъ успѣхомъ, не поддерживаетъ энергіи наблюдателей, мимо которыхъ проѣзжаетъ пароходной шкиперъ умѣющій очень искусно прятать запрещонный товаръ, путешественникъ, наловчившійся прятать около себя и нескучающій нѣсколько разъ путешествовать съ судна на берегъ и обратно; проскользаютъ консулы, пользующіеся оффиціальнымъ званіемъ своимъ, курьеръ, разные члены посольства, и посылки на ихъ имя, наши собственные чиновники, и проч. Товаръ, подлежащій клейму и опасный тѣмъ, что можетъ быть признанъ безъ штемпеля и внутри имперіи за контрабандный во вторыхъ и третьихъ рукахъ поступаетъ подъ особое покровительство шляхты, пановъ, портныхъ, модистокъ и тѣхъ же чиновниковъ. Но и въ этомъ случаѣ, будучи кон-

трабандой, онъ можетъ быть проданъ за купленной послѣ конфискаціи. Евреи иной товаръ не любятъ и у себя не держатъ, предоставляя путь другимъ сословіямъ замѣшаться въ тотъ грѣхъ, за который завиняютъ ихъ исключительно. Замѣшиваются въ контрабандисты еще и солдаты пограничныхъ войскъ. Способъ этотъ называется машиннымъ и состоитъ въ томъ, что солдаты таскаютъ товаръ по частямъ и передаютъ при обходахъ, объѣздахъ и при смѣнахъ. Пойманные врасплохъ извощики бросаютъ товаръ и лошадей, облегчая таможнямъ счóтъ конфискацій. Товаровъ, уловляемыхъ такими и иными способами въ 1843 году, по оффиціальнымъ даннымъ, считалось по всѣмъ таможнямъ государства почти на 300 тысячъ. Если принять разсчотъ контрабандистовъ, кои считаютъ въ сложности не болѣе двухъ со ста на перехваченной товаръ, выходитъ, что контрабанды должно быть ввезено на 10 мил. руб. сер., а вся привозная торговля составляетъ 75 мил. (см. Чтенія общ. ист. и древ. рос. 1861 г.). Частныя мѣры такимъ образомъ безсильны, общія преобразовательныя обѣщали успѣхъ; кабинетныя правила деморализировали нравственность пограничнаго купечества и выучили всякого рода уловкамъ и обманамъ. Въ особенности въ этомъ отношеніи поучительна была кахтинская торговля въ то время, когда потребленіе чая (цвѣточнаго) неимовѣрно возрастало, а кирпичный сдѣлался продуктомъ основного потребленія и первой необходимости у сибирскаго простого народа.

При разцѣнкѣ нашихъ товаровъ на Кяхтѣ, наши купцы вовсе не старались выказывать лучшее или настоящее достоинство товара, а напротивъ прибѣгали къ такимъ спаровкамъ, чтобы товаръ казался по возможности худшаго сорта, такъ напр. заглаживали сукно противъ ворсы, чтобы оцѣнка была ниже. Высшей оцѣнки на Кяхтѣ боялись потому, что тогда товаръ могъ залежаться, особенно если у купца не было для придачи опіума или преимущественно золота и серебра. Одинъ изъ богатыхъ московскихъ фабрикантовъ, торговавшій на большую сумму съ Китаемъ, наработалъ разъ плису почти всю пропорцію для Кяхты, сдѣлавъ ее противъ устава и общепринятой мѣры полувершкомъ шире. Послѣдняго никто не замѣтилъ; цѣны назначили. Китайцы тотчасъ увидѣли разницу и весь товаръ разошолся, а у про-

чихъ его не тронули. Обиженные подали жалобы, но дѣло было сдѣлано. Нѣкоторое время господствовалъ въ кяхтинской торговлѣ извѣстный и любимый въ Китаѣ корень жинь-шень. Съ перваго раза казалось странною цѣль этого вымѣна, потому что, какъ аптекарскій матеріалъ, корень этотъ вовсе не требовался въ Россію, а между тѣмъ вывозъ его доходилъ въ иной годъ до милліона руб. Но не долго скрывалось настоящее значеніе корня: купцы, вредя другъ другу, чтобы болѣе вымѣнять чаю и поскорѣе сбыть товары, отдавали ихъ по дешовымъ цѣнамъ. Но какъ этимъ нарушалось строгое положеніе, то на бумагѣ показывали товары промѣненными по настоящимъ цѣнамъ на драгоцѣнной корень, который въ Маймачинѣ заготовлялся пудами за нѣсколько рублей. Съ изданіемъ закона 1857 года, по которому отпускъ металловъ дозволялся въ половинномъ количествѣ при пушныхъ товарахъ и при мануфактурныхъ только одна половина, — представилось выгоднымъ сбывать мягкую рухлядь (особенно соболей, лисьи лапы темныхъ цвѣтовъ и т. п.). Но какъ нельзя же было принудить китайцовъ къ роскоши, собственно для большаго отпуска металловъ, то какая нибудь сотня собольихъ шкуръ странствовала, какъ вѣчный жидъ, изъ Троицкосавска въ Кяхту и оттуда опять обратно. Такіе переходы на бумагѣ давали цифру промѣна дорогихъ пушныхъ товаровъ до такого числа, что вывозъ ихъ въ послѣдніе три года былъ сравнительно больше, чѣмъ въ цѣлое шестилѣтіе. Чтобы болѣе промѣнять серебра, купцы истолковали количество отпуска металловъ по своему: брали общій итогъ цѣнности промѣниваемыхъ товаровъ и металловъ и раздѣляли на двѣ или на три части, смотря по тому, какіе отпускались товары: пушные или мануфактурные. Такъ, что если общій итогъ былъ напр. въ 12 т. руб. (на 6 т. товаровъ и на 6 металловъ), то металловъ отпускалась половина на 6 т. руб., тогда какъ дѣйствительно, по закону 1855 г., слѣдовало отдать ихъ только на половину цѣнности однихъ пушныхъ товаровъ (а не общаго итога товаровъ и металловъ), т. е. на три тыс. руб. Нарушеніе закона обнаружилось, — заговорили строгіе блюстители ограничительныхъ правилъ; поднялась многотомная переписка. Съ своей стороны и купцы представили правоту своихъ дѣйствій. Дѣло кончилось тѣмъ, что велѣно соблю-

дать Высочайшее повелѣніе 1855 г. Приказаніе исполнили: дѣйствительно разсчотъ по отпуску металловъ введенъ былъ тотчасъ же, не смотря на то, что прежній учотъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, былъ въ виду начальства, контролирующаго торговыя дѣйствія. Но не прошло и дня, какъ купцы нашли способъ отпускать металлы въ такомъ количествѣ какое нужно, — возвысили цѣны на всѣ товары, на 20 и 30%. Самолюбіе блюстителей закона было удовлетворено, а Высочайшее повелѣніе на дѣлѣ оставалось одной формой, безъ дѣйствительнаго значенія. Такъ дѣйствовало кяхтинское купечество. Троицкосавское мѣщанство противоставило стѣсненіямъ обычную форму контрабанды во всѣхъ ея видахъ, даже и по доставкѣ для подспорья сбыту русскихъ мануфактурныхъ товаровъ контрабаднаго казеннаго золота. Безъ контрабанды самый худшій кирпичный чай сталъ у насъ дороже самаго послѣдняго англійскаго и американскаго чая, самые высокіе сорты чаевъ приближались цѣнами на Кяхтѣ къ цѣнамъ въ Гамбургѣ и Лондонѣ; самые обыкновенные сорты чорнаго за границей были дешевле кирпичнаго кяхтинскаго, и проч. Въ тобольскихъ табеляхъ не являются тѣ виновные, которые, при обремененіи кяхтинской торговли высокими стѣснительными пошлинами, попадались съ контрабаднымъ чаемъ: чаще на границахъ Восточной Сибири, рѣже на границахъ Западной (теперь судьба ихъ придвинула къ самому Иркутску, ибо сюда перенесена недавно таможня) *). Современные дѣятели всѣ остаются по прежнему на своихъ мѣстахъ, подъ защитой глубокихъ балокъ, непролазныхъ лѣсовъ, непроглядныхъ ночей, за подслѣповатымъ или подкупленнымъ окомъ таможенныхъ дозорщиковъ. Общественное мнѣніе и предразсудки на ихъ сторонѣ; въ неправильной раскладкѣ таможенныхъ пошлинъ берутъ они силу для дѣятельности въ настоящемъ и въ

*) О необыкновенномъ развитіи кяхтинской контрабанды имѣются свѣденія еще изъ половины прошлаго вѣка. Въ 1760 году селенгинскій комендантъ Якобій, въ безсиліи противсборствовать ей вѣрными средствами, искалъ облегченія себѣ въ переселеніи кяхтинскихъ жителей вверхъ по рѣкѣ Кяхтѣ, между Троицкою и Кяхтинскою крѣпостями. Сенатъ однако на предложеніе Якобія не согласился и отказалъ ему въ томъ указомъ 4 сент. 1761 года.

неподчиненіи таможеннымъ правиламъ, но въ согласіи съ требованіями и нуждами общественными найдутъ запасы энергіи на будущія времена. Поживляются отъ собственнаго риска контрабандисты въ сообществѣ съ болѣе безопасными и обезпеченными проводниками и передатчиками; таможенная служба числится въ разрядѣ хлѣбныхъ, а при ущербахъ остается только казна, и при обманахъ всякого рода — потребители.

ГЛАВА X.

ПРЕСТУПНИКИ ПРОТИВЪ СЕМЕЙНЫХЪ ПРАВЪ.

Развратъ. — Кровосмѣшеніе. — Сноxачи. — Сводные браки. — Прелюводѣяніе. — Растлѣніе и насилованіе. — Мужеложство и скотоложство. — Развратное и порочное поведеніе дворовыхъ и крестьянъ. — Ябедничество и кляузничество чиновниковъ. — Ложные доносы. — Неуживчивость чиновнаго люда въ Сибири.

Оскорбленіе родителей и непослушаніе въ примѣчательномъ большинствѣ случаевъ оказывали сыновья. Преступленіе это всѣхъ наименьше можно считать женскимъ: въ двадцать лѣтъ на 69 мужчинъ ушло въ Сибирь 2 женщины, мимо монастырей и всякого рода исправительныхъ заведеній. Слабо высказываясь своими особенными характерными чертами, преступленіе это въ Сибири успѣло опредѣлиться во весь этотъ длинной періодъ времени только кое-какими признаками, много не говорящими: шло среднимъ счотомъ по три человѣка въ годъ. Сильнѣе выразилось это преступленіе абсолютною цифрою у государственныхъ крестьянъ, затѣмъ у мѣщанъ и дворянъ, а наибольшею пропорціею въ купечествѣ; въ общемъ числѣ всѣхъ ссыльныхъ ему принадлежитъ самое послѣднее мѣсто во свидѣтельство той высокой степени положенія, на которой стоитъ родительская власть, злоупотрѣбившая на этотъ разъ своимъ правомъ и неспособная сладить домашними средствами въ этихъ исключительныхъ (70) случаяхъ (въ 20 лѣтъ). Деспотизмъ и несостоятельность самосуда, выразившіеся сильнѣе въ купечествѣ (по процентному отношенію),

вызвали наибольшее число ссыльныхъ (въ 20 лѣтъ) изъ губерній: Курской (7), Вологодской (6), Ярославской (5), Пензенской и Тамбовской (по 4).

Сюда Тобольскія табели до 1844 г. относили еще «принятіе чужой фамиліи» и «прелюбодѣяніе», какъ преступленія, направленныя противъ правъ семейственнаго состоянія; но первое, при широкомъ приспособленіи въ бѣгахъ и сильномъ примѣненіи къ бродяжеству, въ Тобольскихъ табеляхъ выдѣляется слабо, и прелюбодѣяніе смѣшивается съ плотскими преступленіями, а потому мы и переходимъ прямо къ нимъ*).

Изъ плотскихъ преступленій, по прелюбодѣянію замѣчается сильнѣйшая наклонность въ женщинахъ и, по свидѣтельству сибирскихъ цифръ, виновность ихъ (по всѣмъ родамъ преступленій) на этотъ разъ представляется самою характерною наряду съ преступленіемъ убійства дѣтей (по прелюбодѣянію одинъ мужчина на пять женщинъ, по убійству дѣтей 1 на 19). Почти исключительно свойственный женщинамъ (по числу ссыльныхъ), тотъ же порокъ прелюбодѣянія, по житейскому опыту, сильнѣе свидѣтельствуетъ не о невинности мужчинъ, а о той ловкости увертокъ, къ какимъ удачнѣе прибѣгаютъ послѣдніе, злоупотребляя своимъ правомъ сильнаго и счастливо пользуясь болѣе обезпеченнымъ и лучше устроеннымъ общественнымъ положеніемъ. Обвиненія, не одолѣвая сильнаго, ложатся всею тяжестью на безсильнаго, страдающаго отъ общественнаго предразсудка. По процентному отношенію наибольшая наклонность замѣ-

*) Также слабо и безхарактерно, временами даже не выдѣляя вовсе, объясняютъ тобольскія цифры: неплатежъ податей (въ 4 года съ 1838 по 42 г. 12 челов.); подлоги въ отправленіи рекрутской повинности, сильнѣе выражающіеся въ цифрахъ отдѣла табелей, озаглавленнаго «тѣлесныя поврежденія себѣ и другимъ съ намѣреніемъ избѣжать службы». Точно также въ одно время выяснялась «лживая присяга» и произвольно пропадала вслѣдъ за другими, исчезая тамъ, гдѣ этого вовсе и ожидать было нельзя. Принятіе чужой фамиліи или перемѣна имени и прозванія — въ Россіи преступленіе не такъ частое, въ Сибири — дѣло обычное, съ большимъ успѣхомъ практикуемое поселенцами и каторжными. Въ однихъ Нерчинскихъ заводахъ въ десять лѣтъ уличили и засадили таковыхъ 156 человѣкъ, да за «ложный извѣтъ» одного.

чается въ военномъ сословіи (у мѣщанъ больше, чѣмъ у крестьянъ), а солдатки чаще другихъ дѣлаются жертвами обвиненія на судѣ и ссылки. Всего больше ушло виновныхъ всякого пола и возраста (за прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе и насилованіе) изъ губерніи Пермской (въ 20 лѣтъ 60 м., 15 ж.) и изъ южныхъ: Харьковской (32—5), Полтавской (28—12) и Херсонской (21—7). Съ меньшею или большею цифрою ссыльныхъ за плотскія преступленія являются и всѣ до одной другія русскія губерніи. Дѣйствуя съ большею силою въ большихъ городахъ, развратъ, по разсказамъ путешественниковъ, царствуетъ на всемъ пространствѣ земного шара, существуя подъ двумя главными формами: публичнаго и тайнаго. Нѣкоторые статистики, разсматривая его въ обоихъ видахъ, пришли къ тѣмъ положительнымъ выводамъ, что цифра разврата крупнѣе между 16 и 28 годами человѣческаго возраста, что отъ 14 до 28 лѣтъ она идетъ въ возрастающей прогрессіи, а съ 28 до 40—въ уменьшающейся. Съ послѣдняго термина (40 лѣтъ) прогрессія начинаетъ падать примѣчательно-быстро, такъ что въ 50-тилѣтній возрастъ доходитъ до нуля. Замѣчено при этомъ, что развратъ преимущественно любитъ гнѣздиться въ семействахъ и между тѣми лицами, которыя соединены кровными узами, и по преимуществу, заражаетъ сестеръ. Чаще предается разврату дочь при матери, показывая, до какой степени развращенія доходятъ иныя семейства, гдѣ сама мать подаетъ примѣры распутства собственнымъ дѣтямъ. Особенно примѣтно это въ средѣ бѣдняковъ большихъ городовъ. Въ деревняхъ порокъ этотъ подчиняется отчасти давнему, укоренившемуся въ долгое время обычаю, отчасти зависитъ отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Къ числу послѣднихъ относятъ сторонніе вліянія, зависящія отъ причинъ географическихъ (сильнѣе развратъ въ приморскихъ мѣстахъ и городахъ отъ прилива матросовъ весною и лѣтомъ) и экономическихъ (напр. чаще паденія женщинъ совершаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ дальные и продолжительные отхожіе промыслы). Кое-гдѣ вліяютъ на то же нѣкоторые предразсудки религіозныхъ сектъ, изъ которыхъ сильнѣе другихъ выясняются безпоповщина и хлыстовщина. Существенною же и вѣроятною причиною считается быстрое увеличеніе военнаго сословія съ продолжительны-

ми стоянками одинокихъ солдатъ въ губерніяхъ, существующихъ сторонними заработками на отхожихъ промыслахъ. Причина усилена дважды: покинутая мужемъ солдатка грѣшитъ нарушеніемъ вѣрности дома, въ то время, когда солдатъ соблазняетъ чужую жену на чужой сторонѣ. Тѣмъ не менѣе во многихъ, неиспорченныхъ солдатскими стоянками, мѣстахъ, тамъ, гдѣ наплывъ холостой молодежи не дѣйствителенъ,—противъ согрѣшившихъ существуютъ домашнія мѣры взысканія, мірской самосудъ, также строгій и неуступчивый, какъ и всякой народный самосудъ на разныхъ преступниковъ. Въ Бѣлоруссіи и Малороссіи наказываютъ виновныхъ вмѣстѣ того и другого: на мать, отдающую дочь лишонною невинности въ замужество, надѣваютъ хомутъ и заставляютъ прыгать черезъ огонь или бѣгать по полю и лаять по собачьи; на дочъ надѣваютъ бабью кику безъ обрядовъ, не въ избѣ, а въ сѣняхъ и на дворѣ; не прицѣпляютъ красной ленты на наметку; не поятъ красной водкой. Съ уличенныхъ въ прелюбодѣяніи женщинъ срываютъ платки на народѣ, простоволосятъ, т. е. позорятъ самымъ тяжкимъ оскорбленіемъ, мажутъ ворота и двери дегтемъ, и проч.

Евреи западныхъ губерній поступаютъ ещо суровѣе. Нарушившую цѣломудріе приводятъ въ школу (синагогу),—здѣсь плюютъ на нее, бросаютъ въ лицо тряпки, намоченныя нечистотами; потомъ одѣваютъ въ оборванную солдатскую шинель, въ высокой колпакъ, даютъ въ руки шестъ со рваной шапкой (магеркой) на верху, связываютъ назадъ руки и на веревкѣ водятъ по мѣстечку. Проходящіе имѣютъ право бросать чѣмъ ни попало, плевать въ лицо сколько угодно.

Къ числу укоренившихся народныхъ обычаевъ, которые отчасти можно считать историческими, относится, между прочимъ, обычай искать не жены сыну, а въ домъ — безплатной работницы, пріобрѣтаемой единовременнымъ и необременительнымъ взносомъ колыма («выводного»). Цѣль достигается женитьбою недорослковъ на взрослыхъ, вошедшихъ въ полную силу, дѣвушкахъ, — цѣль, которая и теперь не покинута во многихъ глухихъ и отдаленныхъ мѣстностяхъ. Обычай этотъ, ещо сверхъ того обусловленный обыкновеніями уходить на дальные заработки у крестьянъ и на долговременную службу у казаковъ, съумѣлъ породить новый видъ, — тотъ видъ преступле-

нія, который называется кровосмѣшеніемъ и слыветъ въ народѣ подъ именемъ сноxачества. Отецъ, уславшій сына на службу или на работу, свекоръ, возлагающій сыновнія работы на жену его, сноху свою, на старости лѣтъ впадаетъ въ грѣхъ любовныхъ связей, включаетъ себя въ число сноxачей. Когда исходятъ годы и молодому работнику настоитъ надобность и возможность возврата домой (чтобы тамъ и остаться), по смерти отца онъ находитъ жену перестаркомъ, ищетъ любви на сторонѣ, грѣшитъ прелюбодѣяніемъ и въ свое время и въ свою очередь становится сноxачомъ — типомъ людей, осмѣянныхъ во множествѣ скандальныхъ анекдотовъ, поговорокъ, загадокъ и пѣсенъ. Такими людьми примѣтно усиливается цифра тѣхъ, которые ссылаются въ Сибирь за кровосмѣшеніе. Кровосмѣшенію со сноxой и со свекромъ принадлежитъ первое мѣсто; отцу съ дочерью и невѣсткѣ съ деверемъ второе; деверю съ невѣсткой и сестрѣ съ братомъ—третье; вотчиму съ падчерицей и племянницѣ съ дядей — четвертое. Остальные случаи очень рѣдки, но бо́льшая часть сопровождается насиліемъ (въ особенности кровосмѣшеніе отца съ дочерью), и только сноxачество является формою любовной связи, закрѣпленной на обоюдномъ (менѣе принудительномъ) соглашеніи. Мужчина чаще попадается въ этомъ грѣхѣ въ возрастѣ отъ 50 лѣтъ, и не останавливается, а еще больше грѣховодничаетъ и въ лѣта свыше 60-ти; для жертвъ соблазна и изнасилованія ранній возрастъ женщинъ становится роковымъ, въ особенности между 20 и 30 годами *). По губерніямъ, кровосмѣсители всего больше понесли наказаніе въ Тобольской, Вятской, Пермской, Землѣ Донскихъ казаковъ, Полтавской и Харьковской (изъ послѣдней, какъ изъ мѣста военныхъ поселеній; изъ первыхъ пяти, какъ такихъ, которыя преимущественно живутъ по старозавѣтнымъ обычаямъ; Тобольская къ тому же и ссыльная, умѣющая отвѣчать на всѣ роды и виды вся-

*) Въ 9 лѣтъ общее число кровосмѣсителей равняется 61 мужч. и 48 жен. Чаще другихъ этотъ видъ преступниковъ заявлялся въ средѣ государственныхъ и заводскихъ крестьянъ одинаково, но особенно сильную наклонность обнаружили бывшіе военные поселяне и казаки (донскіе). Вообще плотскія преступленія у казаковъ являются на первомъ планѣ.

ческихъ преступленій). Губерніи безъ отхожихъ промысловъ, и въ особенности бѣлорусскія и сѣверныя, свободны въ этомъ отношеніи отъ всякого упрека (кромѣ Архангельской *).

Во всякомъ случаѣ южныя губерніи по всѣмъ родамъ плотскихъ преступленій успѣли подтвердить законъ о наибольшемъ возбужденіи плотскихъ страстей въ силу климатическаго вліянія. Если же они приблизились къ сѣверо-восточнымъ губерніямъ, то въ силу лишь того, что губерніи эти населены исповѣдниками Магометова закона и заводскими рабочими, съ дурно обезпеченнымъ и плохо устроеннымъ семейнымъ бытомъ. Естественныя условія сравнялись съ искуственными и въ этомъ отношеніи оспариваютъ другъ у друга взаимный перевѣсъ. Кровосмѣшеніе же въ Сибири преступленіе на столько давное, что объ немъ находимъ свидѣтельство ещо въ обличительной грамотѣ патріарха Филарета, присланной Сибирскому архіерею Кипріану въ 1622 году. Казаки—первые обитатели Сибири не носили крестовъ, не хранили постовъ, жили съ кумами и сестрами своихъ жонъ, находя себѣ оправданіе въ недостаткѣ женщинъ. Московская грамота, выданная Ермакову послу-атаману Кольцу, при возвратѣ его изъ Москвы, позволяла казакамъ увозить изъ городовъ жонъ и дѣвицъ, и Филаретова грамота силилась воспретить подобное умыканіе дѣвицъ, существовавшее въ его время ещо во всей своей силѣ. Филаретъ приказывалъ выслать эту грамоту въ Москву и считать привиллегію неумѣстною. Имъ же воспрещалось житье русскихъ съ некрещоными жонами, воспрещалось совмѣстное житье монаховъ съ монахинями въ одномъ монастырѣ, воспрещалось тѣмъ и другимъ уходить изъ обителей и жить въ мірѣ, обличались воеводы, продававшіе въ замужество краденыхъ въ Россіи дѣвицъ и заставлявшіе при себѣ ихъ вѣнчать. Въ 1637 году присланы были изъ Россіи: изъ Вологды, Тотьмы, Устюга и Соль-Вычегодска 150 дѣвицъ для женитьбы казаковъ сверхъ 500 семей, обязанныхъ поставить впослѣдствіи невѣстъ; но въ 1725 г. митрополитъ Θилофей извѣщалъ губернскую канцелярію, что казаки, посланные за ясакомъ, вмѣсто подводчиковъ, берутъ красивенькихъ остяцкихъ дѣвушекъ и дорогой

*) Отсюда выслано въ 9 лѣтъ двое мужчинъ.

ихъ насилуютъ. Впослѣдствіи узнано было, что русскіе березовцы издавна покупаютъ у остяковъ дѣтей, платя за мальчиковъ по 25 коп. мѣдью и по 20 коп. за дѣвочку. Распущенность нравовъ въ прошломъ столѣтіи была также велика, какъ и въ предшествовавшемъ: воеводы и сильные люди, не исключая амурскаго героя Хабарова, отнимали чужихъ жонъ и жили съ ними блудно. Мужья, измученные невѣрностію жонъ, принуждены были прибѣгать къ чародѣйствамъ и знахари подслуживались имъ различными, самыми оригинальными, способами привораживанья: скоблили съ избъ стружки, смѣшивали съ колесною грязью, распускали въ банной водѣ и давали пить невѣрнымъ жонамъ, шептали на воскъ и на сѣру и прилѣпляли къ кресту; брали съ головы волосы, шептали на нихъ и велѣли носить при себѣ рогоносцамъ; шептали по волшебнымъ книгамъ у бѣлой березы всякіе наговоры и невѣрныхъ жонъ привязывали къ этимъ березамъ, водили въ баню и кормили тамъ волшебными колобками изъ воску, печины, соли, волосъ и всякой неподходящей дряни. Сибирь продолжала устаивать на своемъ и въ 1836 году одинъ изъ губернаторовъ сибирскихъ писалъ: «не говоря о мужикахъ, женщины и дѣвки безъ стыда ходили въ кабакъ пьянствовать». Легкая нравственность и вольная жизнь, выражаемые терминомъ прелюбодѣянія, представляются въ женскомъ населеніи Сибири явленіемъ довольно обыкновеннымъ, причину котораго слѣдуетъ искать въ неравномѣрномъ пропорціональномъ отношеніи мущинъ къ женщинамъ, въ порчѣ, приносимой поселенцами и въ обычаяхъ страны, практикуемыхъ съ древнихъ временъ, каковые сильнѣе всякого закона. Въ сытой жизни не только въ мѣстахъ золотопромышленныхъ, но и во всѣхъ сибирскихъ находится много возбуждающихъ причинъ, какъ вызововъ тѣхъ явленій, которыя называются распутствомъ, считаются безнравственностью. У тюменскихъ сытыхъ старовѣровъ издавна пристраиваются заимки, на которыхъ они держатъ вторыхъ жонъ и сами наѣзжаютъ туда для развлеченій и удовольствій, въ числѣ которыхъ главное мѣсто принадлежитъ пьянству, и играмъ съ бабами и дѣвицами. Въ алтайскихъ горахъ тамошные старовѣры извѣстны между прочимъ тѣмъ, что нѣтъ дома, гдѣ-бы не было извѣстныхъ сибирскому люду и любезныхъ ихъ сердцу *подворищъ*. Бывшая слобода Кія, теперь го-

родъ Маріинскъ, нѣкогда центръ наймовъ рабочихъ на золотые промыслы, вела торговлю крѣпкими винами, всякимъ товаромъ и различными сладкими яствами во всевозможныхъ широкихъ приспособленіяхъ. Слава ея не меньше Енисейска, гдѣ не такъ давно на встрѣчу выходившимъ изъ тайги съ золотыхъ промысловъ рабочимъ выходили мѣщане съ жонами и дѣвками и съ виномъ. Отцы поили виномъ, бабы и дѣвки, славящіяся своей красотой, зазывали въ баню, въ дома: тамъ опять напаивали, обирали до нитки, возбуждали ссоры и драки и безконечныя дѣла, которыми Енисейскъ и Красноярскъ издавна весьма славятся. Про города эти сложились въ народѣ такія поговорки, которыя не годятся для печати. Бойкія, рослыя, видныя бабы семейскія за Байкаломъ сильно понимаютъ и скоромничаютъ въ разговорахъ, и въ средѣ тамошняго населенія нравственностію своею не славятся, въ соотвѣтствіе тѣмъ единовѣрцамъ своимъ, которыми переполнена губ. Тобольская. Тамъ издавна весь отвѣтъ потерявшей невинность дѣвушки состоитъ въ томъ, чтобы придти и пасть въ ноги родителямъ: «простите,—я въ упаденье пала»—и подвергнуться за это эпитиміи. У семейскихъ за Байкаломъ существуютъ на святкахъ кладки—родъ свальнаго грѣха. Своды разрѣшаются просто: баба бросаетъ кику подъ лавку и объявляетъ, что она дѣвка. Сводные браки тамъ не удержались долго именно по тому, что давали просторъ бабамъ уходить къ другому и отвѣчать начальству, что не были вѣнчаны. Тамъ, по этому случаю, даже самые ярые старовѣры стали прибѣгать къ свѣнчанью въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, чтобы закрѣпить за собою жену и не плакаться потомъ надъ потерянымъ напрасно колымомъ. Такъ, подъ вліяніемъ такихъ неблагопріятныхъ супружеской жизни бытовыхъ основъ, странникъ и скиталецъ тюменскій, посадскій человѣкъ Михаилъ Васильевичъ Девятинъ, во второй половинѣ прошлаго вѣка, съумѣлъ организовать особый толкъ, названный по его имени Девятинскимъ. Толкъ этотъ не многолюденъ, но тѣмъ не менѣе придерживаются его и въ г. Тюмени, и въ деревняхъ: Першиной, Межборной, Галевой и Сунгуровой. Девятинъ объявился на всегда холостымъ для спасенія души на старости лѣтъ и поселился въ скитѣ въ лѣсу близъ деревни Черепановой (Тебяницкой вол. Курганскаго округа.

Деревня эта при ревизіи уничтожена была по случаю непріятностей, наносимыхъ каторжными казеннаго Боровлянскаго винnаго завода). Здѣсь Девятинъ перекрестилъ себя яко бы по примѣру равноапостольной Өеклы, препод. Өеофана, Дросиды—дщери царя Траяна и друг. День и ночь онъ читалъ книги, молился и тѣмъ привлекъ поклонниковъ и подражателей, поселившихся около него скитами. Девятинъ ихъ перекрестилъ. Ему наслѣдовалъ крестьянинъ Вас. Матв. Гусевъ (онъ же Садковъ), переселившійся за пустынное озеро, гдѣ былъ потомъ стеклянный заводъ Бархатовыхъ, тоже въ Тебяницкомъ бору, (ум. 1805). Девятинцы вѣрили въ то, что ежеминутно надо ожидать второго пришествія, а потому для браковъ прошло время. Свѣнчанную жену считаютъ за блудницу, и потому свѣнчанные ихъ толка всегда подъ эпитеміей. Мужу не дозволяется сходиться съ женой,— и этимъ крутымъ воспрещеніемъ секта достигла противоположныхъ результатовъ, — развратъ усилился, хотя въ согласъ и поступали больше старики. Къ своей женѣ мужъ могъ ходить не иначе, какъ черезъ окно, въ темную пору. Старики смотрятъ на это сквозъ пальцы, пока нѣтъ во чревѣ; тогда на обоихъ возлагается строгая эпитемія. Сосѣди заподозрѣваютъ ихъ даже въ кровосмѣшеніи по завѣту: «подобаетъ дѣлателю отъ плода своего вкусити» и ведутъ сплетню о правѣ сожительства въ ихъ толкѣ отца съ дочерью, брата съ сестрой. Но и на этотъ разъ, какъ и во всѣ прочіе по вопросу о сектаторахъ, отдѣльные, частные случаи ничего не доказываютъ.

Своды или сводные браки у старовѣровъ понимаются различно: одни бракъ въ православной церкви признаютъ въ гражданскомъ, другіе въ церковномъ смыслѣ и непремѣнно вѣнчаются, чтобы жена не сбѣжала. Свѣнчавшихся въ церкви одни исправляютъ: налагаютъ эпитемію, иногда очень значительную (нѣсколько лѣстовокъ, т. е.— нѣсколько разъ по сту поклоновъ; отлученіе въ молитвѣ, въ пищѣ); другіе не полагаютъ и того; вѣнчаются и съ подписками и безъ подписокъ; вѣнчаются и сводятся съ православными; бываетъ и на оборотъ. Когда усилились сводные браки, одни позволили признать ихъ законными, какъ Родіоновщина тюменская, другіе продолжали вѣнчаться въ церквахъ, разумѣется предпочитая православнымъ церквамъ единовѣрческія, гдѣ все-таки водятъ посолонь. Подцерков-

ники (поповцы) вѣнчаются въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, но потомъ ихъ исправляютъ, теперь свои выборные обществомъ старикъ или старуха (но не наставники, которые ни вѣнчаютъ, ни крестятъ) прочитываютъ чинъ вѣнчанія. Прежде это дѣлали бѣглые попы въ Екатеринбургѣ въ Полетиковой или Рязановской часовнѣ съ наложеніемъ эпитеміи, куда сибиряки нарочно ѣздили. Появленіе сводныхъ браковъ усилилось съ того времени, какъ умеръ (въ 1835 г.) послѣдній попъ ихъ Никола (бѣжавшій въ 1812 году изъ имѣнія Куракина, а потому Куракинскій). До того времени отпѣвали покойныхъ по канону за единоумершаго, совершали вечерни, повечерницы, полуночницы, утрени и часы, разъѣзжая по округу, бѣглые попы изъ Пензенской епархіи Иванъ Грузинскій, Парамонъ Лебедевъ, Петръ Андреевъ и самозванные попы изъ крестьянъ: Аристархъ, Гаврило, Максимъ и болѣе другихъ извѣстный Никола Куракинскій (Парамонъ, во время гоненій, присталъ къ единовѣрію въ 1838 году и поступилъ въ единовѣрческой екатеринбургской приходъ; другіе всѣ, кромѣ Николы, бѣжали на Иргизъ и Керженецъ).

Среди заводскаго населенія въ особенности организовавшагося изъ ссыльнаго люда нравственность глубоко потрясена. Тамъ оправдываютъ развратъ, какъ промыселъ, вынужденный безвыходною нуждою и признаютъ за нимъ право, оправданное и отвоеванное цѣлымъ столѣтіемъ. Гмелинъ нашолъ въ Дауріи сифилисъ въ застарѣлыхъ формахъ до elephanthiasis'a (слоновой проказы) въ то время, когда о сифилисѣ въ Россіи не имѣли ещо никакого понятія. Распутство въ перчинскихъ заводахъ весьма распространено, почти открытое, и къ тому же не рѣдко весьма раннее. Здѣшныя дѣвицы легко относятся къ своей невинности, зная, что дѣвичьи роды здѣсь грѣхомъ не почитаются, а женихи смотрятъ болѣе на образованіе: рукодѣльна ли, трудолюбива ли и можетъ ли вести хозяйство. Употребленіе вина дѣвушками и женщинами, обычное по цѣлой Сибири, на ссыльныхъ мѣстахъ Забайкалья кончается только по географическимъ причинамъ. Сифилисъ страшно распространенъ между заводскимъ народомъ, и знахарямъ, и знахаркамъ, и ламамъ бурятскимъ работы много: на сулему и киноварь — расходъ большой. Сулему пьютъ въ винѣ, киноварь курятъ съ табакомъ въ трубкахъ.

Произведшіе растлѣніе и насилованіе, смѣшиваясь на самомъ дѣлѣ съ виновными въ соблазнительномъ и развратномъ поведеніи и съ преступными въ кровосмѣшеніи, въ Тобольскихъ табеляхъ временами усчитывались отдѣльно, но, къ несчастію, и на этотъ разъ спутаны съ тѣми, которые способствовали преступленію. Разсматривая ихъ отдѣльно, нельзя не видѣть, что съ насиліемъ преимущественно пускались въ плотскую любовь люди военнаго званія съ тою привиллегіею передъ всѣми ссыльными этого вида, что плотскія насилія военныхъ людей отличаются самою большою пропорціею и уступаютъ только виновности ихъ въ убійствахъ. Въ этомъ преступленіи особенно также отличается дворянство. У мѣщанъ наклонность къ насилію и растлѣнію сильнѣе, чѣмъ у крестьянъ, но у послѣднихъ, сравнительно съ первыми, живѣе порывы къ кровосмѣшенію и противоестественному удовлетворенію страстей (мужеложству и скотоложству). Большое число ссыльныхъ по обоимъ видамъ дали тѣ же губерніи: Харьковская, тогда богатая военными поселянами, Полтавская, противопоставившая племенное свойство цѣломудрія нападеніямъ солдатъ, и неизмѣнныя Пермская съ Тобольской, умѣющія путаться во всякомъ преступномъ грѣхѣ, и гдѣ изнасилованіе готовы производить и холостые заводскіе работники, и истосковавшіеся бродяги и обрекаемые на монастырское цѣломудріе поселенцы.

Общее число сосланныхъ за противоестественное удовлетвореніе страстей, и именно за тотъ видъ этихъ преступленій, который носитъ названіе скотоложства, въ 9 лѣтъ равнялось 50 мужч. Бо́льшее число выслали губерніи: Пермская и Вятская. Изъ нихъ въ одной (Вятской) это преступленіе находитъ оправданіе въ стародавномъ суевѣрномъ обычаѣ лечиться отъ лихорадки, когда истощены всѣ вѣдомыя и симпатическія и самыя ѣдкія средства, недѣйствительность которыхъ вызываетъ такимъ образомъ послѣднее и самое отчаянное, обѣщающее ссылку. Подъ вліяніемъ послѣдней, преступленіе не изчезаетъ и на каторгѣ, очень бѣдной женщинами, и является въ присылаемыхъ на исправленіе субъектахъ такимъ родомъ преступныхъ дѣяній, который всего чаще усвоивается пастухами, бѣглыми непомнящими родства, и на довольно значительную часть заявляется на каторгѣ дураками-баженниками, т. е. идіотами. Въ этихъ людяхъ,

обездоленныхъ нравственными чувствами, съ извращенными вкусами по физіологическому уродству организма, преступность отразилась съ очевидностью, рѣзко бросающеюся въ глаза на мѣстахъ ссылки. Тобольская губ. и самый городъ Тобольскъ выдѣляются по этому роду преступленій впереди всѣхъ другихъ. Причина очевидна въ примѣтномъ недостаткѣ женщинъ; однако же по дѣламъ приказа видно, что вообще число завиняемыхъ въ скотоложствѣ годъ отъ году уменьшается.

Мужеложству принадлежитъ самая меньшая цифра: въ 9 лѣтъ только *четыре* случая выпали на долю государственныхъ крестьянъ Россіи; въ послѣдующіе 11 лѣтъ оно успѣло сильнѣе выразиться въ губ. Вятск. и Пермск. Въ Сибири, въ каторжныхъ тюрьмахъ, это матросское преступленіе сдѣлалось исключительно арестантскимъ. Здѣсь педерастія, надежно пристроившись по вызову кое-какихъ покровительствующихъ причинъ, — по свидѣтельству врачей, обнаруживаетъ несомнѣнные и очевидные признаки, при осмотрѣ заражонныхъ сифилитическою болѣзнію. Въ Нерчинскихъ тюрьмахъ зачастую находили первичныя язвы не тамъ, гдѣ показано, а circa anum или же in recto.

На сколько незначительна общая сумма сосланныхъ за плотскія преступленія сравнительно съ общимъ числомъ наказанныхъ Сибирью, на столько велика другая цифра ссыльныхъ, которыхъ тобольскій приказъ силится названіемъ прировнять къ этимъ, и называетъ иногда ссыльными за развратное, иногда только за дурное поведеніе, или за дерзкіе поступки. Въ самомъ же дѣлѣ это—люди, удаленные на житье въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ, по ихъ просьбамъ, съ темнымъ и неопредѣленнымъ обозначеніемъ ихъ преступности; все это — жертвы умершаго въ наши дни произвола, и особый разрядъ ссыльныхъ, сосланныхъ не по суду, а по административнымъ распоряженіямъ (объ немъ послѣ). Ни о какой особенной развращонности нравовъ эти жертвы не свидѣтельствуютъ, и мѣриломъ для объясненія нравственнаго уровня владѣльческихъ крестьянъ служить они ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Временное возростаніе или уменьшеніе цифръ по годамъ зависитъ отъ измѣненія различныхъ постановленій: правилами 1827 г. не велѣно ссылать дряхлыхъ, увѣчныхъ,

жонъ безъ мужей и мужей безъ жонъ и вмѣстѣ съ малолѣтными дѣтьми (мужескаго пола до 5-ти, женскаго до 10-ти лѣтъ), не ссылать людей старше 50 лѣтъ. Съ 1829 г. установлена правильная ссылка мѣщанъ и казенныхъ поселянъ по приговорамъ обществъ, а чрезъ два года запрещено жонамъ крестьянъ государственныхъ и мѣщанъ слѣдовать за мужьями. Съ 1844 г. начали возростать цифры казенныхъ крестьянъ тѣмъ, что сюда стали записывать переходившихъ (по силѣ указа 27 апр. 1842 г,) за дурное поведеніе или дерзкіе поступки изъ однодворцовъ. Иногда цифры доказываютъ, что злоупотребленіямъ силой и властью, по временамъ, полагались предѣлы, и произволъ сдерживался въ границахъ возможнаго приличія законными постановленіями. Такъ напр. (указомъ 8 января 1827 г.), увеличилась сибирская цифра оттого, что дозволено слѣдовать за мужьями жонамъ людей, ссылаемыхъ на поселеніе по просьбамъ помѣщиковъ. Увеличилась цифра сосланныхъ изъ недовольныхъ тѣми способами приспособленія крѣпостного труда, какіе вздумали примѣнять владѣльцы въ черноземныхъ губерніяхъ, заводившіе заводы и фабрики. Въ Пензенской губ. возмутились всѣ мастеровые Сильвинскаго завода, купца Манухина, въ Тамбовской мастеровые Виндреевскаго завода г. Очкиной. Въ 1827 г. (сенатскимъ указомъ 28 іюня) по вызову этихъ случаевъ, на просьбу Манухина зачинщиковъ сослать въ Сибирь, дано дозволеніе горнымъ заводчикамъ, посылать на поселеніе ихъ заводскихъ людей за дурное поведеніе, безъ зачота за рекрутъ. Случай, вызвавшій это постановленіе, разсказанъ «Полнымъ Собраніемъ Законовъ» въ такомъ видѣ: помѣщикъ Ряжскаго уѣзда, ротмистръ Батуринъ, привлекалъ жену своего дворовaго человѣка Трофимова къ прелюбодѣянію и, по несогласію ея, дѣлалъ обоимъ наказанія и притѣсненія, разлучалъ въ разныя мѣста и, наконецъ, чтобы удобнѣе достигнуть своей цѣли, предположилъ отправить его въ Сибирь за дурное поведеніе (жену же оставить на усадьбѣ). Жена объявила, что не желаетъ разстаться съ мужемъ.

Въ виду этой разницы понятій о развратномъ и дурномъ поведеніи и подъ защитою стариннаго права (jus primae noctis), объявившагося у насъ изъ подражанія и въ западномъ краѣ практикованнаго въ числѣ прочихъ пріемовъ Польши (остававшейся, по крѣпост-

нымъ понятіямъ, средневѣковою до нашихъ дней), — мы считаемъ излишнимъ входить въ подробности старыхъ грѣховъ и вспоминаемъ о немъ теперь по поводу учота людей, заселявшихъ Сибирь не по доброй волѣ. Воля и произволъ помѣщиковъ успѣли выслать въ Сибирь 6,886 поселенцовъ только въ 20 лѣтъ, и съ той особенностью на практикѣ, что приговоры частныхъ людей были немилостивѣе и неснисходительнѣе приговоровъ мірскихъ обществъ *). При этомъ помѣщичій произволъ готовнѣе раздѣлывался и разлучался съ дворовыми, чѣмъ съ оброчными крестьянами; охотливѣе прогоняли отъ себя владѣльцы уральскихъ и другихъ заводовъ рабочихъ своихъ, и затѣмъ мѣщанскія общества порочныхъ людей своего сословія. Солдатъ оказалось меньше, потому что для нихъ существуютъ дисциплинарныя мѣры взысканій, но изъ духовенства выслано въ Сибирь на житье больше, чѣмъ изъ купечества. При этомъ замѣчательно то, что съ расширеніемъ полицейскихъ правъ различныхъ обществъ и съ усиленіемъ значенія помѣщичьей власти надъ крѣпостными людьми,—невыгоды status in statu не замедлили возрости прогрессивно. Помѣщичья власть поспѣшила сослать вдвое противъ прежняго. Въ пять лѣтъ, предшествовавшихъ 1836 году, сослано по волѣ помѣщиковъ 882 чел.,—въ слѣдующее пятилѣтіе (съ 1837 по 1841 г. уже

---

*) Вотъ доказательства на выдержку по годамъ:

Въ 1827 сослали помѣщики	626	м.,	147	ж.			
Общества	60	»	9	»			
Въ 1825 г. помѣщ. кр.	505,	мѣщан. и каз. кр.	286,	удѣл. кр.	88		
» 1845 » »	482	»	175	»	103		
» 1846 » »	524	»	225	»	57,	и т. д.	

Между крестьянами больше доставалось женщинамъ и количество сосланныхъ образуетъ перевѣсъ въ эту сторону.

Между государственными крестьянами наибольшій процентъ сосланныхъ за порочное поведеніе принадлежитъ магометанамъ (татарамъ и башкирамъ). Ушло много грузинъ, черемисъ и мордвы. Чуваши и вотяки всего чаще высказывались непослушаніемъ и неповиновеніемъ властямъ. Развратное же поведеніе можно считать преимущественно инородческимъ: самое большое число сосланныхъ ушло за него (кромѣ киргизовъ—грабителей; да татары особенно любятъ бѣгать изъ ссылки и изъ-подъ стражи). Мѣстныя начальства и мірскія общества, дѣйствуя вдвоемъ при руководствѣ разнородными требованіями, выслали 6,129, помѣщики — 6,886.

1980, но затѣмъ въ пятилѣтіе съ 1842 по 1846 сослано 2775 чел. Сталось такимъ образомъ то, что за возмущеніе сослано всего больше крестьянъ и при этомъ наибольшая пропорція замѣчается у крестьянъ владѣльческихъ. Высшимъ процентомъ ссыльныхъ за дурное поведеніе отличаются дворовые (за ними заводскіе, фабричные и мѣщане). Въ числѣ губерній съ наибольшимъ процентомъ высланныхъ за дурное поведеніе стоятъ обѣ столичныя и чрезвычайно характерно выдѣляется остзейская, стоитъ на первомъ мѣстѣ именно Эстляндская. Тобольскія цифры людей сосланныхъ за порочное поведеніе указываютъ на большую силу произвола, несдержаннаго правильною регламентаціею и разнузданнаго потворствомъ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: изъ остзейскихъ губерній—въ Эстляндской, въ обѣихъ столичныхъ и въ двухъ восточныхъ (Пермской и Вятской). Внутреннія губерніи встали въ соперничество съ этими, какъ преимущественно сосредоточившія въ себѣ крѣпостное населеніе и притомъ выяснились такъ, что Московская напр. уступаетъ въ процентномъ отношеніи первенство свое баронской Эстляндской губерніи. Бѣлоруссъ, по отношенію къ подобного рода ссылкѣ, счастливѣе всѣхъ другихъ и даже малоросса, также счастливо ускользавшаго отъ высылки въ Сибирь. Рабочая сила ихъ оказалась цѣннѣе въ глазахъ владѣльцовъ, сильнѣе и энергичнѣе вводившихъ на своихъ земляхъ плантаторское и раціональное хозяйства. Изъ пяти бѣлорусскихъ и 6 малороссійскихъ угнали въ Сибирь всего 415 человѣкъ, тогда какъ въ тѣже 20 лѣтъ одна Московская потеряла 627, Орловская 485, Рязанская 512, Тамбовская 452, Тульская 531, Пензенская 354, Нижегородская 367, и проч.

Сибирская цифра не можетъ служить мѣриломъ нравственности еще и потому, что во власти помѣщиковъ оставалось право отдачи негодныхъ людей въ солдаты съ зачотомъ за рекрута во всякое время, и правомъ этимъ, какъ памятно всѣмъ, они пользовались съ замѣтною охотою. Это — одна изъ причинъ, почему, между прочимъ, сибирская цифра (въ процентныхъ отношеніяхъ) получила склоненіе на сторону сосланныхъ на житье женщинъ. На ослабленіе точной цифры дѣйствовали также въ сильнѣйшей степени самовольные побѣги въ разное время въ разныя мѣста, каковыми на памятное намъ всѣмъ время, на правахъ Америки для Европы, считались у крест-

янъ и дворовыхъ южныя степи, гдѣ городъ Одесса получила значеніе Нью-Йорка, Херсонъ уподобился Чикаго. Крѣпостное право было одною изъ причинъ бродяжества, и бродяжество предотвращалось тѣмъ преступленіемъ, которое носитъ въ Тобольскихъ табеляхъ названіе «возмущенія и неповиновенія помѣщикамъ».

Неповиновеніе помѣщикамъ въ абсолютной цифрѣ выразилось слабѣе возмущеній противъ власти *); но съ тою особенностію, что число неповиновавшихся женщинъ слишкомъ въ 3 раза меньше числа возставшихъ противъ властей мужчинъ. Годовыя цифры показываютъ, что тамъ, гдѣ неповиновеніе помѣщикамъ обнаруживалось массами, участіе женщинъ почти равносильно участію мужчинъ. Въ одномъ 1846 году всѣхъ случаевъ возмущеній насчитываютъ до 27-ми, но Тобольскій приказъ не выдѣлилъ ихъ и, смѣшавши съ неповиновавшимися установленнымъ властямъ, отнялъ возможность идти къ опредѣленнымъ выводамъ. Изъ другихъ годовъ крупнѣе выдаются 1837 и 1845. Въ 1837 г. много выслано изъ Пермской и Оренб. губ., гдѣ въ это время существовали столь извѣстные башкирскіе бунты; а въ 1845 и слѣдующемъ крупныя цифры по преступленіямъ противъ порядка управленія—въ губ. Пермской и Оренб. между заводскими крестьянами. Выводовъ можно сдѣлать немного. Неповиновеніе всего сильнѣе выразилось въ губерніяхъ: Тамбовской (54 м., 16 ж.), Курской (54 м., 34 ж.), Тверской (52—13), Владимірской (42—11). Неповиновеніе и сопротивленіе законной власти оказали: въ Оренбург. (77 м.), Санктпетерб. (60 — 1), Пермск. (47 — 3), Смолен. (38 м.), Казанск. (35 — 1), Пензенской (31—1) и Владимірской (30 ж.). Возмущеніе обнаружилось очень сильно у заводскихъ (въ 20 лѣтъ 227 м., 4 ж.; въ Пермск., между военными поселянами въ Новгород. (186 м., 13 ж.), въ Таврической (115—5), Оренбургск. (93 м.), Херсон. (71), Спб. (62 — 1), Подол. (48), Волын. (40) и въ Воронѣ. (32). Крупные крестьянскіе бунты бывали явленіемъ періодическимъ, въ памяти народной смуты эти сохранились подъ общимъ именемъ «дубинщины».

---

*) Неповиновавшихся въ 20 лѣтъ 1,004; возмутившихся 2,411.

Крестьяне сильнѣе другихъ сказались также въ преступленіи, называемомъ членовредительствомъ, сдѣлавшимся равно-обязательнымъ для всѣхъ сословій подлежащихъ рекрутской повинности. Владѣльческіе крестьяне превосходятъ въ этомъ всѣ другія сословія снова въ силу того же обстоятельства, что назначеніе въ рекрута основано было на произволѣ владѣльцовъ, тогда-какъ для мѣщанъ и крестьянъ государственныхъ такое назначеніе подчинялось болѣе строгимъ законнымъ уставамъ *). Все число сосланныхъ за поврежденіе членовъ въ 20-ть лѣтъ равняется 854 человѣкамъ. Въ тѣхъ сословіяхъ, гдѣ оно вызывалось рекрутской повинностью, преступленіе не выразилось ни однимъ случаемъ ни въ служиломъ, ни въ вольномъ дворянствѣ, ни въ духовенствѣ и купеческомъ сословіи, ни въ шляхетствѣ, ни у военныхъ поселянъ, и только по одному случаю во всѣ 12 лѣтъ высказалось въ сословіи однодворцовъ и у казаковъ, отбывающихъ эту повинность по народному и политическому принципу. У крестьянъ же сказалось преступленіе съ бо́льшею очевидностью въ губерніяхъ: Рязанской (60), Симбирской (53), Тульской (47), Калужской, Орловской и Пензенской (по 41 ссыльн.).

Въ средѣ самихъ господъ, дворянъ служащихъ и неслужащихъ, и въ средѣ чиновниковъ, сильнѣе обнаружились преступленія по службѣ, побѣги за границу, лихоимство; при этомъ нѣкотрыя, какъ преступленія государственныя: возмущеніе и неповиновеніе законной власти, поддѣлка документовъ, отличаются наивысшимъ процентомъ сравнительно съ другими сословіями, а преступленія по службѣ составляютъ исключительную особенность крестьянскихъ владѣльцовъ, представителей привиллегированныхъ и счастливыхъ классовъ. По нѣкоторымъ родамъ, какъ, напримѣръ, по наклонности къ убійству

*) По числу преступниковъ за 12 лѣтъ въ такомъ порядкѣ: мѣщанъ 20 (въ этомъ числѣ евреевъ только 2); государственныхъ крестьянъ 108; помѣщичьихъ крестьянъ 419 мужч.; военныхъ 22 м.; дворовыхъ (за 9 лѣтъ) — 13 чел. Преимущественно же часто поврежденіе членовъ у заводскихъ и фабричныхъ крестьянъ. Временами появлялась отдѣльная графа сосланныхъ за подлоги въ отправленіи рекрутской повинности, но эта цифра малозначительна.

родителей—дворяне отличаются больше, и при этомъ у дворянокъ она сильнѣе не только всѣхъ женщинъ, но и мужчинъ всѣхъ сословій (исключая одного — нѣкогда дворянскаго, а теперь однодворческаго). Сосланные за изнасилованіе соперничаютъ процентомъ только съ военнымъ сословіемъ.. Если государственныя преступленія не особенно часты, то поддѣлка документовъ — самое частое преступленіе, наравнѣ съ преступленіями по службѣ. Послѣдній родъ, вмѣстѣ съ кляузничествомъ, сильнѣе высказался на сибирской цифрѣ у чиновниковъ. Для нихъ же имѣлись въ Тобольскихъ табеляхъ особыя графы: «похищеніе актовъ изъ присутственныхъ мѣстъ, составленіе подложныхъ грамотъ и указовъ, распространеніе вредныхъ слуховъ и составленіе пасквилей», но каждый видъ этихъ преступленій, по своей исключительности, давалъ по небольшому числу жертвъ, которыя потомъ сочли за нужное смѣшать въ общей цифрѣ преступленій по службѣ.

Останавливаясь на послѣднихъ, неразобранныхъ нами, преступленіяхъ, и на этотъ разъ собственно дворянскихъ, — мы видимъ между прочимъ, что за ябеды, доносы и лживые поступки сослано всего въ 20 лѣтъ 358 чел. (327 м., 31 ж.), за растрату казеннаго имущества 157 и за побѣги за границу 184 (174 м., 10 ж.) и за государственныя преступленія (по первымъ двумъ пунктамъ) 443 (439 м., 4 ж.). За побѣги за границу всего больше ушло изъ губерній пограничныхъ: Бессарабіи (39 м.), Волынской (29 м., 4 ж.), Виленской (17 м., 3 ж.), Оренбургской (15 м., 1 ж.), Подольской (14 м.). Ябедничествомъ и доносами всего больше отличается дворянство служащее, и участь этого обвиненія раздѣляетъ только съ мѣщанами. Наибольшее число за эти роды преступныхъ дѣйствій изъ губерній: Оренбургской (30 м., 1 ж.), Владимірской (19 м., 5 жен.), Тульской (16 м., 1 ж.), Казанской (16 м.), Пензенской (12 м., 3 ж.), Новгородской (11 м., 1 ж.), Тверской и Вятской (по 11-ти). Сравнительно слабое по отношенію ко всѣмъ другимъ родамъ преступленій, мало распространенное и безсильное для Россіи, оно является съ замѣчательно-серьознымъ значеніемъ для Сибири, какъ страны, которая съ самыхъ давныхъ временъ считается страною кляузъ и подъяческаго ябедничества, а со временъ Екатерины, какъ

извѣстно, находилась подъ запрещеніемъ и сильнымъ подозрѣніемъ, въ силу котораго нѣкоторое время не принимались отъ сибиряковъ просьбы. Безчисленныя, разнообразныя и самыя тяжолыя притѣсненія отъ тогдашнихъ властей, пользовавшихся удаленіемъ края отъ высшихъ властей: Пестели, Трескины, Кохи, Чичерины, Нѣмцовы, Нарышкины, Милекины и множество другихъ, имъ же имя легіонъ, выродили эту особенную черту въ сибирякахъ, какъ послѣдовательное явленіе отъ встрѣчи достатка съ одной стороны и алчности съ другой. Въ ссыльныхъ грамотныхъ приказныхъ Сибирь умѣла находить пособниковъ въ старыя времена, и не мало тяготится теперь сама отъ поселенія этихъ кляузниковъ преимущественно въ городахъ: какая-то непосѣдливая и неугомонная докучливость въ сношеніяхъ съ начальствомъ и съ людьми одинаковаго воспитанія, но свободными—является характерною чертою этихъ людей. Съ одной стороны, черта эта представляется сходною съ тою, которая извѣстна у потерянныхъ, испившихся московскихъ подъячихъ, пристающихъ къ прохожимъ за милостынею и нерѣдко вызывающихъ на обиду, чтобы получить срывку за безчестіе. Съ другой стороны, въ этой чертѣ характера видна та неумѣлость и неспособность примириться съ несчастіемъ, которая такъ сильна въ ссыльныхъ изъ простого люда. Въ несчастныхъ чиновникахъ ссылка умѣетъ обнажить недостатки воспитанія и отсутствіе прочныхъ честныхъ правилъ во всей ужасной наготѣ. Чиновники въ ссылкѣ дѣйствительно становятся несносными, безпокойными людьми и не возбуждаютъ никакого уваженія, не пользуются у туземцовъ ни малѣйшимъ сочувствіемъ. У горнаго начальства ссыльные изъ дворянъ далеко не всѣ пользовались благоволеніемъ, да и сами того не заслуживали. Близко-стоявшій къ нимъ и знавшій ихъ свидѣтельствуетъ, что худшіе изъ нихъ дѣлались ещо большими негодяями. Не пріученные воспитаніемъ ни къ какому труду, — всѣми способами старались они избавиться отъ работы: употребляли всевозможныя усилія попасть въ лакеи, въ разсыльные при канцеляріяхъ и при полиціи. Подлое угодничество являлось въ ихъ быту самою яркою чертою характера. Оставаясь въ средѣ простаковъ, эти люди подстрекали довѣрчивыхъ людей на разныя мерзости, обыгрывали въ карты и т. д. Они казались

или очень жалкими, или возбуждали къ себѣ презрѣніе. Доносы этихъ людей заставляли начальство не одинъ десятокъ разъ пристрожить содержаніемъ другихъ товарищей, ни въ чемъ неповинныхъ. Между тѣмъ съ ними старались поступать по возможности человѣколюбиво и обращались вообще хорошо. Ихъ почти никогда не посылали на работу и если не было особаго предписанія, то даже не содержали и въ тюрьмахъ, а помѣщали на гауптвахтахъ, позволяли заниматься обученіемъ дѣтей и разными ремеслами. Сосланные, хотя и за важныя преступленія, но не кладущія пятна на человѣческую честь — положительно не употреблялись ни въ какую чорную работу. Не измышляя никакой своей работы, ссыльные изъ чиновниковъ и дворянъ все время предавались безпредѣльному пьянству, обыкновенно одной изъ застарѣлыхъ привычекъ, одной изъ причинъ ихъ ссылки. Пьянство рѣдко не имѣло формы запоевъ и положительно всегда вело къ нервному разстройству, которое характеризовалось или неугомоннымъ безпокойствомъ и въ нерѣдкихъ случаяхъ покушеніями на самоубійство. Въ Тобольскомъ острогѣ, на пути въ Перчинскъ, въ какихъ нибудь три—пять недѣль отдыха, они успѣваютъ обнаружить самую богатую и разнообразную серію всевозможныхъ пороковъ; передъ ними чорный народъ — люди высокой нравственности. Порча послѣднихъ—сомнительна, испорченность первыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ Тобольскомъ острогѣ въ 1853 г. караульный офицеръ Путьковскій отпустилъ одного чиновника въ городъ и когда тотъ не во время вернулся въ замокъ—всыпалъ ему 300 ударовъ розгами; чиновникъ не жаловался, но когда дошло объ этомъ до начальства, то оно имѣло несчастіе узнать, что таковъ былъ взаимный уговоръ. Въ тѣхъ камерахъ, гдѣ сидѣли два товарища изъ ссыльныхъ чиновниковъ, ссоры и драки являются неизбѣжными, обыкновенными. Разсказами объ нихъ испещрена лѣтопись происшествій въ острогахъ и разбирательствомъ подобныхъ домашнихъ дѣлъ занята большая часть времени смотрителей. Хотя Сибирь не представляется теперь страною особенныхъ неурядицъ, вырождающихъ жалобы, но не такъ давно могла указать на такіе пункты, гдѣ ябедничество наиболѣе рѣзко выдавалось. Въ началѣ нынѣшнаго столѣтія славился этимъ Иркутскъ, но къ серединѣ столѣтія губернаторъ

Трескинъ ослабилъ страсть эту высылкою безпокойныхъ подъячихъ въ Якутскъ. За то съ 40-хъ годовъ, и едва-ли не до сего дня, стала рѣзко бросаться въ глаза эта городская и чиновничья страсть въ этомъ городѣ. Здѣсь эта страсть къ ябедамъ и жалобамъ съумѣла перейти отъ сосланныхъ къ русскимъ туземцамъ и заразить даже якутовъ. Хитрый, коварный, мстительный, но даровитый и переимчивый народъ якутскій сталъ, отъ благопріобрѣтенныхъ наслѣдствъ, докучливымъ въ ябедахъ и кляузахъ до крайней степени невозможности. То же явленіе заразы, вызванное тѣми же самыми причинами, сильно обнаружилось и въ Тобольскѣ, такъ что за Сибирью, въ сравненіи съ ея метрополіей, ябедничество и кляузничество остаются какъ одинъ изъ характерныхъ чертъ, проявляются и теперь примѣтно-чаще и значительно-рѣзче. Это даже какъ будто родъ какой-то болѣзни.

ГЛАВА XI.

ОБЩІЕ ВЫВОДЫ.

Валовое число ссыльныхъ.—Распредѣленіе ихъ по родамъ ссылки, по сословіямъ, по поламъ, по возрастамъ. — Наиболѣе преступныя сословія. — Слабая преступность крестьянъ владѣльческихъ.—Распредѣленіе ссыльныхъ по наиболѣе обобщоннымъ категоріямъ преступленій.—Роды преступленій сильнѣе господствующія въ сословіяхъ. — Преступность инородцовъ населяющихъ Россію: татары, киргизы, калмыки, башкиры и инородцы финскаго племени.—Преступленія евреевъ и евреекъ.—Безгрѣховность мусульманокъ. — Преступленія нѣмцовъ и вообще лютеранъ.—Католики.—Православные.

Постараемся подвести къ предъидущимъ наблюденіямъ слѣдующіе краткіе и заключительные итоги.

Въ теченіи тридцати восьми лѣтъ (съ 1823 по 1861) въ Сибирь изъ Россіи ушло всего обоего пола лицъ 289,514, сосланныхъ по судебнымъ приговорамъ и административнымъ порядкомъ, не считая пришедшихъ по волѣ женъ и дѣтей. Послѣднихъ (за мужьями женъ и дѣтей и за матерями дѣтей) за все это время ушло въ Сибирь 23,764 лица обоего пола. Въ этомъ числѣ сослано въ каторжныя работы 39,601 мущ. и 4,330 женщ. и на поселеніе: 207,604 мущ. и 37,979 женщ. Принимая въ соображеніе однихъ ссыльныхъ мы увидимъ, что ежегодно среднимъ числомъ ссылалось по 7618 человѣкъ; распредѣляя же ссылку *по обоимъ способамъ ея*, ясно опредѣляется то обстоятельство, что число сосланныхъ по суду уступаетъ числу сосланныхъ административнымъ порядкомъ; при чемъ волѣ помѣщиковъ принадлежитъ наиболѣе видное мѣсто.

Главную массу ссыльныхъ *по абсолютному количеству* составляютъ бродяги и бѣглые (т. е. бѣжавшіе съ каторги, мѣстъ поселенія, отъ военной службы, отъ помѣщичьей власти) и выключенные за неспособностію изъ крѣпостныхъ работъ и арестантскихъ ротъ. За ними слѣдуютъ владѣльческіе крестьяне съ дворовыми людьми; затѣмъ государственные, удѣльные и другіе казенные крестьяне; потомъ нижніе воинскіе чины всѣхъ вѣдомствъ; мѣщане; отставные и неслужащіе; духовные: духовенства бѣлаго и монахи, дворяне обоихъ видовъ службы (военной и гражданской); шляхтичи и именовавшіе себя таковыми; купцы; люди всѣхъ другихъ свободныхъ состояній и — наконецъ иностранцы.

Для доказательства возьмемъ общую сложность 19-ти извѣстныхъ намъ лѣтъ съ 1838 по 1848 и съ 1852 по 1861:

	мущинъ.	женщинъ.
Изъ бродягъ и бѣгыхъ	29,333	6181
» выключенныхъ за неспособностію изъ крѣпостныхъ работъ и арестантскихъ ротъ	19,203	1594
» владѣльческихъ крестьянъ и дворовыхъ людей	18,320	5017
» государственныхъ, удѣльныхъ и вообще казенныхъ крестьянъ	16,582	3406
» нижнихъ воинскихъ чиновъ всѣхъ вѣдомствъ (унтеръ-офицеровъ, солдатъ, казаковъ, военныхъ поселянъ) . . .	5,214	877
» мѣщанъ	3,679	559
» отставныхъ и неслужащихъ . . .	784	108
» духовенства бѣлаго и монаховъ . .	523	35
» дворянъ военной и гражданской службы	383	—
» шляхтичей и именовавшихся таковыми	187	56
» людей свободныхъ состояній . . .	167	48
» купцовъ	151	8
» иностранцовъ	89	5

Распредѣляя ссыльныхъ *по поламъ*, мы увидимъ, что все число мущинъ ровняется за всѣ извѣстныя намъ 38 лѣтъ 247,205, а чи-

сло женщинъ 42,309, т. е. въ массѣ ссыльныхъ женщины составляютъ около шестой части сосланныхъ мущинъ. Женщины по наклонности къ различнымъ видамъ преступныхъ дѣяній, опредѣляемой сравнительнымъ процентнымъ отношеніемъ, являются впереди мущинъ по убійству дѣтей и по плотскимъ преступленіямъ. Первое — почти исключительно женское преступленіе. Убійство мужей представляетъ также особенно-опредѣлившуюся наклонность въ женской половинѣ ссыльнаго люда, наравнѣ съ поджогами. Послѣдніе точно также слѣдуетъ считать преимущественно женскимъ преступленіемъ. При слабой виновности въ убійствахъ вообще и въ остальныхъ преступленіяхъ, собственно мужскихъ, преступность женщинъ становится видиѣе между убійцами помѣщиковъ и родственниковъ при извѣстной облегченности сношеній и поводовъ и въ виду значительно стѣсненной общественной дѣятельности и при перевѣсѣ исключительно замкнутой домашней и семейной жизни. По тому-то виновность женщины и сильнѣе въ преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ, чѣмъ общественныхъ.

Разсматривая преступленія *по возрастамъ*, мы замѣчаемъ, что наибольшая преступность развита въ возрастъ наиболѣе ранній. Большая часть тяжкихъ преступленій совершается до 40 лѣтъ; при чемъ ранніе возрасты (отъ 10 до 15 лѣтъ) выясняются для мальчиковъ въ поджогахъ (въ 20 лѣтъ 77 человѣкъ), святотатствѣ (29), въ убійствѣ постороннихъ (19), въ участіи въ убійствѣ помѣщиковъ (6), въ изнасилованіи (4). Для дѣвочекъ преступность въ 20 лѣтъ высказывается въ поджогахъ же (54 чел.), въ убійствѣ посторонихъ (5), въ участіи по убійству помѣщиковъ (4). Затѣмъ уже преступность этого возраста ни въ чемъ не проявляется. Съ16-ти лѣтъ для обоихъ половъ преступность становится одинаково присущею по всѣмъ видамъ своимъ и одинаково достигаетъ наибольшей абсолютной цифры, какъ для мущинъ, такъ и для женщинъ въ возрастъ отъ 20 до 30 лѣтъ. Свыше 60-ти лѣтъ преступныя наклонности мущинъ слишкомъ въ 9 разъ сильнѣе таковыхъ же у женщинъ, но за то раннiй женскій возрастъ (до 20 лѣтъ)—пора несдержанныхъ инстинктовъ, не установившагося развитія умственнаго въ противоположность старческому отличается наклонностями къ наиболѣе тяж-

кимъ преступленіямъ. Поджоги составляютъ принадлежность этой женской поры развитія. Убійство мужей чаще въ возрастъ *свыше* 30 лѣтъ; убійство дѣтей въ возрастъ *раньше* 30 лѣтъ. До 30-же лѣтъ женщины чаще ссылались за кровосмѣшеніе, чѣмъ мущины, тогда какъ это же преступленіе сильнѣе возрастаетъ для мущинъ съ годами (за 40 лѣтъ) и не ослабѣваетъ въ старческій возрастъ (свыше 60-ти). Старики за 60 лѣтъ наиболѣе виновны въ воровствѣ, какъ одномъ изъ видовъ стяжанія, столь приличнаго старческому возрасту и въ ереси и расколѣ, т. е. когда избытокъ и крѣпость личнаго убѣжденія требовали выходу на убѣжденія другихъ т. е. совращеніе. Люди отъ 50 до 60 лѣтъ по преимуществу ссылались за лихоимство. Возмущенія противъ властей производились усиленнѣе также въ возрастъ отъ 50 до 60 лѣтъ, тогда какъ возмущенія дворовыхъ людей противъ помѣщиковъ одинаково часты и до 40, какъ и въ лѣта послѣ 50-ти. Разбои и грабежи, не посильные для стариковъ, сильнѣе въ возрастѣ до 40 лѣтъ и въ возрастъ отъ 40 до 50 въ особенности. У женщинъ во всѣ возрасты самое частое преступленіе—убійство; въ лучшую пору цвѣтущаго возраста—грабежи, святотатство и поджоги (грабежи до 20 лѣтъ—самое рѣдкое). Общая наклонность къ преступленіямъ у мущинъ примѣтнѣе ослабѣваетъ послѣ 40 лѣтъ; у женщинъ послѣ 30-ти.

Представляя далѣе таблицу преступленій *по сословіямъ*, т. е. по тому общественному положенію, которое занимали ссыльные на родинѣ, мы останавливаемся на любопытныхъ выводахъ по поводу рабочихъ классовъ, т. е. крестьянскаго земледѣльческаго сословія. Не смотря на значительной перевѣсъ ихъ надъ другими свободными сословіями по абсолютной цифрѣ сосланныхъ въ Сибирь, — по процентнымъ отношеніямъ явленіе это представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Въ виду того, что самая большая часть тяжкихъ (уголовныхъ) преступленій, по пропорціи, оказывается въ высшихъ сословіяхъ (всего болѣе въ духовенствѣ, затѣмъ въ военномъ сословіи и наконецъ у дворянъ), — владѣльческимъ крестьянамъ принадлежитъ четвертое мѣсто, а государственнымъ—шестое (купечеству—пятое, мѣщанамъ — седьмое). Духовенству принадлежитъ высшее мѣсто по

обилію святотатцовъ, военному сословію по наклонности къ убійствамъ и грабежамъ; дворянамъ—по числу сосланныхъ за поддѣлку документовъ и государственныя преступленія. За крестьянами остается крупная виновность по убійствамъ (за государственными убійства родныхъ и убійства супруговъ), по самоубійствамъ (у владѣльческихъ и дворовыхъ), по преступленіямъ противъ власти (за дворянствомъ немедленно слѣдуютъ господскіе крестьяне), по возмущеніямъ (у крестьянъ владѣльческихъ), по поврежденію членовъ (у владѣльческихъ), по корчемству виномъ (у владѣльческихъ), по воровству, какъ самой обыкновенной причинѣ ссылки всѣхъ сословій, за исключеніемъ военнаго и духовнаго; и по виновности въ дурномъ поведеніи. Крестьяне, сосланные административнымъ порядкомъ составляютъ въ массѣ всѣхъ наказанныхъ: государственные $^1/_7$ часть, владѣльческіе почти $^1/_4$, дворовые почти $^1/_3$. Изъ сосланныхъ за преступленія противъ собственности,—крестьяне ссылались всего болѣе за грабежи; за грабежами слѣдуютъ поджоги, затѣмъ корчемство, святотатство и поддѣлка ассигнацій. При этомъ замѣчается, что вѣроятность ссылки сильнѣе въ крестьянскомъ сословіи для фабричныхъ и заводскихъ. Послѣдніе въ значительной степени принимаютъ на себя виновность въ убійствахъ чужихъ, родныхъ и въ убійствахъ супруговъ. Большую часть покушеній на самоубійство снимаютъ съ крестьянъ на себя дворовые; грабежи и разбои — заводскіе съ фабричными; поджоги — дворовые; въ фальшивыхъ монетчикахъ почти исключительно являются крестьяне, приписанные къ фабрикамъ и занятые на заводахъ (въ особенности уральскихъ). Возмущеніе и неповиновеніе нѣсколько чаще заявляютъ дворовые и крестьяне заводскіе, чѣмъ прикрѣпленные къ землѣ и занятые исключительно земледѣліемъ. Земледѣльцы крѣпостные уступаютъ въ воровствѣ преимущество также дворовымъ и еще однодворцамъ и военнымъ поселянамъ. Членовредительство также сильнѣе развито у заводскихъ и фабричныхъ; они же чаще содержатъ притоны для бродягъ и бѣглыхъ, и въ свою очередь дѣлаются бродягами и бѣглыми. За дурное поведеніе сослано, по процентному отношенію, опять-таки наиболѣе дворовыхъ и заводскихъ съ фабричными, чѣмъ крестьянъ-земледѣльцовъ. Послѣдніе такимъ образомъ, при всѣхъ невыгодныхъ условіяхъ общественнаго положенія и быта,

представляются наиболѣе свободными отъ упрека въ преступныхъ наклонностяхъ. Господскіе крестьяне становятся наиболѣе испорченными и преступными только лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они искуственнымъ и насильственнымъ образомъ отрываются отъ земли и превращаются либо въ дворовыхъ, либо когда безземельными пролетаріями становятся къ фабричнымъ станамъ и машинамъ, къ заводскимъ печамъ и горнамъ. Государственнымъ крестьянамъ крестьяне владѣльческіе уступаютъ въ преступности убійствъ и грабежей, дворовымъ же людямъ въ общей наклонности ко всѣмъ преступленіямъ, даже въ дурномъ поведеніи, въ возмущеніяхъ, въ поддѣлкѣ документовъ и въ воровствѣ. Въ тѣсной рамкѣ деревенскихъ и семейныхъ отношеній, въ сосредоточенности трудоваго земледѣльческаго быта, внѣ соблазновъ городомъ, владѣльческій крестьянинъ уцѣлѣлъ въ замѣтной безгрѣховности. Обременяемый налогами и тяжестью искуственныхъ и произвольныхъ формъ быта, онъ иногда выражаетъ себя местью, сопротивленіемъ, но чаще отдѣлывается мирною формою побѣга и затѣмъ бродяжества. Его ловятъ на поджогахъ чаще, чѣмъ кого либо изъ лицъ другихъ сословій, и на крайній случай ловятъ съ фальшивымъ паспортомъ уже въ далекѣ отъ обогрѣтаго и насиженнаго имъ мѣста, въ видѣ бродяги, который при этомъ не умѣетъ еще такъ искусно скрывать свое происхожденіе, какъ дѣлаютъ это напр. мѣщане и въ особенности дезертиры-солдаты и дворовые люди. Нѣсколько сильнѣе лишь обнаруживается преступная наклонность въ женской половинѣ владѣльческихъ крестьянъ, чѣмъ въ крестьянкахъ государственныхъ, да поврежденіе членовъ—одно изъ наиболѣе мелкихъ преступленій — у владѣльческихъ крестьянъ являлось на выручку и помощь при встрѣчѣ и борьбѣ съ однимъ изъ непріятелей тамъ, гдѣ у воина не доставало ни умственнаго развитія, ни достаточной воли, ни силы характера, какъ это наичаще случалось при отбываніи рекрутской повинности, при исполненіи полнаго числа тяжолыхъ урочныхъ работъ, и проч. *).

*) Членовредительство болѣе раннія Тобольскія табели умѣли отчасти освѣщать тѣмъ, что выдѣляли въ особую графу сосланныхъ за подлоги въ отправленіи рекрутской повинности. Цифра эта однако слаба: въ 10 лѣтъ сослано всего трое.

Въ наибольшой степени крестьяне всѣхъ родовъ и наименованій являются виновными въ преступленіяхъ, направленныхъ противъ собственности частныхъ лицъ; гораздо слабѣе въ преступленіяхъ противъ жизни, здравія, свободы и чести частныхъ лицъ, и въ наименьшой степени въ преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ и противъ общественнаго благоустройства и благочинія *).

*) Общее число ссыльныхъ всѣхъ сословій распредѣлилось по этимъ наиболѣе обобщеннымъ категоріямъ въ теченіи 12 лѣтъ (съ 1833 по 1845) слѣдующимъ образомъ:

По уголовнымъ дѣламъ:

1) За преступленія противъ правъ собственности . .	24,225 м.	3,901 ж.
2) » » безопасности жизни . .	6,555 »	1,860 »
3) » » уставовъ казеннаго управленія и благоустройства.	3,639 »	415 »
4) За преступленія противъ правительства	2,031 »	40 »
5) » » правъ общественнаго состоянія	1,491 »	417 »
6) За преступленія противъ вѣры	925 »	126 »
7) » въ противозаконномъ удовлетвореніи страстей	358 »	58 »
8) За преступленія по первымъ двумъ пунктамъ . .	332 »	3 »
9) » ябеды и лживые доносы	189 »	19 »
10) » преступленія по службѣ гражд. и общест. . .	115 »	— »
11) » противъ правъ семейственныхъ .	61 »	77 »
Итого по всѣмъ видамъ уголовныхъ преступл. .	39,921 м.	6,912 ж.
А всего мущинъ и женщинъ .	46,833.	

Кромѣ того, за тѣже 12 лѣтъ, сослано въ Сибирь:

А. За бродяжество	20,827 м.	5,934 ж.; всего	26,721
Б. Ссыльныхъ бѣжавшихъ изъ Сибири и вновь въ нее возвращеныхъ . . .	12,307 »	345 » »	12,652
В. Крѣпостныхъ людей, присланныхъ за дурное поведеніе, вслѣдствіе просьбъ помѣщиковъ и владѣльцовъ. . . .	2,673 »	1,939 » »	4,612
Г. За буйство и развратное поведеніе .	2,369 »	475 » »	2,844
Д. Выключенныхъ за неспособностію изъ крѣпостной работы и арестантскихъ ротъ	2,658 »	55 » »	2,713
Е. Удаленныхъ на житье по распоряженію правительства или сосланныхъ по приговорамъ мірскихъ обществъ за дурное поведеніе	1,215 »	179 » »	1,394
Итого . .	42,049 м.	8,927 ж.; всего	50,976
Вообще . .	81,970 м.	15,839 ж.; всего	97,809.

Таблица преступленій, господствующихъ въ сословіяхъ.

(По расчоту 1 на 100 сосланныхъ) *).

Дворянство:

Государственныя преступленія—$^2/_3$ всего числа сосланныхъ ($9^0/_0$ на 100 всѣхъ сосланныхъ: $13^0/_0$ служащихъ по военному вѣдомству, $3^0/_0$ по гражд. вѣд.).

Преступленія служебныя — остальная треть сосланныхъ ($3^0/_0$ на сто).

Поддѣлка документовъ: у чиновниковъ $23^1/_2{}^0/_0$, у служащихъ военныхъ $17^0/_0$, у отставныхъ $14^0/_0$ (у духовенства $7^0/_0$, у мѣщанъ $3^3/_4{}^0/_0$, у владѣльч. крест. $3^1/_2{}^0/_0$, у купцовъ $3^1/_2{}^0/_0$, у дворовыхъ $3^1/_4{}^0/_0$, у однодворцовъ около $3^0/_0$, у казаковъ и солдатъ около $2^0/_0$).

Оскорбленіе родителей: дворяне служащіе въ гражд. службѣ $1^0/_0$; дворяне не служащіе 0,53 (купечество 0,72, казаки 0,21, мѣщане 0,12).

Кляузничество (ябеды): дворяне служ. по гражд. вѣдом. $4^1/_2{}^0/_0$, неслужащіе $1^1/_2{}^0/_0$, (военные $0^0/_0$, мѣщане 0,75, купечество 0,72, государственные крестьяне 0,27, помѣщ. крестьяне 0,21, дворовые 0,18, духов. 0,16, казаки 0,11, солдаты 0,10, однодворцы 0,08).

Мздоимство и лихоимство 0,28 (купечество 0,4).

Духовенство:

Святотатство: $34^0/_0$ на сто сосланныхъ (солдаты $3^0/_0$, купцы около $3^0/_0$, дворяне, неслужащіе и отставные, около $2^1/_2{}^0/_0$, мѣщане около $2^0/_0$, казаки $1,81{}^0/_0$, дворяне служащіе около $1^1/_2{}^0/_0$.

---

*) Таблица эта составлена по вычисленіямъ г. Анучина въ его изслѣдованіяхъ о процентѣ ссылаемыхъ въ Сибирь.

Дурное (соблазнительное) поведеніе: 91% (у владѣльч. крестьянъ 24½%, т. е. заводс. и фабричн., у мѣщанъ 15%, у государственныхъ крестьянъ около 15%, у купцовъ 5%, у военнаго сословія 3½%, у дворянъ около 3%).

Мѣщане:

Воровство около 58%, за исключеніемъ однодворцовъ (63%), (купечество 53%, дворяне 49%, государственные крестьяне около 47%, казаки 44%, дворовые 39%, владѣльческіе крестьяне 38%, дворяне неслужащіе и отставные 36%, духовенство 27%, солдаты 21%, дворяне служащіе 18%).

Контрабанда 0,61%, (казаки 0,53, государственные крест. 0,47%, владѣльч. кр. 0,11%).

Купечество:

Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій и монетъ 6½%: у солдатъ около 4%, у дворянъ служащихъ по военному вѣдомству 2½%; у мѣщанъ 1,76%, у казаковъ 1¼%, у дворянъ неслужащихъ и отставныхъ, и у дворянъ, служащихъ по гражданскому вѣдомству 1%, у духовенства около 1%, у государственныхъ крестьянъ нѣсколько менѣе, у владѣльческихъ, у однодворцовъ, у дворовыхъ почти равная степень наклонности.

Преступленія религіозныя 2¼% (у однодворцовъ почти 1½%, у духовенства 1¼%).

Пристанодержательство 2¼% (солдаты 1½%, гражд. чиновники 1½%, однодворцы около 1½%, крестьяне госуд. 1¼%, духовные 1¼). Военные поселяне завинялись наименьше, затѣмъ изъ крестьянъ—заводскіе и фабричные.

Военное сословіе.

Смертоубійство всѣхъ видовъ: у солдатъ слишкомъ 22%, у казаковъ около 21%, у дворянъ, служащихъ по военному вѣ-

домству 16% (у государственныхъ крестьянъ 15½%, у владѣльческихъ 13¼%, у дворянъ неслужащихъ 11¾%, у купечества 11½%, у дворовыхъ 11¼%, у однодворцовъ 11%, у духовенства 10¼%, у чиновниковъ гражданскихъ 7¼%). Дѣтоубійство (высшій процентъ) у солдатокъ. Убійство мужей у заводскихъ и фабричныхъ, затѣмъ у однодворцовъ, дворянъ и военныхъ поселянъ. По убійству родственниковъ у дворянъ процентъ наивысшій. Убійство родныхъ—у фабричныхъ съ заводскими.

Грабежъ: у казаковъ 10¼%, у солдатъ около 9%, у дворянъ, служащихъ по военному вѣдомству, около 11¼%, (у купцовъ около 6%, у государ. крест. 5¼%, у однодворцовъ около 5%, у мѣщанъ 4¼%, у владѣльческихъ крест. 3½%, у дворянъ неслужащихъ около 2%, у дворовыхъ 1½%, у духовенства около 1½%).

Побѣги и бродяжество: у солдатъ 15½%, у казаковъ 2½% (у владѣльч. крест., фабрич. и завод., около 2½%, у мѣщанъ 2¼%, у государст. крест. 1½%, у дворовыхъ около 1½%, у духовенства болѣе 1¼%, у дворянъ военныхъ нѣсколько болѣе 1¼%, у однодворцовъ почти 1%).

Поджоги: дворяне военной службы около 5%, солдаты 2¼%, казаки 2¼%, (дворовые 3%, владѣльч. крест. около 3%, купцы 2¼%, госуд. крест. 2¼%, однодворцы 1½%, мѣщане 1¼%, дворяне неслужащіе 1%).

Плотскія преступленія: дворяне военныхъ чиновъ 3¾%, казаки 2¾%, солдаты 1¾% (граждан. чинов. 1½%, государственные крестьяне 1¼%). Изнасилованіе въ военномъ сословіи имѣетъ высшій %.

Кража золота: солдаты 0,31 (помѣщич. крест. 0,25, государст. 0,23, дворовые 0,18).

Дворовые.

Возмущеніе и неповиновеніе: 5½% (чиновники гражд. около 4%, владѣльч. крест. 3¾%, солдаты 3¼%, государ. крест. 3%, купцы 2¼%, мѣщане около 1%).

Самоубійство: 0,48. За дворовыми и помѣщ. кр., солдаты; затѣмъ казаки, государст. крестьяне и мѣщане.

Помѣщичьи крестьяне:

Поврежденіе членовъ (членовредительство) $1^{3}/_{4}{}^{0}/_{0}$ (преимущественно у заводскихъ, фабричныхъ, и пахатныхъ съ намѣреніемъ избѣжать военной службы).

Корчемство виномъ: $2^{0}/_{0}$ (государств. крестьяне $1^{3}/_{4}{}^{0}/_{0}$ и однодворцы $1^{1}/_{2}{}^{0}/_{0}$; *корчемство солью* столь ничтожно характеризуется ссылкой, что въ 20 лѣтъ напр. является сосланныхъ только 5 человѣкъ).

Тобольскія табели нѣкоторое время слѣдовали похвальному обычаю разграниченія различныхъ родовъ наименованій и видовъ экономическаго положенія крестьянскаго сословія. Отдѣлялись крестьяне удѣльные отъ государственныхъ, въ составъ которыхъ входили сначала и экономическіе (бывшіе монастырскіе) и вольные хлѣбопашцы (послѣдніе въ нѣкоторыхъ табеляхъ значились подъ общимъ именемъ свободныхъ сословій), и вошли потомъ заводскіе крестьяне. Не отдѣлены были войсковые обитатели, пахатные солдаты военныхъ поселеній, какъ въ свою очередь перестали табели выдѣлять отъ владѣльческихъ крестьянъ людей дворовыхъ. Мы имѣемъ возможность представить въ абсолютныхъ цифрахъ слѣдующую таблицу за девять лѣтъ съ 1838 по 1846:

КРЕСТЬЯНЕ.	1838		1839		1840		1841		1842		1843		1844		1845		1846	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Государств.	830	77	652	43	447	64	135	5	512	26	1033	131	1356	218	1238	188	1027	159
Удѣльные. .	904	176	985	175	1526	217	842	191	433	19	874	332	160	92	155	66	167	62
Помѣщичьи.	1174	388	1475	245	1001	430	1401	437	935	147	1713	447	1640	503	1611	502	1475	453

Разсматривая преступленія по отношенію къ населяющимъ Россію инородцамъ мы увидимъ, что татары и евреи (мѣщане) даютъ

бо́льшую цифру сколько по сравнительной количественности своей, столько же и по многимъ племеннымъ условіямъ. Татаринъ и еврей, если вообще не на хорошомъ счету у русскаго народа, то во всякомъ случаѣ наблюденія убѣждаютъ въ томъ, что на татаръ по преимуществу падаютъ преступленія самыя тяжкія, каковы смертоубійства, грабежи и разбои; на евреевъ менѣе тяжкія, каковы преступленія противъ собственности.

Татаринъ — по народной примѣтѣ и пословичному выраженію — либо насквозъ хорошъ, либо насквозъ мошенникъ. Въ послѣднемъ случаѣ убійства ихъ отличаются большою жестокостію, разбои—большою ловкостію и отчаянностью, грабежи—крайной дерзостію и изворотливостію. Воровство у татаръ сравнительно рѣдко, и оно въ большой части направлено на тотъ пунктъ, на которомъ у нихъ только два соперника цыганъ и башкиръ: это конокрадство. Такъ напр. за воровство въ періодъ 6-ти лѣтъ сослано татаръ всего только 20; за то убійствъ сдѣлано 42, грабежей произведено 51, разбоевъ 9 (80 мущинъ и 3 женщины сосланы въ это же время за такъ-называемое развратное поведеніе). Татаринъ часто бѣжитъ отъ службы, бродяжничаетъ, не смотря на незнаніе русской грамоты и письменности не прочь составить фальшивой видъ, поддѣлать монету; онъ вообще не дурной хлѣбосолъ, а потому не ускользнулъ и изъ ссыльныхъ—пристанодержателей. Татары охотнѣе укрываютъ бѣглыхъ, чѣмъ какіе либо другіе инородцы, исключая можетъ быть однихъ только тептярей. Татары примѣтно ослабляютъ, своимъ участіемъ и вмѣшательствомъ, общія цифры дѣтоубійцъ, кровосмѣсителей, отцеубійцъ, святотатцовъ. Въ средѣ братоубійцъ у нихъ только одни соперники — башкиры. Рѣзко выдается въ татарскомъ населеніи наклонность къ членовредительству, какъ опредѣленное стремленіе къ избѣжанію отъ военной службы по рекрутской очереди. Татары же вмѣстѣ съ башкирами чаще многихъ другихъ успѣваютъ убѣгать изъ-подъ стражи, не выдерживая пытки неволи. Ихъ превосходятъ въ такихъ дѣлахъ и поползновеніяхъ одни лишь Кавказскіе горцы.

Какъ будто еще до сихъ поръ живутъ, сильно дѣйствуютъ и долго не изсякнутъ въ природныхъ свойствахъ всѣхъ многочисленныхъ осколковъ монгольскихъ племенъ, —свойства, воспитанныя дикою жиз-

нію азіатскихъ степей и горъ, и широкимъ просторомъ для воли въ глуши лѣсныхъ и степныхъ губерній восточной Россіи. Здѣсь ещо много въ народѣ тѣхъ элементовъ, которые родятся въ степи и воспитываются ею, оправдываются въ понятіяхъ и законахъ номадовъ. Элементы эти, выдвинутые на видъ и поставленные на судъ осѣдлого народа, оказались проявленіями дикой и необузданной воли, преступленіями. Баранта оказывается самымъ нахальнымъ и отчаяннымъ грабежомъ и разбоемъ съ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ смертоубійствъ; упорное отстаиваніе степной воли является также преступленіемъ и называется «возмущеніемъ противъ закономъ установленныхъ властей»; народное удальство, степное молодечество обзываются разбоемъ или грабежомъ и получали оцѣнку на торговыхъ площадяхъ подъ ударами сначала кнута, потомъ плетей и палокъ. Вотъ почему безпокойная неуживчивость съ порядками господствующаго народа, неуспѣвшая выразиться открытымъ недовольствомъ, но достаточно надоѣвшая начальствамъ, по преимуществу ведетъ инородцовъ въ ссылку подъ темнымъ именемъ ссыльныхъ «за развратное поведеніе». Калмыки, киргизы, черкесы, чеченцы, лезгины, куртины преимущественно попадаются въ ссылкѣ подъ названіемъ возмутившихся противъ закономъ установленныхъ властей, за грабежи и убійства исключительно. Вотъ почему ногайцы, наиболѣе другихъ сохранившіе свойства степныхъ кочевниковъ, хотя и рѣдко появляются въ спискахъ ссыльныхъ, но всегда идутъ за грабежъ. Грузины идутъ за убійства, за вспышки своего горячаго южнаго темперамента. Онъ же уводитъ въ изгнаніе и башкиръ весьма часто за тѣже убійства и грабежи. Чуваши, вотяки, мордва, черемисы—флегматики по темпераменту, не умѣвшіе племенное недовольство доводить до открытыхъ бунтовъ и вооруженныхъ возстаній, и ограничившіеся лишь ропотомъ, завиняются въ такъ называемомъ развратномъ поведеніи, которое, по тягучести значенія своего, совсѣмъ неопредѣленнаго этою рубрикою таблицъ приказа, вмѣщаетъ въ себѣ: и вольныя и невольныя противоборства закону, и неумѣнье примириться съ русскими законоположеніями, и неспособность подчиняться мѣстнымъ административнымъ распоряженіямъ, и прочее, тому подобное. Все это на темпераментѣ монгольскихъ

племенъ, разжигаемомъ фанатическимъ ученіемъ корана, выразилось открытыми возстаніями у киргизъ и башкиръ, какъ у кавказскихъ горцовъ убійствами гяуровъ. Разсматриваемые нами года представляютъ одинъ изъ самыхъ безпокойныхъ элементовъ въ племени башкиръ, туго привыкавшихъ къ законамъ государственной организаціи, въ прошломъ столѣтіи принимавшихъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ народныхъ волненіяхъ по Волгѣ и за Волгой, въ нынѣшномъ затѣвавшихъ бунты въ доказательство своей неуживчивости и своего недовольства русскими порядками. Теперь они огражданились. На смѣну ихъ выступилъ очередной вопросъ колонизующаго начала надъ степными киргизами, которые, въ свою очередь въ наши дни, успѣли дать немалое количество національныхъ консерваторовъ, угодившихъ въ ссылку. Въ шесть только лѣтъ башкиръ за возмущеніе противъ властей выслано 77 мущ. и 4 женщ.

За тоже число лѣтъ сосланныхъ за возмущеніе дали: 41 калмыки, 11 чел. киргизы, 10 черкесы.

Смертоубійствъ учинено: 42 башкирами, 7 черкесами, 8 киргизами.

Грабежей надѣлано: 11 башкирами, 10 черкесами.

За воровство-кражу сослано: киргизъ 12, башкиръ 20.

За развратное поведеніе башкиръ сослано болѣе всѣхъ инородцовъ — именно въ 6 лѣтъ 77 мущ. и 4 женщ. (въ этомъ числѣ 5 тептярей).

Татары при своей абсолютной многочисленности (по сравненію со всѣми другими инородческими племенами) даютъ опредѣленіе себя въ слѣдующей таблицѣ:

За развратное поведеніе	80 мущ.	3 женщ.
» воровство	191 »	5 »
» смертоубійство	55 »	3 »
» грабежъ	46 »	5 »
(въ томъ числѣ 2 ногайца)		
» пристанодержательство	9 »	» »
» разбой	9 »	» »
» поджоги	3 »	1 »

При этомъ на инородцахъ монгольской расы лежатъ упрекомъ, столь тяжкія и рѣдкія преступленія, какъ отцеубійство, братоубійство. Кровосмѣшеніемъ они также выдаются изъ ряда.

Нельзя не замѣтить, что въ женской половинѣ мусульманскаго населенія Россіи преступная наклонность несравненно слабѣе всѣхъ женщинъ другихъ господствующихъ исповѣданій. Степные обычаи успѣли такъ уединить женщину отъ общественной жизни, а коранъ такъ закрѣпилъ ее у домашняго очага и въ затворѣ, что она можетъ грѣшить передъ закономъ лишь хлѣбосольствомъ, т. е. пристанодержательствомъ, но едва ли и здѣсь не та же апатія, не тоже тупое равнодушіе, какъ слѣдствіе примѣчательной неразвитости. Продажная вещь, рожавшая героевъ, сама никогда во всѣ вѣка не доростала до героини, не имѣла средствъ и случаевъ выразиться какимъ либо сильнымъ рельефнымъ порывомъ, хотя бы даже и на какое-нибудь преступное дѣяніе.

Женщина у евреевъ, умѣвшая выбиться изъ затвора и завоевать своими дарованіями право на участіе во всѣхъ хлопотливыхъ и меркантильныхъ дѣлахъ мужа, представляетъ собою болѣе видное явленіе. Рѣзкой границы между мужемъ и женой въ еврейскомъ племени не существуетъ. Скажемъ больше. Еврейка во всѣхъ дѣлахъ продажи и купли, гдѣ не требуется хлопотливой, нервозной дѣятельности факторства и непосѣдливой бѣготни, въ лавочной и домовой торговлѣ съ достоинствомъ занимаетъ мѣсто мущины, и ещо не рѣшено чьи способности опредѣленнѣе и сильнѣе: хлопотливаго ли, вѣчно бѣгающаго мужа, или сидящей за прилавкомъ жены. Вотъ почему еврейка является уже съ болѣе крупною наклонностію къ преступности, чѣмъ мусульманка, хотя и рѣже женщинъ всѣхъ другихъ исповѣданій. Воровство представляется одною изъ крупныхъ причинъ къ преступленію, за которую являются еврейскія женщины въ ссылку; затѣмъ уже стоитъ ихъ соучастіе въ различныхъ преступныхъ поползновеніяхъ мужей *).

*) По особенному складу еврейской жизни, деспотически руководимой талмудомъ, у евреекъ наклонность къ смертоубійству, довольно распространенному повсюду преступленію, на столько слаба, что не можетъ даже

Евреи и сибирскими цифрами, столько же какъ и общественнымъ мнѣніемъ, заявляются исключительно и самымъ характеристическимъ образомъ въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя направлены противъ чужой собственности. Прежде и сильнѣе всего евреи заявляютъ наклонность къ воровству—кражѣ. По наклонностямъ къ грабежу, къ поддѣлкѣ ассигнацій, къ контрабандѣ чувствуется въ этомъ племени тоже присутствіе хищнической наклонности, хотя бы и въ болѣе широкихъ и утончонныхъ размѣрахъ. Мы не исключаемъ отсюда и поджоговъ, которые, по сибирскимъ цифрамъ, ложатся пятномъ на еврейское племя, потому что по опыту еврей сожигаетъ самъ тотъ домъ, который заложенъ далеко выше номинальной своей стоимости. Подобные поджоги нерѣдко практикуемые, хорошо и подлинно извѣстны во всѣхъ тѣхъ краяхъ Россіи, гдѣ кишитъ еврейское населеніе и гдѣ оно имѣетъ недвижимую собственность. Постоянныя гоненія, неустанное презрѣніе, какими обставляется несочувственная жизнь еврейскаго племени среди христіанъ, послужили основою къ той сосредоточенности отчаянія, которая выразилась на фактѣ стяжаніемъ богатствъ, завистью къ чужому благосостоянію и къ чужой собственности. Явленіе это стало характернымъ, исканіе чужого добра лихорадочно-усиленнымъ въ виду вѣроятія голодной смерти для племени, которое—по темпераменту не способно къ настоящему настойчивому труду и по политическому положенію — не умѣло стать вполнѣ осѣдлымъ и гражданственнымъ, не успѣло согласоваться съ общечеловѣческими и народными требованіями и привиллегіями. Неутомимый еврей, весь вѣкъ обязанный закупать свои всякія права, устремился на стяжаніе денежныхъ богатствъ какимъ бы то ни было способомъ и—по тому и въ возстаніе, охватившее весь край, имъ населяемый, онъ является въ числѣ политическихъ преступниковъ лишь «за тайной провозъ оружія изъ-за границы», вдохновенный и поддержанный во всякомъ случаѣ коммерческими цѣлями, а не политическимъ увлеченіемъ. Слаба въ евреяхъ наклонность

идти съ сравненіе съ наклонностію къ тому же злодѣянію, напр. вообще безгрѣховныхъ мусульманокъ. Поддѣлка же ассигнацій и грабежъ не избавляютъ евреекъ отъ упрека.

къ смертоубійству (и только озлобленный ссылкою и каторгою еврей нерѣдко становится злодѣемъ). Еврей никогда не уличается въ преступленіяхъ противъ власти, которой онъ льститъ и которую подкупаетъ безразлично, смотря лишь на степень силы и стойкость этой власти. Въ политическихъ преступленіяхъ замѣшался одинъ только еврей, и то успѣвшій воспитаніемъ превратиться въ нѣмца. Подъ гнетемъ и силою талмуда еврей, по коммерческимъ соображеніямъ успѣвающій жениться въ раннихъ лѣтахъ и пользующійся широкимъ правомъ развода, рѣдко завиняется въ такъ называемыхъ плотскихъ преступленіяхъ. За то онъ — первый контрабандистъ, недурной дѣлатель фальшивыхъ денегъ и переводчикъ краденыхъ металловъ съ промысловъ, пріисковъ и розсыпей. За то ни въ одномъ изъ иновѣрцовъ не развита въ такой степени наклонность къ преступленію воровства, какъ въ еврейскомъ населеніи Россіи. Онъ въ этихъ случаяхъ готовъ даже измѣнять своей политически-воспитанной трусости характера и нерѣдко попадается на томъ видѣ воровства, которое требуетъ и дерзости и храбрости и которое называется грабежомъ, и видоизмѣняется въ глазахъ судей въ тотъ видъ воровства, который для еврея — воровство-кража, а для православныхъ и иныхъ христіанскихъ исповѣданій—святотатство..

Изъ числа другихъ инородцовъ нѣмцы, при существованіи собственнаго привиллегированнаго суда въ Остзейскихъ губерніяхъ, не только сами не даютъ возможности судить ихъ по степени наклонности къ преступленіямъ, но даже отнимаютъ возможность производить тѣже наблюденія надъ безусловно-подчиненными имъ другими инородческими племенами Россіи (каковы Эсты, Ливы, Латыши). По этой причинѣ въ нѣмецкомъ населеніи, присылающемъ въ Сибирь случайныя жертвы ссылки, можно видѣть слабую наклонность ко всѣмъ видамъ преступленій. Исключеніе составляетъ одна только контрабанда. Не видать ни виновницъ въ плотскихъ преступленіяхъ, ни виновниковъ въ похищеніи казны и вообще во всякихъ многоразличныхъ ущербахъ ея интересамъ, и другомъ прочемъ. Съ нѣкоторою отчотливостію выясняется въ лютеранскомъ населеніи остзейскаго края, податномъ и земледѣльческомъ, наклонность къ поджогамъ, выражающимся наибольшимъ процентомъ для женщинъ. Наибольшой

процентъ сосланныхъ за дурное поведеніе лютеранъ (конечно эстовъ, ливовъ и въ особенности латышей) доказываетъ лишь силу домашняго произвола и безконтрольность суда остзейскихъ собственниковъ надъ ихъ вассалами — крѣпостными рабочими. Очень можетъ быть, что въ этомъ проблескѣ правды, отчасти освѣщаемомъ тобольскими табелями, можно подозрѣвать и оправданіе поджоговъ, какъ мщенія за притѣсненія, и тому подоб. Наклонность къ поджогамъ у женщинъ лютеранскаго исповѣданія сильнѣе, чѣмъ у женщинъ католичекъ и православныхъ.

Инородцы финской расы отличаются такою же слабою наклонностію къ преступленіямъ, какъ нѣмцы и русскіе подданные лютеранскаго закона, не смотря на то, что обѣ расы стоятъ на двухъ противоположныхъ полюсахъ умственнаго и нравственнаго развитія *). Чрезвычайно непримѣтно мелькаютъ самоѣды заурядъ съ другими инородцами финскаго племени, какъ виновные въ кражѣ. Мордву, черемисъ, чувашей, вогуловъ позднѣйшія тобольскія табели перестали даже выдѣлять изъ общаго числа ссыльныхъ. Хотя эти племена наиболѣе успѣли слиться съ сосѣдями и затонуть въ славянскомъ морѣ, тѣмъ не менѣе въ ихъ племенныхъ обычаяхъ, въ темпераментѣ, въ условіяхъ быта, утверждаемаго ещо до сихъ поръ на кое-какихъ осколкахъ древнихъ законовъ номадовъ—слѣдуетъ искать оправданіе очень многихъ причинъ ссылки. Едва ли въ виду этихъ данныхъ можетъ что-либо опредѣлившееся и характерное подсказать вѣроисповѣданіе, за которымъ можетъ спрятаться живой и пылкой темпераментъ рядомъ съ вялымъ и флегматическимъ; рядомъ съ грамотнымъ и развитымъ нѣмцомъ, испорченнымъ городскою жизнію зачтется забитый, задержанный въ развитіи тѣми же нѣмецкими баронами какой-нибудь деревенскій эстъ или латышъ; съ осѣдлымъ и развитымъ касимовскимъ и казанскимъ татариномъ подъ мусульманиномъ пройдутъ степные

*) Иностранцы завиняются и ссылаются всего чаще за поддѣлки всякого рода актовъ, за переходъ за границу, за тайной ввозъ иностранныхъ товаровъ. Въ послѣднемъ случаѣ довольно примѣтны между русскими евреями, евреи — иностранцы. Женщины - иностранки ссылаются въ Сибирь исключительно за развратное поведеніе.

дикари въ родѣ ногайца и киргиза, или дикари горные, въ родѣ чеченца или лезгина. Этимъ племеннымъ свойствамъ должны уступить свое мѣсто вліянія религіозныя, которыя, при всей тщательной разработкѣ этого вопроса по тобольскимъ табелямъ, подсказываютъ весьма немногое. Онѣ говорятъ напр., что затворница-мусульманка наименѣе всѣхъ наклонна къ преступленіямъ, однако въ ровной же степени процентныхъ отношеній находятся въ безгрѣховности домосѣдки православнаго исповѣданія: купчихи и жены лицъ духовнаго званія—попадьи, дьяконицы и дьячихи, на наибольшую часть сытыя и хорошо обезпеченныя. По тобольскимъ табелямъ католикамъ наиболѣе присущи государственныя преступленія, но подъ католиковъ попали поляки, потерявшіе свое отечество и въ поискахъ его свободы дѣйствительно увлекшіе своихъ ксензовъ,—представителей вѣры, и дѣйствительно въ костелахъ и церковныхъ пѣсняхъ съумѣвшіе найти наилучшія мѣста и средства къ политическому возбужденію. Правда, что индеферентные къ вѣрѣ, обезличенные уніей обитатели западныхъ окраинъ Имперіи виновны въ святотатствѣ, но виновны они столько же, какъ и евреи, для которыхъ преступность святотатства въ національномъ, религіозномъ смыслѣ исчезаетъ въ преступленіи простого воровства. Если въ преступленіяхъ противъ самой религіи наибольшая виновность остается за православными, то и въ этомъ случаѣ она далеко не въ ровной степени распредѣляется между сѣверными и южными жителями Россіи: великороссы, отличающіеся наибольшою пытливостію въ дѣлахъ вѣры, числомъ ссыльныхъ несравненно превосходятъ индеферентныхъ малороссовъ и бѣлоруссовъ, какъ въ преступности по богохуленію и отвлеченію отъ вѣры, такъ и по ересямъ, расколамъ, скопчеству, и т. под.

Русскіе подданные православнаго исповѣданія во всякомъ случаѣ заявляютъ наибольшую наклонность лишь къ бродяжеству и тѣсно съ нимъ связанной поддѣлкѣ документовъ (т. е. фальшивыхъ паспортовъ). Сильная виновность православнаго населенія Россіи замѣчается еще въ преступленіяхъ убійства и въ поддѣлкѣ ассигнацій, но въ наклонности къ убійствамъ, православные уступаютъ мусульманамъ, у которыхъ она сильнѣе, а по процентнымъ отношеніямъ поддѣлывателей ассигнацій и монеты, надъ русскими преобладаютъ

евреи. Виновность въ бродяжествѣ ослаблена для русскихъ въ настоящее время совершившимся великимъ фактомъ—освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Послѣдняя была основною и несомнѣнною причиною этого исключительно русскаго преступленія.

РАСПРЕДѢЛЕНО ПО СИБИРИ

СОСЛАННЫХЪ

въ каторжныя работы.

Годы.	Въ Тобольск. губ.		Въ Томской губ.		Въ Омск. обл. (теперь Тобол. г.)		Въ Енисейской губ.		Въ Иркут. губ.		Примѣчанія.
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	
1823	465	9	124	16	—	—	181	31	302	42	1-е. Сверхъ означенного въ таблицѣ числа назначенныхъ въ Сибирь на каторжныя работы распредѣлены по крѣпостямъ, находящимся внѣ Сибири: въ 1848 году 162 мущ. » 1849 » 54 » » 1850 » 31 » » 1851 » 31 »
1824	542	13	125	20	—	—	172	15	309	57	
1825	702	21	53	21	—	—	50	8	451	45	
1826	516	17	86	19	136	—	90	3	382	73	
1827	662	38	333	30	14	—	155	26	379	32	
1828	726	36	1	2	42	—	329	45	298	68	
1829	158	7	352	25	69	—	188	26	365	34	
1830	30	4	137	18	175	—	177	29	509	27	
1831	26	15	57	—	28	—	226	27	732	48	2-е. Назначенные въ Тобольскую губернію опредѣлялись на работы въ крѣпостяхъ.
1832	12	1	70	8	2	—	186	12	801	52	
1833	15	1	64	10	—	—	171	11	735	42	
1834	45	2	77	16	5	—	159	27	705	55	3-е. Съ уничтоженіемъ Омской области цифры, принадлежащія къ ея району показаны въ цифрѣ распредѣленныхъ по Тобольской губ.
1835	13	—	81	6	—	—	195	28	775	84	
1836	54	—	157	10	—	—	312	96	672	4	
1837	44	1	422	11	—	—	146	77	446	2	
1838	15	—	118	6	1	—	159	45	690	34	
1839	20	—	86	15	—	—	221	23	726	60	
1840	42	—	54	15	—	—	147	23	624	72	
1841	42	4	67	18	—	—	229	30	362	41	
1842	40	—	208	3	—	—	332	53	320	49	
1843	102	1	644	30	—	—	207	50	469	34	
1844	12	—	328	58	—	—	164	23	581	56	
1845	—	2	367	22	—	—	397	73	522	16	
1846	135	—	140	15	—	—	348	83	339	23	
1847	52	—	163	12	—	—	92	34	496	39	
1848	30	—	92	29	—	—	44	2	468	55	
1849	45	—	108	20	—	—	40	1	557	80	
1850	97	1	71	32	—	—	32	22	433	102	
1851	96	—	109	11	—	—	36	5	457	67	
1854	118	3	9	—	—	—	20	28	496	54	
1855	99	13	5	—	—	—	5	16	1461	41	
1856	238	5	31	—	—	—	6	6	559	82	
1857	149	1	5	—	—	—	32	2	637	106	
1858	73	—	1	—	—	—	44	1	624	129	

Общее число сосланныхъ въ Сибирь и пришедшихъ за ними ПО ГОДАМЪ.

Годы.	На каторгу.		На поселеніе и на житье.		Пришедшихъ по собственной волѣ жонъ, дѣтей и родственниковъ.	Примѣчаніе.
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Обоего пола.	
1823	1075	98	5066	557	145	Съ 1823 по 1825 выбыло до распредѣленія по Сибири за смертію, побѣгами и по другимъ разнымъ причинамъ; сосланныхъ: На каторгу 587 м. 120 ж., на поселеніе 4695 м. 606 ж. Изъ ушедшихъ изъ Россіи по волѣ жонъ, дѣтей и родственниковъ 749 обоего пола. Таблицъ за 1852 и 1853 годы мы не имѣли подъ руками.
1824	1170	106	9915	859	471	
1825	1321	96	8946	1082	401	
1826	1229	112	8974	1208	295	
1827	1579	128	8732	1115	337	
1828	1478	156	7910	1123	457	
1829	1173	90	5590	1201	435	
1830	997	76	5195	1159	415	
1831	1090	93	5881	1207	500	
1832	1081	73	4891	891	543	
1833	1015	66	5011	970	474	
1834	1007	101	4919	1291	475	
1835	1094	121	5455	1538	631	
1836	1201	112	7251	1357	652	
1837	1065	91	6550	1260	731	
1838	995	86	5221	1177	583	
1839	1057	98	6057	1135	711	
1840	866	112	6284	1256	563	
1841	704	93	6203	1129	760	
1842	938	107	4338	1047	592	
1843	1439	130	5995	1167	847	
1844	1122	143	6183	1252	926	
1845	1300	120	5345	1217	880	
1846	989	122	5040	1099	800	
1847	881	87	3087	767	615	
1848	729	107	2321	513	440	
1849	835	140	2995	536	536	
1850	749	170	3281	702	672	
1851	829	105	3681	900	842	
1852	928	1286	} общ.		914	
1853	6233	2306	} счотъ		1180	
1854	777	97	3520	355	96 ж. 176 дѣт. об. п.	
1855	1706	90	5917	541	218 » 308 » » »	
1856	825	82	4096	575	239 » 184 » » »	
1857	839	117	5080	759	2 м. 201 ж. 319 дѣт.	
1858	781	121	3681	528	1 » 212 » 429 »	
1859	881	116	4691	753	1 » 234 » 425 »	
1860	926	113	5099	616	4 326 » 566 »	

Распредѣлено по Сибири

Изъ сосланныхъ на поселеніе и на житье:

1) *во временные заводскіе работники*, 2) *въ ремесленники.*

Годы	Въ заводскіе рабочіе.						Въ ремесленники.					Примѣчанія.
	Въ Тобольск. губ.	Въ Томск. г.	Въ Омской области.		Въ Енисейской губ.	Въ Иркутск. губ.	По Тобольской губ.	По Томск. г.	По Омск. обл.	По Енис. г.	По Иркут. г.	
	М.	М.	М.	Ж.	М.	М.	М.	М.	М.	М.	М.	
1823	—	50	—	—	298	141	141	—	—	36	—	1-е. Назначенные въ Омскую область опредѣлялись на войсковую (казачью) суконную фабрику.
1824	—	1	—	—	—	11	123	—	—	—	47	
1825	1	1	55	46	—	1	392	—	10	1	23	2-е. Съ 1854 г. имѣемъ указаніе на назначенныхъ въ Омскую поселенческую рабочую роту. Сюда опредѣлено:
1826	98	2	19	19	—	2	122	2	42	47	12	
1827	—	—	1	—	—	1	68	—	—	7	—	
1828	1	—	1	27	—	—	98	—	—	5	—	
1829	—	—	—	2	—	—	89	2	—	—	60	въ 1854 г. 12 мущ.
1830	—	—	—	—	—	—	19	—	7	1	5	» 1855 » 41 »
1831	—	1	—	—	1	1	21	—	7	7	28	» 1856 » 29 »
1832	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	28	» 1857 » 5 »
1833	—	1	1	—	1	2	—	—	14	11	29	» 1858 » 13 »
1834	4	—	41	—	2	—	—	—	—	—	—	3-е. Въ заводскія работницы назначена за все время одна только въ Иркутскую губ. въ 1851 г. Всѣ женщины, какъ видно изъ таблицы, назначались на Омскую суконную фабрику.
1835	—	—	100	—	—	—	—	—	—	22	—	
1836	—	—	50	48	—	—	1	—	—	11	—	
1837	—	—	92	9	—	—	—	—	—	—	—	
1838	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1839	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1840	—	—	49	15	—	—	—	—	—	—	—	3-е. Съ 1854 года назначенные въ ремесленники таблицами не указаны.
1841	—	—	11	2	—	—	—	—	—	—	—	
1842	—	—	40	30	—	—	—	—	—	—	—	
1843	—	—	81	25	—	—	—	—	—	3	21	
1844	—	—	70	26	—	—	—	—	—	—	11	
1845	—	—	70	—	—	—	—	—	—	6	1	
1846	—	—	60	25	—	—	—	—	—	4	—	
1847	—	—	35	12	—	—	—	—	—	12	2	
1848	—	—	23	9	—	—	—	—	—	—	10	
1849	—	—	16	14	—	50	—	—	—	—	—	
1850	38	5	47	22	36	40	—	—	—	—	—	
1851	70	—	20	14	2	64	—	—	—	—	—	
1854	—	—	17	2	30	29	—	—	—	—	—	
1855	54	—	20	10	1	2	—	—	—	—	—	
1856	8	1	31	11	1	9	—	—	—	—	—	
1857	97	—	33	5	2	6	—	—	—	—	—	
1858	113	—	23	15	16	8	—	—	—	—	—	

Распредѣлено по Сибири

ИЗЪ СОСЛАННЫХЪ НА ПОСЕЛЕНІЕ И НА ЖИТЬЕ

3-е въ цѣхъ слугъ.

Годы.	ВЪ ЦѢХЪ СЛУГЪ.									
	По Тобольской губ.		По Томской губ.		По Омской области.		По Енисейской губ.		Въ Иркут. губ.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
1823	71	27	94	4	—	—	102	29	10	—
1824	136	59	—	—	8	—	—	—	41	4
1825	284	54	2	—	53	—	1	—	7	—
1826	61	14	—	—	5	1	—	—	—	—
1827	81	38	—	—	—	—	—	—	—	—
1828	152	76	2	—	—	—	—	—	—	—
1829	139	110	12	8	—	—	—	—	—	—
1830	44	31	11	37	—	—	—	—	—	—
1831	—	—	—	17	—	—	—	—	—	—
1832	1	—	—	2	—	—	—	—	1	13
1833	3	1	9	12	—	—	—	—	2	3
1834	1	—	—	—	—	—	—	—	—	21
1835	1	2	—	—	1	—	—	—	—	30
1836	53	33	—	—	—	—	1	—	—	—
1837	78	51	—	—	—	—	—	—	—	—
1838	76	70	—	—	—	—	—	—	—	—
1839	103	90	1	—	—	—	—	—	—	—
1840	115	85	—	—	—	—	—	—	—	15
1841	102	68	—	2	—	—	—	1	90	30
1842	56	53	4	1	—	—	2	—	77	39
1843	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1844	—	—	—	—	—	—	—	—	50	25
1845	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1846	—	—	—	—	—	—	—	—	9	1
1847	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1848	46	11	—	—	—	—	—	—	—	—
1849	24	8	6	1	—	—	—	—	—	—
1850	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1851	6	1	—	—	—	—	—	—	—	—
1854	11	16	29	17	—	—	1	3	9	3
1855	2	7	8	9	—	—	—	1	—	—
1856	4	11	11	13	—	—	—	1	—	—
1857	1	2	8	4	—	—	—	—	—	—
1858	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—

Распредѣлено по Сибири

ИЗЪ СОСЛАННЫХЪ НА ПОСЕЛЕНІЕ И НА ЖИТЬЕ.

4-е на поселеніе и на житье.

Годы.	НА ПОСЕЛЕНІЕ И НА ЖИТЬЕ.									
	По Тобольской губ.		По Томск. губ.		По Омской области.		По Енисейской губ.		По Иркут. губ.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
1823	890	109	1296	204	—	—	1346	101	7	44
1824	497	106	2344	164	363	111	4502	236	184	55
1825	998	227	3538	378	95	13	1228	67	1359	199
1826	1571	310	4521	256	56	40	631	262	844	199
1827	923	270	4451	317	—	—	1563	264	504	61
1828	653	226	3222	317	—	—	2541	305	298	41
1829	795	249	1455	315	—	3	1945	386	422	63
1830	572	274	1150	306	—	1	1935	436	601	52
1831	804	328	708	257	—	2	2706	447	696	94
1832	771	301	464	93	—	—	1813	351	943	94
1833	613	257	553	231	—	1	1314	152	1403	232
1834	607	385	682	413	—	1	1779	201	1007	205
1835	327	257	826	342	—	—	2570	536	926	291
1836	595	322	1168	238	—	—	3868	658	857	7
1837	736	191	975	298	—	—	3204	665	890	9
1838	385	239	708	91	—	—	2825	725	94	12
1839	924	315	1680	246	—	—	2089	425	710	8
1840	1576	422	3742	589	—	—	161	73	104	14
1841	1393	293	852	144	—	—	2403	429	512	81
1842	873	222	515	136	—	—	2038	469	479	55
1843	1548	405	416	80	—	—	2539	524	972	85
1844	1606	437	1019	187	—	—	1909	373	993	126
1845	1495	467	712	178	—	—	1925	446	702	83
1846	1321	357	875	213	—	—	1717	312	682	160
1847	763	264	498	136	—	—	918	212	619	129
1848	597	223	416	82	—	—	407	102	491	42
1849	641	257	727	114	—	—	592	61	492	25
1850	568	266	955	174	—	—	708	115	557	63
1851	716	268	807	175	—	—	950	240	537	59
1854	1044	518	129	37	—	—	1480	391	2885	233
1855	1136	469	170	6	—	—	1453	271	2188	186
1856	1165	547	140	55	—	—	1166	289	2961	236
1857	1224	538	493	120	—	—	1551	660	2110	162
1858	1233	672	565	206	—	—	1284	291	2041	163

РАСПРЕДѢЛЕНО ПО СИБИРИ

ИЗЪ СОСЛАННЫХЪ НА ПОСЕЛЕНІЕ И НА ЖИТЬЕ

И ИЗЪ

ПРИШЕДШИХЪ ПО ВОЛѢ ЗА ССЫЛЬНЫМИ ЖОНЪ, МУЖЕЙ И ДѢТЕЙ.

Годы.	5. Изъ сосланныхъ на поселеніе въ неспособные.								Изъ пришедшихъ по волѣ за ссыльными жонъ, дѣтей и родственниковъ.				
	По Тобольск. губ.		По Томской губ.		По Енисейской губ.		По Иркутской губ.		По Тобол. г.	По Томской г.	По Омск. обл.	По Енисейск. г.	По Иркутск. г.
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	Обоего пола.				
1823	108	13	233	10	168	3	—	—	61	36	—	41	7
1824	127	16	566	67	591	28	—	—	103	259	2	96	5
1825	194	43	443	66	313	7	—	—	171	166	5	37	24
1826	273	43	472	36	80	14	—	—	157	105	—	13	18
1827	405	84	441	44	145	14	—	—	200	107	—	20	9
1828	234	43	226	39	73	9	—	—	229	132	1	63	10
1829	171	21	277	17	54	1	—	—	287	108	—	20	14
1830	100	13	268	13	116	—	—	—	227	142	—	39	3
1831	166	17	200	12	189	7	—	—	264	122	—	102	8
1832	227	28	186	6	340	5	—	—	236	115	—	63	21
1833	229	23	435	17	206	2	—	1	270	132	—	48	13
1834	231	21	335	12	124	4	—	1	263	152	—	51	15
1835	233	33	310	17	21	1	—	—	264	242	—	115	6
1836	282	23	175	15	17	2	—	—	280	228	—	84	22
1837	154	14	302	14	33	1	32	9	250	305	—	142	56
1838	172	16	181	12	23	4	—	—	286	108	—	126	61
1839	197	19	206	7	20	2	3	—	332	191	—	95	57
1840	223	15	195	9	9	1	3	—	335	181	—	22	23
1841	291	18	176	9	43	4	4	1	396	148	—	112	35
1842	125	7	110	6	90	2	2	—	152	124	—	146	48
1843	175	33	91	2	101	2	17	—	444	107	—	184	54
1844	187	16	121	7	79	2	11	2	444	190	—	146	101
1845	210	14	41	4	152	3	15	1	502	131	—	218	51
1846	161	12	20	7	152	9	13	1	385	105	—	219	74
1847	65	6	27	4	130	4	8	2	312	103	—	112	70
1848	52	9	52	3	77	2	53	1	235	62	—	56	39
1849	38	5	62	1	65	4	100	1	282	68	—	62	83
1850	44	1	65	3	52	1	74	1	265	135	—	81	109
1851	50	3	63	1	84	2	58	3	277	156	—	226	64
1854	16	1	—	—	—	—	89	—	95	10	—	55	81
1855	4	—	—	—	12	—	89	—	129	16	—	211	117
1856	9	—	—	—	18	—	78	—	104	21	—	265	107
1857	1	—	3	—	26	—	60	—	135	35	—	253	80
1858	12	—	12	—	55	—	36	—	169	44	—	322	89

Преступленія ссыльныхъ въ ссылкѣ.

за 9 лѣтъ (съ 1838 по 1847 годъ):

	Каторжные.		Поселенцы.		Арестанты.		Бродяги.	
	Мущ.	Женщ.	Мущ.	Женщ.	Мущ.	Женщ.	Мущ.	Женщ.
Воровство . . .	21	—	127	17	30	—	393	83
Грабежъ.	13	—	20	3	10	—	36	4
Разбой	6	—	—	—	2	—	10	1
Смертоубійство.	28	3	63	8	99	—	120	6
Тѣлесн. поврежденія (членовредит.). . . .	8	—	11	—	39	—	28	1
Взломъ тюремъ (побѣгъ изъ подъ стражи) .	7	—	32	—	29	5	8	—
Поддѣлка фальшив. видовъ .	11	—	31	—	—	—	345	134
Принятіе чужой фамиліи	2	—	6	—	—	—	10	3
Поддѣлка монеты и ассигн.	12	—	22	—	7	—	39	1
Развратное поведеніе	2	—	55	59	—	—	—	—
Возмущеніе противъ властей .	5	—	5	—	20	—	13	—
Святотатство. .	1	—	5	—	2	—	11	3
Ересь и расколъ								
Побѣгъ изъ Сибири и бродяжество (для бродягъ) . . .	—	—	5	—	1	—	3	—
	2446	27	5800	208	3509	13	13788	3528

Примѣчаніе 1-е. Лживые доносы — рубрика, какъ бы для поселенцовъ придуманная: до того обычно это преступленіе въ этомъ сословіи.

2-е. Подъ именемъ арестантовъ разумѣются въ Сибири тѣ, которые за неспособностію выключены изъ крѣпостныхъ работъ и изъ арестантскихъ ротъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ.

3-е. Побѣги изъ Сибири для каторжныхъ, поселенцовъ и арестантовъ и бродяжество для бродягъ составляютъ основныя преступленія для новой ссылки, всѣ же другія преступленія *совокупны.*

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПО ИХЪ

Годы.	Преступленія религіозныя.		Оскопленіе.		Святотатство.		Оскорбленіе родителей.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
1827	40	45	55	12	71	4	8	—
1828	5	12	45	11	91	5	1	1
1829	25	41	14	—	60	6	5	—
1830	24	7	11	22	70	1	4	—
1831	18	21	8	4	66	3	3	—
1832	7	1	—	1	61	4	3	—
1833	1	1	4	3	76	7	5	—
1834	8	6	4	—	66	14	3	—
1835	6	—	—*	—	74	8	4	—
1836	4	3	—	—	73	5	1	1
1837	29	9	—	—	66	11	3	—
1838	12	4	—	—	51	2	1	—
1839	10	9	—	—	50	7	6	—
1840	8	—	—	—	28	1	5	—
1841	3	—	—	—	45	3	5	—
1842	4	2	1	—	70	2	3	—
1843	23	—	3	—	89	7	3	—
1844	9	1	—	—	111	9	3	—
1845	6	17	—	—	83	10	1	—
1846	19	5	—	—	73	10	2	—
Итого	263	184	145	53	1374	119	69	2
Всего	447		198		1493		71	

*) Раскольниковъ сектъ, признанныхъ наиболѣе вредными указано преступленія съ 1838 года распредѣлялись такимъ образомъ: За злоумышленіе 1844—1; 1845—4; 1846—1. За бунтъ и государственную измѣну: 1838 — 1; Въ послѣднемъ числѣ 23 изъ Царства Польскаго. Въ 1839 году 16 изъ г. изъ Грузино-Имеретинской. Въ религіозныхъ преступленіяхъ отдѣльно ука 1840—2; 1841—2; 1842—2; 1843—1; 1844—2; 1845—1; 1846—1; всего 15.

ВИДАМЪ И ПО ГОДАМЪ.

Плотскія преступленія.		Смертоубійства.		Членовредит.	Государствен. преступл.		Побѣги за границу.	
М.	Ж.	М.	Ж.	Мущ.	М.	Ж.	М.	Ж.
32	4	838	176	19	22	—	9	1
40	9	837	139	31	35	—	10	—
33	7	536	130	73	—	—	8	—
27	5	561	124	53	16	—	13	—
38	10	551	107	20	2	—	8	—
32	19	499	93	27	1	—	13	—
21	1	529	115	19	61	—	9	—
29	8	592	150	20	89	1	7	1
22	5	548	167	41	42	1	6	—
37	9	555	184	50	17	1	6	1
38	6	554	143	52	17	—	4	2
30	9	516	147	50	2	—	4	1
27	12	575	140	35	62	—	13	1
31	6	525	154	51	15	—	7	1
20	20	361	151	48	3	1	5	—
30	9	485	174	35	6	—	4	—
46	36	682	167	44	5	—	34	1
49	9	564	176	56	9	—	10	—
42	4	669	185	58	5	—	4	1
34	7	575	157	51	30	—	—	—
658	195	11552	2979	833	439	4	174	10
853		14531		833	443		184	

ссылать за Кавказъ и въ финляндскія крѣпости съ 1843 г. Государственныя противъ Особы Государя въ 1838—1; 1839—59; 1840—5; 1841—1; 1842—4; 1839—3; 1840—10; 1841—3; 1842—2; 1843—5; 1844—8; 1845—1; 1846—29. Варшавы; 31 Кіевской. Въ 1841 и 1839—4 изъ Тобольской губ., въ 1840—1 зано «разрытіе могилъ и ограбленіе мертвыхъ тѣлъ мущинами: въ 1838—3;

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПО ИХЪ

Годы.	Побѣги изъ службы и изъ подъ стражи.		Похищеніе казеннаго имущества.	Лихоимство.		Поддѣлка документ. и имѣніе фальшивыхъ.	
	М.	Ж.	Мущ.	М.	Ж.	М.	Ж.
1827	94	—	12	2	—	195	20
1828	97	—	4	3	—	131	34
1829	95	—	7	11	—	154	26
1830	95	—	10	3	—	68	17
1831	47	—	3	3	—	90	14
1832	35	—	5	4	—	113	10
1833	47	—	11	1	—	68	3
1834	34	—	10	2	—	115	24
1835	20	—	4	3	—	137	42
1236	43	4	4	1	—	226	32
1837	61	12	10	—	—	231	51
1838	57	1	9	8	—	140	44
1839	74	2	13	3	—	183	35
1840	118	4	2	3	—	165	44
1841	108	—	2	1	—	150	30
1842	86	1	—	9	—	80	28
1843	132	14	6	3	1	98	13
1844	96	—	11	3	—	156	14
1845	55	—	17	11	—	245	69
1846	35	—	17	7	—	198	53
Итого	1429	38	157	81	1	2943	603
Всего	1467		157	82		3546	

ВИДАМЪ И ПО ГОДАМЪ.

Поддѣлка и переводъ монеты и ассигн.				Кража золота на промыслахъ.		Корчемство, виномъ		Контрабанда.		Ябеды, доносы и лживые поступки.	
М.		Ж.		М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
86		2		—	—	—	—	—	—	11	2
174		12		—	—	—	—	—	—	26	1
62		3		—	—	—	—	—	—	29	2
58		1		—	—	—	—	—	—	6	—
40		4		—	—	—	—	—	—	6	1
75		1		—	—	113	5	—	—	16	4
51		2		—	—	142	3	—	—	23	1
44		2		—	—	112	2	—	—	7	—
63		3		6	1	39	2	6	2	19	—
63		1		42	1	76	—	15	—	10	1
33		1		10	3	131	1	15	2	46	1
Монет.		Ассигн.									
30	—	2	—	10	—	97	1	5	—	16	3
28	1	2	—	14	—	85	1	12	1	11	2
17	—	7	—	14	1	95	—	16	2	11	6
14	—	7	—	6	1	62	—	23	1	19	1
59	2	13	—	2	—	23	1	10	1	5	1
53	1	4	4	5	—	38	—	18	4	9	3
45	2	22	—	3	—	49	2	22	1	16	—
61	6	16	—	4	1	87	1	10	1	19	1
47	6	9	—	2	—	78	1	12	—	22	1
1185		54		118	8	1227	20	164	15	327	31
1239				126		1247		179		358	

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПО ИХЪ

Годы.	Бродяжество.		Бѣглые изъ Сибири (каторжн. и поселен.).		Пристанод. или укрыват. бродягъ и бѣглыхъ.		За дурное поведен. по волѣ помѣщ.		За дурное поведен. по волѣобществ.		Подлоги.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
1827	4229	510	730	15	52	18	626	147	60	9	59	37
1828	3975	565	501	11	42	17	173	59	304	25	61	34
1829	2076	597	478	7	77	24	39	23	248	41	39	31
1830	1774	582	637	22	54	20	52	44	218	48	39	26
1831	2025	652	886	39	77	26	46	40	311	51	56	37
1832	1497	382	1068	40	47	11	23	21	295	69	22	31
1833	1920	441	765	13	34	25	86	81	54	11	45	33
1834	1515	621	668	19	65	20	81	92	110	28	47	45
1835	1291	831	880	25	42	29	122	109	317	43	62	41
1836	2230	550	1075	43	45	36	159	108	267	37	77	49
1837	1676	486	1163	46	53	26	142	124	293	46	50	35
1838	1521	411	1348	44	39	23	174	157	339	83	34	41
1839	2045	402	1098	26	45	20	223	192	450	116	50	30
1840	2097	456	1105	29	30	21	247	219	456	74	67	54
1841	1660	386	1359	42	34	23	312	190	150	26	54	74
1842	1447	426	1105	28	16	18	328	234	148	21	72	47
1843	1893	472	927	18	22	10	481	221	43	12	69	45
1844	1599	421	814	12	20	18	298	207	304	86	70	58
1845	1100	356	731	28	27	14	275	207	392	95	50	41
1846	1086	363	467	16	22	12	310	214	357	92	62	44
Итого	38556	9910	17805	523	840	411	4197	2689	5116	1013	1085	832
Всего	48466		18328		1251		6886		6129		1917	

ВИДАМЪ И ПО ГОДАМЪ.

Годы	Возмущеніе и неповиновеніе.		Неповиновеніе помѣщикамъ.		Воровство и мошенничество.		Грабежъ и разбой.				Кровосмѣшеніе.		Скотоложство.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.		Ж.		М.	Ж.	М.	Ж.
1827	121	—	58	6	2305	198	447		18				—	—
1828	25	—	71	8	2186	268	340		45		Въ		—	—
1829	100	1	61	17	2116	311	290		15				—	—
1830	47	10	41	7	1925	271	197		5		нашихъ		—	—
1831	163	6	53	5	2012	249	208		17		табли-		—	—
1832	329	6	23	13	1369	211	152		5		цахъ		—	—
1833	127	1	33	9	1432	248	225		4				—	—
1834	152	12	47	21	1769	269	282		13		не		—	—
1835	71	—	66	11	2117	328	377		3		указано		—	—
1836	61	1	67	10	2712	385	336		5				—	—
1837	199	1	64	9	2246	318	259		39				—	—
							Разбои		Грабежи					
1838	58	2	13	17	1374	265	14	1	139	9	13	8	3	—
1839	95	1	48	7	1634	221	16	1	127	4	7	9	7	—
1840	47	—	24	2	1636	275	18	—	142	11	9	5	5	—
1841	86	—	45	29	1552	235	10	4	105	10	4	6	9	—
1842	53	2	18	20	635	112	43	9	143	10	1	1	4	—
1843	108	4	9	—	1679	252	59	—	241	6	4	3	5	—
1844	151	—	26	6	1836	324	20	—	210	3	13	5	8	—
1845	186	5	55	1	1577	285	73	2	146	4	5	4	2	—
1846	175	5	5	5	1301	219	88	—	111	8	5	7	2	—
Итого	2354	57	827	203	35416	5250	4818		251		61	48	45	—
Всего	2411		1030		40666		5069				109		45	

Годы.	Всего сослано по суду за преступленія.		Всего сослано административнымъ порядкомъ.		Всего сослано.	
	Мущ.	Женщ.	Мущ.	Женщ.	Мущ.	Женщ.
1827	4536	543	5645	681	10181	1224
1828	4255	598	4953	660	9208	1198
1829	3795	614	2841	668	6636	1282
1830	3319	516	2681	696	6000	1218
1831	3475	504	3268	782	6743	1286
1832	2946	427	2883	512	5829	939
1833	2964	456	2825	546	5789	1002
1834	3504	598	2374	760	5878	1358
1835	3775	643	2610	1008	6385	1651
1836	4521	729	3731	738	8252	1467
1837	4234	670	3274	702	7508	1372
1838	2767	574	3382	695	6149	1269
1839	3243	504	3816	736	7059	1240
1840	3086	587	3905	778	6991	1365
1841	2772	584	3481	644	6253	1228
1842	1913	438	3028	709	4941	1147
1843	3513	567	3344	723	6857	1290
1844	3567	638	3015	726	6582	1364
1845	3491	647	2498	686	5989	1338
1846	2978	533	2220	685	5198	1218
1854	4316	452	1188	582	5504	1034
1855	7691	631	1393	562	9084	1193
1856	5424	657	1451	633	6875	1290
1857	5719	882	1715	699	7434	1581
1858	4462	639	1528	751	5990	1390
Итого	96157	14575	83049	17362	169061	31945
Всего	110732		100411		201006	

Таблица преступленій по возрастамъ

и по годамъ.

Годы.	До 40 лѣтъ.		Отъ 40 до 50 лѣтъ.		Отъ 50 до 60 лѣтъ.		Свыше 60 лѣтъ.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
1838	3811	1084	1657	127	571	38	177	14
1839	4882	1074	1506	108	525	41	194	10
1840	4557	1166	1779	145	585	47	214	10
1841	3683	1035	1880	138	965	37	359	12
1842	2923	1001	1527	109	596	27	219	15
1843	4444	963	1626	187	951	110	357	36
1844	4187	1081	1731	223	1108	74	279	17
1845	3667	1086	1548	172	1140	61	290	18
1846	3385	973	1452	170	977	59	215	19
1854	2590	376	1012	40	586	19	133	17
1855	2331	509	1601	76	711	29	140	17
1856	3210	520	1308	88	805	35	161	14
1857	3808	728	1190	100	534	42	186	12
1858	2812	534	959	69	535	29	146	7

Таблица преступленій по поламъ за 20 лѣтъ.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ.	Мущинъ.	Женщинъ.
За преступленія религіозныя.	263	184
— оскопленіе	145	53
— святотатство.	1374	119
— государственныя преступленія . . .	439	4
— возмущеніе и неповиновеніе властямъ .	2334	67
— неповиновеніе помѣщикамъ	827	203
— побѣгъ за границу.	174	10
— побѣгъ изъ службы и изъ-подъ стражи	1429	38
— конокрадство и лихоимство	239	1
— смертоубійство и самоубійство . . .	11552	2979
— членовредительство.	841	—
— пристанодержательство.	840	411
— поддѣлку документовъ.	2943	602
— корчемство, контрабанду и кражу золота на пріискахъ	1509	43
— поддѣлку и переводъ ассигн. и монетъ	1185	54
— оскорбленіе родителей	69	2
— плотскія преступленія	658	192
— разбой и грабежъ	4818	251
— поджоги	1085	832
— воровство и мошенничество	35414	5244
— ябеды и доносы	329	29
Вообще за уголовныя преступленія .	68467	11618
За дурное поведеніе (свободныя сословія).	5116	1017
— тоже (крѣпостные по волѣ помѣщик.).	4197	2689
— бродяжество	38646	9912
— побѣги изъ Сибири	17805	523
Всего административнымъ порядкомъ	65764	14141
Всего сослано . .	134231	25759

Съ 1831 г. особымъ распоряженіемъ пріостановлена ссылка въ Сибирь преступниковъ противъ вѣры.

ТАБЛИЦА ССЫЛЬНЫХЪ ПО ВОЗРАСТАМЪ
И ПО РОДАМЪ ПРЕСТУПЛЕНІЙ
за 20 лѣтъ.

	Мущины.							Женщины.						
	10—15	15—20	20—30	30—40	40—50	50—60	свыше 60.	10—15	15—20	20—30	30—40	40—50	50—60	свыше 60
Убійство чужихъ	19	462	2378	1612	780	245	91	5	82	228	134	69	33	19
Убійство родителей . .	—	7	45	24	8	—	—	—	8	5	—	—	—	—
Убійство брат. и сестеръ	—	3	8	16	6	3	1	—	2	2	1	1	—	—
Убійство жены	—	20	91	85	46	12	1	—	159	182	55	18	3	1
Дѣтоубійство	—	1	13	11	10	7	2	—	120	399	148	29	4	2
Убійство родственник.	—	15	31	16	11	11	1	—	5	14	18	14	6	3
Убійство помѣщ. крест.	6	57	198	136	54	20	7	4	43	43	45	7	6	2
Самоубійство	—	3	20	16	18	8	3	—	12	11	4	3	—	—
Разбои и грабежи . . .	—	182	1155	764	433	116	42	—	4	39	42	12	5	1
Поджоги	77	155	254	92	78	42	21	54	156	238	47	41	16	5
Святотатство	29	188	323	119	97	37	10	—	15	23	16	9	7	5
Изнасилованіе	4	28	110	45	38	20	4	—	—	5	2	—	1	—
Кровосмѣшеніе	—	1	7	14	25	23	9	—	7	35	10	2	—	—
Подд. и перев. асс. и мон.	—	37	239	203	113	52	18	—	7	9	4	6	5	—
Государст. преступл. .	—	17	72	67	37	12	8	—	—	2	1	—	1	—
Возмущеніе	—	30	249	233	326	230	126	—	—	2	—	2	—	—
Итого	135	1204	5193	3453	2080	838	344	63	621	1235	524	216	89	38

Примѣчанія.

Убійство близкихъ, по доступнымъ намъ свѣдѣніямъ по годамъ, распредѣляется въ слѣдующемъ видѣ:

		мущ.	женщ.
Убійцъ родителей въ	1838—	3	2
	— 1839—	3	2
	— 1840—	7	»
	— 1841—	4	1
	— 1842—	6	3
	— 1843—	5	»
	Итого . .	28 м.	8 ж.
Дѣтоубійцъ въ	1838—	3	39
	— 1839—	5	53
	— 1840—	3	67
	— 1841—	5	43
	— 1842—	3	59
	— 1843—	4	56
	Итого . .	23 м.	317 ж.
Братоубійцъ въ	1838—	3	»
	— 1839—	5	1
	— 1840—	1	»
	— 1841—	3	1
	— 1842—	3	»
	— 1843—	5	»
	Итого . .	20 м.	2 ж.
Убійцъ женъ и мужей. . .	въ 1838—	26	30
	— 1839—	20	28
	— 1840—	9	23
	— 1841—	11	16
	— 1842—	21	27
	— 1843—	36	19
	Итого .	123 м.	143 ж.

ЧИСЛО ПОЛИТИЧЕС

сосланныхъ въ Сибирь съ 1863

Губерніи.	ВЪ КАТОРГУ							НА ПОСЕЛЕНІЕ.						
	Дворянъ	Духовенст.	Мѣщанъ.	Крестьян.	Солдатъ.	Неизвѣст.	Всего.	Дворянъ.	Духовенст.	Мѣщанъ.	Крестьянъ.	Солдатъ.	Неизвѣст.	Всего.
Варшавской	316	27	341	331	106	9	1130	385	33	149	60	17	50	694
Люблинской	62	8	88	42	13	—	213	74	9	16	3	6	—	108
Плоцкой . .	43	9	43	61	5	—	161	46	5	5	11	—	2	69
Радомской .	35	9	10	10	3	—	67	38	2	3	2	—	—	45
Августовск.	50	6	58	86	14	—	214	49	2	37	20	3	—	111
Всего изъ Ц. Польскаго .	506	59	540	530	141	9	1785	592	51	210	96	26	52	1027
Ковенской .	163	18	15	102	15	—	313	87	3	8	16	1	—	115
Виленской .	131	10	15	25	14	—	195	125	3	5	—	—	—	133
Витебской .	68	3	1	1	1	—	74	44	—	1	—	—	—	45
Гродненской	84	—	41	25	22	—	172	69	2	12	6	2	—	91
Минской . .	77	4	6	6	5	—	98	86	—	5	3	1	—	95
Могилевск.	67	—	1	7	—	—	75	42	—	—	3	—	—	45
Всего изъ С.-З. края.	590	35	79	166	57	—	927	453	8	31	28	4	—	524
Кіевской . .	222	2	21	2	27	—	254	85	1	8	—	2	—	96
Подольской.	62	—	3	1	2	—	68	28	—	5	—	—	—	33
Волынской .	319	2	33	6	5	—	365	114	1	10	2	1	—	128
Всего изъ Ю.-З. края.	603	4	57	9	14	—	687	227	2	23	2	3	—	257
Иностранн. подданныхъ	67	—	11	4	3	53	138	78	—	13	3	—	104	198
Всего . . .	1766	98	687	709	215	62	3537	1350	61	277	129	33	156	2006

Р А С П Р Е

Въ Тобольской . . . . . .
» Томской . . . . . .
» Енисейской . . . . . .
» Иркутской . . . . . .
» Якутской . . . . . .

ВСЕГО . . . . .

Примѣчаніе: Каторжные, значущіеся по губерніямъ Тобольской, къ каторжнымъ работамъ и они были подвергнуты тюремному заключенію,

КИХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

по 20 декабря 1866 года.

НА ЖИТЬЕ.							ИТОГО.						
Дворянъ.	Духовенст.	Мѣщанъ.	Крестьян.	Солдатъ.	Неизвѣст.	Всего.	Дворянъ.	Духовенст.	Мѣщанъ.	Крестьян.	Солдатъ.	Неизвѣст.	Итого.
57	3	18	1	2	—	81	758	63	508	392	125	59	1905
28	2	8	—	—	—	38	164	19	112	45	19	—	359
10	1	2	2	—	—	15	99	15	50	74	5	2	245
12	1	2	—	1	—	16	85	12	15	12	4	—	128
39	5	35	3	—	—	82	138	13	130	109	17	—	407
146	12	65	6	3	—	232	1244	122	815	632	170	61	3044
370	23	27	6	1	—	427	620	44	50	124	17	—	855
241	13	33	2	—	—	289	497	26	53	27	14	—	617
35	—	3	—	—	—	38	147	3	5	1	1	—	157
152	13	67	2	—	—	234	305	15	120	33	24	—	497
192	4	8	2	—	—	206	355	8	19	11	6	—	399
59	1	—	—	—	—	60	168	1	1	10	—	—	180
1049	54	138	12	1	—	1254	2092	97	248	206	62	—	2705
31	—	2	—	—	—	33	338	3	31	2	9	—	383
25	1	2	—	—	—	28	115	1	10	1	2	—	129
30	—	1	—	—	—	31	463	3	44	8	6	—	524
86	1	5	—	—	—	92	916	7	85	11	17	—	1036
9	—	7	4	2	27	49	154	—	31	11	5	184	385
1290	67	215	22	6	6	1627	4406	226	1179	860	254	245	7170

Д ѣ л е н і е.

Въ каторгу.	На поселеніе.	Наж и т ь е: по 35 ст.	адм. порядкомъ.	На водвореніе.	Прибывшихъ доброволь-но.	Итого.
9	49	689	359	2377	618	4101
1	10	621	440	4305	929	6306
1	1690	21	60	1802	145	3719
3883	404	5	4	1	127	4424
—	—	—	53	—	3	56
3894	2153	1336	916	8485	1822	18606

Томской и Енисейской оставлены въ этихъ губерніяхъ по неспособности на основаніи 593 и 595 ст. XIV т. Уст. о ссыльн.

ТАБЛИЦА ССЫЛЬНЫХЪ ПО

Годы.	Бывшіе въ арестантскихъ ротахъ.		Бродяги и бѣглые.		Казенные крестьяне.		Помѣщичьи крестьяне.		Нижніе воинскіе чины.		Мѣщане.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
1838	133	4	1651	442	934	183	1178	388	223	73	169	43
1839	—	—	2045	402	1032	188	1485	255	319	83	224	23
1840	631	—	2245	493	1543	221	1001	430	272	82	245	36
1841	144	3	1662	378	877	196	1404	437	158	60	175	35
1842	352	2	1416	441	893	334	701	185	187	42	108	22
1843	521	5	1869	472	1050	136	1807	488	310	51	283	46
1844	549	—	1576	400	1546	260	1640	503	294	72	472	73
1845	571	—	1223	384	1393	254	1611	502	251	73	359	51
1846	818	—	1174	383	1194	221	1475	453	221	62	387	47
1847	9	—	662	187	497	101	571	187	153	23	122	13
1852	26	—	1568	220	518	135	574	155	514	25	67	13
1853	39	—	1854	169	900	365	976	276	449	7	190	47
1854	132	—	1748	172	773	122	786	104	484	29	162	12
1855*)	5839	366	951	96	271	57	232	79	142	14	54	4
1856	3696	413	932	87	223	56	197	69	131	17	46	6
1857	3443	483	948	39	376	142	285	161	173	26	50	14
1858	2224	318	849	94	394	98	271	95	231	17	54	9
1859	31	—	2444	423	1114	182	1029	150	301	58	228	32
1860	45	—	2516	309	1054	155	1097	150	391	63	284	33

Примѣчаніе 1-е. Большія цифры бывшихъ арестантовъ съ 1855—59 г. обра
скихъ ротъ вмѣстѣ съ тѣми, которые бѣжали съ каторги и мѣстъ поселенія и

2-е. До 1843 года табели Приказа о ссыльныхъ выдѣляли изъ общихъ
цовъ, цеховыхъ, яицковъ, вольныхъ обывателей, вольныхъ хлѣбопашцовъ,
нія эти оставлены и даже нижніе чины военнаго вѣдомства не отдѣлялись
яне казенные и владѣльческіе—отъ заводскихъ, монастырскихъ, фабричныхъ.

СОСЛОВІЯМЪ И ЗВАНІЯМЪ.

Отставные и неслужащіе.		Духовенство.		Дворяне служившіе въ военной службѣ.		Дворяне служившіе въ граждан. службѣ.		Именовав. дворянами и шляхтичами.		Купцы.		Люди свободныхъ состояній.		Иностранцы.	
М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
24	15	22	5	29	За этигоды цифра общая для всѣхъ служившихъ дворянъ въ военной и гражданской должностяхъ.			33	8	2	—	3	1	1	1
87	8	34	5	44				4	—	7	—	4	—	—	—
25	8	23	1	31				39	10	4	—	5	4	7	—
3	2	25	1	23				42	9	16	—	7	5	5	1
не показано.		18	2	23				26	1	11	1	8	2	7	2
12	4	37	1	27				14	1	41	4	5	2	5	1
35	3	42	1	20				50	4	8	—	14	7	15	—
39	3	33	2	19				44	8	17	—	15	3	4	—
35	6	50	—	1	—	20	—	45	5	6	1	26	1	—	—
27	3	25	4	4	—	15	—	22	3	7	—	17	4	6	—
79	12	24	2	7	—	30	—	16	5	7	—	3	3	5	—
53	5	29	2	7	—	23	—	19	1	4	—	8	1	2	—
72	9	36	1	Не показано.											
64	6	18	3												
33	4	17	1												
34	6	19	1												
49	4	20	—	2	—	20	—	14	—	20	1	7	1	3	—
44	5	28	2	1	—	9	—	8	1	10	—	18	7	8	—
69	5	23	1	10	—	18	—	11	—	9	—	27	7	21	—

зовались изъ сложности выключенныхъ изъ крѣпостной работы и арестантсуждены были въ Сибирь за новыя преступленія.

обозначеній сословій сверхъ прочихъ еще: вольноотпущенныхъ, однодворказаковъ, царановъ (бессарабскихъ жителей). Позднѣйшими табелями дѣлеже отъ таковыхъ же: медицинскаго, почтоваго, пахатныхъ солдатъ; крестьТогда же перестали выдѣлять и инородцовъ.

*

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПРЕСТУП

ГУБЕРНІИ.	Преступленія противъ вѣры.		Скопчество.		Святотатство и разрытіе могилъ.		Самоубійство (покушеніе).		Членовредительство.		Оскорбленіе родителей.
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.
Архангельская	—	—	—	—	7	—	1	—	—	—	1
Олонецкая	—	—	—	—	6	—	—	1	—	1	—
Вологодская	—	—	—	—	21	—	—	—	2	—	6
Новгородская	2	—	—	—	29	2	6	2	13	—	1
С.-Петербургская	4	—	—	—	27	2	11	—	9	—	1
Вятская	2	—	—	—	16	—	2	1	2	—	3
Пермская	25	2	14	1	33	—	3	1	31	—	3
Оренбургская	9	12	8	—	24	1	7	1	25	—	—
Псковская	2	1	—	—	20	4	1	—	13	—	—
Эстляндская	1	—	—	—	2	—	2	2	—	—	—
Лифляндская	—	—	—	—	11	1	—	—	3	—	—
Курляндская	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	1
Бывшая Бѣлостокская область	1	—	—	—	7	1	—	—	1	—	—
Виленская	2	—	—	—	29	20	6	—	14	—	1
Гродненская	8	—	—	—	37	2	4	—	21	—	1
Витебская	2	—	—	—	42	7	5	—	36	—	—
Минская	4	—	1	—	53	8	7	—	27	—	2
Могилевская	1	—	—	—	25	1	1	—	19	—	—
Смоленская	2	—	—	—	28	—	2	3	26	—	—
Тверская	5	—	1	—	34	5	3	1	12	—	—
Ярославская	4	5	—	—	22	2	3	—	11	—	5
Костромская	—	1	5	6	28	2	2	2	26	—	—
Нижегородская	3	1	1	—	25	2	5	2	22	—	2
Казанская	7	4	—	—	30	6	8	3	26	—	3

ЛЕНІЙ ПО ГУБЕРНІЯМЪ.

ГУБЕРНІЙ.	Преступленія противъ вѣры.		Скопчество.		Святотатство и разрытіе могилъ.		Самоубійство (покушеніе).		Членовредительство.		Оскорбленіе родителей.
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М
Симбирская	21	2	3	—	22	—	5	2	53	—	1
Саратовская	20	32	2	—	42	3	3	4	29	—	1
Астраханская . . .	2	1	—	—	8	1	—	1	—	—	1
Владимірская . . .	7	2	1	—	41	7	8	1	39	—	—
Московская	2	—	—	—	53	2	1	—	25	—	2
Тульская	3	4	6	1	29	2	4	1	47	—	2
Калужская	1	3	16	1	31	2	2	1	41	—	1
Рязанская	5	18	6	2	28	2	3	3	60	—	1
Тамбовская	9	14	2	19	36	2	4	—	20	—	4
Пензенская	45	—	—	—	23	1	1	3	41	—	4
Орловская	3	5	33	15	18	1	4	4	41	—	1
Воронежская. . . .	22	16	4	—	16	—	5	3	4	—	1
Курская	—	1	11	4	40	6	5	4	13	—	7
Харьковская	1	1	1	1	28	3	4	1	9	—	2
Черниговская . . .	1	2	—	1	61	3	2	4	2	—	4
Полтавская	3	—	—	—	44	1	1	—	6	—	—
Кіевская	2	—	—	—	46	4	4	1	13	—	1
Волынская	1	—	—	—	45	3	12	1	18	—	2
Подольская	—	—	—	—	47	1	1	1	12	1	3
Бессарабская обл.	1	—	1	—	21	3	—	—	1	—	—
Таврическая	4	1	11	2	3	—	—	2	1	3	—
Херсонская	—	1	13	—	32	—	2	—	3	—	1
Екатеринославская	—	—	—	—	7	—	2	—	2	—	—
Земля Донск. каз.	—	—	—	—	1	2	1	—	7	—	1

Примѣчаніе. За оскорбленіе родителей были сосланы *пять* женщинъ (по одной изъ губерній: Харьковской, Виленской и Новгородской и двѣ изъ Орловской.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПРЕСТУП

ГУБЕРНІИ.	Государственныя и политическія преступленія.	Возмущеніе.		Неповиновеніе и сопротивленіе законнымъ властямъ.		Неповиновеніе помѣщикамъ.	
	М.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Архангельская .	1	—	—	2	—	—	—
Олонецкая . . .	—	1	—	14	—	6	—
Вологодская . .	—	1	—	12	—	13	—
Новгородская .	7	186	13	6	—	20	1
С.-Петербург. .	27	62	1	60	1	24	4
Вятская	—	2	—	25	—	6	—
Пермская	3	227	4	47	3	18	3
Оренбургская .	5	93	—	77	—	12	8
Псковская . . .	—	2	—	2	1	12	2
Эстляндская . .	—	—	—	9	—	—	—
Лифляндская . .	3	25	1	1	—	—	—
Курляндская . .	—	1	—	1	—	—	—
Бѣлосток. обл.	26	1	—	12	—	—	—
Виленская . .	45	14	—	15	—	2	1
Гродненская . .	39	21	—	24	—	3	—
Витебская . . .	3	7	—	15	—	2	1
Минская	12	5	—	6	—	9	1
Могилевская . .	9	6	—	14	—	23	—
Смоленская . . .	3	16	—	38	—	26	6
Тверская	1	12	1	11	—	52	13
Ярославская . .	—	11	—	6	2	20	5
Костромская . .	—	5	—	21	1	18	2
Нижегородская.	2	15	—	7	—	10	5
Казанская . . .	2	4	—	35	1	30	3
Симбирская. . .	—	16	—	17	1	18	4

ЛЕНІЙ ПО ГУБЕРНІЯМЪ.

ГУБЕРНІИ.	Государственныя и политическія преступленія.	Возмущеніе.		Неповиновеніе и сопротивленіе законнымъ властямъ.		Неповиновеніе помѣщикамъ.	
	М.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Саратовская . .	4	19	3	13	—	33	4
Астраханская .	21	5	—	—	—	—	2
Владимірская. .	—	20	1	30	—	42	11
Московская. . .	13	26	—	16	1	21	7
Тульская	1	3	—	5	1	28	7
Калужская . . .	—	2	—	5	—	9	—
Рязанская . . .	2	4	1	11	1	30	3
Тамбовская. . .	1	24	2	25	1	54	16
Пензенская. . .	—	17	—	31	1	25	7
Орловская. . . .	—	3	—	14	1	19	3
Воронежская . .	1	32	—	6	—	33	10
Курская.	—	29	—	15	1	54	36
Харьковская . .	1	3	2	3	—	31	6
Черниговская .	1	10	—	13	1	25	7
Полтавская. . .	—	12	1	1	—	9	1
Кіевская	38	14	—	7	—	6	1
Волынская . . .	11	40	—	13	1	4	2
Подольская. . .	10	48	—	4	—	1	—
Бессарабск. обл.	1	16	—	3	—	2	1
Таврическая . .	1	115	5	5	—	12	2
Херсонская. . .	—	71	—	4	—	11	1
Екатериносл. .	—	15	—	10	—	13	2
Земля Дон. каз.	1	8	1	1	—	13	5

Примѣчаніе. За политическія преступленія высланы только *четыре* женщины изъ Виленской губерніи.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПРЕСТУП

ГУБЕРНІИ.	Бродяжество.		Побѣги изъ службы и изъ подъ-стражи (взломъ тюремъ).	Побѣги изъ Сибири съ работъ и съ мѣсто поселенія.		Побѣги за предѣлы отечества.	Пристанодержательство.	
	М.	Ж.	М.	М.	Ж.	М.	М.	Ж.
Архангельская.	58	11	12	16	—	1	—	1
Олонецкая . . .	38	3	5	6	—	—	4	1
Вологодская . .	115	58	9	19	2	—	4	3
Новгородская. .	646	212	19	51	—	—	23	16
С.-Петербург. .	508	177	84	95	4	—	7	6
Вятская.	489	51	19	440	8	1	23	8
Пермская. . . .	2684	219	181	4399	60	—	25	26
Оренбургская .	2596	187	41	2336	32	15	19	3
Псковская . . .	360	256	15	65	—	—	28	11
Эстлянская. . .	43	12	11	1	—	—	1	—
Лифляндская . .	252	94	33	13	—	1	1	—
Курляндская . .	194	60	2	19	—	—	5	4
Бѣлосток. обл.	55	—	4	17	—	2	4	—
Виленская . . .	542	164	44	45	—	17	46	15
Гродненская . .	252	44	48	40	—	3	4	—
Витебская . . .	536	155	38	91	2	3	11	13
Минская	460	272	73	83	2	—	23	8
Могилевская . .	422	135	22	111	10	—	7	4
Смоленская. . .	750	348	11	136	11	—	40	18
Тверская	246	194	16	78	2	—	12	6
Ярославская . .	302	125	36	80	3	—	25	20
Костромская . .	333	39	17	84	5	—	33	16
Нижегородск . .	525	194	15	213	6	—	21	32
Казанская. . . .	621	153	24	377	7	—	53	17
Сибирская . . .	695	210	14	332	28	—	20	9

ЛЕНІЙ ПО ГУБЕРНІЯМЪ.

ГУБЕРНІИ.	Бродяжество.		Побѣги изъ службы и изъ подъ-стражи (изломъ тюремъ).	Побѣги изъ Сибири съ работъ и съ мѣстъ поселенія.		Побѣги за предѣлы отечества.	Пристанодержательство.	
	М.	Ж.	М.	М.	Ж.	М.	М.	Ж.
Саратовская . .	971	341	28	185	26	—	37	13
Астраханская .	333	35	7	23	—	—	1	1
Владимірская. .	560	125	4	139	3	6	21	17
Московская. . .	988	330	34	187	7	—	20	12
Тульская	441	100	25	68	1	—	22	3
Калужская . . .	584	168	13	68	1	—	21	9
Рязанская . . .	482	42	27	65	1	—	27	7
Тамбовская. . .	402	128	14	84	2	1	14	3
Пензенская. . .	343	92	17	76	1	—	25	6
Орловская . . .	485	157	19	86	3	1	6	3
Воронежская . .	452	198	13	109	8	2	22	4
Курская.	546	208	14	83	—	2	19	3
Харьковская . .	662	273	23	99	4	—	9	6
Черниговская. .	1233	394	14	120	3	1	12	10
Полтавская . . .	1348	431	38	90	3	—	7	3
Кіевская	1486	430	57	159	1	2	7	3
Волынская. . .	821	277	17	46	—	29	9	5
Подольская. . .	693	183	27	82	1	14	24	8
Бессарабск. обл.	530	106	56	48	—	39	16	3
Таврическая . .	805	272	13	73	—	1	8	1
Херсонская. . .	2102	732	48	107	3	4	12	9
Екатеринослав.	1351	668	23	112	7	4	16	2
Земля Дон. каз.	1244	214	10	71	10	—	8	12

Примѣчаніе. За оставленіе отечества сосланы: 4 женщины изъ Волынской губерніи, 3 изъ Виленской, 1 изъ Оренбургской.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПРЕСТУП

ГУБЕРНІИ.	Подѣлка документовъ.		Подѣлка и переводъ фальшивыхъ ассиг. и монеты.		Кража золота на пріискахъ.	Корчемство виномъ.		Контрабанда.
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	М.	Ж.	М.
Архангельская. .	17	3	2	—	—	—	—	—
Олонецкая	5	—	3	1	—	—	—	1
Вологодская . . .	5	—	5	—	—	—	—	—
Новгородская. . .	107	68	19	1	—	—	—	—
С.-Петербургск. .	68	16	32	—	—	44	—	1
Вятская.	22	2	12	—	9	2	—	—
Пермская.	80	8	53	—	97	6	1	—
Оренбургская. . .	50	2	36	3	12	—	—	—
Псковская	24	11	19	2	—	181	2	—
Эстляндская . . .	2	—	—	—	—	—	—	4
Лифляндская. . .	3	1	10	—	—	1	—	1
Курляндская . . .	3	—	5	—	—	—	—	11
Бѣлостокск. обл.	18	1	12	—	—	—	—	3
Виленская	61	2	17	1	—	1	1	34
Гродненская . . .	5	—	13	—	—	1	—	15
Витебская	26	5	7	1	—	1	1	—
Минская	26	1	9	—	—	1	—	—
Могилевская . . .	23	4	6	—	—	1	—	—
Смоленская . . .	73	17	4	1	—	366	—	—
Тверская	32	16	17	1	—	—	—	—
Ярославская . . .	20	11	11	—	—	1	—	—
Костромская . . .	33	18	34	1	—	—	—	—
Нижегородская. .	32	14	42	4	—	1	—	—
Казанская	57	6	50	4	—	1	—	—
Симбирская . . .	110	10	31	—	—	1	—	—

ЛЕНІИ ПО ГУБЕРНІЯМЪ.

ГУБЕРНІИ.	Подѣлка документовъ.		Подѣлка и переводъ фальшивыхъ асиг. и монетъ.		Кража золота на пріискахъ.	Корчемство виномъ.		Контрабанда.
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	М.	Ж.	М.
Саратовская . . .	182	39	46	2	—	—	—	—
Астраханская . .	173	33	6	—	—	—	—	—
Владимірская . . .	36	10	48	1	—	—	—	—
Московская	85	28	58	3	—	2	—	—
Тульская	37	7	17	1	—	1	—	—
Калужская	60	18	25	1	—	—	—	—
Рязанская	41	6	16	1	—	3	—	—
Тамбовская	93	21	23	2	—	2	—	—
Пензенская	60	3	12	—	—	—	—	—
Орловская	52	10	8	—	—	153	3	—
Воронежская . . .	62	23	86	—	—	23	—	—
Курская	57	5	55	2	—	364	5	—
Харьковская . . .	61	8	31	9	—	58	—	1
Черниговская . .	50	12	19	—	—	4	1	—
Полтавская	27	2	37	3	—	3	—	—
Кіевская	88	25	24	2	—	2	—	—
Волынская	24	1	16	—	—	—	—	52
Подольская	19	—	19	—	—	1	—	9
Бессарабская обл.	84	9	11	—	—	—	—	3
Таврическая . . .	44	12	23	—	—	—	—	—
Херсонская	108	20	28	—	—	2	—	2
Екатеринославск.	145	19	16	2	—	1	—	—
Земля Дон. каз.	191	29	11	1	—	—	—	—

Примѣчаніе. 6 женщинъ сослано за кражу золота изъ губ. Периской; 5 женщинъ сослано за контрабанду изъ Виленской губ.; 8 женщинъ изъ Волынской. За корчемство солью высланъ одинъ въ 1846 году.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПРЕСТУП

ГУБЕРНІИ.	Смертоубійства.		Убійства родителей.	Убійства братьевъ и сестеръ.	Убійства супруговъ.		Убійства родственниковъ.		Убійства дѣтей.		Убійства помѣщиковъ.	
	М.	Ж.	М.	М.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Архангельская . .	63	11	—	—	2	2	1	—	—	2	1	—
Олонецкая	42	8	—	—	2	—	—	—	—	2	1	—
Вологодская . .	124	40	1	—	4	3	—	—	—	8	1	5
Новгородская . .	216	49	1	—	4	8	2	1	—	3	2	—
С.-Петербургская	353	45	1	1	4	3	—	—	—	7	3	2
Вятская	363	84	3	3	14	10	2	3	2	15	3	—
Пермская.	538	144	7	2	12	19	2	3	3	11	—	1
Оренбургская . .	520	97	5	—	5	9	—	1	—	4	2	4
Псковская	169	38	—	—	—	1	3	—	—	3	5	6
Эстляндская . . .	43	23	—	—	—	—	—	—	—	7	—	—
Лифляндская. . .	73	45	—	—	2	—	—	—	—	22	—	—
Курляндская . . .	20	35	—	—	—	—	—	—	—	16	—	—
Бѣлостокская область.	26	7	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—
Виленская	240	67	—	1	6	1	1	—	1	27	3	—
Гродненская . . .	193	20	1	—	6	1	—	—	—	1	4	—
Витебская	160	92	—	—	4	1	—	—	2	19	9	10
Минская	147	21	—	2	3	1	—	—	—	9	3	—
Могилевская. . .	119	42	—	—	3	2	3	1	—	11	10	—
Смоленская . . .	204	46	—	—	7	4	2	1	—	6	2	5
Тверская	178	54	—	—	3	4	1	—	1	2	4	4
Ярославская . . .	115	47	—	—	2	6	—	1	1	5	3	2
Костромская . . .	200	54	—	—	7	3	2	—	1	6	18	4
Нижегородская. .	253	96	2	1	4	11	2	2	1	5	9	—
Казанская	386	89	4	3	2	11	2	2	1	7	11	—
Симбирская . . .	288	82	1	1	11	6	—	2	—	2	33	—
Саратовская . . .	306	76	1	—	4	9	1	2	1	5	32	2
Астраханская . .	34	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Владимірская . .	218	49	1	—	3	5	1	2	—	5	22	3
Московская . . .	232	47	1	—	3	8	3	2	—	2	3	—
Тульская.	229	56	1	—	4	2	1	2	1	12	9	4
Калужская	138	40	—	2	3	4	3	2	1	5	1	1
Рязанская	202	47	1	1	3	3	1	2	—	6	8	4
Тамбовская. . . .	255	60	1	1	1	3	2	—	1	6	2	2

ЛЕНІЙ ПО ГУБЕРНІЯМЪ.

ГУБЕРНІИ.	Смертоубійства.		Убійства родителей.	Убійства братьевъ и сестеръ.	Убійства супруговъ.		Убійства родственниковъ.		Убійства дѣтей.		Убійства помѣщиковъ.	
	М.	Ж.	М.	М.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Пензенская . . .	269	70	2	—	3	6	2	1	1	8	9	7
Орловская	266	58	1	1	4	8	1	1	1	8	6	1
Воронежская . . .	220	59	2	—	4	4	1	—	1	7	15	2
Курская	441	96	1	—	7	6	1	—	1	15	13	4
Харьковская . . .	323	155	—	—	5	7	1	1	1	29	3	12
Черниговская . . .	315	115	3	—	5	3	1	—	—	29	—	2
Полтавская. . . .	271	108	—	—	5	7	2	—	—	19	14	11
Кіевская	241	53	1	1	5	2	1	—	—	21	—	—
Волынская. . .	162	35	—	—	5	2	—	1	1	10	1	—
Подольская. . . .	171	39	—	1	1	—	—	—	—	15	8	—
Бессарабская область.	138	22	—	—	1	1	3	1	—	4	—	—
Таврическая . . .	162	15	—	—	3	2	—	—	—	—	1	—
Херсонская. . . .	201	59	—	—	1	3	—	—	—	11	8	4
Екатеринославская	163	77	—	—	—	6	1	—	2	17	10	8
Земля Донскихъ казаковъ	118	45	1	—	1	8	—	—	—	4	6	8

Примѣчаніе. По одной *убійцѣ братьевъ* изъ женщ. приводится на губерніи. Тверскую, Казанскую и Курскую. По одной убійцѣ родителей выпало на губерніи: С.-Петербургскую, Виленскую, Владимірскую, Рязанскую и Орловскую; *дѣти убійцы* — женщ. Курской.

Смертоубійства объясняются суммою ссыльныхъ за 20 лѣтъ (съ 1827 по 1846 г.), изъ этого числа убійства остальныхъ шести рубрикъ выдѣлены и опредѣлены отдѣльно періодомъ 9-ти лѣтъ (съ 1835 по 1843 г.). Въ послѣднемъ случаѣ сдѣлано такъ за недостаткомъ таблицъ Тобольскаго приказа о ссыльныхъ: съ 1844 г. цифры не разбиты на такія дробныя и интересныя категоріи, но показаны въ общихъ итогахъ.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПРЕСТУП

ГУБЕРНІИ.	Прелюбодѣяніе.		Кровосмѣшеніе.		Насиліе и растлѣніе.	Мужеложство и скотоложство.	Дурное поведеніе свободныхъ состояній.		Дурное поведеніе крѣпостныхъ (по жалобѣ помѣщиковъ).	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	М.	М.	Ж.	М.	Ж.
Архангельская . .	3	—	2	—	1	—	32	3	—	—
Олонецкая	2	—	—	—	1	—	20	3	3	—
Вологодская . . .	7	—	—	—	3	—	39	5	23	11
Новгородская . .	14	4	2	1	6	1	81	34	65	28
С.-Петербургская	12	2	1	—	2	6	171	20	161	66
Вятская	19	10	8	7	3	13	554	36	18	10
Пермская.	60	15	8	4	18	30	752	59	62	48
Оренбургская . .	18	3	1	—	7	4	399	11	54	42
Псковская	2	1	—	—	1	—	54	8	40	23
Эстляндская . . .	3	—	1	—	1	—	129	12	—	—
Лифляндская . . .	4	—	—	1	2	1	77	60	—	—
Курляндская . . .	—	—	—	—	—	—	45	22	—	—
Бѣлостокская область	1	—	—	—	1	—	7	1	—	—
Виленская	1	4	—	—	—	—	31	3	8	4
Гродненская . . .	3	1	—	—	—	—	27	3	24	6
Витебская	3	4	—	—	2	1	21	10	10	5
Минская	6	2	1	1	4	—	23	3	5	4
Могилевская . . .	6	1	1	—	1	1	9	4	11	4
Смоленская . . .	4	3	—	—	2	2	80	9	71	39
Тверская	8	2	1	1	2	1	114	43	114	86
Ярославская . . .	7	3	1	2	2	—	110	30	140	99
Костромская . . .	7	4	1	2	4	—	82	26	109	49
Нижегородская. .	7	5	2	2	4	—	110	21	232	135
Казанская	18	2	—	2	7	2	260	36	78	54
Симбирская . . .	17	2	—	—	5	—	245	90	156	96
Саратовская . . .	15	8	1	4	8	4	126	24	146	100
Астраханская . .	4	—	—	—	—	1	9	1	2	1
Владимірская . .	6	3	—	—	3	1	110	25	140	91
Московская . . .	11	6	1	—	5	3	219	35	419	208
Тульская.	11	2	4	2	5	1	77	15	330	201
Калужская	7	3	2	1	2	—	35	12	178	95
Рязанская	6	4	2	1	2	—	106	26	293	219
Тамбовская . . .	8	5	1	3	—	1	203	16	270	182

ЛЕНІЙ ПО ГУВЕРНІЯМЪ.

ГУБЕРНІИ.	Прелюбодѣяніе.		Кровосмѣшеніе.		Насилованіе и растлѣніе.	Мужеложство и скотоложство.	Дурное поведеніе свободныхъ состояній.		Дурное поведеніе крѣпостныхъ (по мнѣнію помѣщиковъ).	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	М.	М.	Ж.	М.	Ж.
Пензенская. . . .	6	3	1	—	1	2	140	22	200	154
Орловская	2	4	—	—	1	1	122	14	284	201
Воронежская . . .	14	5	3	—	5	1	88	20	127	129
Курская.	10	5	2	—	2	—	133	12	100	88
Харьковская . . .	32	5	8	1	15	—	55	7	66	49
Черниговская . .	17	11	2	1	6	1	56	32	33	23
Полтавская. . . .	28	12	5	7	12	—	46	9	32	22
Кіевская	14	6	—	—	9	—	32	4	24	15
Волынская	12	2	—	—	7	—	33	4	11	8
Подольская. . . .	12	5	1	1	9	—	85	14	39	12
Бессарабская область.	14	5	2	1	2	—	91	11	2	—
Таврическая . . .	5	1	—	—	3	5	215	3	9	7
Херсонская. . . .	21	7	1	—	3	—	381	8	16	8
Екатеринославская.	15	5	2	1	4	—	49	7	14	16
Земля Дон. каз.	13	6	3	3	6	1	41	13	10	15

Примѣчаніе. Двѣнадцатилѣтній періодъ времени съ 1835 по 1846 годъ представилъ возможность выдѣлить въ отдѣльныя графы сосланныхъ за кровосмѣшеніе, изнасилованіе и растлѣніе. Эти оба вида преступленій слиты въ табеляхъ Приказа въ остальное время, а потому являются за двадцатилѣтній періодъ въ рубрикѣ „Прелюбодѣяніе“. Виновныя женщины по преступленію насилованія и растлѣнія въ количествѣ 6 — 7 высланы изъ губерній: Пермской (3), Нижегородской, Владимірской и Полтавской (по одной).

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПРЕСТУП

ГУБЕРНІИ.	Растрата общ. и госуд. суммъ.		Лихоимство.		Ябеды и лживые доносы.		Поджоги.		Воровство и мошенничество.		Разбои и грабежи.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	М.	М.	Ж.	М.	Ж
Архангельская	6	1	—	—	2	—	80	32	19	2
Олонецкая	5	—	1	—	1	2	32	8	9	1
Вологодская	—	4	4	2	10	4	194	41	28	—
Новгородская	3	—	11	1	5	7	328	82	63	—
С.-Петербургская	4	6	7	1	11	6	866	170	76	1
Вятская	5	4	11	—	27	11	1086	88	114	6
Пермская	8	1	10	2	27	11	1427	193	222	21
Оренбургская	4	1	30	1	22	18	1272	92	102	1
Псковская	2	3	6	—	16	7	317	49	57	—
Эстляндская	—	1	—	—	11	3	107	27	11	—
Лифляндская	—	2	2	—	12	13	451	94	39	3
Курляндская	—	—	—	—	13	21	434	101	36	2
Бѣлостокская область.	1	—	2	—	8	6	119	27	22	—
Виленская	—	1	7	—	29	40	870	194	152	19
Гродненская	2	—	3	—	37	12	254	42	87	—
Витебская	1	—	3	—	16	7	395	59	77	7
Минская	3	1	4	—	19	22	409	65	53	4
Могилевская	1	2	8	—	27	11	302	58	33	2
Смоленская	5	—	3	—	14	9	875	99	78	3
Тверская	7	—	11	—	25	7	598	95	36	—
Ярославская	8	3	5	1	18	12	627	136	104	12
Костромская	9	2	9	2	17	15	499	71	73	3
Нижегородская	2	—	5	—	27	12	552	157	118	5
Казанская	9	10	16	—	43	23	1354	137	222	11

ЛЕНІЙ ПО ГУБЕРНІЯМЪ.

ГУБЕРНІИ.	Растрата общ. и госуд. суммъ.		Лихоимство.		Ябеды и лживые доносы.		Подлоги.		Воровство и мошенничество.		Разбои и грабежи.	
	М.		М.		М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Симбирская	3		8		2	—	52	34	1261	78	163	4
Саратовская	1		2		8	2	30	24	1137	111	58	2
Астраханская	—		—		1	—	2	2	76	15	20	—
Владимірская	6		—		19	5	22	27	698	117	83	2
Московская	9		1		7	—	27	10	1170	93	96	1
Тульская	1		—		16	1	40	21	780	77	69	2
Калужская	1		2		4	—	21	17	664	107	54	4
Рязанская	3		—		9	1	34	34	1048	79	68	13
Тамбовская	6		5		9	2	35	19	1097	103	58	7
Пензенская	1		1		12	3	37	32	884	63	48	2
Орловская	5		1		5	—	36	25	848	116	55	—
Воронежская	3		1		4	2	32	24	741	96	106	3
Курская	7		6		4	2	32	28	924	130	159	12
Харьковская	—		4		9	—	21	46	860	175	123	9
Черниговская	1		1		3	—	47	54	964	315	74	2
Полтавская	3		—		3	—	40	59	1007	278	75	10
Кіевская	1		—		4	—	21	18	1218	212	135	4
Волынская	—		—		—	1	27	27	706	83	98	3
Подольская	1		2		2	—	25	10	1113	101	203	5
Бессарабская область .	—		—		1	—	25	1	791	58	361	1
Таврическая	—		—		2	—	2	4	321	43	83	3
Херсонская	2		—		2	—	8	8	735	184	130	7
Екатеринославская . .	2		1		3	—	10	10	765	96	63	8
Земля Донск. Казак.	1		—		1	—	3	5	324	83	130	5

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

Глава I. Злодѣи.

СТР.

Злобная сила судьбы и слѣпая народная вѣра въ нее.— Знаменитый Кореневъ—прототипъ злодѣевъ.—Его похожденія и злодѣйства; разбойная сторонка; нищая братія; Верзило; артель слѣпцовъ-нищихъ; варнаки; каторга; Кореневъ—сезонный герой; палачи; проблески совѣсти въ злодѣѣ. — Забайкальская знаменитость: разбойникъ и пѣсенникъ Горкинъ и его превращеніе.—Нашъ знакомецъ Дубровинъ. — Понятіе варнаковъ о чести. — Ссыльные убійцы. — Злодѣи изъ еврейскаго племени: Горбунъ и Хаимъ Вульевъ.—Злодѣй Филипповъ.—Минусинскій злодѣй.—Разбойники сибирскіе.—Судьба убійцъ въ Сибири 1

Глава II. Убійцы.

Причины смертоубійствъ и появленіе этого преступленія у насъ, Мѣста, наиболѣе богатыя проявленіемъ убійствъ. — Монгольскія племена.—Инородцы.— Уралъ.—Заводскіе люди.—Дѣтоубійства.—Убійства женъ и мужей.—Братоубійства. — Убійства родственниковъ. — Убійства помѣщиковъ крестьянами и дворовыми.— Крестьянскіе бунты 58

Глава III. Самоубійцы.

Причины и появленіе самоубійствъ въ Россіи и Сибири. — Самоубійства въ городахъ и деревняхъ.— Орудія и способы этого

стр.

преступленія.—Утопленіе.—Петли.— Яды. — Огнестрѣльныя орудія.—Неволя.—Роковыя мѣста.—Сухая бѣда.— Ямки. — Самосожигатели.—Морельщики.—Топители. — Огромное количество жертвъ.— Причины этого явленія.— Особый видъ сибирскаго раскола 74

Глава IV. Бродяги и бѣглые.

Страна изгнанія.—Бродяжество въ современномъ видѣ. — Бѣгство крестьянъ отъ помѣщичьей власти.—Гулящіе люди.—Побѣги солдатъ отъ военной службы (дезертиры).—Покинувшіе отечество (эмигранты).— Пристанодержательство. — Притонщики.—Хлѣбосольство.—Сибирскія заимки. — Варнаки и чалдоны.— Опасности отъ бродягъ и бѣглыхъ. — Причины народныхъ бѣдствій. — Псевдонимы каторжныхъ (принятіе чужой фамиліи).—Городскіе бродяги. — Бродяжество, какъ самобытное явленіе русской народной жизни — Историческій очеркъ русскаго бродяжества.—Колонизація Россіи.—Многочисленные остатки древняго народнаго скитанья: безпаспортные, богомольцы, нищіе, запрощики, кубраки и лаборы, бѣгуны, офеніходебщики и проч. 85

Глава V. Воры и мошенники.

Народныя понятія о собственности. — Вѣдомой большой воръ. — Воровскія мѣста въ Россіи.—Причины воровства.—Столичные жулики и мазурики. — Карманники. — Музыка (воровской языкъ).—Мѣшки (барышники-пріемщики).—Честный человѣкъ на воровствѣ. — Мошенники высшихъ слоевъ общества: карточные шулера.— Сословія и мѣста наиболѣе видныя по воровскому промыслу.— Воровство—повальная тюремная и поселенческая болѣзнь 135

Глава VI. Грабители и разбойники.

Причины и корни грабежей.— Происхожденіе и связь грабежа съ воровствомъ.—Баранта.— Сибирскіе и россійскіе грабители и разбойники.— Связь разбоя съ грабежомъ.— Характеръ рус-

стр.

скаго разбойника.—Разбойники вообще и въ частности.—Быковъ.—Чайкинъ.—Дуванъ.—Разбойничьи атаманы и ихъ любовницы.—Притоны и проч 159

Глава VII. Грабители.

Причины поджоговъ.—Проявленіе ихъ.—Пожары городовъ и деревень.—Гдѣ нѣтъ поджоговъ?—Поджоги—дѣтское и женское преступленіе.—Поджоги въ Россіи.—Красный пѣтухъ.—Мщеніе. 167

Глава VIII. Преступники противъ вѣры.

Святотатцы.—Преступность духовенства.—Гробокопатели.—Колдуны.—Богохуленіе.—Отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры.—Ересь и расколъ.—Скопцы.—Церковные воры въ Сибири и Россіи.—Богрядскій-гробокопатель.—Распявшійся на крестѣ фанатикъ.—Скопцы въ Сибири.—Хлысты.—Хлыстовщина въ монастырѣ.—Субботники.—Духоборцы.—Щельники.—Охохонцы.—Молокане.—Старовѣры.—Масляниковъ.—Отшельникъ.—Алтайскіе старовѣры.—Семейскіе старовѣры за Байкаломъ.—Битвы за попа.—Часовенная Сибирь.—Духовенство въ Сибири.—Заводское духовенство.—Филипповъ.—Расколъ въ Сибири: причины его и развитіе 190

Глава IX. Преступленія противъ казны.

Фабриканты металлическихъ и бумажныхъ фальшивыхъ денегъ.—Мѣста и способы приготовленія.—Деньги въ шубахъ.—Венгерцы.—Лабзинъ.—Знаменитый Цезикъ.—Его замѣчательное мастерство.—Политическія цѣли въ фабрикаціи ассигнацій за Байкаломъ.—Фабрикація фальшивыхъ документовъ: мѣста и лица.—Корчемники: корчемство виномъ и солью.—Контрабандисты.—Кража золота и серебра.—Кяхтинская, сибирская и русская контрабанда 245

1. Фабриканты металическихъ и бумажныхъ денегъ 246
2. Фабриканты фальшивыхъ документовъ 258
3. Корчемники и контрабандисты 261

Глава X. Преступники противъ семейныхъ правъ.

стр.

Развратъ. — Кровосмѣшеніе. — Снохачи. — Сводные браки. — Прелюбодѣяніе. — Растлѣніе и насилованіе. — Мужеложство и скотоложство. — Развратное и порочное поведеніе дворовыхъ и крестьянъ. — Ябедничество и кляузничество чиновниковъ. — Ложные доносы. — Неуживчивость чиновнаго люда въ Сибири. 278

Глава XI. Общіе выводы.

Валовое число ссыльныхъ. — Распредѣленіе ихъ по родамъ ссылки, по сословіямъ, по поламъ и по возрастамъ. — Наиболѣе преступныя сословія. — Слабая преступность крестьянъ владѣльческихъ. — Распредѣленіе ссыльныхъ по наиболѣе обобщоннымъ категоріямъ преступленій. — Роды преступленій сильнѣе господствующія въ сословіяхъ. — Преступность инородцовъ, населяющихъ Россію: татаръ, киргизъ, калмыковъ, башкиръ и инородцовъ финскаго племени. — Преступленія евреевъ и овреекъ. — Безгрѣховность мусульманокъ. — Преступленія нѣмцовъ и вообще лютеранъ. — Католики. — Православные 299

Таблица преступленій, господствующихъ въ сословіяхъ 306

Распредѣлено по Сибири сосланныхъ въ каторжныя работы . . 319

Общее число сосланныхъ въ Сибирь и пришедшихъ за ними по годамъ 320

Распредѣлено по Сибири изъ сосланныхъ на поселеніе и на житье: 1) во временные заводскіе работники, 2) въ ремесленники. 321

3) въ цѣхъ слугъ 322

4) на поселеніе и на житье 323

Распредѣлено по Сибири изъ пришедшихъ по волѣ за ссыльными жонъ, мужей и дѣтей 324

Преступленія ссыльныхъ въ ссылкѣ. 325

Преступленія по ихъ видамъ и по годамъ. 327

Таблица преступленій по возрастамъ и по эпохамъ 333

Таблица преступленій по поламъ. 334

Таблица ссыльныхъ по возрастамъ и по родамъ преступленій за 20 лѣтъ 335

Таблица ссыльныхъ по сословіямъ и званіямъ 338

Распредѣленіе преступленій по губерніямъ 340

Инв. №